Михаил Геннадьевич Делягин
Время побеждать. Беседы о главном

Коллекция Изборского клуба –

«М. Г. Делягин. Время побеждать. Беседы о главном»: Книжный мир; Москва; 2014
ISBN 978-5-8041-0647-9

Аннотация

Новые волны кризиса воровской экономики неизбежны. Раз за разом, удар за ударом они будут размывать международные резервы страны – до тех пор, пока эти резервы не кончатся, как в 1998 году, когда красивым словом «дефолт» прикрыли полное разворовывание бюджета, – и государство утратит контроль за всеми значимыми сферами общественной жизни.

Реформаторы и клептократы дружной стаей столкнут Россию в системный кризис, – и нам придется выживать в нем.

Задача здоровых сил общества в этой перспективе предельно проста: чтобы минимизировать разрушительность этого кризиса, чтобы использовать его для возврата России с пути коррупционного саморазрушения и морального распада на путь честного развития, надо вернуть власть народу, вернуть себе свою страну.

Для выработки и распространения этой идеологии ведется интенсивная интерактивная просветительская работа, включающая радио и телепередачи, публичные дискуссии, издание книг – включая и ту, которую вы держите сейчас в руках.

Нормальный, повседневный, человеческий разговор о наиболее острых проблемах выявляет правду и выражает словами позицию российского «молчаливого большинства». Ведь для того, чтобы овладеть историей, став тем самым из населения народом, надо сначала осознать свою правоту и обострить ее до кристально четкого и всепроникающего, всеобъемлющего, поистине универсального знания.

Михаил Делягин
Время побеждать. Беседы о главном

* * *

Предисловие. Не мечтайте: мы не уедем

Каждый из нас, живущих в насмерть реформируемой России, вот уже четверть века молча и мучительно, наедине с самим собой, решает вопрос об эмиграции.

Многие плюнули, снялись и уехали – и мы знаем, что в массе своей они устроились неплохо даже по меркам принимающих стран.

Однако огромное большинство из нас осталось.

Осталось в нарастающем произволе бюрократии, периодически переходящем в террор, в неравномерном, но в целом неуклонном ухудшении условий повседневной жизни, в ценовом и зарплатном беспределе, в освобождении от всех и всяческих иллюзий.

И все чаще приходится слышать от представителей правящей бюрократии простое и недвусмысленное, а иногда и недоуменное «уезжайте!».

Разумеется, не с телевизионных экранов, хотя неутомимо и публично отливающий (хорошо, хоть «в граните») Медведев и «не видит ничего страшного» в массовом бегстве из страны молодых ученых и специалистов. Но в частных разговорах эта мысль выражается в последние годы вполне откровенно.

Вам не нравится кропотливое выпалывание последних ростков демократии? Валите на Украину, там она еще есть. Не нравится полицейский произвол? Поверьте, в Белоруссии вам будет значительно спокойней. Не по душе головокружительная дороговизна всего и вся? В Китае, куда уже бежало более 100 тысяч россиян, действительно, намного дешевле и честнее жить. Хотите безопасно провести лето или старость? Есть Крым, Черногория и Болгария, и это только бюджетные варианты.

А толковые специалисты найдут себе работу почти везде – разумеется, кроме России: что вы здесь делаете, недовольные? Или вы так ленивы, что не можете поискать себе и своим детям место на всем земном шаре?

Освободите место пока дешевым и почти на все согласным «трудолюбивым соотечественникам из ближнего зарубежья»: они по-настоящему нужны России, а вы здесь лишние, уезжайте!

И повторять диссидентское «это наша страна, а не ваша, вы и убирайтесь» – значит жалко пыжиться, зажмурившись изо всех сил.

Положа руку на сердце, признаемся молча хотя бы сами себе: это давно уже не «наша» – это давно уже «их» страна.

Почти четверть века либеральных реформ не прошли даром. Мучительная пытка регулярно рушащимися надеждами, дебилизация и старых, и молодых центральным телевидением, алкоголем и реформой образования, уничтожение науки и технологий, круглосуточный «курс молодого бандита и начинающей проститутки» под видом сериалов, вымаривание критического мышления беспощадной тотальной ложью, клановость и коррупция как образ жизни, разврат как суть культуры, гламур как надежная замена интеллекта, роскошь кучки напыщенных вельмож как национальная идея, агрессивная враждебность государства гражданину почти во всех его проявлениях, объявление экстремизмом энциклопедий – спасибо «вождям», что еще не таблицы умножения…

Это наша Россия?

Нет, это не наша – это их Россия.

Россия, больше похожая на кошмарный сон.

Конечно, я могу понять людей, искренне считающих смыслом модернизации получение автоматически отмытого «отката» через Интернет-банкинг и столь же искренне недоумевающих: почему в России еще остаются другие, лишние по всем официальным раскладам люди, которые чего-то зачем-то умеют и чего-то почему-то хотят.

И я могу им ответить. Да, многие не могут бросить родителей, не хотят обрекать себя на второсортность в чужом обществе, надеются дать детям возможность реализации в своей культурной среде; многие просто пассивны.

Но ведь намного проще быть чужим в чужой стране, чем в своей собственной.

И главный ответ на вопрос о том, что мы все делаем в России и почему остаемся в ней, вопреки собственному рассудку и четко выраженной воле руководства, все же совершенно иной.

Мы остаемся и остаемся сознательно, чтобы бороться с самодовольно правящими нами ворами, идиотами и убийцами или хотя бы противостоять им иным, своим, собственно российским образом жизни. Не ради замены бутерброда с маслом на бутерброд с икрой, не ради нормальной жизни детей, не ради величия предков, поэтических образов, ракетного щита Родины и даже демократии, а в силу такой эфемерной вещи, как воспитание.

Так получилось, что мы выросли в тени великих побед и в ожидании побед собственных.

Вспомните: как бы мы ни относились к своей истории сегодня, Великий Октябрь был для нас, маленьких, всемирной победой справедливости. И красный флаг над Рейхстагом, пропитанный кровью наших дедов, – тоже. Вдумайтесь: близкие родственники погибли на фронте у половины даже ныне живущих россиян!

И, конечно, нетленная улыбка Гагарина тоже была победой, озарявшей наше детство.

Как поколение, мы не смогли добиться ничего сопоставимого, но выживание в 90-е

годы и относительное благополучие в 2000-е, ничуть не менее жестокие, а просто более лицемерные, – это победа.

Да, всего лишь на личном и семейном, а не на государственном фронте, – но каждый из нас чтит память своих близких, павших на этой войне. Их не меньше, чем в тех, других войнах: зайдите на кладбище любого российского города.

И, одержав минимально необходимые победы для себя, мы пришли к тому возрасту и, если угодно, «расцвету сил», когда пора одерживать победы для других.

Если я живу «за себя и за того парня», что умер от голода, или сошел с ума от безысходности, или был убит в разборке или в Чечне, – значит, я должен и работать за него. Не только «за себя и того парня, что бездельничает в Кремле», – еще и за погибших на невидимых фронтах необъявленной, но отнюдь не менее жестокой от этого войны на уничтожение нашего народа, деликатно именуемой либеральными реформами.

И нам пришло время побеждать.

Не потому, что иначе мы потерпим полное и окончательное поражение и сдадим свою Родину очередному зверью, которое уже ходит, примериваясь и прицениваясь, по нашим улицам. Нет, нам, в общем, безразличны высокие слова, мы знаем им цену.

Нам пришло время побеждать просто потому, что в силу воспитания и жизненного уклада нам положено одерживать победы.

И, обустроив мало-мальски жизнь своей семьи, мы обязаны одерживать победы и для остальных – необустроенных.

Не потому, что без этого их неблагополучие сомнет и раздавит наши уютные мирки и вернет нас в ужас, из которого мы только-только выползли на трясущихся от страха и напряжения карачках, хотя это правда.

Причина другая: нас воспитывали и выращивали для побед, и отказаться от них – значит отказаться от самих себя.

Совсем не герои, мы, тем не менее, наследники победителей, воспитанные в тени не только той, нетускнеющей Победы, но и в тени будущих побед – побед, предназначенных нам.

Это наша естественная среда обитания, и, если мы отложили свои победы, то есть самих себя, на то время, пока выбивались в люди, рождали детей и выгрызали квартиры, – наивным будет поверивший в то, что мы отложили их навсегда.

Да, надолго, но это «долго» проходит.

И, с высоты нашей общей жажды общей победы, воистину «нет ни эллина, ни иудея», нет правых и левых, нет «поцреотов» и «либерастов»: есть только мы и они, только народ и толпа воров, не позволяющая нам жить и невыразимо жалкая в своей агрессивной ограниченной самовлюбленности.

Мы, народ России: бедные и богатые, «москали» и «чучмеки», «мракобесы» и атеисты, сидящие и сторожащие, преподающие и не умеющие читать, управляющие, управляемые и не поддающиеся никакому управлению в принципе – останемся здесь и сметем вас, и вас больше не будет.

Никогда.

Поймите нас правильно: не потому, что это справедливо – справедливости нет, вы слишком хорошо научили нас этому, и на свою голову тоже.

Не потому, что так завещал нам какой-то бог или лично Владимир Ильич Ленин.

И не потому, что когда-то в школе нас учили, что красть и убивать нехорошо.

А потому, что мы так хотим.

Мы хотим не видеть больше ваших раскормленных или похудевших по последней кремлевской диете рыл, изрыгающих тяжелый шизофренический бред.

Мы хотим не терпеть больше вашу ложь и воровство.

Мы хотим не быть для вас биомассой, перерабатываемой в рублевские дворцы, океанские яхты и куршевельские загулы.

Мы хотим быть людьми – и нам не мешает быть ими никто, кроме вас.

И потому вас не будет. А мы, после вас и без вас, договоримся, несмотря на все различия и даже конфликты между собой: «Сочтемся славою – ведь мы свои же люди».

Прощайте, господа.

Мы остаемся. А вас мне даже не жалко.

Мне безразлично, из каких позолоченных трущоб и под давлением каких именно не поддающихся оспариванию аргументов вы через десяток или меньше лет, скуля о своих попираемых правах, будете вынуждены возвращать Родине украденное у нее.

Главное, что вы – такие надменные и властительные сегодня и так успешно «соскочившие» завтра – вернете все до копейки, приложив к последним копейкам свои шкуры.

И, признаюсь, желание увидеть ваши трусливые глаза в момент этого возврата удерживает нас на Родине ничуть не слабее, чем желание общей победы.

Введение. Проклятие жар-птицы: нам предстоит снова брать в руки свою судьбу

Время бесплодных упований заканчивается.

В суете повседневного быта, неумолимо теряющего деньги, как раненый – кровь, в судорогах коммерческих операций, суете поиска работ и приработков, в тумане тающих под лучами кризиса надежд, водоворотах митингов, обыденном страхе перед «полицаями»[1] и раздражении ложью руководителей страны нами постепенно овладевает понимание того, что все это скоро кончится.

Просто потому, что лгать так, как лжет значительная часть нашего руководства, так воровать и почти повсеместно проявлять такой идиотизм просто нельзя: есть образы жизни, несовместимые с ней, и они, эти образы, отнюдь не сводятся к образу жизни героинового наркомана.

Позвольте избавить вас от тошнотворных кропотливых доказательств сказанного выше. Кому не противно, может повторить то, что каждый день делают все больше наших сограждан: внимательно просмотреть и прослушать по телевидению любые официальные новости, а затем просто соотнести увиденное и услышанное с повседневной реальностью последних лет, которую они наблюдают вокруг себя.

Почти единственный способ взаимодействия государства с людьми, поразившимися картине, открывающейся при таком немудрящем сопоставлении, – Уголовный кодекс, точнее, его 282-я статья. Она позволяет трактовать недостаточно аккуратную по форме, пусть даже и полностью соответствующую действительности критику руководства как «экстремизм» и «разжигание ненависти по отношению к социальной группе “власть”» и карать ее судебными мытарствами и лишением свободы.

По сути дела, 282-я статья является прямой наследницей печально известных «сталинской» 58-й и брежневской 70-й. Об этом свидетельствуют даже схожие коллизии: во времена Брежнева надпись на заборе «Вся власть Советам!» была официально охарактеризована как антисоветская деятельность[2], а в современной России лозунг «Долой самодержавие и престолонаследие» не менее официально толкуется судебными экспертами

---

[1] Автору и самому странно вспоминать, что еще недавно людей этой профессии сердечно звали «милиционерами».

[2] Самое интересное, что с точки зрения формальной логики в этом не было никакого противоречия. Ведь основой Советской власти в соответствии с Конституцией СССР (со знаменитой 6-й статьей) была «руководящая и направляющая роль Коммунистической партии Советского Союза».

Лозунг же «Вся власть Советам!» отрицал принадлежность всей власти КПСС; соответственно, он был прямо направлен против существующего строя, который официально считался советским!

как «призыв к свержению государственного строя»[3].

Однако подавление протеста и даже простого недовольства отнюдь не устраняет его причину – глубочайшую коррумпированность государства, делающую нежизнеспособным не только само это государство, но и всю разрушающуюся на наших глазах страну.

Эта коррумпированность обуславливает неизбежность системного кризиса практически при любой мировой цене нефти.

В самом деле: мировая экономика уверенно движется в депрессию, единственный способ выживания на пороге которой – замена государственным спросом сжимающегося под грузом накопленных диспропорций коммерческого спроса. Короче говоря, «вливание денег» в экономику.

Однако в нашей стране это «вливание денег» не может сопровождаться действенным контролем за ними, так как такой контроль поневоле ограничит коррупцию и тем самым подорвет благосостояние правящего класса, а возможно – и сами основы государственного строя.

А что значит тратить деньги государства (в том числе через кредитную эмиссию Банка России) без контроля за ними?

Это значит не просто стимулировать воровство всех видов – это значит размывать международные резервы страны, ибо деньги, украденные у государства, в основном будут выводиться из страны. А чтобы уйти из страны, им нужно сначала превратиться из рублей в валюту, забрав ее из международных резервов государства на валютном рынке.

В первую волну кризиса, в конце 2008 – начале 2009 гг., международные резервы России (если убрать статистические фокусы) сократились на четверть триллиона долларов. Безумные деньги, на которые можно было заново отстроить всю страну, были брошены на разнообразные спекуляции.

К апрелю 2010 года примерно 100 млрд долл. удалось восстановить – благодаря росту мировых цен на сырье и решительному сокращению государственной поддержки экономики. Однако полностью предкризисный объем международных резервов не удалось восстановить даже в 2013 году.

«Против природы не попрешь»: нежелание следовать объективной потребности замещения государственными деньгами сжимающегося коммерческого спроса обернулось обострением «денежного голода», в первую очередь – нарастанием просроченной задолженности банкам. В «спокойном» 2012 году объем поддержки банковской ликвидности только бюджетными депозитами превышал 1 трлн руб. – больше, чем в первую волну кризиса! А ведь основную поддержку банковской системе должен оказывать отнюдь не бюджет, а Банк России.

Новые волны кризиса воровской экономики неизбежны. Раз за разом, удар за ударом они будут размывать международные резервы страны – до тех пор, пока эти резервы не кончатся, как в 1998 году, когда красивым словом «дефолт» прикрыли полное разворовывание бюджета, – и государство утратит контроль за всеми значимыми сферами общественной жизни.

Реформаторы и клептократы дружной стаей столкнут Россию в системный кризис, – и нам придется выживать в нем.

Задача здоровых сил общества в этой перспективе предельно проста: чтобы минимизировать разрушительность этого кризиса, чтобы использовать его для возврата России с пути коррупционного саморазрушения и морального распада на путь честного развития, надо вернуть власть народу, вернуть себе свою страну.

Для этого надо организовываться, – и мы создаем новые политические и общественные структуры, единым фронтом выступающие против догнивающей на чрезмерно терпеливых

---

[3] http://g-sarkisyan.livejournal.com/50051.html?nc=128;
http://www.novayagazeta.ru/data/2010/005/35.html;
http://forum.msk.ru/material/news/2248988.html

шеях клептократии.

Но, чтобы справиться с исторической задачей, мало просто иметь силы, – надо еще и понимать, что и зачем делать.

Только четкое понимание происходящего, причинно-следственных связей и, главное, реальных общественных потребностей, только идеология, в нашем сегодняшнем случае – идеология здравого смысла – устраняет ужас исторического творчества, порождаемый пониманием неисправимости ошибки и невозможности иметь необходимую для правильного принятия решений информацию.

Для выработки и распространения этой идеологии ведется интенсивная интерактивная просветительская работа, включающая радио– и телепередачи, публичные дискуссии, издание книг – включая и ту, которую вы держите сейчас в руках.

Нормальный, повседневный, человеческий разговор о наиболее острых проблемах выявляет правду и выражает словами позицию российского «молчаливого большинства». Ведь для того, чтобы овладеть историей, став тем самым из населения – народом, надо сначала осознать свою правоту и обострить ее до кристально четкого и всепроникающего, всеобъемлющего, поистине универсального знания.

Присоединяйтесь.

Глава 1. Истоки современной российской цивилизации

Основы русской культуры – основа российской цивилизации

М. ДЕЛЯГИН: – Влияние культуры на экономику будет оставаться самой важной темой, пока существует русская культура… Точнее, пока существует российская экономика. Потому что, надеюсь, русская культура будет развиваться и после того, как рынок завершит свое существование и превратится во что-нибудь следующее.

Е. ЧЕРНЫХ: – Идут разговоры, что у нас особый свой путь, нам не нужно ничего западного. Или, наоборот, это путь в тупик, мы только с Западом можем идти, и русскость в конечном итоге погубит страну. Ваше мнение?

М. ДЕЛЯГИН: – До сих пор помню, как один наиболее уважаемых властями и СССР, и нынешней России телеведущий ответил на вопрос о главных проблемах России. Первая, по его мнению, это православие, которое якобы несовместимо с рыночной экономикой. Хотя это было опровергнуто давным-давно, и западные социологи в начале XX века, начиная с Вебера, просто принципиально не захотели принимать во внимание аргументов своих собеседников, в частности – Сергея Булгакова, великого русского философа.

А в качестве второй проблемы было названо то, что в наших паспортах до сих пор есть графа «Национальность». Это было в 2004 году, когда такой графы уже давно не было, но либерального телеведущего это не заботило. У него, вероятно, был какой-то другой паспорт. Хотя он числит себя большим патриотом России.

Так вот, разговоры о том, что русская культура ведет российскую экономику куда-то не туда, обладают примерно таким же уровнем адекватности, что и высказывания этого деятеля.

Культура – основа общества, как генотип – основа организма. Это самое устойчивое, что в любом обществе есть, это его становой хребет, и попытки заставить кого-то отказаться от своей культуры представляют собой попытки заставить его покончить жизнь самоубийством.

Е. ЧЕРНЫХ: – То есть культура – это не только литература, матрешки и балалайки?

М. ДЕЛЯГИН: – Даже литература и фольклор – детали, достаточно частные проявления. Культура – всеобъемлющее понятие; она определяет то, как человек ощущает себя в мире и как он себя в нем ведет.

Е. ЧЕРНЫХ: – И как хозяйствует.

М. ДЕЛЯГИН: – Да. В том числе, как хозяйствует, как общается, как договаривается с другими людьми. Это квинтэссенция общества и даже цивилизации.

Причем культура – вещь даже более устойчивая, чем народ, в определенном смысле слова, и уж точно более устойчивая, чем государственность…

У нас ведь было четыре типа государственности. Сначала государственность Московского царства, потом была Российская империя, которую точнее называть Петербургским самодержавием, затем – Советский Союз. Четвертый этап – то, что происходит сейчас: интенсивная коррупция под прикрытием пустопорожних разговоров о модернизации. Отличия между этими периодами колоссальны.

Более того: от периода к периоду во многом менялся и сам народ. Ведь исторический русский народ и новая историческая общность людей – советский народ – весьма существенно отличались друг от друга, подобно тому, как сын весьма существенно отличается от отца.

И российский народ, который сейчас мучительно формируется, – это не прежний советский народ, и это отнюдь не попытка вернуться на сто лет назад, к тому русскому народу, который существовал до революции.

Таким образом, у нас получается минимум три сменявших друг друга народа, объединенных общей русской культурой. Именно общность культуры позволяет нам говорить о единстве нашей цивилизации, единстве нашей истории, говорить, что Советский Союз был продолжением царской России в новых исторических условиях, а нынешняя Россия – продолжение и наследница Советского Союза в нынешних условиях.

Е. ЧЕРНЫХ: – Было московское царство, потом питерское самодержавие, потом Советский Союз со столицей в Москве, а теперь Россия, которая связана с Питером.

М. ДЕЛЯГИН: – Очень непоследовательно связана с Питером. Но зерно истины здесь есть: думаю, что Москва не должна быть столицей России. Это мое старое убеждение как москвича. В конце концов, некоторых представителей управляющих структур надо из Москвы куда-нибудь выселить: если не на 101-й километр и не в Магадан, то хотя бы куда-нибудь.

А если серьезно – в Москве слишком высока административная нагрузка. Столицей должен быть небольшой, исторический российский город, находящийся в суровых природных условиях. Последнее важно – чтобы туда ехали руководить, а не за красивой жизнью. По этому пути пошел, кстати, Назарбаев, под именем Астаны сделавший столицей Казахстана Целиноград.

Понятно, что Туруханск делать столицей нельзя: слишком сильны «неправильные» исторические ассоциации. Тобольск уже «занят»: насколько могу судить, он постепенно – и в силу тех же причин, кстати, – будет становиться духовной столицей Русской православной церкви.

Думаю, лучший вариант для столицы России – город Енисейск в Красноярском крае, небольшой и с очень богатой историей, «отец сибирских городов», находящийся сейчас, как и большинство таких городов, в чудовищном состоянии.

Е. ЧЕРНЫХ: – Расположенный в центре России?

М. ДЕЛЯГИН: – Не совсем, географический центр России находится в небольшом озере в Красноярском крае, но это не главное. Важно ограничить желание ехать в столицу просто так – чтобы чиновники были более бескорыстны.

Возвращаясь к теме: в нашей стране только после воссоздания единого централизованного государства было четыре типа государственности. И, более того, – три цивилизации, переходящие одна в другую.

Что их скрепляет? – Русская культура, которая как была, так и есть. И будет. Это важнейшее, что у нас есть.

Можно говорить высоким штилем: мол, Пушкин, Гоголь, ненавидимый нашими либералами Достоевский, Толстой и так далее. Но культура-то была задолго до Пушкина.

Эти гении – символы нашей культуры, но нам важны не символы, не повод гордо побить себя пяткой в грудь или оплевать себя, – нам важно понять, как же мы устроены, на что и как мы реагируем.

Это важнейшая, сугубо практическая потребность.

Ведь, когда закончится системный кризис, нам придется мучительно возрождать Россию, возобновлять становление российской цивилизации не как сообщества вольных или невольных, сознательных или бессознательных паразитов, но как самостоятельной творческой силы. Придется слезать, как с разрушившейся печи, с «советского наследства», и вставать на свои собственные ноги. И для того, чтобы они не подломились, очень важно понимать, кто мы такие.

Не познав самого себя, действовать так же бессмысленно и опасно, как и не познав объекта своего действия. Нам нужно полностью использовать свой позитивный потенциал и заблаговременно нейтрализовывать, насколько это возможно, наши негативные черты.

Самое главное, что мы настолько привыкли к своим особенностям, что часто их даже не сознаем.

Например, есть такая вещь, как «граница гуманизма». Большинство культур очень четко делят людей на «своих» и «чужих», очень четко проводит границу между обладающими всей полнотой прав человека и остальными, которые как бы не вполне люди, хотя биологически вроде бы являются людьми.

Е. ЧЕРНЫХ: – Голова, две руки, две ноги.

М. ДЕЛЯГИН: – Как говорил Аристотель, «двуногое без перьев». Эта граница проводится разными культурами по-разному. Носители многих культур, которые очень хорошо и подробно описаны, считают людьми в полном смысле слова лишь своих кровных родственников. Это очень серьезная вещь: если вы не кровный родственник, вас могут обидеть, причем иногда довольно серьезно. Потому что прав у вас никаких на самом деле нет, и, если вы не защищены, например, обычаем кровной мести, то вы никто и звать вас никак, и это для носителя определенных культур нормально.

Да, это архаичная культура, но оружие у ее представителей вполне современное, – и потому нужно всегда понимать, с кем вы общаетесь.

Общеизвестны культуры, которые не считают людьми в полном смысле этого слова представителей другого народа, другой расы или другого вероисповедания. И это есть до сих пор. Последовательный кальвинизм, например, до сих пор отказывает беднякам в праве быть полноправным человеком. Да и во многих совсем не кальвинистских странах бедняки не имели прав, в том числе политических, очень долго.

Почитайте «Федералист» – сборник статей мыслителей, которые создавали Америку. Эта философско-политическая проза – потрясающий документ. Его авторы решали задачу: как сделать так, чтобы народ не принимал участия в управлении государством, но при этом был абсолютно доволен? Это сложнейшая не столько философская, сколько практическая задача, которую решили, насколько можно понять, весьма успешно.

В конце концов, была диктатура пролетариата. Она тоже отказывала в праве на существование по социальному признаку.

Е. ЧЕРНЫХ: – Всяким интеллигентам, кулакам.

М. ДЕЛЯГИН: – В первую очередь – богачам и священникам. Во вторую – буржуазной интеллигенции и буржуа; кулаки-то ведь не были богачами. Другое дело, что она просуществовала недолго, потому что с такими настроениями сложно жить, и очень быстро гуманизировалась.

Но она была.

Есть культуры, которые не считают человеком женщину. Правда, в некоторых других культурах женщина, едва перестав быть объектом купли-продажи, показала пальцем на мужчину и сказала «Это мое!», но это уже философский юмор.

Может возникнуть ощущение, что это все в далеком прошлом, что это какая-то архаика, дикость, первобытность, глупость, от которых все прогрессивное человечество стремительно уходит семимильными шагами.

Но давайте посмотрим, как устроена самая прогрессивная в социальном отношении часть человечества. Американская культура, – не общая, не народная, а политическая, –

очень интересна. Насколько можно понять, люди признаются в ней людьми в социальном смысле этого слова по одному из трех признаков.

Первый: образ жизни. Люди – это те, кто живут в условиях, которые американское государство признает демократией.

Второй критерий: это люди, которые живут в других условиях, но искренне стремятся к демократии. Причем степень искренности определяет опять-таки американское государство.

И, наконец, третий – это политическая целесообразность: людьми признаются те, кто живет в странах, которые являются союзниками США.

Обратите внимание: это абсолютно субъективный и сугубо прагматичный подход. Бывает так, что меняется администрация, и круг тех, кто признается людьми, меняется достаточно жестко и неожиданно, – как и круг тех, кто людьми не признается и кого поэтому можно совершенно спокойно физически уничтожать на основании сколь угодно нелепых выдумок и обвинений.

Так что игнорирование неотъемлемых прав тех или иных категорий людей, непризнание их людьми в социальном смысле слова – это не только архаика. Вот вам самая передовая часть современного человечества, – говорю это без всякой иронии, – и мы видим то же самое, только в профиль!

Е. ЧЕРНЫХ: – У вас нет демократии? Тогда мы летим вас бомбить!

М. ДЕЛЯГИН: – Дело еще и в том, что отдельный человек имеет меньше возможностей как-то защитить свои права перед этим современным государством, чем перед некоторыми архаичными монстрами. Например, если вы доказали человеку из архаичного общества, что вы его родственник, хоть и через десятое колено, – вы человек. Если вы рьяному упертому католику сказали, что принимаете католичество, – вы человек. Но вы ничего не можете сказать американской администрации, потому что она далеко, и вы никак не можете повлиять на свое правительство, чтобы оно стало вассалом США и тем самым сделало вас человеком в их глазах! Вы беспомощны, здесь у вас меньше шансов, чем даже в некоторых архаичных обществах.

Е. ЧЕРНЫХ: – И более жестоких.

М. ДЕЛЯГИН: – И здесь тоже вопрос дискуссионный. Потому что, если вы не человек, вас можно обвинять в чем угодно, вас можно «вбомбить в каменный век», – это дословная цитата одного уважаемого американского руководителя, – и морить химическим оружием, как тараканов.

Мы знаем эту практику. И она считается нормальной. В крайнем случае, перед вами посмертно извинятся. Или скажут, как объяснил свои действия летчик, разбомбивший колонну беженцев: «Я же солдат демократии». Мол, по отношению к тем, кто в ней не живет, я имею право на все.

Это серьезно.

Это кажется сборником отклонений от нормы. Но, когда отклонения от нормы становятся массовыми, речь не об отклонениях – речь просто о другой норме.

До последнего времени история человеческой цивилизации была связана с неуклонным расширением круга признаваемых людьми. Это и было содержание социального прогресса.

Увы – глобальный экономический кризис создает здесь некоторую опасность, что все пойдет вспять. Просто исходя из чисто коммерческих и экономических интересов.

Но русская культура – чуть ли не единственная культура современного мира, которая априори воспринимает как человека в социальном смысле слова – то есть не просто «имеющим права», но «равного себе по правам» – любого, являющегося человеком биологически.

Можно говорить, что в этом подходе выражается всеобщий, всеохватывающий гуманизм, космизм, перекидывать мостики к философам и рассказывать, как это замечательно.

Но это не всегда замечательно. Когда вам кого-то нужно обаять, – да, это полезно. Затюканные колониализмом – старым или новым – вдруг обнаруживают, что к ним

относятся по-человечески, и этой благодарности хватает надолго. Ведь в Афганистане «шурави», то есть «советских», поминают добрым словом до сих пор, даже многие из тех, кто с нашими там воевал, я это могу судить и по личному общению.

Потому что носитель русской культуры ко всем людям относится по-человечески, как к людям. И создает этим очень яркий контраст по сравнению с поведением представителей некоторых других культур, претендующих на большую развитость, чем мы.

С другой стороны, когда вас считают едой, а вы думаете, что вас считают человеком, – вы уязвимы.

Прошу понять: все черты русской культуры, о которых я буду говорить, объективны. Они не хороши и не плохи, они просто есть, и изменить их, по крайней мере, на жизни нашего поколения, нельзя.

Если управляющая система умеет соответствовать этим чертам, они превращаются в конкурентное преимущество. Если нет – они тянут страну на дно.

В частности, восприятие в качестве равноправных и равнозначных нам любых людей настолько органично для нас, что мы его уникальности не сознаем вообще. Лишь когда нас начинают резать как баранов или, как частный случай, морить либеральными реформами, – лишь тогда у нас возникают смутные подозрения, но мы боимся себе признаться в собственной уникальности, потому что истово верим, что все люди такие же хорошие и цивилизованные, как и мы сами.

В конце концов, мы решаем проблему непонимания окружающего мира обвинением конкретных «врагов» в конкретной «бесчеловечности».

А ведь проблема не у них – проблема у нас.

Проблема не в «бесчеловечности» наших конкурентов, а, напротив, во «всечеловечности» русской культуры, которая действительно уникальна в этом отношении.

Можно говорить, что эта особенность вызвана многоплеменным, по мере расширения – многонациональным характером русской культуры. Можно говорить, что она вызвана многонациональным характером русского этноса, который расширялся тоже очень здорово.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как писал поэт, «затерялась Русь в мордве и чуди».

М. ДЕЛЯГИН: – Да. Кто-нибудь вообще помнит, что, скажем, чуваши, которых в России даже сейчас больше, чем чеченцев, удмурты, мари, мордва – это абсолютно самостоятельные, отдельные от русских народы? Мы все это, конечно, признаем на словах, но, глядя на представителей этих народов, однозначно идентифицируем их как русских, и большинство их тоже считает себя русскими, в крайнем случае «русскими удмуртами». Да, они с Волги, да, у них там есть своя специфика, но в целом – конечно, русские, какие вопросы?

И нам нельзя забывать потрясающую на самом деле вещь: очень долго Россия, да и сам русский народ формировались именно за счет признания «своими» людей других наций и даже религий. Если человек был нормальным, его признавали русским, и это был способ существования не просто государства – это был способ существования народа.

С точки зрения теории это означает очень важную вещь. Это значит, что наше общество еще до Московского царства складывалось, выражаясь западным языком, как «политическая нация», то есть как сообщество людей, объединенных даже не образом жизни – образ жизни был часто разный, – а ценностями. И потому это общество было максимально открытым для всех, готовых разделять эти ценности.

Когда нам объясняют: мол, вы быдло, вы никто, вы азиаты и коммунисты, хорошо хоть, не «пархатые коммунистические казаки», – это стоит помнить. Политики у нас, может, пока временно и нету, но вот политическая нация у нас есть с тех времен, когда на Западе еще такого понятия не было, и не было даже самого слова «политика».

Именно поэтому мы считаем человеком, равным себе, обладающим всеми правами, не только «своего», но и всякого, кто потенциально может стать «своим». То есть всех, кто не преступник, не враг, кто не доказал свою неспособность к сотрудничеству.

И это имеет практические выводы. Потому что именно всечеловечность русской

культуры делает недопустимыми вновь активизировавшиеся попытки урезать границы России до территорий исторически населенных русскими регионов. Эта идея продвигается именно либеральными фундаменталистами, профессиональными «западниками», а в последнее время – и примкнувшими к ним «национал-демократами»: такими же либеральными фундаменталистами, только из якобы патриотического лагеря, пытающимися низвести Россию до состояния «недо-Эстонии». Эта идея порочна не только из-за практических проблем. Не только потому, что непонятно, к югу или к северу от Мурманска лежит реальная граница Северного Кавказа, не только потому, что непонятно, зачем России отдавать свои нефть и газ китайцам или кому-то еще.

Главная, фундаментальная порочность этой идеи – полное отрицание русской культуры, всечеловеческая сущность которой прямо требует считать своим любого, кто осознанной подлостью обратного не доказал.

Вот это принципиально. Это практический вывод из наших особенностей. Не потому, что мы патриоты, и поэтому нам не нужно сжиматься до границ XV века. Не потому, что мы корыстны и хотим сидеть на нефти.

Е. ЧЕРНЫХ: – «Расея моя Расея, от Волги и до Енисея».

М. ДЕЛЯГИН: – За эту песню я не знаю, что нужно сделать с автором. Мелодия-то хорошая, но…

Е. ЧЕРНЫХ: – Но слова, если вдуматься…

М. ДЕЛЯГИН: – Человек просто злоупотребляет гуманизмом послесталинского времени. Сильно злоупотребляет.

Готовность в качестве не просто партнера и союзника, но и «своего», равного себе, принять почти любого человека, проявляется в том числе в отсутствии в нашей культуре образа абсолютного зла. Это очень резко отличает нас от европейцев. У них есть понятие «абсолютное зло», непримиримое и в принципе неисправимое, – а у нас зло почти всегда относительное. Особенно ярко это проявляется в народных сказках, которые наиболее полно отражают вообще любую культуру любого народа, это вещь архетипическая.

Может быть, отсутствие образа абсолютного зла – результат длительного симбиотического существования под игом Золотой Орды, которая, с одной стороны, была злом, а с другой – объектом постоянного сотрудничества. Хотя бы для князей.

Е. ЧЕРНЫХ: – Хотя бы Александра Невского вспомнить.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, вот его, кстати, за дело святым признали.

Ведь главная его заслуга не в том, что он псов-рыцарей под лед дважды спустил, а в том, что он регулярно ездил в эту Золотую Орду и договаривался.

Е. ЧЕРНЫХ: – И спас Россию.

М. ДЕЛЯГИН: – Тот северо-западный ошметок, который был тогда Россией. И умер-то он на переговорах. Есть гипотеза, что он слишком хорошо их вел, так что ордынцы просто не знали, что с ним делать, и от дипломатического бессилия отравили.

А из бесспорных фактов стоит вспомнить, как в сказках добрый молодец договаривается с Бабой Ягой – символом Золотой Орды, и в итоге оказывается хитрее ее. Да и со Змеем Горынычем, и с Кощеем Бессмертным перед схваткой идут почти бесконечные разговоры.

Это органическая часть культуры: у нас абсолютного зла нет, а на Западе оно есть, причем почти во всех сказках.

Советская культура восприняла, хотя и предельно фрагментарно, образ абсолютного зла только в результате Великой Отечественной войны. У нас сейчас в языке есть слово, которое означает абсолютное зло. Это слово – «фашист». Но вся наша культура существует за рамками этого понятия, оно принципиально внечеловеческое. Сейчас, правда, либеральные реформаторы и воры, как их продолжение и порождение, потихонечку занимают это место. И ожесточение, связанное с этим, способствует обеднению русской культуры и снижению нашей конкурентоспособности.

В целом отсутствие или, как минимум, слабость образа абсолютного зла упрощает

общение с представителями других культур, обеспечивает высокую гибкость и способность не только вести плодотворные переговоры, но и вызывать к себе долговременную симпатию.

А с другой стороны, когда мы сталкиваемся с людьми, у которых в культурном типе есть понятие абсолютного зла, и когда эти люди нас в эту категорию абсолютного зла по каким-то причинам зачисляют – достаточно вспомнить «империю зла» Рейгана, кавказских бандитов, русофобию некоторых прибалтийских и польских руководителей, – мы просто не понимаем ситуации. И, соответственно, ведем себя неадекватно. Потому что мы не понимаем, как можно считать кого-то абсолютным злом.

Но главное в русской культуре, наверное, – стремление к справедливости, к правде. Даже Чубайс это вынужден был отметить.

Причем это стремление почти религиозное. Справедливость – не просто высшая абстрактная ценность. Это абсолютно самостоятельная ценность, которая резко отделена от практических и корыстных интересов. Это касается и человека, и коллектива. Носитель русской культуры подчиняется сознаваемой им справедливости слепо и беспрекословно, как воинскому начальнику. Это открывает широчайший простор: и для манипуляции, и для мобилизации. Ведь если человеку объяснить, что лично ему не выгодное, тем не менее, является справедливым, он это невыгодное будет делать без тени сомнения. И защита своих интересов в данной ситуации воспринимается как нечто совершенно недостойное.

Русской культуре свойственно предпочтение справедливости не только перед личными, но и перед групповыми интересами, в том числе – интересами друзей и семьи. В результате стремление к справедливости приобретает иногда бесчеловечный характер. Недаром только у нас говорят, что справедливость – очень жестокая вещь.

Стремление к ней подразумевает требовательность. С ее точки зрения, пренебрегающий своими обязанностями человек недобросовестен, так как перекладывает свою часть ноши на остальных и пытается тем самым жить за их счет. Это, конечно, умеряется ленью. И это не распространяется на начальство, что очень забавно. В положение начальства входят и прощают ему что угодно, в том числе и то, что не прощают своим близким.

Даже само слово «начальство» – не «руководство», а именно некто неопределенный, кто «дает начало»: это же, практически, божественная функция. Но в отношении равных себе действует классическая формула: «Человек имеет право, пока исполняет свои обязанности». Это проявление справедливости.

Впрочем, наиболее популярной чертой нашей культуры, вокруг которой больше всего копий сломано, является борьба индивидуализма и потребности во внешнем объединении, пусть даже насильственном. Это жесточайшая внутренняя борьба, а не борьба двух философских течений. Единство и борьба этих двух противоположностей не просто свойственна русской культуре, – она является ее движущей силой и, более того, создает эту культуру.

Как только вы встаете целиком на одну из этих позиций – вы сразу выпадаете из русской культуры, слетаете с русской почвы на Запад или на Восток, но с одинаковой неотвратимостью.

Русская культура – это гремучая, но гармоничная смесь индивидуализма и коллективизма. Политическая победа любого из этих двух начал полностью дестабилизирует общество и разрушает его.

Причина сосуществования этих противоположностей представляется вполне прозрачной.

Исторически русская культура складывалась в крестьянских хозяйствах, которые экономически были по-европейски самодостаточны. Прекрасно могли обойтись без какой бы то ни было внешней помощи и потому были готовы стать первично самостоятельной ячейкой и основой общества, как в развитых странах Европы.

Но внешняя среда была абсолютно другой. И в этой среде эти европейские хозяйства были исключительно уязвимы. Кочевники и разбойники, которым большие пространства и

растянутость коммуникаций давала больше шансов, чем Европе, редкость населения, княжеские усобицы, а затем и татаро-монгольское иго создавали постоянную необходимость защиты, объединения перед лицом внешних опасностей.

И формула российского общества – это **принудительное внешнее объединение** , в том числе под воздействием объективных причин, **полностью свободных внутренне элементов** . При этом такая внутренняя свобода доходит иной раз до состояния отмороженности. Ведь пушкинская «тайная свобода» на западные языки принципиально непереводима. Внешне я подчинен, а внутри абсолютно свободен и в любой момент могу нарушить правила, – просто я понимаю, что мне за это будет. Хорошо помню это состояние полной внутренней свободы по службе в армии.

Но для западного сознания непонятно, как внутренняя свобода может быть «тайной», а для восточного – как она вообще может быть.

Таким образом, эта формула – наша. И на практике это выглядит, как **индивидуальное исполнение коллективных обязанностей** , а в коллективе – еще и сосуществование конкуренции и солидарности в каждой точке. Любой наш коллектив раздирается жесточайшей внутренней конкуренцией, лютой, без правил. И тот же самый коллектив по отношению к внешнему миру выступает абсолютно монолитно.

В политике принудительное внешнее объединение обособленных самостоятельных единиц проявляется как симбиоз носителя русской культуры с государством, но не наоборот: относительно своих граждан государство является отдельным образованием.

Для нас государство и страна – синонимы, и все попытки разделить их безнадежны. Есть народы, которые живут в ландшафте, в рамках закона, в бизнесе. **А мы живем в государстве.**

Носитель русской культуры ощущает себя отдельной личностью лишь постольку, поскольку является частью страны и государства. Отсюда фантастическая вещь: личность воспринимает свои права, как заведомо подчиненные интересам страны, воплощаемым в себе государством. И если это государство не зверствует и обеспечивает хотя бы самый умеренный и тихий прогресс, личность находится с ним в гармонии.

Потому что **государство – сверхценность русской культуры.**

Это не любимый либеральными фундаменталистами «ночной сторож» с министерской зарплатой и замком в Швейцарии, нет.

Государство – это форма существования русского народа, причем, единственная форма, доступная нам на протяжении, как минимум, вот уже нескольких столетий. Это социальная среда и скрепа, которая обеспечивает существование народа. Это не хорошо и это не плохо, это есть.

Ведь самые ярые нападки на ненавистную бюрократию включает использование слово «наш». Это фантастика! «Наши негодяи» на английский язык не переводится.

И слитность с государством дает российскому обществу колоссальную силу, когда мы едины. Когда же государство от нас отворачивается, – мы беспомощны и ничего не можем сделать. Очень важно, что симбиоз личности с государством делает невозможным внедрение в российское общество любых институтов и любых правил, основанных на отделении личности от государства: они просто не работают, глохнут, как автомобильный двигатель под водой. К моему глубокому сожалению, в эту категорию попадает и западная формальная демократия.

Демократия как способ максимально полного учета государством мнений и интересов общества у нас будет. Но другим способом, потому что на Западе она основана на суверенитете личности от государства, а у нас суверенитет с государством общий, неразделенный и не делимый на частные квартиры.

Проявлением этой неразделенности, слитности является и легендарная пассивность носителей русской культуры – то самое терпение русского народа, за которое после Победы истово пил Сталин.

В формировании этой пассивности ключевую роль сыграла «власть пространств над

русской душой», о которой говорил еще Бердяев: всегда есть куда бежать. Наша страна росла за счет бегства населения на окраины, причем и в советские годы тоже. Тогда правило было простым: если вы специалист, хотите иметь более высокий уровень жизни и больше личных свобод – езжайте на Север или в национальную республику, вас там будут любить, холить и лелеять (хотя уже с конца 70-х годов русским специалистам во многих таких республиках приходилось уже туго).

Играло свою роль при формировании пассивности и длительное жестокое угнетение, и скудость ресурсов, которое ограничивало базу любого сопротивления и делало его рискованным. Ну, и европейское ощущение ценности своей жизни, потому что было, чем рисковать.

Но это терпение создает колоссальный соблазн и одновременно вызов для любой системы управления. С одной стороны, можно делать все, что угодно, – до определенного барьера прощают все. А с другой стороны, после этого барьера у общества «срывает крышу», и оно разносит все полностью, в щепки.

Эта разрушительность русского бунта вызвана симбиотическим сосуществованием общества и государства. Мы не можем протестовать против «отдельных недостатков». Советская власть, кстати, этого так и не поняла. Для нашего общества государство – вроде бога, от которого действительно «вся власть». И его либо принимают полностью, либо полностью же отвергают.

Поэтому, когда мы отвергаем порядок, мы отвергаем не какой-то конкретный порядок, нет. Мысль о том, что возможен другой порядок, более справедливый, становится достоянием значительной части общества только в исторически случайный момент. Обычно же мысль о возможности какого-то другого, понятного и конкретного порядка, просто не помешается в голове.

Если нас не устраивает конкретный порядок – нас не устраивает порядок как таковой. Это не революция против конкретной власти, это не протест против, условно, монетизации льгот, – это бунт против мироздания. Эта наша особенность очень важна для понимания нашей истории и практической политики.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но то, что было в 1917 году…

М. ДЕЛЯГИН: – Так было всегда. Можно вспоминать про Болотникова, можно про рубеж 80–90-х годов XX века. Никто ведь всерьез не занимался тогда построением какого-то нового порядка. Мы просто отвергаем власть дьявола и ждем, когда на нас снизойдет благодать божья. А потом огорчаемся, когда вместо благодати приходят совершенно «конкретные пацаны».

Это другая логика. Другое мироощущение, которое, вроде бы, приносит вред.

Но здесь есть очень интересный нюанс. Дело в том, что подспудно копящееся в обществе недовольство влияет на элиту, которая начинает бессознательно приспосабливаться, применяться к нему. И часть элиты заранее подстраивается под общество, хотя и безо всяких демократических институтов, – и возглавляет происходящий протестный взрыв или, как минимум, перехватывает часть его энергии, воспринимая бессознательный общественный запрос.

А это ведь та же самая демократия, «только в профиль» – только с другими механизмами. Да, беспорядок вместо всеобщих выборов. Да, большая разрушительность. А, с другой стороны, государству дается больше шансов одуматься. Это тоже в нашей традиции – давать шансы одуматься до последней минуты. А вот когда последняя минута истекла – ничего не поделаешь, «кто не спрятался, я не виноват».

Еще раз: это не хорошо и не плохо, это есть. И это не тот механизм, который мы изучали в институте. Да, очень неловко думать, что едешь в автомобиле, а потом вдруг обнаруживать себя на лошади. Но в определенных условиях она лучше – надо просто уметь использовать ресурсы.

Крайне важная часть общенациональной культуры – культура труда. В этой сфере мы отличаемся прежде всего тем, что не можем работать, да и вообще существовать без

сверхзадачи.

Кроме того, нам свойственна весьма интересная трудовая мотивация: деньги важны, но важны не сами по себе, а лишь как символ справедливости. Поэтому их можно платить меньше, и поэтому у нас более экономное хозяйство.

И, наконец, наша культурная особенность: мы замечательно умеем делать то, что сложно и при этом не монотонно. Конвейер не про нас – нам нужно то, что требует сложного труда. Эта особенность изучена и названа «русским способом производства» западными социологами еще в начале XX века, до революции и до изобретения конвейера.

И это прекрасно, это дает нам место в конкуренции с Китаем, потому что культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует конвейеру, а наша культура – следующему по сложности типу технологий, условно, «постконвейеру».

Наше дело – штучная, сверхсложная работа, которая и притягивает основную часть добавленной стоимости. Это наша конкурентная ниша, и она колоссальна. И это дает нам огромную возможность, просто нужно понимать, как ее использовать. Если будем запихивать себя в конвейер – сломаем шею, а если будем понимать, кто мы такие и как устроены – нет проблем.

Е. ЧЕРНЫХ: – А в чем конкретно может проявиться наша штучность?

М. ДЕЛЯГИН: – Вспомните: мы отвратительно делали легковые автомобили. И у нас были совсем неплохие часы, которые требовали чуть более сложной работы. А уж про боевую технику я молчу. Совсем не только потому, что все ресурсы были брошены туда. Гражданские самолеты тоже были отличные и даже экономные, хотя об этом думали в последнюю очередь.

Потому, что это более сложная деятельность, которая требует не конвейера, а бригадного подряда, говоря по-старому, и высококвалифицированных рабочих, которые, по сути дела, являются инженерами.

Вот к развитию таких производств нам и нужно «выруливать».

Да, общие, глобальные закономерности никуда не делись – они действуют. Но при реализации их мы должны учитывать и свои особенности – управленческие, политические, трудовые.

Кстати, о трудовых: авральность мы тоже должны обязательно учитывать при любом планировании. Сначала раскачка – потом аврал, и это неважно, сколько времени отводится на работу: год или 15 минут. 15 минут дайте на выполнение работы, которая занимает час, – и человек все равно первые две минуты будет задумчиво и с чувством курить. Это закон природы – нашей природы, и его нужно учитывать.

При неправильном управлении это наша слабость.

Но при правильном – сила.

06.12.2009

Лидер XX века

М. ДЕЛЯГИН: – «Не календарный – настоящий» XX век был открыт фигурой Ленина, прошел под знаком поклонения ему доброй половины человечества и завершен беспрецедентной хулой в его адрес.

Так бывает.

Как сказал продолжатель его дела, «после смерти на мою могилу нанесут горы мусора, – но ветер истории развеет их».

И мы видим, что уже развеивает.

Разочарование людей, обнаруживающих под маской «самого человечного» бога вроде бы вполне обычного человека, с романами, болячками и ошибками, безмерно – и понятно.

Не зря ведь сказано «Не сотвори себе кумира».

И я совершенно не готов оспаривать конкретные обвинения, выдвигаемые в его адрес,

начиная с того, что в свободные минуты он возился не с первыми попавшимися детьми, а с детьми высокопоставленных коммунистов, и кончая тем, что он якобы отдавал приказы об убийствах детей.

В конце концов, мне приходилось видеть аналогичные по значению приказы, отдаваемые не 90 лет назад, а совсем недавно, здравствующими ныне, благополучными, уважаемыми и влиятельными людьми.

Работа с изнанкой истории воспитывает цинизм.

И в рамках этого рассмотрения я готов, в отличие, думаю, от большинства читателей, принять все обвинения.

Просто потому, что истории, как это ни печально, важен результат.

Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина – тактическая гениальность. Это воистину великий прагматик.

Способность быстро, почти мгновенно оценить ситуацию, расставить приоритеты, с железной волей следовать им, продавливая через все и всяческие препятствия, – а потом, увидев, что ситуация поменялась, резко и беспощадно к мешкающим и не понимающим развернуться, хоть на сто восемьдесят градусов, и решительно двинуться в новом направлении.

«Решительно» в ленинском стиле – означает с железной последовательностью, стремительностью и изобретательностью, позволяющей за счет тактической гибкости опережать более мощных противников и обтекать казавшиеся вроде бы непреодолимыми препятствия.

Именно за эту беспощадную и всепоглощающую последовательность, не останавливающуюся ни перед какими внутренними или внешними препятствиями, его назвали «мыслящей гильотиной».

Это об этом стиле сказал Рождественский: «Повороты бывали всякие, пробирающие, как озноб. Даже самых сильных пошатывало, слабых – вовсе валило с ног».

Однако даже слабые, за редким исключением, не бросали его и не отбрасывались им, а получали возможность оправиться и вернуться в строй – и, в результате, качественно усиливали ленинскую организацию. Причина этого – в ленинском характере, в хрестоматийном «он к товарищу милел людскою лаской», во внимании и заботе к своим соратникам – достаточно вспомнить многократные прощения «иудушки Троцкого», возвращение дважды дезертировавшего (сначала к жене в Швейцарию, а затем к левым эсерам по время их мятежа) Дзержинского, прощение разгласивших дату выступления против Временного правительства Зиновьева и Каменева.

Ленин далеко не всегда поддерживался ими, часто был в меньшинстве, а часто вызывал насмешки – достаточно вспомнить реакцию руководства партии на кажущиеся сегодня хрестоматийными «Апрельские тезисы». Однако не свойственная времени и среде человечность, проявляемая им, качественно усиливали его политический ресурс, создавали дополнительный, не видимый ни друзьям, ни врагам «запас прочности».

А «не отступать, не сдаваться», через любые препятствия и любыми маршрутами идти к сияющей путеводной звезде, не теряя ее из виду, помогала колоссальная личная энергетика.

Один из очевидцев событий 1917 года вспоминал, как пришел на митинг с участием Ленина, который проходил в цирке. Автор мемуаров сидел на верхних рядах, а внизу, на арене что-то кричал, почти бегая по ней кругами, маленький рыжеватый и лысоватый мужчина. Микрофонов не было, акустика была плохой, и не только слов Ленина, но и общего смысла произносимого им невозможно было разобрать. Но человек запомнил это выступление на всю жизнь не потому, что выступал Ленин, – в то время отношение к нему было значительно проще, чем в фильме «Ленин в Октябре», и обычные люди часто не выделяли его особо из общего ряда революционных вождей. Он запомнил Ленина потому, что был потрясен колоссальной позитивной энергией, буквально распиравшей этого маленького человека, – энергией, которой он заполнил и воодушевил весь цирк, основная

часть которого просто не слышала его слов.

Жестокие и часто внезапные тактические повороты Ленина никогда не были, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников враждебно настроенных к нему авторов, беспорядочными суетливыми метаниями. Они были всецелом подчинены, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал на всем протяжении своей сознательной жизни четко и однозначно.

Уникальность Ленина – именно в сочетании тактика и стратега. В этом отношении он был универсалистом, обычным в эпоху Возрождения и столь редким для специализированного XX века.

Не потерять из виду стратегическую цель на протяжении всей жизни он смог только потому, что, помимо политика, был еще и разносторонним ученым-политэкономом, круг интересов которого протирался от экономической статистики до философии.

Наука занимала в его системе ценностей, безусловно, второстепенное значение и была, как и все остальное в жизни, подчинена цели построения нового, более справедливого общества. Именно это обусловило пламенную односторонность ряда его исследований, – но никакой практический интерес не убивал в нем ученого, не отвлекал его от поиска и нахождения истины.

Ветер века дул в его паруса: научная истина открывала перед ним дорогу в будущее.

Мышление Ленина, в отличие от мышления многих тогдашних и сегодняшних профессиональных кликуш от политики, было осознанно-диалектичным; рассматривая значимые явления (речь, конечно, не идет о публицистике «на злобу дня»), он последовательно проводил свою мысль через отрицание отрицания, не останавливаясь, вплоть до фиксации перехода количества в качество, и не стесняясь (когда это, естественно, не противоречило текущим политическим нуждам) признавать единство борющихся противоположностей.

Именно сознательное следование «по диалектическому маршруту» вкупе со стремлением максимально полно и всесторонне рассмотреть изучаемое явление обусловило знаменитое спиральное движение ленинской мысли, вбивающее в глухое отчаяние конспектирующих его работы студентов.

Потрясающая дисциплина мысли наделила Ленина и его последователей «пугающим интеллектуальным превосходством» над своими противниками, которое вынуждены были признавать даже последние.

И отнюдь не личная трагедия, но научное изучение своего общества показало Ленину, что царизм нереформируем, что его невозможно улучшить «изнутри», – и, следовательно, ему невозможно помочь: его можно только победить.

Он укреплялся в понимании этого, видя, с какой неизбежностью, а порой и жестокостью избавлялся царизм от всех профессионалов, способных повысить его эффективность, – включая самых верных и близких, вроде Плеве и Столыпина.

И это – в сочетании с колоссальной энергетикой буквально клокочущих тогда масс – вселяло в него веру в неизбежность революции.

Конечно, руки опускались, и отчаяние брало за горло, и вырывалось, что революция в России будет не при его жизни.

Что с того? Как и все великие люди, он работал на будущее, а не на поздний вечер сегодняшнего дня.

Он видел цель не для себя – для всей страны, а в конечном счете, и для всего мира, – и только это позволило ему дойти до нее.

Согласитесь: в настоящее время здоровые силы России находятся в пугающе похожем положении.

Россия является страной с самой непредсказуемой историей в силу своей фантастической открытости для общемировых тенденций. Никакой «железный занавес», никакой изоляционизм, никакая гордость, никакие победы над Западом не могут помешать тенденциям общеевропейского (а теперь уже и глобального развития) проявляться в нашей

общественной жизни – часто раньше и более ярко, чем в остальном мире.

В результате этой открытости развитие России определяется двумя, в долгосрочной перспективе – равнозначными факторами: внешним влиянием и внутренними процессами собственного развития.

В результате идеологизация – профессиональное заболевание большинства историков – позволяет им видеть лишь половину общественного развития. «Почвенникам» унизительно признаваться, что проклятый загнивающий Запад влияет на Россию столь же глубоко и серьезно, как и сама она, а «западники» точно так же не способны признать, что «холопы» и «быдло» способны определять свою судьбу ничуть не в меньшей степени, чем блистательные ясновельможные паны и просвещенные масоны.

Ленин виртуозно использовал оба фактора развития России, за что его порицают усиленно и, с моральной точки зрения, вполне справедливо.

Не будем лишь забывать реалий того времени. Так, во время русско-японской войны японская армия, по некоторым сообщениям, покупала лучшие в то время винтовки – трехлинейки Мосина, – производимые даже не на казенных заводах, а на заводах, находившихся в собственности царской семьи. Да, покупки делались, конечно, через третьи руки, но для заинтересованных лиц были секретом Полишинеля, и чудовищность этого была такова, что даже большевики после прихода к власти просто застеснялись (при всей своей легендарной беспардонности) предавать огласке соответствующие факты. Таким образом, получая деньги от японцев, революционеры, – если это действительно было, – вероятно, просто следовали примеру царской семьи.

С другой стороны, рассуждения о том, что партия большевиков пользовалась-де неким покровительством царской охранки, как правило, не сопровождаются объяснением поведения последней. А ее мотивы – опять-таки, если такое имело место – были просты: большевики (в том числе просто из-за своей слабости) не вели, в отличие от эсеров, масштабного террора против государства, – и уже поэтому воспринимались как относительно конструктивная группа, являющаяся вполне приемлемой альтернативой оголтелым террористам.

Сегодня мы просто не можем себе представить ожесточения революционного террора. Общее число его жертв в 1901–11 годах составляет 17 тыс. человек. С февраля 1905 по май 1906 года, по официальным данным, было убито 8 губернаторов и градоначальников, 5 вице-губернаторов и советников губернских правлений, 4 генералов и 7 офицеров армии, 8 жандармских офицеров, 21 полицмейстер, уездный начальник и исправник, 57 урядников, 79 приставов и их помощников, 125 околоточных надзирателей, 346 городовых, 18 агентов охраны, 85 гражданских чиновников, 12 священников, 52 представителя сельских властей, 51 землевладелец, 54 фабриканта и старших служащих на фабриках, 29 банкиров и крупных торговцев. А в 1907 году, после провала попыток вооруженных восстаний, в среднем убивалось до 18 человек в день.

Власть, выстоявшая под этим кровавым смерчем, была прочной и во многом самоотверженной, но ее представителям было страшно, и большевики, шедшие на преступления преимущественно ради грабежа, были если и не «социально близкими», то, во всяком случае, более приемлемыми.

Кроме того, не будем забывать результата этого сотрудничества: революции, едва не принесенной в Германию на деньги ее Генштаба, и одного из высших жандармских офицеров, уволенных во время Первой мировой войны за настойчивые указания на большевистскую опасность, а затем возвращенного из эмиграции и успевшего еще в 30-е годы потрудиться консультантом Сталина по деликатным вопросам.

Ключевой момент жизни каждого политика – приход к власти.

Для Ленина это 1917 год: между Февральской революцией и разгоном Учредительного собрания.

Февральская революция была демократической революцией в полном смысле этого слова. Объединенные лидеры буржуазии, интеллигенции и военных, вдохновленные

помощью Запада (представителям которого нужно было разрушение империй для расширения рынков сбыта; процесс закончился лишь с распадом Британской империи), свалили самодержавие, принудили слабовольного царя к отречению в пользу младшего брата, который заведомо не хотел царствовать и отдал им власть, и…

И позорнейшим образом провалились во всех сферах общественной жизни.

Они сумели лишь развалить – армию, государство и саму повседневную жизнь, смытую не столько митинговой стихией, сколько начинавшейся разрухой.

Это ничего не напоминает вам, друзья мои, пережившие демократическую власть в начале 90-х и видящие либеральное информационное наступление сейчас, в начале 2010-х?

Временное правительство, состоявшее из исключительно умных, цепких и талантливых по отдельности людей, оказалось коллективным ничтожеством.

По очень простой причине: оно не имело содержательной позитивной программы.

Его члены хотели политических свобод – и взяли их, и дали их народу, – и оказались в полном недоумении перед тем простым фактом, что народ хотел не столько свободы слова, сколько хлеба, работы и мира.

А обеспечить всего этого Временное правительство не могло, ибо в тогдашней ситуации, как и в любом кризисе, для решения содержательных проблем нужно было ограничивать эти свободы, а главное – обеспечивать развитие.

Не на уровне болтовни о «модернизации», «инновациях», «борьбе с терроризмом» и «войне до победного конца», а на уровне решения конкретных проблем за счет реализации стратегических модернизационных программ.

То, что потом сделали «тоталитарные» большевики, вся вина которых заключалась в том, что они не путали демократию с импотенцией.

А ведь для своего времени именно Ленин был главным демократом – человеком, обеспечивающим максимальное участие в управлении максимально широкому кругу людей. И даже диктатура пролетариата, при всех зверствах и жестокостях, с точки зрения учета властью интересов и мнений большинства людей, была демократией по сравнению с устройством царской России – да и многих других тогдашних стран. Другое дело, что искренне считающие «людьми» только социальную верхушку всякого общества заметить это, по понятным причинам, не в силах.

Коммунизм охватил полмира и стремительно распространился во всему человечеству не из-за подкупа, лжи и спецопераций (хотя мы знаем, что все это было), но прежде всего потому, что в то время именно он был идеологией освобождения и раскрепощения человека, идеологией реальной, а не «суверенной» демократии. Не случайно США, разглагольствуя о свободе и демократии, в своей внешней политике последовательно поддерживали диктаторов и «давили» демократов вплоть до второй половины 70-х годов, когда Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека.

Но при Ленине, при большевиках наша страна была не только одной из самых жестоких и страдающих, но и одной из самых демократичных в мире – если, конечно, понимать под демократией не соответствие формальным правилам, а реальный учет властью интересов и мнений населения. Классическим проявлением этого стал поворот к нэпу: да, всецело вынужденный крестьянской войной, на которую не хватало уже снарядов и газов, но и демократичный по своей сути.

Сколько режимов рухнуло именно из-за своей недемократичности, из-за неспособности встать на сторону народа против себя вчерашних?

Второй кульминационный момент взятия власти большевиками (если не брать, конечно, непосредственно самого «Октябрьского переворота») – разгон Учредительного собрания, завершивший этот процесс.

Мы хорошо помним, что оно было избрано демократически – примерно как последние Верховные Советы СССР и РСФСР, разорвавшие нашу страну. Мы хорошо помним, что большевики, которым де-факто принадлежала власть, были в нем в меньшинстве (из-за чего и разогнали). Однако мы практически ничего не знаем о наказах, с которыми ехали на

Учредительное собрание его депутаты.

А наказы эти были страшными.

Страна изнемогла в отчаянии Первой Мировой войны и демократического безвластия, она умывалась кровью, теряла силы и впадала в отчаяние.

Веры центральным властям было едва ли не меньше, чем сегодня федеральным, и не только практически все «национальные окраины», включая Украину, но и значительные регионы Сибири дали своим избранникам наказ добиваться выхода из состава России.

И те, как честные демократы, добились бы этого, уничтожив Россию, как уничтожили три четверти века спустя Советский Союз – безо всякой гражданской войны.

Да, большевики разогнали Учредительное собрание совсем не за это. Однако их тактический эгоизм и презрение к нормам умершего на тот момент права, как ни печально для любого юриста, были вполне оправданы с точки зрения национальных интересов России.

Целью Ленина было построение в условиях уже более чем столетней давности более свободного, более справедливого, более гуманистичного общества.

И, несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом – и помимо его непосредственных замыслов, она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им руками, по человечку и камешку.

И потому в мировом историческом процессе он – победитель.

Е. ЧЕРНЫХ: – И теперь его в какой уже раз пытаются выбросить из Мавзолея.

М. ДЕЛЯГИН: – Не будем забывать, что Ленин на Красной площади был не положен или что-нибудь еще, а именно «похоронен», как положено, и даже по церковным канонам – ниже уровня земли. Поэтому официальное требование либеральных фундаменталистов – похоронить Ленина – выглядит извращением здравого смысла: зачем хоронить второй раз?

На деле они, вероятно, просто хотят надругаться над могилой ненавидимого им человека, отомстить ему за успешный порыв огромных масс людей к свободе и просвещению, и прикрывают это свое желание благообразными терминами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Последние годы о Ленине если и вспоминают, то только в связи с Мавзолеем. Вынести его, похоронить, оставить ли, – а все сконцентрировано на Сталине. Якобы в стране два лагеря – демократы и сталинисты. Он чуть не стал «Именем России». Но стал Александр Невский.

М. ДЕЛЯГИН: – Александр Невский – тоже неплохо. А причины большей популярности Сталина по сравнению с Лениным просты. Ведь историческая функция Ленина заключалась в разрушении сгнившей системы. Он действительно гений – и тактик, и стратег. Ошибок делал много, но достаточно быстро исправлял большинство из них.

Ленин ведь был последний наш руководитель, который старался исправлять свои ошибки, конечно, если не брать Сталина и раннего Хрущева. Остальные наши руководители своих ошибок не исправляли и, насколько можно судить, не исправляют принципиально, даже осознавая их.

Так вот: эпоха Ленина была эпохой разрушения, хаоса. В горниле гражданской войне выковывалась основа нового общественного порядка, но она вышла на поверхность и наглядно реализовалась уже при Сталине.

Наше современное общество «наелось» разрушением, мы в этом разрушении пребываем уже более 20 лет, и 2000-е годы от 90-х в этом отношении отличались не принципиально. Пафоса было больше, «понтов» было немеряно, гламур вонял вовсю, разговоры велись правильные, а объективные процессы продолжались те же самые. А в социальной сфере ситуация даже усугубилась, потому что в 90-е годы еще держался советский запас.

В силу этого человек эпохи разрушения – герой не нашего времени.

А вот у Сталина совершенно другая историческая функция. Он человек, который карал и созидал, – делал то, в чем наиболее нуждается современная Россия.

Причем карал он не только и не столько, выражаясь современным языком, «начальство», сколько народ. Но, поскольку жаловалось на него именно «начальство» в лице интеллигенция и руководителей разных сортов, в общественном сознании зафиксировалось, что он карал именно «начальство».

Зафиксировалось, что Сталин наказывал руководителей разного рода за преступления против своей страны, своего народа. Он выступил своего рода Воландом, который наказывает по заслугам, но вне права, потому что права нет. Ведь начало эпохи Сталина – это принципиальный отказ от права в нынешнем его понимании. Нам не нравится председатель Центризбиркома, ничего не смыслящий в избирательном законодательстве, а в то время, по инерции гражданской войны нарком юстиции (!) просто говорил, что факт или отсутствие факта преступления не важно, а важно социальное происхождение. И ведь порожденный этой логикой термин «социально близкий» держался очень долго – до эпохи Хрущева, – а в 2000-е годы был вновь введен в оборот практикой пришедших к власти «юристов».

Но наказание «начальства» в Сталине как фигуре современного общественного сознания не главное. Главное, что он был строитель. Это очень важно. Посмотрите: Лужков – строитель современной Москвы, и ему за это (и, конечно, за то, что он не отдал Москву либералам на поток и разграбление) прощают буквально все.

У грузин самый великий во всей их истории царь – Давид Строитель, на него до сих пор буквально молятся.

Но был ведь еще один грузин – строитель, правда, в значительно больших масштабах. При Сталине построены не только до сих пор комфортные и престижные дома – при нем построены промышленность, инфраструктура и практически все остальное. Кстати, масштаб домостроения за пределами Москвы был при позднем Сталине выше, чем при раннем Хрущеве.

Я плохо отношусь к Сталину, потому что он сделал многие непозволительные вещи. Но нелепо отрицать его историческое значение, особенно на фоне нынешнего урководства.

Его жестокость – следствие того, что он был в прямом смысле слова исчадием гражданской войны. Но он очень сильно старался, и более добросовестного руководителя у нас, увы, не было.

Поэтому общество, глядя на многих других руководителей, в том числе современных, и соотнося их деятельность с деятельностью Сталина, творит о нем в буквальном смысле слова легенду. И сейчас именно Сталин – единственная фигура, которая в общественном сознании выиграла бы выборы в Российской Федерации, причем без всяких вопросов, в первом же туре. И ответственные, честные демократы проголосовали бы тоже: ругались бы, кляли на чем свет стоит, но одна мысль о том, что нужно бороться с коррупцией, вернула бы их к здравому смыслу, и они проголосовали бы за Сталина.

Что касается Ленина, то на его долю выпала совершенно иная историческая функция – разрушения.

С другой стороны, очень многое из того, что скрывала о нем советская история, выяснилось совсем недавно. Про Сталина ведь нехорошие вещи были известны давно: XX и XXII съезды КПСС не замолчишь.

И, когда сегодня либералы требуют осуждения Сталина, приходится им напоминать, что сильно мною не любимая Коммунистическая партия Советского Союза товарища Сталина уже осудила – за полвека до их истерик. Причем осудила по полной программе, в выражениях совершенно не парламентских. И вся антисталинская деятельность либералов – это традиционная для них попытка ввергнуть страну в прошлое и превратить в первоочередную новость события полувековой давности.

Так вот, возвращаясь к Ленину: общество узнало о нем много плохого, много аморального. Сталина ведь советская пропаганда выводила за скобки, чтобы не подставляться, а Ленин рисовался пряничным добрым дедушкой.

А он совсем не был добрым дедушкой. Он тоже был исчадием, и не только

гражданской войны 1918–1921 годов, но и восстания 1905 года, и террористической войны, которая шла все первое десятилетие XX века и, по сути дела, тоже была гражданской войной. Наконец, старший брат Ленина был казнен.

А на войне как на войне – была и жестокость, и беспринципность. Причем с обеих сторон.

Когда мы говорим, что империя загнивала, это правда: загнивание было всеобъемлющим. И Ленин как продукт этого гниения, как инструмент этого разложения не может сегодня вызывать большой моральной поддержки.

Кроме того, Сталин, воплотив мечты «кремлевского мечтателя» в жизнь и развив их дальше, тем самым затмил Ленина как творца. Это просто аберрация исторического зрения. Если мы сейчас перенесемся в 1918 год, даже в 1920–1921 годы, в отмену военного коммунизма, то мы фигуру Ленина должны воспринимать как совершенно титаническую.

С введением нэпа, например, он совершил колоссальный разворот к здравому смыслу, причем внезапный и враждебный для его соратников. Мандельштам писал по другому поводу: «Огромный, неуклюжий, скрипучий разворот руля. Мы будем помнить и в летейской стуже, что десяти небес нам стоила земля».

Ведь все соратники Ленина в кровавой горячке гражданской войны требовали давить крестьянские восстания, убивать негодяев-контрреволюционеров. А он осознал, что большевики – и в первую очередь он сам – увлеклись, что человеческая, а значит, и историческая правда на стороне этих контрреволюционеров, которых большевики травили газами. И он тех, кто сопротивлялся с оружием в руках, добил, потому что ничего не сделаешь, а всю политику государства развернул в соответствии с их требованиями.

Это истинное величие.

А сегодня тема выноса Ленина из Мавзолея педалируется не только ненавистью к нашей истории, не только стремлением отомстить мертвым за собственное убожество, не только страстным желанием поплясать на костях, но и мелкими тактическими интересами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как разменная монета.

М. ДЕЛЯГИН: – Как только нужно что-то получить от господина Зюганова – нажимается кнопка, и пара-тройка дежурных подрабинеков, которые всегда на подхвате, начинают петь свои песни про «вынос тела». Как только зюгановская КПРФ идет на попятную, и договоренность достигается, – клоуны прячутся: их дело сделано, тема закрыта.

Честно говоря, намерение разрушить Мавзолей и надругаться над могилой Ленина – это еще и стремление надругаться над историей и культурой. Потому что Мавзолей – это часть культуры нашей страны, ансамбль Красной площади неповторим. Единственный способ перезахоронения Ленина, о котором можно говорить, – это выставить вместо его тела голографическое изображение, которое ничем не будет отличаться от подлинного. Но зачем?

Е. ЧЕРНЫХ: – Говорят, большие расходы на лабораторию.

М. ДЕЛЯГИН: – А вы воруйте чуть поменьше, на полпроцентика, и денег на все хватит. Генпрокуратура посчитала, что масштабы коррупции по величине сопоставимы с федеральным бюджетом. Так что даже крошечного убавления воровства хватит не только на лабораторию, но и на многое другое.

Да и в целом это отговорка. Когда наше государство говорит, что ему на что-то не хватает денег, как правило, это означает, что оно чего-то не хочет делать. Потому что даже во времена, когда их и вправду не хватало, на политические цели всегда их было сколько угодно. Достаточно вспомнить выборы Ельцина в 1996 году.

А вот когда чего-то не хочется, тогда денег ни на что не хватает. А гробокопателям, любителям повоевать с мертвыми, которые уже сдачи дать не могут, я просто хочу напомнить, что у нас есть замечательный опыт вскрытия исторических могил.

У нас вскрыли одну историческую могилу – могилу Тамерлана, и на следующий день началась Великая Отечественная война. Пожалуйста, не надо повторять этот опыт.

Я хорошо отношусь к Ленину в целом. Но, если кто-то относится к нему плохо, вспомните поговорку: «Не буди лихо, пока спит тихо».

Так вот: не будите. Потому что прецедент есть – Тамерлана разбудили.

Да, конечно, это случайное совпадение. Я не мистик, я во многие вещи не верю, но, когда мы не знаем чего-то точно – лучше подстраховаться.

Мы не знаем, что такое тонкие поля, что такое информационные поля, мы не понимаем, как работают телепаты и ясновидцы, – значит, есть сферы, в которые просто не надо лезть. Вот на трансформаторной будке написано: «Не влезать! Убьет!» – и не надо туда влезать, не разобравшись, как она устроена. На Мавзолее написано «ЛЕНИН», а читать надо: «Не влезай! Убьет!». По крайней мере, всяким людям альтернативной политической ориентации…

Е. ЧЕРНЫХ: – Интересная ситуация была. Споры были еще во время его похорон, как его хоронить. Сталин, Калинин говорили, что надо бальзамировать, чтобы хоронить по-русски, не сжигать и устроить величественные похороны. Троцкий, Каменев, Зиновьев выступали против бальзамирования. Вроде бы это будут мощи, он сам против попов выступал, а это по их традициям его забальзамируют. Те же мощи появятся. Но ведь есть еще и версия, что его специально бальзамировали, чтобы потом оживить.

М. ДЕЛЯГИН: – Действительно, мощи, и вполне по православным канонам. Спору нет. Это и тогдашний патриарх Тихон признал де-факто, когда, в ответ на известие о том, что под Мавзолеем прорвало канализацию, произнес бессмертное «По мощам и елей».

Если вы почитаете всю революционную риторику, вы увидите: она насквозь религиозна. Потому что религия – это не священник в церкви или мечети, а определенное состояние души.

И не важно, чему именно вы поклоняетесь: революции, справедливости, братству народов или тому или иному богу, если вы поклоняетесь искренне, у вас есть только одна – религиозная – риторика, только одна – религиозная – интонация. И моральный кодекс спасителя коммунизма вы спишете с десяти заповедей, потому что больше не с чего списывать.

Религия – это огромный пласт культуры, который объединяет всех, хотят они этого или не хотят.

Бунт Троцкого, Зиновьева, Каменева против этого был вызван не столько их культурными корнями, которые мощей не предусматривают, но, как я полагаю, в первую очередь чисто тактическими утилитарными функциями.

Они были тогда самыми сильными политическими фигурами, и смерть Ленина давала власть им в руки. Это означало, что им не нужны были конкуренты. Забальзамированный Ленин как объект хоть и революционного, но поклонения, как слишком сильное напоминание о величии, был им объективным противником. Рядом с ним, как нашим нынешним руководителям рядом с народной памятью о Сталине, нельзя было быть полноценными властителями.

Е. ЧЕРНЫХ: – Сталин не испугался, именно на этом настаивал.

М. ДЕЛЯГИН: – Сталин не боялся памяти о Ленине, потому что, думаю, чувствовал, что он фигура, соразмерная ему и войдет в историю в этом качестве.

Есть потрясающая книжка Кожинова «Правда сталинских репрессий». Совершенно не сталинистская, очень объективная. С популярным описанием, что происходило и как происходило.

Что же касается надежд на воскрешение, мы же не понимаем сегодня в нашей тщете и деградации, какой взлет мечты и взлет уверенности в возможностях человека, в силе человеческого духа породила революция. Это действительно было освобождение и раскрепощение. Ведь коммунисты были не бюрократами – они были людьми, которые подняли человека из грязи. Они искренне хотели убить зверя, который сидит в каждом человеке, и они очень далеко по пути обуздания этого зверя продвинулись.

В том числе и в технике, была ведь масса до сих пор фантастических изобретений. Был Бартини, итальянский «красный барон», гений не только в авиации – он изобрел невидимый самолет, который действительно летал и был невидимым. А другие самолеты делались в

кроватных мастерских; это было время всеобщего порыва к творчеству.

Чувство осуществимости – это самое главное чувство и в политике, и в жизни. Еще Кеннеди об этом говорил: его спросили: чем вы отличаетесь от всех остальных, и он ответил: я принес в политику чувство осуществимости. Мы все можем, «нам нет преград ни в море, ни на суше» – именно эта песня должна быть гимном нашей страны.

Для великих ученых должны быть великие политики, как Ленин и Сталин, способные их понять. Когда нам сейчас политические карлики, кабычегоневышлистики, коекакеры говорят, что вот, нужен бухгалтерский подход и, если в течение года или трех лет изобретение ничего не дает, оно не имеет права на существование, я напоминаю: уже был исторический опыт, уже был государственный деятель, который проводил именно такую политику.

Звали его Адольф Гитлер, в девичестве Шикльгрубер. Он закрыл все исследования, которые не давали эффект в течение года, – и убил тем самым великую немецкую фундаментальную науку, убил навсегда. Ее больше нет, и она не возродится: немецкий народ есть, а фундаментальной науки у него нет.

И мы должны помнить людей, которые первый Мавзолей Ленина строили в форме ракеты.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но и выносить Ленина, по мнению Делягина…

М. ДЕЛЯГИН: —…это преступление против культуры и истории России. Об этом могут говорить только люди, которые страдают юношеским комплексом ненависти к своим родителям, которые не могут до сих пор осознать свою собственную историю, которые ненавидят сами себя. Может быть, им так легче, но нам, России, этого не надо.

20.01.2010, 21.01.2010

Советский проект: кто и зачем ненавидит Советский Союз

...Ветераны борьбы с советской властью… сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии… Именно они – подлинные герои нашей страны.

А. Подрабинек[4]

М. ДЕЛЯГИН: – Перед обсуждением этой темы не могу не откликнуться на прозвучавшие сейчас новости, на призыв подумать о том, надо ли в связи с очередной трагедией менять власть в соответствующем городе.

Думаю, ответ должен быть такой: менять власть надо, но не в городе. Потому что это ведь трагедия далеко не одного только города – это типичная, стандартная трагедия всей нашей страны.

Не там, где погибали молодые люди, в том числе молодые начальники и дети влиятельных родителей – там, где погибали те, за кого заступиться было некому. Это дома престарелых, это школы, это СИЗО, в конце концов.

Проблема в том, что слово «пожарный», как и слово «милиционер», для слишком многих сегодня и по слишком весомым причинам ассоциируется не с выполнением «профильных» функций по обеспечению безопасности, а с наглым беспардонным и предельно циничным вымогательством. Такое ощущение, что для нынешнего государства нарушение правил – не то, что должно быть исправлено, потому что создает опасность, а то, что должно кормить проверяющих. И пока эта ситуация не изменится по всей России – по всей России, а не в отдельно взятом регионе, – трагедии, как это ни ужасно говорить, будут повторяться.

---

[4] *Подрабинек А.* «Как антисоветчик антисоветчикам». «Ежедневный журнал» от 21 сентября 2009 года (http://ej.ru/?a=note&id=9467).

Поговорим же теперь о стране, в которой такого не было. О стране, о реалиях которой – вроде бесплатного образования и здравоохранения, нормальных судов и милиции – многие уже сегодня кричат на всех углах, что их не было, потому что не могло быть никогда.

Было другое, и было очень скверное – и Чернобыль был, и мародерство в Спитаке, и дедовщина в армии, хоть и не такая, конечно, как сейчас. Но массового, повсеместного восприятия нарушений как источника кормления толп проверяющих, массового растления народа в Советском Союзе не было, и представить себе такого было нельзя.

Уже больше 20 лет прошло с того дня, как в Беловежской Пуще собралась отнюдь не святая троица, из которой один – Борис Николаевич – уже ушел и от нас, и от действующего законодательства…

Несколько лет назад я оказался в Польше на конференции в Крынице, которая вылилась в совершенно фантастическую манифестацию ненависти к России. Думаю, каждый русский, каждый россиянин должен был послушать то, что там про нас говорилось, чтобы понимать, чего стоят на самом деле все эти разговоры о «европейских ценностях» и «цивилизованной Европе», чтобы ощутить, как люто их элиты ненавидят нас просто за то, что мы есть, что мы, несмотря на все старания либеральных реформаторов, все еще существуем…

И среди прочих там был Шушкевич, который выступал вместе с Валенсой. Ну, Валенса понятно, что такое: это простой честный слесарь… Знаете, Черномырдин когда-то сказал: «Мы далеки от мысли…» Потом подумал и уточнил: «От всякой мысли». Так и Валенса: у него до сих пор, уже 20 лет, продолжается непрерывный пароксизм восторга по поводу того, как он победил коммунизм и, как изящно выражаются московские либеральные интеллигенты, «раздавил гадину». Он не рефлексирует, не думает о цене этой победы даже для Польши – он непрерывно испытывает публичный восторг. Это цельный и органичный человек, к которому просто не может быть претензий: оргазму такой длительности, пусть даже и политическому, остается только завидовать.

И вот Шушкевич сидит рядом с ним на сцене и говорит, тихо и вежливо: знаете, я же ничего такого не хотел! Причем говорит он это аудитории, которая готова восторженно визжать от любого плохого слова в адрес России. А он говорит: да поймите, просто зима была, нужно было дизтопливо, а Горбачев его не давал. Вот я и решил у Ельцина попросить, а он с Кравчуком приехал, а Кравчук все и замутил.

То есть Шушкевич понимает, что соглашение в Вискулях, в Беловежской пуще было, при всех объективных предпосылках, может быть, и не преступлением, но, во всяком случае, злодеянием.

Е. ЧЕРНЫХ: – Шушкевич – это первый руководитель демократической Белоруссии.

М. ДЕЛЯГИН: – Он был единственный на руинах Союза не президент – Председатель Верховного Совета Белоруссии. Очень интеллигентный человек. Кравчук – украинский президент, насколько можно судить, был мотором развала Советского Союза, он буквально «уперся рогом» и пер на отделение Украины изо всех сил, добивался этого любой ценой, любыми средствами. Не очень часто цитирую Путина, но сегодня хочется: «Кто не сожалеет об этом (о распаде Советского Союза. – М. Д.), у того нет сердца».

Е. ЧЕРНЫХ: – Еще он сказал, что это была величайшая геополитическая катастрофа XX столетия.

М. ДЕЛЯГИН: – Не простого столетия – столетия, когда история ускорила свой бег, когда рушились империи, все менялось, все воздвигалось, и мир за XX век перекраивался целиком и полностью несколько раз. Но Путин прав, то была величайшая геополитическая катастрофа даже на этом фоне.

И обратите внимание: в нашем обществе уже сложился массовый миф о Советском Союзе как о «Золотом веке» в истории человечества.

Так вот, дорогие коллеги, позвольте уж как очевидцу и свидетелю доложить, что это был отнюдь не «Золотой век». Это было время тяжелое, достаточно трагическое, когда наша армия воевала где-то какими-то своими частями почти каждый год, и приходили гробы.

Подойдите в Свердловске, который сейчас из ненависти ко всему советскому сокращенно зовут Ёбург, к памятнику «Черный тюльпан» – там высечены почти все «необъявленные войны», в которых наши воевали, и то не все, по-моему…

Это в Советском Союзе Высоцкий пел, и правду пел: «И пули нас хотя и не косили, но жили мы, поднять не смея глаз. Мы тоже дети страшных лет России – безвременье вливало водку в нас». Это он пел в том времени и о том времени, которое сейчас действительно кажется «Золотым веком», но лишь по сравнению с тем, в чем мы вынуждены жить сейчас.

И только под впечатлением от нынешних и недавних руководителей, только на их эмоциональном фоне можно было снять фильм про Леонида Ильича Брежнева, где он выглядит добрым дедушкой, прекрасным заботливым человеком, который старается для блага каждого.

Посмотрев такой фильм, протираешь глаза и думаешь: господи, а почему ж страна-то рассыпалась!

Это как в церкви иной увидишь икону Николая Второго и думаешь: господи, ну кем надо быть, чтобы почитать икону человека, доведшего свою страну до революции и гражданской войны? Отрекшегося от божьего помазания, то есть совершившего чуть ли не богохульство? Ведь царь, по тогдашнему сознанию, был божьим помазанником…

Сегодня, когда прошло скоро два десятилетия, мы можем смотреть на свою прошедшую страну с высоты истории. И видно, что Советский Союз не просто противостоял капитализму, который сейчас называется «Западом», – он находился с ним в диалектическом состоянии единства и борьбы противоположностей. Мир был разделен на две половинки, которые проникали друг в друга тысячами каналов, кстати, в этом отношении разговоры про «железный занавес» – это для журналистов и маркетологов.

Е. ЧЕРНЫХ: – И для Леха Валенсы.

М. ДЕЛЯГИН: – Ну да, и для польской элиты. Народ-то там правильный, но исторически ему так же, как и нам, с элитой «везет» просто феерически, нарочно не придумаешь.

Так вот, «железный занавес» был для обычных людей, а общества, экономики проникали одно в другое и влияли друг на друга. История так и вовсе была синхронизирована, причем даже в самые глухие и страшные сталинские годы. Посмотрите: на Западе 1929 год – год начала Великой депрессии, у нас – год начала коллективизации, «великого перелома», нашей реакции на Великую депрессию, которая нас, по официальной истории, как бы и не коснулась.

Советский Союз и Запад действительно были двумя частями единого целого, единого мирового хозяйства, которые друг друга враждой, но поддерживали, развивали и друг без друга, в конечном счете, существовать не могли. В начале 70-х годов XX века, когда обанкротились США… Мы этого политкорректно не произносим, но отказ Никсона от «золотого стандарта», от обязательств гарантированного обмена золота на доллары в переводе на русский называется банкротство. Потому что, когда кто-то говорит: «Да, у меня есть обязательства, но я больше не могу их выполнять», – это и есть банкротство.

А затем грянул «нефтяной кризис» 1973–1974 годов. Тогда Советский Союз мог разрушить мировую капиталистическую систему, но его руководство приняло осознанное решение этого не делать. Получилось, как по Салтыкову-Щедрину: «от него злодейств ждали, а он чижика съел». В виде заключения Хельсинкских соглашений о нерушимости государственных границ в Европе.

Причина в том, что советское руководство к тому времени уже в целом пропиталось ценностями материального потребления, то есть ценностями Запада, восприняло их как единственно возможные для себя, и для него конец Запада был бы концом света. А с другой стороны, они ощущали, вероятно, что социализм и капитализм – две половины мира, и одна половина без другой существовать не может.

Прошло менее 20 лет, и, когда аналогичная возможность уничтожения противника открылась перед лидерами Запада, они разрушили Советский Союз, не колеблясь: это были

люди заметно менее культурные. Нашу страну – и нас вместе с нею – раздавили с воплем «Раздавить гадину!», как потом подвывала либеральная интеллигенция. Но, сделав это, мировой капитализм немедленно влетел в мировой кризис и, по-видимому, тоже закончился. Мы это уже видим.

Сегодняшний Запад, капитализм без социализма – это, как говорят на Востоке, «хлопок одной ладонью». Такое бывает, но недолго. И сейчас, на наших глазах, заканчивается – и мы называем его завершение «глобальным финансовым кризисом», просто потому, что других слов пока еще нет.

Я объясняю все это, чтобы лучше показать: Советский Союз был важным этапом развития не одной лишь нашей страны, а всего человечества.

Он потерпел поражение, рассыпался по трем базовым причинам.

Главная – разложение системы управления: наше общество создавало лучший в мире «человеческий капитал», который использовался наихудшим образом. Потому что система управления была очень косной, унаследованной из позапрошлой эпохи. И эта система управления, получив нефтедоллары для своей подпитки, получила тем самым возможность уничтожить развитие ради самосохранения. И она сделала это и сгнила.

Внешне уничтожение развития выглядело как чрезмерно агрессивный идеологический контроль, вызывавший всеобщее негодование и недовольство.

Главное достоинство советской цивилизации – неприятие наживы как высшего смысла человеческой жизни. А главный порок – агрессивное навязывание идеологических ритуалов. Грубо говоря, государство «лезло в мозги» гражданам, даже когда это не было нужно, и принуждало их к предательству.

Вторая причина распада Советского Союза – отказ его руководства от культурной ассимиляции национальных элит, которая проводилась не только в царской России, но и до конца Сталина и даже в начале периода Хрущева. Но уже при том же Хрущеве эта политика сменилась на безудержное пестование обособленности именно национальных элит, которые потом страну и порвали на части.

И третья причина распада – наши замечательные спецслужбы, которые, на беду, были не коррумпированы. Сахаров был прав, называя КГБ наименее коррумпированной структурой власти… И, когда эти малокоррумпированные и сравнительно эффективные менеджеры, находясь под гнетом партийного контроля, видели, как разлагается партийное руководство, но ничего не могли с этим сделать, они породили феерическую идею: «качнуть ситуацию», дестабилизировать ее для того, чтобы дискредитировать коммунистическую власть, свалить ЦК КПСС, поставить нормальное руководство и за его спиной самим прийти к власти.

Насколько можно судить, замышлялась демократия примерно как в Турции, которой, по ряду признаков, на деле управляет генеральный штаб. На практике реализация этой идеи вылилась в стимулирование демократических и национальных движений, которые, выйдя после смерти Андропова из-под контроля, и развалили страну.

Напомню, что для всех частей Советского Союза, даже для Прибалтики его распад стал национальной катастрофой. За первые три года «либеральных реформ» промышленное производство в России упало почти вдвое, инвестиции – вчетверо, уровень жизни снизился неизмеримо, и виноваты в этом были отнюдь не коммунисты.

При этом многие регионы были отброшены в условия натурального хозяйства, а многие в них прозябают до сих пор. Но более чем за два десятка лет полноценное государство так и не сложилось. Это конгломерат нескольких группировок, которые солидарны только в игнорировании интересов народа, это совокупность не общественных интересов, а начальников со своими секретаршами.

В 2000-е Россия непрерывно «поднималась с колен» в тщательно умалчиваемую официальной пропагандой позу, на нее лил золотой дождь «нефтедолларов», гламур стал бытом правящей верхушки, а еще легальный Чичваркин проводил на Лондонском экономическом форуме целое заседание о роскоши как национальной идее России.

И каковы итоги?

Если брать годы после уничтожения Советского Союза в целом, доля России в мировой экономике сократилась более чем в 2,7 раза: с примерно 6 % в 1990 до 2,2 % в 2009 году. Все остальное постсоветское пространство, включая Прибалтику, рухнуло еще страшнее – более чем втрое: примерно с 3 % в 1990 году до 0,9 %. Это подлинная катастрофа. Это безвозвратная утрата технологий, научных школ, которые были отнюдь не только в России. Все, включая нас, отброшены в положение стран третьего мира, причем разрозненных. Утрачен культурный уровень, разрушены системы образования и здравоохранения. Одичание масс и деградация социумов идет полным ходом, они отнюдь не прекратились, – я говорю не только про Россию, но про все постсоветское пространство, включая Прибалтику.

Е. ЧЕРНЫХ: – Идет вымирание.

М. ДЕЛЯГИН: – При этом в нашей стране лучшие черты Советского Союза забыты и преданы анафеме. Более того: почти официально заявляется, что их никогда и не было. А вот худшие черты Советского Союза или, как говорили при его развале, «совка», трудолюбиво возрождены.

Достаточно вспомнить однопартийную систему. Люди, которых когда-то тошнило от Коммунистической партии Советского Союза, сейчас, попав в «Е…ную Россию»[5] или в официальные молодежные структуры, говорят: КПСС все же была получше, поживее и намного более честной.

Даже если взять не благо всех, а благо отдельной личности – после распада СССР мир стал более комфортным и безопасным лишь на очень короткое время, пока вместо старых опасностей – конфронтация двух систем, риска ракетно-ядерного уничтожения – не появились новые.

Это случилось очень быстро после исчезновения старых опасностей. Прежде всего – тотальная массовая нищета, гораздо более безысходная, чем раньше, и, соответственно, вражда между бедными и богатыми в масштабах всей Земли.

Вторая опасность – вражда между культурами.

И, наконец, нельзя забывать, что Советский Союз был разрушен именно потому, что был объединением национальным и уже только поэтому противостоял глобальному капиталу. Сегодня – и это главное противоречие нашего времени! – глобальный капитал противостоит любой национальной и территориальной обособленности. Любой: американской, израильской, еврейской, русской, китайской и так далее. И в этом отношении там, где раньше была граница между пролетариатом и крупным бизнесом, теперь пролегает граница между транснационалами и всеми остальными людьми, которые хотят жить где-то конкретно, которые привязаны к какому-то месту. Это новый конфликт, может быть, не такой страшный и чудовищный, но он тоже абсолютный.

Он пока полностью не проявился, но он уже очевиден.

И этот конфликт – содержание нашей новой истории. Она будет богатой. И к Фукуяме, который в предвкушении краха СССР написал «Конец истории», все испытывают что-то вроде отеческого чувства: это такая большая ошибка, что вызывает уважение уже своими масштабами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Наглядный пример – свиной грипп. Это транснациональные фармацевтические корпорации все затеяли.

М. ДЕЛЯГИН: – Это не свиной, а транснациональный грипп, чтобы не сказать «транснациональное мошенничество».

Кстати, до краха Советского Союза проблемы человечества по мере роста его богатства неуклонно, хотя и медленно, но решались. Человечество богатело, и до начала 90-х годов богатство автоматически смягчало проблемы. А в 90-е годы перестало, потому что

---

[5] Поскольку значительная часть российского общества считает название «партии жуликов и воров» нецензурным (хотя и политическим) ругательством, в целях поддержания общественной морали автор вынужден писать его так, как положено писать такие термины – с отточиями.

противостоящим группам стран уже не надо было переманивать на свою сторону бедствующих. Их стало возможно просто бросить, и их бросили.

Е. ЧЕРНЫХ: – За Африку мы боролись когда-то.

М. ДЕЛЯГИН: – Сейчас китайцы бороться начали – и за Африку, и за Среднюю Азию.

Важное следствие уничтожения Советского Союза – уход из повседневной жизни идеологизации. Она казалась нам злом, но выяснилось, что человек без идеологии, которая задает цель, систему координат и меру ценностей, просто не может жить, даже сугубо биологически.

Наконец, когда мы понимаем, что распад СССР, пусть даже относительно мирный, принес огромные бедствия и способствовал варваризации человечества, нужно учесть, что политические права человека после того, как были разрушены экономические основы этих прав, оказались просто бессмысленными и превратились в свою противоположность.

Вместе с тем Советский Союз – это закономерный этап развития человечества. И крах Советского Союза – тоже закономерный этап этого развития, он означает, что Советский Союз свою историческую миссию выполнил.

В чем было его главное значение? Отвлечемся на время от Советского Союза. Что сейчас творят наши руководители? Неутомимо повышают, например, стоимость проезда в метро. А в Шанхае, поскольку Китай идет в целом по советскому пути, в 2009 году было объявлено, что в связи с пуском новых станций снижается стоимость проезда на метрополитене. Потому что новые станции повышают пассажиропоток, и новые люди приносят метро новые деньги, позволяя снизить цену билета. А у нас каждая новая станция метро, как и любое другое событие, – повод для того, чтобы еще сильнее задрать цены и тарифы. В этом отличие нормальной системы от нашей нынешней.

Когда говорили о трагедии в клубе «Хромая лошадь» в Перми, это производило впечатление такого же способа отвлечь общественное внимание от трагедии «Невского экспресса», как антигрузинская кампания 2006 года стала способом отвлечь общественное внимание от Кондопоги.

Простой вопрос: «Невский экспресс» – это террористический акт или износ рельсов? Чтобы не отвечать на этот вопрос, все силы были брошены на объяснение того, что нехорошо пускать фейерверки в замкнутых помещениях.

В Советском Союзе многие из подобных описанным явлений были невозможны в принципе. Он сыграл свою роль в истории человечества, и сегодня можно выявить четыре основные необходимые для всего мира достижения Советского Союза, которые не были бы сделаны без него никогда.

Первое: Советский Союз заставил развитые страны обеспечивать полный учет социальных факторов. Для бизнеса как такового они лишние, но они необходимы для развития человечества и в целом, и для обеспечения эффективности развитых стран. Когда мы говорим «капитализм с человеческим лицом» – не забывайте: это лицо Советского Союза, это лицо нашей страны. Именно Советский Союз вынудил капиталистические страны обеспечивать социальную защиту своих граждан.

Классический пример – Германия после разделения. Западу и западногерманской элите нужно было отвлечь немцев от советской идеи воссоединения в качестве нейтральной страны, нужно было расколоть страну и милитаризовать Западную Германию. Аденауэр, будучи консерватором, правым до мозга костей, представителем бизнеса, при всем этом проводил социальную, практически советскую политику, потому что ему нужно было привлечь на свою сторону западных немцев.

С другой стороны, Восточная Германия: ресурсов нет, кредитов нет, потому что Советский Союз не мог кормить Восточную Германию так, как американцы кормили Западную, плюс репарации, потому что войну все помнили очень хорошо. В результате в Восточной Германии проводилась политика жесточайшего монетаризма в стиле даже не Гайдара, а Илларионова – и людей очень быстро, уже в 1953 году, довели до социального взрыва.

Если бы Советская армия не вела себя предельно мягко, тактично и корректно, напоминая более всего воспитанниц пансиона благородных девиц, за несколько дней мятежа было бы не 40 убитых, а несколько тысяч. Это было бы даже более страшно, чем в Венгрии в 1956 году, потому что многие немцы только что воевали – опыт был, и привычка была, и азарт показать, кто круче, у немцев тоже был.

Так что главная заслуга Советского Союза перед человечеством – он все это человечество, и в первую очередь Запад, развернул лицом к человеку. Общество массового благосостояния – это безусловная, бесспорная заслуга Советского Союза, хотя сам он его построить так и не сумел.

Вторая заслуга – форсирование технологического прогресса. Сначала в рамках гонки вооружений, потом благодаря выбросу технологий и интеллекта при распаде Советского Союза, который и открыл двери глобализации.

Третья заслуга – ускоренное развитие ряда развивающихся стран. Не только социалистической, но и капиталистической ориентации, потому что соперничество за них позволяло им развиваться. Классический пример – Индонезия. Когда в свое время МВФ стал навязывать ей очень жесткие условия по кредиту, ее руководство ответило: нет проблем, мы только что расстреляли всех коммунистов, поэтому теперь можем совершенно спокойно просить кредит у Советского Союза. Они нам, может быть, и не дадут, но попросить мы можем без всякого опасения для себя, пятой колонны у нас больше нет. И МВФ тут же, без звука согласился на все предложения индонезийской стороны – и Индонезия продолжила свое развитие, а не была экономически уничтожена, как это случилось бы в той же ситуации в 90-е годы. В 90-е годы, да и в 2000-е Индонезия была бы доведена до катастрофы и лежала бы сейчас в руинах.

Наконец, заслугой Советского Союза было удержание развития третьего мира в рамках единой общечеловеческой культурной парадигмы. Потому что конкуренция Советского Союза и США – социализма и Запада – велась в рамках единой культуры, единых ценностей, и эта культура и ценности распространялись на весь мир.

Иногда по наивности говорят, что ценность Запада – демократия. Да ладно! Демократия стала ценностью Запада официально только при Картере, а до этого Соединенные Штаты поддерживали самых чудовищных диктаторов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как Кеннеди говорил, «сукин сын, но зато наш».

М. ДЕЛЯГИН: – И демократы были для них подрывными элементами, их давили танками везде и всюду. Только Картер принципиально развернул подход, и в этом его историческая заслуга с точки зрения Америки. Как только конкуренция за третий мир исчезла, сразу началось столкновение цивилизаций, и сразу же возникла непреодолимая пропасть между развитыми и развивающимися странами.

Советский Союз был этапом развития, нам в него вернуться нельзя. Но очень многое было бы неплохо вернуть.

Е. ЧЕРНЫХ: – У нас уже вернули ДОСААФ.

М. ДЕЛЯГИН: – Просто с брендами в Советском Союзе тоже все было очень хорошо. Мой любимый пример – «Аэрофлот», который, когда нужно было очищаться от «проклятого прошлого» и готовиться к акционированию, решил сделать новую эмблему. Провели огромный конкурс и пришли к выводу, что советская эмблема – лучшая из возможных.

Е. ЧЕРНЫХ: – Название «Комсомольская правда» – советское осталось.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, и только конченые подрабинеки могут истерить по этому поводу. По-моему, потому и истерят, что лучше не придумаешь.

С другой стороны – ОАО «Российские железные дороги». Они решили придумать себе новую эмблему. Смотрит мой приятель на нее и говорит: а почему они в английском слове *pig* (свинья) так странно написали букву «г»?

Нормативный срок эксплуатации хрущоб – 25 лет. Некоторые уже по полвека стоят и, хоть и плохо, но и дальше стоять будут.

Но главное в Советском Союзе было все же не это, не прочность, передающаяся через

поколения.

Сейчас модно стало, оправдывая деятельность некоторых либеральных фундаменталистов, кричать: ну как вы можете говорить о необходимости доступного для всех образования? Ведь не может быть доступного для всех качественного образования. Когда это кричат 25-летние «эффективные менеджеры» – ладно, они учились в Высшей школе экономики, Российской экономической школе и прочих подобных заведениях, до этого ставшие «жертвами ЕГЭ». Но, когда это кричат люди под сорок и за сорок, я спрашиваю: «А вы какой вуз заканчивали?». Человек отвечает, и я тактично интересуюсь: «И сколько платили за образование?». Человек недоумевает: как так, ничего не платил, это же был СОЮЗ!

И хватает себя за язык – потому что, оказывается, все-таки можно давать массовое, качественное и при этом бесплатное образование!

Дальше либеральные фундаменталисты начинают выть: невозможно обеспечивать здоровье нации бесплатно, нельзя допустить бесплатного здравоохранения, оно не может быть качественным.

Что на это ответить? Только одно: пощупайте свое плечо. Левое. У вас там след от прививки против целой гаммы скверных болезней. Сколько ваши родители за нее платили, чтобы вам не заболеть никогда?

И так далее, по каждому пункту.

Либеральные фундаменталисты визжат истошно чуть не на каждом углу: нельзя поднимать культуру быдла, оно так быдлом и останется и пусть остается, пусть смотрит «Дом-2» или что там им сейчас показывают.

Спрашиваешь: а словосочетание «культурная революция» вам известно? Да, это то, что при Мао делали проклятые социалистические китайцы. А потом вспоминают, что до проклятых китайцев в нашей стране научили целое поколение читать. До этого было очень хорошее образование в царской России, но оно было не для всех, а во время гражданской войны и разрухи грамотность еще более упала. И пришлось проводить «культурную революцию» – учить всех читать и понимать прочитанное.

Когда повышали культуру, это была комплексная работа. Напомню: самая успешная антиалкогольная кампания была в конце 50-х годов – в рамках работы по повышению культуры быта советского человека.

Советский Союз создал новую общность людей – советский народ. И не только мечом и кровью, но заботой и выращиванием. И мы отличались от западников в первую очередь тем, что мы были слишком добрые. Именно это обеспечило поражение наших ужасных спецслужб: они тоже были слишком добрые. Я застал еще это поколение советских руководителей, которые довели страну до катастрофы. Но они говорили: «Как же так, мы же не можем сделать эту вещь, потому что она приведет к ухудшению условий жизни людей. Пусть они будут жить хуже в силу объективных условий, но нашей вины в этом не будет».

Совестливость – это неотъемлемая черта советской цивилизации. Это то, что в первую очередь уничтожалось нашими либеральными и не очень либеральными реформаторами. Уничтожалось осознанно и с ненавистью, и ненависть эта только крепнет.

Посмотрите: Советский Союз уничтожен, развалился бесславно под действием, прежде всего, внутренних причин. Внешние тоже работали, но они ведь всегда работали, так что они не были главным.

Советский Союз стерт с лица земли, и полностью дискредитированы не только его лидеры, но и его идеология.

Казалось бы, «проехали – забудьте». Но ничего подобного, все строго наоборот: мы видим, что ненависть к Советскому Союзу не слабеет, а усиливается.

Отменяется День примирения и согласия 7 ноября: для правящей бюрократии невыносима, насколько можно понять, уже не только идеология социальной справедливости, но даже и примирение с ней. Официальное телевидение развязало подлинную гражданскую войну против воспоминаний о Советском Союзе. Список можно продолжать бесконечно.

В чем причина такой ненависти?

Проще всего с либеральными фундаменталистами: они ведь обожествляют прибыль и рынок. И сам факт даже не существования, а просто воспоминания о нашей стране, которая принципиально отрицала наживу как единственный смысл человеческой жизни, для либеральных фундаменталистов – нестерпимое богохульство.

Для них нажива – это единственный смысл человеческого существования. Все остальное – ересь, и должно быть выжжено из огнеметов. И вдруг целая страна, которая это отрицает и самим своим успешным существованием опровергает.

И – о ужас, это хуже всего – они сами жили в этой стране! Они до сих пор рвут на себе волосы от этого.

Но понятно, что главный источник ненависти – это правящая бюрократия. Сама память о Советском Союзе для нее – постоянный упрек и даже обличение в кромешном безделье и в тотальном воровстве. Какой бы коррумпированной ни была партхозноменклатура, на фоне многих нынешних лидеров она производит впечатление завхоза, который подворовывает драные пододеяльники. Для реабилитации Советского Союза в этом плане достаточно произнести слово «Чубайс». На фоне этого слова никто просто не поверит, что в Советском Союзе тоже была коррупция. И таких слов, надо отметить, очень много. Можно даже подряд зачитывать, по алфавиту, – такое ощущение, что не ошибешься.

Советская коррупция была настолько мизерной, что сегодня говорить о ней смешно и нелепо.

Но самое главное, что советское государство, при всех своих недостатках, стремилось к общественному благу искренне. Это благо понималось часто поразительно извращенно, но оно было реальной целью. И это является страшным обвинением нынешней клептократии, которая превратила само государство не более чем в машинку для личного обогащения.

Я говорю о недостатках Советского Союза – не надо их забывать: будь их чуть поменьше, китайский путь развития назывался бы сейчас советским. И это мы рвали бы на себе волосы по поводу чудовищного экономического кризиса, который привел бы к торможению экономического роста с 11 % аж до 8 %. И мы бы сейчас обличали неэффективное управление, корысть и неграмотность.

Но, поскольку недостатки Советского Союза были серьезными, случилось как случилось. Но даже при всех этих недостатках Советский Союз добился огромных успехов практически во всех сферах общественной жизни. Это не только промышленные объекты, это улучшение быта советских людей, который в конце 60-х – начале 70-х соответствовал уровню ведущих развитых стран. Да, были чудовищные места, где просто была разруха, и она как началась в коллективизацию, так и не останавливалась. Но в Европе тоже есть места, где тогда была разруха. Бытовой техники у нас было отчетливо меньше, чем на Западе, но это с лихвой компенсировалось отсутствием безработицы, безопасностью, лучшим образованием и здравоохранением – тем, что зовется «качество жизни».

А российской бюрократии хвастаться нечем. Выдающихся успехов добились только в одном – в ограблении собственной страны. Но таким достижением публично, за пределами узкого круга будущих подельников, не похвастаешься. Поэтому приходится молчать.

Более того, уровень жизни и даже уровень доходов основной части россиян существенно ниже, чем в последние годы Советской власти. А пресловутые права человека, ради которых вроде бы все и делалось, защищены существенно хуже. Простой пример: советские суды, за исключением политических дел и дел, связанных с начальством, принимали решения профессионально и независимо. Где вы можете твердо рассчитывать сейчас на честный независимый суд и на судью, который законы хотя бы читал?

Помимо бюрократии, ненавидит Советский Союз и часть вполне приличной московской интеллигенции – я сознательно не рассматриваю «грантоедов» и культуртрегеров, стремящихся размыть российскую идентичность ради окончательного торжества Запада. Часть ее контужена собственной историей – особенно это касается родственников чекистских палачей, попавших в мясорубку 1937 года, – часть ненавидит

прошлое своей страны просто из-за его трагичности, по интеллигентскому добросердечию.

Но есть очень большая часть интеллигенции, которая стремится оклеветать и смешать с грязью свою страну для того, чтобы оправдать себя, часто подсознательно, в своих собственных глазах. Это классическая эмигрантская болезнь: я уехал, мне здесь плохо, и единственный способ выжить – это доказать себе, что я все-таки прав. И приятные люди в Берлине начинают знакомство с рассказа о том, что советских солдат во время его штурма кормили так плохо, что они от голода ели друг друга. И интеллигентам даже в голову не приходит, что вокруг было много неплохо откормленных немцев, которых эти каннибалы почему-то подкармливали из своих пайков.

Эта болезнь распространена не только среди эмигрантов. Люди, воспитанные в советской культуре, подсознательно ощущают, что, выбрав демократию или просто «частную жизнь во время общественных потрясений», пусть даже и в невыносимых условиях, они бросили свою страну, предали свою Родину, и чувство неформализуемой вины гнетет и грызет их.

И, чтобы избавиться от этой вины, они обвиняют свою умершую страну во всех смертных грехах – просто чтобы оправдать себя. Психологически это вполне понятно, но, извините, по-человечески неблагородно. И неблагодарно.

Я могу еще понять позицию Русской православной церкви, которая очень долго вела себя достойно по отношению к прошлому, а потом вдруг начала без устали твердить о безбожной власти, преследовавшей священников. Просто РПЦ очень долго и честно помнила, как эта самая безбожная Советская власть обратилась к ней во время войны и как помогала ей в конце 80-х годов. Потому что во власти люди были совестливые, старались делать по-честному и, когда стало можно, почему бы и не помочь несправедливо угнетаемой церкви? Искали мощи святых, передавали помещения и так далее.

А те, кто сейчас точит зубы на Союз, забывает, что богоборчество 20-х годов было вызвано в очень большой степенью кадровой политикой самой РПЦ. Когда бездельников назначали священниками, и эти бездельники потом использовали рясу для сокрытия самых разнообразных пороков. Блок не для красного словца говорил о священнике, который «портил девок».

И сегодня очень странна позиция священников РПЦ, согласно которой православный человек не имеет права на социальный протест и на защиту своих прав – он, мол, может только молиться, а советскую историю нельзя считать русской.

Это ведь позиция даже не части государства – у нас в государстве много всего разумного. Это позиция наиболее косной части клептократии, которая забыла то, что было в Советском Союзе.

Почему мы должны помнить об этом? Потому что надо жить в мире со своим прошлым: никто не будет иметь будущего, пока он воюет со своим прошлым.

Мы своим прошлым контужены – мы должны его принять. Не простить: там есть вещи, которые нельзя прощать. Но понять и принять. Бессмысленно пытаться превращать себя в манкуртов, в Адольфов, не помнящих родства. Бессмысленно пытаться бесконечно возбуждать в себе подростковые комплексы против родителей и своих предков: затянувшиеся подростковые комплексы по отношению к родителям способны разрушить психику вполне взрослых людей, а затянувшиеся комплексы по отношению к нашему прошлому способны уничтожить наше настоящее и лишить нас будущего.

Поэтому написание честной истории нашей страны является сегодня главной политической задачей и моральным долгом. И я думаю, что мы это сделаем.

Е. ЧЕРНЫХ: – Настоящая история нужна обязательно.

М. ДЕЛЯГИН: – Ополчающийся на свое прошлое лишает себя будущего. Нам нужно осмыслить свое прошлое комплексно и честно, а не так, как это делают безумные и бездумные пропагандисты всех мастей.

14.12.2009

Космос: воплощенное мечтание страны

М. ДЕЛЯГИН: – 12 апреля, День космонавтики, – один из самых великих праздников нашего народа. Это действительно праздник всего нашего народа, ибо улыбка Гагарина озарила весь Советский Союз.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да и весь мир.

М. ДЕЛЯГИН: – И весь мир, и продолжает озарять нашу страну до сих пор. И даже на Западе празднуют «ночь Юрия». Даже они это празднуют, не как именно наш, а как общечеловеческий праздник, как праздник всего человечества, который позволяет ему объединиться над разрывающими его границами…

А с другой стороны, в 2010 году на 12 апреля был назначен день траура по погибшему в авиакатастрофе руководству Польши. Хотя Россия пережила скорбь и боль, разделила ее с поляками накануне этого дня.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это было шоком.

М. ДЕЛЯГИН: – Это было непониманием, недоумением, как такое возможно. Мы отвыкли от того, что такое случается с руководителями государств. ТВЦ и даже Первый канал отменили некоторые развлекательные передачи – вне всякого официального объявления о трауре люди, которые работают на телевидении, сами, автоматически среагировали на трагедию, и это очень правильно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Не всегда так бывает.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, к сожалению, отнюдь не всегда. Например, когда 76 человек погибло на Саяно-Шушенской ГЭС, в России траура никто не объявлял, а вот по поводу польского руководства траур был объявлен.

Но это вопрос к случаю с Саяно-Шушенской ГЭС. Тогда поступили неправильно, не объявив общероссийский траур по нашим погибшим людям.

А в 2010 году поступили правильно, хотя и очень странно, что траур назначили не на воскресенье, который де-факто оказался настоящим днем скорби, а на всенародный праздник – День космонавтики.

Если бы этот самолет разбился бы на территории Польши, это была бы принципиально другая ситуация. Но, раз они разбились на нашей территории, это не только польское, но и наше дело.

Скорее всего, катастрофа была вызвана не случайностью, а жаждой польских политиков красиво поучаствовать в телемарафоне по поводу Катыни, который шел в Польше.

Может быть, это было вызвано желанием руководства, которому подчиняются специалисты, в том числе вопреки своему опыту и здравому смыслу… В нашей стране из-за этого погибло очень большое количество людей, и не только на дорогах и в воздухе. Достаточно вспомнить, как погиб маршал Неделин. Великий человек, первый Главком РВСН, руководитель запуска первого спутника Земли… Но на испытаниях он поставил перед Р-16 стул, сел на него и приказал для ускорения подготовки к запуску вести работы без сливания топлива из испытываемой ракеты. Число жертв тогда было, по-моему, максимальным для всей истории мировой космонавтики…

Но, в любом случае, катастрофа произошла на нашей территории, и мы должны были проявить уважительность. Не важно, как относились к нам эти люди: если мы поддерживали с ними дипломатические отношения, если мы вели с ними нормальные переговоры, – значит, для нас это люди, даже если для них мы людьми не являемся. И в этом, с моей точки зрения, наше культурное преимущество перед многими другими культурами.

Скажу честно, я полез в русско-польский словарь и написал по-польски в своем блоге, что скорблю вместе со всем польским народом, по-польски. И получил очень четкую реакцию от многих поляков: вы – рабы и животные, вам никогда не будет известно чувство свободы… По сути, вы унтерменши, но, тем не менее, спасибо, что вы нам соболезнуете. Это

очень глубокое впечатление на меня произвело.

Е. ЧЕРНЫХ: – Унтерменш – это недочеловек.

М. ДЕЛЯГИН: – Это гитлеровский термин. Но, когда говорят – причем в ответ на выражения соболезнования, – что мы люди свободные, а вам никогда чувства свободы не испытать, это примерно такое же отношение, какое было со стороны Гитлера.

Е. ЧЕРНЫХ: – Надо быть выше этого.

М. ДЕЛЯГИН: – Когда мы сталкиваемся с русофобией, в том числе в ее явных, животных проявлениях, нельзя становиться на одну доску с русофобами и вести себя так, как они.

Если мы считаем кого-то своим партнером по переговорам, даже если они нас очень не любят, при жизни – значит, мы относимся к ним, как к людям, и должны так же относиться к ним после смерти. Они люди, – может быть, неприятные, – но они люди, и они погибли, и мы должны вести себя в этой ситуации, как люди.

Нужно относиться к ним как к людям, даже если они к нам относятся как к животным.

Да, спуску не давать и себе на шею садиться не позволять.

Но в глазах бога мы все люди, и поэтому в наших глазах мы тоже все должны быть людьми, – по крайней мере, пока кто-то не докажет в отношении себя иного.

Если кто-то ведет себя не морально, это не повод для нас тоже становиться животными.

Поэтому мы скорбили вместе с польским народом и били по рукам мерзавцев, устраивавших провокации вроде размещения на нашей земле незаконных оскорбительных «памятников» или распространения инсинуаций – это та ситуация, когда самая естественная реакция самая правильная.

Ну и – извините за прозу жизни – это причина вспомнить то, во что превратилась наша гражданская авиация. Насколько можно понять, гражданский аэропорт Смоленска, «Южный», разрушен и никем не восстанавливается, поэтому приходится использовать военный аэропорт Смоленска, «Северный».

Здесь сейчас произнесут много красивых слов о рентабельности, но вот почему-то в Белоруссии, совсем не богатой по сравнению с нашей страной, олигархия и бюрократия которой буквально захлебываются от нефти и нефтедолларов, гражданский аэропорт Витебска работает.

Но это вопрос, не имеющий отношения к данной трагедии.

Еще раз хочу сказать, что при всех политических разногласиях боль польского народа – это наша боль тоже. Бывают трагедии, перед лицом которых мы должны убрать ревность, политические разборки, разногласия и понятное желание покрасоваться за счет других.

Это трагедия, давайте будем людьми в этой трагедии.

Тем более что, может быть, 12 апреля было назначено днем траура в России еще и для того, чтобы не отмечать два дня траура подряд. Потому что для многих людей, связанных с космонавтикой, 12 апреля является днем траура по российской космонавтике.

Напомню: когда с орбиты был сведен орбитальный комплекс «Мир», специалисты говорили, что он может еще летать, но политически было важно, чтобы его там больше не было, – и его убрали.

Для меня критическим было высказывание одного из наших космонавтов, который там горел. Я общался с танкистами, которые горели во время войны, с подводниками, которые горели на дизельных подлодках, – приходилось. Пожары были не страшные, потому что люди выжили, но их рассказы вызывали у меня совершенно запредельный ужас. Я думаю, в космосе это еще страшнее. И вот человека, который горел на комплексе «Мир» в космосе, в безвоздушном пространстве, где никто не может прийти на помощь даже теоретически, спросили в одной из телепередач: «Вы не только космонавт, но еще и инженер. Вы знаете, как эта система работает, там был пожар, там было страшно, Вы все это пережили. Скажите, «Мир» может еще летать?»

И этот космонавт, человек очень скромный, тихий, совершенно не телевизионный, замялся и сказал: «Понимаете, конечно, был такой эпизод с пожаром, но там такой запас

прочности, что еще несколько лет «Мир» может летать совершенно спокойно».

Е. ЧЕРНЫХ: – Космические корабли строили на совесть.

М. ДЕЛЯГИН: – Страну строили на совесть, не только космические корабли.

А на кораблях, да – было дублирование, троирование оборудования.

А сегодня речь идет всего лишь о нашем сохранении в космосе. Мы должны оставаться в космосе на уровне одной из ведущих стран.

А ведь, помимо наших традиционных конкурентов, в космосе уже есть китайцы, и скоро они будут создавать собственную орбитальную станцию. Не в кооперации с кем-то, а собственную, исключительно свою! Думаю, через некоторое время Китай вырвется на первые позиции в орбитальном космосе, где основные технологии уже созданы, и надо просто их скопировать и применить.

Е. ЧЕРНЫХ: – Они занимают не только поверхность Земли, но и космос.

М. ДЕЛЯГИН: – Китай входит в мир и старается быть первым везде – это естественно, это вопрос лидерства.

И мы должны сохранять космонавтику, наращивать и выводить ее на новый уровень.

Но у нас, к сожалению, ситуация кошмарна даже с простой пропагандой. 12 апреля 2010 года государственное агентство РИА «Новости», де-факто это сегодня главное информационное агентство России, опубликовало сообщение о возложении венков на площади Гагарина к памятнику первым космонавтам.

Дело не в том, что среди первых космонавтов РИА «Новости» забыло космонавта № 2 – Германа Титова – и многих других. Дело не в том, что на площади Гагарина есть памятник именно Гагарину, а не «первым космонавтам». Это детали, в конце концов. Но среди «первых космонавтов» в качестве космонавтов были названы генеральный конструктор двигателей Глушко и некто Мстислав Келдышев!

Думаю, имелся в виду великий математик Мстислав Келдыш, который был президентом Академии наук и который руководил всеми расчетами, в том числе по космосу. Вот так у нас с официальной пропагандой обстоят дела: даже журналисты главного информационного агентства страны не имеют и не хотят иметь понятия о предмете, о котором они сообщают.

А ведь без спутников на орбите, не только военных, но и гражданских, безопасности страны просто не существует. Даже теоретически. Я уж не говорю, что космос – это всегда опробование и освоение новых технологий.

При Андропове был принят закон о космическом пространстве, который создавал юридическую базу для недопущения чужих спутников-шпионов в космическое пространство над нашей территорией. В конце концов, не будет спутников – нас можно будет бомбить, и ядерные ракеты при нынешних темпах прогресса Запада и регресса наших технологий уже через несколько лет нам в этом не очень сильно помогут.

Что касается денег – по сравнению с тем, что у нас разворовывается, даже из бюджета, – нужные космосу деньги являются сущими копейками. Да и по сравнению с деньгами, которые лежат у нас за границей – 530 млрд долларов международных резервов Российской Федерации, – нужные космосу деньги тоже являются копейками. В конце концов, у нас даже в федеральном бюджете без движения валяется более 6 трлн руб.!

На эти деньги не космос – страну можно построить.

А ведь космические исследования «вытягивают» на себе технологический прогресс.

Создавая спрос на образованных, интеллектуальных, да и моральных, что тоже важно, людей, космос очень сильно оздоравливает общество и вытаскивает его наверх.

Поэтому **нам нужен космос не для того, чтобы на Марсе яблони цвели: нам нужен космос для того, чтобы яблони цвели на Земле** .

В первую очередь космос нужен не для безопасности – он нужен для технологий, а еще для того, чтобы у людей была сверхзадача, была мечта. Чтобы дети мечтали быть космонавтами, а не олигархами, продажными чиновниками и другими бандитами.

По крайней мере, чтобы была наука.

Наш Роскосмос когда-то выдвигал идею создания базы на Луне, чтобы добывать там тритий – топливо для водородной энергетики.

Были идеи создания станций на Марсе. Не для военных целей, а потому, что это интересно и, возможно, теоретически Марс можно озеленить. Представьте себе – целая планета, сейчас являющаяся пустыней, будет зеленой, и на ней можно все начать с нуля, с чистого листа. И действительно жить без границ, как живут исследователи в Антарктиде.

Есть и другие колоссальные возможности, но сейчас Роскосмос говорит о повышении надежности летательных аппаратов, и не более того.

Такое ощущение, что после серии чудовищных аварий, нелепых объяснений их (вроде американских диверсий) и ужасающих скандалов люди просто испугались мечтать.

А когда человек перестает мечтать, он очень быстро превращается в обезьяну, и даже без войн.

Потому что человек – это промежуточное состояние между обезьяной и богом: как только мы перестаем тянуться наверх, мы падаем вниз и разбиваемся в щепки.

Так что совсем не только ради военных целей, не только ради безопасности нужен космос. Он тянет за собой очень много всяких принципиальных вещей – науку, образование, культуру.

Сам по себе полет в космос – не только символ: это воплощение колоссального труда огромного количества людей. Чтобы ракета полетела, пусть даже достаточно простая, огромное количество интеллектуальных людей должны быть воспитаны, образованы, организованы, и еще – они должны хорошо работать.

Мы до сих пор совершенно не знаем историю своего собственного космоса и просто не понимаем, например, до какой степени полет Гагарина был подвигом.

Напомню, что в то время было всего семь ракет, пригодных для запуска человека. И из первых шести запусков два закончились катастрофой и один – аварией. Но последние два запуска подряд были удачными, и это был критерий, позволивший отправить в космос человека. Тем не менее, вероятность того, что полет Гагарина не закончится катастрофой, была велика. И лететь было просто страшно.

Есть официальная версия о том, что Сергей Павлович Королев ночь накануне старта беседовал с Гагариным. Но знаете, люди, немного связанные с этой отраслью, рассказывают по-другому, рассказывают, что приходил не Королев. Королев – человек, прошедший лагеря, характер имел абсолютно жесткий. Он мог побеседовать, но это была бы серьезная беседа, после которой полет в космос действительно показался бы детской прогулкой. А для разговора по душам, для человеческого воодушевления приходил человек, который в ЦК КПСС занимался космосом, – Леонид Ильич Брежнев.

Мы привыкли смеяться над тремя его сочинениями, которые он, вероятно, надиктовал в основном, а окончательный текст изготовили уже профессиональные писатели, но всего его сочинений было восемь. И одно из них было про космос.

Думаю, полезно было бы договориться с его родственниками и издать эти книжки. Это ведь памятник эпохи. Да, конечно, они всей правды не отражают, но ведь и египетские пирамиды тоже отчасти перестраивали, а они все равно остались памятником эпохи.

Так что беседовал, скорее всего, Брежнев. Но, когда пришло время писать мемуары, он подумал, что это было бы нескромно. Сейчас это звучит смешно – мы помним Брежнева как коллекционера наград и «мерседесов», – но во многом люди той эпохи были правильными людьми. И он решил, что писать о себе в том контексте было бы нескромно, и что правильней было бы сделать так, чтобы умерший к тому времени Королев вошел бы в историю еще и таким образом.

Думаю, это было правильным решением, потому что были ведь и другие беседы, о которых мы мало чего знаем.

Есть просто трогательные эпизоды в истории нашей космонавтики, и их надо сохранить, сберечь.

И, конечно, первые запуски, да и последующие, были самыми настоящими подвигами.

И как погибали наши космонавты – Комаров в 1967 году на недовведенном, «сыром» «Союзе-1», у которого сначала не раскрылись солнечные батареи, а при спуске запутался парашют… И ведь машина была прекрасной, просто ее надо было отладить, что потом и сделали, Гагарин практически над гробом Комарова это пообещал, но сделали уже без него. А если бы раскрылись солнечные батареи – там была программа очень красивого эксперимента, – и возвращался бы на «Союзе-1» Комаров не один, а с Елисеевым и Хруновым…

Вторая и последняя, надеюсь, гибель наших космонавтов в космосе – от разгерметизации спускаемой кабины – это Волков, Пацаев и Добровольский в 1971 году… Чтобы поместились в кабину втроем, летали не в скафандрах, а в спортивных костюмах, с самого первого полета втроем, с 1964 года, – и это решение оказалось роковым…

А ведь были аварии и на земле, в процессе тренировок, экспериментов.

Это нужно помнить, потому люди, проложившие дорогу в космос, как это ни высокопарно звучит, – это герои нашей страны, живые и мертвые. И особенно надо помнить о живых, хоть это и не в наших, увы, традициях.

А ведь дорога в космос – это дорога к нашему прогрессу и нашей безопасности. Мы, в том числе и благодаря им, сейчас сидим и разговариваем – не только благодаря тем, кто Рейхстаг брал, но и благодаря тем, кто летал в космос.

И многими современными технологиями мы им обязаны. Ведь космические исследования – инструмент для создания, опробования и массового внедрения многих разнообразных технологий. Побочный результат, согласен, но очень приятный!

Никто ведь не полетит в космос просто для того, чтобы придумать новую систему связи, или новые тормоза, или новый энергетический элемент – слишком страшно, слишком тяжело. Но, полетев в космос, приходится придумывать новые системы связи, новые мелкие бытовые удобства, которые украшают жизнь сначала космонавтов, но потом и нас, обычных людей.

Мы перестаем их замечать на следующий день после их появления, но не стоит забывать, с чего все начиналось, «откуда ноги растут».

У нас, возможно, еще живы люди, которые в Циолковского, будучи мальчишками, кидали грязью и палками, травили его, считая городским сумасшедшим.

Е. ЧЕРНЫХ: – В Калуге.

М. ДЕЛЯГИН: – Может, уже не в Калуге, может, переехали…

Твердо верю, что российский космос будет продолжаться. Сейчас мы имеем некоторую трагическую паузу, связанную, в том числе, с деградацией нашей страны.

Е. ЧЕРНЫХ: – И деградацией нашей науки.

М. ДЕЛЯГИН: – Это лишь часть. И очень многое и в очень многих сферах придется наверстывать. Вот я руковожу Институтом проблем глобализации, и у меня разные сотрудники ездят в разные командировки в разных качествах. Лет семь назад были на Байконуре и приехали в шоковом состоянии, потому что ощущение от технологий – 60-е годы и ни шага дальше.

Но, думаю, с оздоровлением нашего государства оздоровится и наука, и космос. И мы будем вспоминать наши трагические неудачи: сведенные с орбиты раньше времени спутники, утопленный «Мир», несбывшиеся полеты, экспедиции, к которым готовились люди… Ведь что значит отказ от экспедиции на Марс? Это отказ от людей: люди-то готовились. И мы не узнаем их фамилии.

Е. ЧЕРНЫХ: – И технологии были.

М. ДЕЛЯГИН: – Так странно устроена жизнь, что, если новая технология не отработана в космосе, она потом имеет существенно меньше шансов попасть в гражданскую, обычную жизнь.

Но все будет восстановлено.

Мы не дадим архаизировать нашу страну до первобытного или, как многие сейчас вожделеют, феодального состояния. Технологическое отступление будет остановлено и

повернуто вспять. Помните, как Высоцкий пел:

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Мы находимся сейчас, в том числе и в науке, в состоянии, когда солнце заходит на востоке. И высокие цены на нефть не должны обольщать: они неправильно используются. Но ситуация будет исправлена, хотя исправлять придется не каким-то там космонавтам или даже Генеральным конструкторам, а нам самим, и это будет неприятная работа. Но мы справимся: придется справиться.

Отступать некуда – позади Россия.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, сегодня мы на эту тему говорим еще и потому, что ваша семья имела отношение к космосу. И, может быть, главный вопрос, который часто обсуждается до сих пор: а были ли американцы на самом деле на Луне? Вообще-то мы должны были там первыми быть.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы должны были быть первыми, но недобросовестная конкуренция, недобросовестный лоббизм сыграли свою роль, к сожалению. Ну, как у нас сейчас с самолетом пятого поколения, как у нас с «Булавой», когда передали проект не тем, кто был к этому лучше всех подготовлен, а к тем, кто лучше всех умел себя пролоббировать перед начальством. Это же самое в определенной степени и сорвало наше участие в лунной гонке. Хотя луноход проработал во много раз больше времени, которое он должен был работать, и до сих пор он там стоит где-то.

Но американцы на Луне были.

Другое дело, что качество киносъемки, которую они там сделали, мало на что годилось: ну не до того им там было, это тоже была очень драматическая, прямо-таки по-ковбойски отчаянная история.

Они боялись, что киносъемка будет плохого качества – не до того было. И взяли одного из ведущих режиссеров той эпохи – Стэнли Кубрика, – который еще тогда снимал космическую фантастику, и он снял это в павильоне, в чем накануне смерти и признался, подтвердив многочисленные предположения.

И нестыковки записи с реальностью, на которые мы показываем пальцем: не та тень, флаг, который развевается и т. д., – это действительно павильонная съемка. Потому что реальная съемка на Луне была просто некачественной. Но на Луне они были.

И, знаете, что скажу по этому поводу: патриотизм заключается в возвеличивании себя за дело, за реальные достижения, а не в том, чтобы отвергать реальные достижения других, пусть даже своих конкурентов.

И, говоря «а», надо сказать и «б»: советский и российский космос – это были и остаются успехи социализма, это были и остаются успехи людей, которые не считали и не считают смыслом своей и чужой жизни получение прибыли, людей, всех себя отдавших развитию человека, его совершенствованию, его прогрессу не только технологическому, но и моральному.

Сейчас не только в нашей стране, но и во всем мире очень сильна тенденция к архаизации, причем не в сторону капитализма и даже не в сторону дикого капитализма, а в сторону раннего, средневекового феодализма, а то и позднего рабовладения. Это очень страшно, это очень скверно и этому нужно противостоять всеми силами. И развитие космических программ является, в том числе, и элементом противостояния этой тенденции.

А на более простом, более бытовом уровне можно вспомнить, что развитие космических исследований попросту невозможно без кооперации с Украиной. Если мы будем развивать кооперацию с Украиной, то, может быть, втянем ее в полноценную интеграцию и восстановим ядро нашей страны.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вот еще и в этом плане развитие космоса нам очень нужно – чтобы объединять. А там и Казахстан.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно. Украина, Казахстан и Белоруссия – три страны, без которых Россия не может существовать экономически и технологически. И, кстати, психологически на самом деле мы тоже не можем без них существовать.

Полет Гагарина был очень важен еще и потому, что идентичность советского народа – а у нас нет сегодня другой идентичности, кроме советской, как-то за 20 лет воровства и лжи, которые почему-то называют демократией и рынком, никакой идентичности не выработали – базировалась на трех событиях.

Во-первых, на Великой Октябрьской Социалистической революции как на чудовищном, но торжестве справедливости.

Во-вторых, на победе в Великой Отечественной войне как на чудовищном по жертвам, но также бесспорном торжестве справедливости.

И, в-третьих, на полете Гагарина. И вот в нем уже не было ничего чудовищного, это была чистая радость, потому что жертвы и погибшие в подготовке к этим полетам остались за кадром.

Е. ЧЕРНЫХ: – Была прекрасная улыбка Гагарина.

М. ДЕЛЯГИН: – Почему была? Она и осталась. И «Поехали!» осталось. «Поехали» с тех самых пор – особое слово в русском языке, даже в современном новорусском.

Даже когда мы не думаем о космосе и забываем о Гагарине, мы все равно говорим «поехали!» совершенно особым образом.

Кстати, хочу посоветовать вам всем: есть такой сайт в Интернете, со мной никак не связан, я его вчера нашел случайно – buran.ru. Там много интересной фактуры, именно технической, про космические достижения 80-х годов. Сделан какими-то нашими энтузиастами, но со знанием дела. Очень интересный, полезный и познавательный сайт – такая маленькая энциклопедия. Будет время – зайдите, советую. Там много хороших слов, которые мы не успели узнать про достижения нашей космонавтики конца 80-х годов.

Мы привыкли думать, что все достижения – это «Буран» в трех экземплярах. Один продали американцам после того, как он валялся неизвестно где, другой пропал, третий стоит в Москве в Парке культуры жалким остовом. Но на самом деле там было целое семейство разнообразных машин, они были разные: там были боевые космические аппараты, орбитальные самолеты – очень много всего интересного!

И достижения советской космонавтики – отнюдь не дело прошлого. Мы ведь до сих пор впереди американцев в деле вывода грузов на относительно низкие орбиты.

Обитаемые космические станции летают именно на низких орбитах, потому что их защищает от жесткого космического излучения магнитное поле Земли, им нужна меньшая защита и, соответственно, они просто легче, и их дешевле туда выводить. У Запада же нет сопоставимых с нашими носителей для того, чтобы выводить грузы на низкую орбиту.

На высокую – да, но там слишком тяжелые условия. А в выводах на низкую орбиту до сих пор наша страна вместе с Украиной является монополистом. И мы должны это всячески использовать.

У американцев программа «Шаттл», по сути, провалилась. Скажем корректно – закончилась. Выяснилось, что она очень дорога, а главное – недостаточно надежна. Потому что эту технологию в полном виде отладить так и не удалось. Наша система, созданная советскими инженерами, более надежная, поэтому она и работает.

Вот мы привыкли ругать 90-е годы, я тоже их очень не люблю, но гений советских инженеров фантастичен. В самых нечеловеческих условиях создавались великолепные вещи. Так, в середине 90-х годов возник проект «Морской старт»: берется плавучая буровая платформа, переоборудуется для запуска ракет, превращаясь в плавучий стартовый стол, и буксируется на экватор. На экваторе запускать лучше: чем ближе к нему, тем сильнее земля, вращаясь, дополнительно подталкивает космический корабль, тем проще ему взлетать, тем больший груз можно вытащить на орбиту одной и той же ракетой.

Поскольку у нас своего экватора нет и труды Миклухо-Маклая пропали даром, ничего мы там не получили… Ну и ничего: берем платформу, буксируем в международные воды и запускаем ракету из международных вод. Денег не было ни копейки, так взяли кредит у Мирового банка. Собирали эту платформу на наших оборонных предприятиях, а Мировой банк не может финансировать российский военно-промышленный комплекс, и пришлось проводить сложнейшие работы по разделению цехов – чтобы там, где собирали эту платформу, ничего секретного не было, и формально это была бы гражданская сфера.

И эту работу сделали.

И, хотя основная часть кредитов Мирового банка в силу выдающегося менеджмента и моральных качеств либеральных реформаторов пошла прахом, вот это сработало. И сейчас этот комплекс работает, с него можно запускать и запускают ракеты. Не только можем с Байконура запускать, или с Плесецка, или со Свободного…

Знаете, пока в Казахстане Назарбаев, договариваться тяжело, но можно. Потому что он человек той эпохи, он помнит, как должно быть по-правильному, и он понимает в глубине души: то, что сейчас – хоть и выгодно, но неправильно. С этим поколением надо сотрудничать, пока оно еще осталось. С ним договариваться по тактическим вопросам тяжело, но по стратегическим легко, потому что они не отличаются от нас.

И претензии, которые они к нам предъявляют – это претензии, исходящие из советской культурной парадигмы. В основе своей это справедливые претензии, мы ведь сами себе их тоже предъявляем. Их нужно использовать для повышения общей эффективности, для создания синергетического эффекта.

«Морской старт» – один из простых проектов, который может вытянуть нашу космонавтику, потому что это хорошие деньги, которые заработать достаточно просто.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, если бы наша перестройка не была такой разрушительной, а хотя бы по китайскому варианту прошла, и вот этот пример с платформой морской говорит о том, что мы бы сейчас добились больших успехов в космосе.

М. ДЕЛЯГИН: – Главное – вкладывать деньги в воспитание людей и их правильную организацию. Если вы людей научили, мотивировали, дали им мораль, организовали их – при полной разрухе в государстве, при полной коррупции, лжи и воровстве, – они все равно будут делать фантастически красивые вещи, приносящие общее благо.

Эти люди до сих пор работают, просто нужно их использовать. Нужно суметь дать им возможность заниматься любимым созидательным делом. Для этого не нужны деньги – достаточно ограничить коррупцию, ограничить воровство. Да, это проблема, причем проблема политическая. Ее не инженерам решать, не космонавтам и не Главным конструкторам, а нам с вами.

Советский ВПК был уникальным общественным организмом. Потому что им командовали люди, которые четко понимали, что они ничего не понимают в науке, и что ученые и инженеры могут придумывать вещи, какие понять нельзя. Поэтому им давали деньги, не контролируя их слишком занудно, а ученые и инженеры были людьми высокоморальными.

И вещи придумывались фантасмагорические.

До сих пор из всех наработок советского ВПК внедрены жалкие гроши. Ну, могу перечислить по пальцам. Во-первых, тепловой насос. Это система труб, которая вкапывается в землю около дома и позволяет экономить не менее 30 % энергии. И то применяется в основном в мире, а не в России.

Е. ЧЕРНЫХ: – Кое-где уже начинают строить дома по этому принципу.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, у нас тоже строится, но очень мало. Потому что экономия энергоносителей нашим монополистам не нравится.

Второе – противоожоговый крем «Стрептолавен», который, насколько понимаю, лучше даже «Пантенола». Третье – локальная система управления погодой. Когда вы можете разогнать облако в любом месте с минимальными затратами энергии…

Е. ЧЕРНЫХ: – Лужков эти методики использовал, разгоняя облака?

М. ДЕЛЯГИН: – По-моему, нет, это традиционным способом разгоняют, разбрасывая азотнокислое серебро с самолетов… Есть подозрение, что это просто дороже, и потому для чиновников и монополистов выгоднее.

Опять-таки, над всей Москвой этой новой технологией нельзя разогнать, а над Красной площадью – легко. Причем, всё это технологии, которые применяются в жизни. И коммерсанты наши этим занимались, я сам слушал их доклады не где-нибудь, а в Лондоне…

Но в массовое повседневное применение пошли, по-моему, только смазочные масла и присадки к двигателям, которые восстанавливают сам двигатель.

Это очень хорошие вещи, но, по сравнению с тем, что наработано, это немного.

Мы сегодня, со всеми нашими пороками, можем обеспечить технологический рывок в масштабах всего человечества. За счет того, что наработано Советским Союзом, в том числе, и в космосе.

Но для этого нужно сменить систему управления. Чтобы люди работали не на воровство и не на надувание щек на ширину плеч, а как работали и работают в космосе – на результат.

Ведь с чего начались работы Циолковского? С точки здравого смысла, это фантастика: к нему пришел великий философ, космист Федоров, который сказал, что не сегодня-завтра изобретут живую и мертвую воду, можно будет воскрешать мертвых, и им на земле не хватит места, и их нужно будет отселять в космос.

И вот из этого совершенно философского бреда родились абсолютно практические вещи.

Группа изучения реактивного движения (ГИРД), которая была создана, – это же был энтузиазм в чистом виде. Они же в шутку назывались группой инженеров, работающих даром – сокращение то же самое.

Не только в 30-е, а и в 60-е многое делалось за счет энтузиазма. Очень многое делается и сегодня, несмотря на дебилизацию молодежи, на падение уровня жизни, на деградацию всего и вся. Найти то, что делается сегодня, и использовать это, довольно просто: было бы желание, была бы поставлена задача.

Как только наше государство, наше общество перейдет от решения задачи по воровству и выводу личных капиталов из страны к решению задачи по достижению общественного блага, для которой государство, собственно говоря, и создано, вы удивитесь, какое количество того, о чем мы забыли даже, научную фантастику читая, окажется в нашей повседневной жизни.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да у нас вот действительно все уходит в эпоху средневековья, вся фантастика… Раньше был Ефремов…

М. ДЕЛЯГИН: – Да и Жюль Верн был. А сейчас на смену пришло фэнтези, которое затаскивает нас обратно в архаику…

Это трагедия всего мира – меняется вектор движения, мир архаизируется. Одно из проявлений – замена фантастики на фэнтези. Вот наш философ и историк Андрей Ильич Фурсов обратил внимание на то, что фантастика показывает будущее как будущее, а фэнтези – это будущее как прошлое, это вталкивание нас в архаику.

Но ведь, если вы имеете негативную тенденцию, совсем не обязательно ей подчиняться. Если вы оказались в стаде баранов, вы не обязаны вставать на четвереньки и обрастать шерстью… Если вы попали в стаю леммингов, нам не обязательно с ними прыгать со скалы и разбиваться в пыль…

Мы можем изменить вектор развития нашего общества. Нам придется пройти через неприятные обстоятельства, потому что для этого нужно оздоровлять государство, оздоровлять систему управления, да и самим переставать расслабляться…

А возвращаясь к гибели польского руководства, хочу напомнить: в советское время был польский космонавт, который себя там, в небе, показал хорошо. И пока мы не восстановим нормальное человеческое общество, не будет не только российской космонавтики – не будет ни второго польского космонавта, ни второго польского Станислава

Лема, автора великой «Суммы технологий», которого мы знаем, наверное, лучше, чем многие из самих поляков, ни второго Станислава Ежи Леца.

Потому что все это просто останется ненужным, как и сейчас.

14.04.20109

Катастройка-перестрелка, кто тебя выдумал?

М. ДЕЛЯГИН: – 28 лет назад началась перестройка, которая имела судьбоносное влияние на нашу страну.

Более четверти века назад, более жизни целого поколения.

Давайте вспомним: это был совершенно потрясающий момент.

Первый психологический шок советские люди эпохи позднего «застоя» испытали от Андропова: после последних лет Брежнева во главе государства вдруг встал человек, речи которого имели смысл. Ведь советское общество просто отвыкло от того, что Генеральный секретарь ЦК КПСС может говорить что-то содержательное – бессмысленные, бессвязные, да еще и не очень разборчивые заклинания стали повседневной нормой.

При этом Андропова не очень любили, несмотря на удешевление водки, – за длительное руководство КГБ и «завинчивание гаек», доходившее до отлавливания людей в кинотеатрах, парикмахерских…

Е. ЧЕРНЫХ: – И в банях.

М. ДЕЛЯГИН: – Да где угодно. Причем никто так и не удосужился озаботиться вопросом, почему в рабочее время советские люди могут оказываться где угодно? Может быть, им просто нет работы на их рабочих местах? Может быть, то, чем они на этих местах занимались, просто никому не нужно?

Но при Андропове государство умело ускользало от задавания – пусть даже самому себе – подобных вопросов с заведомо неудобными ответами. И предпочитало ловить своих граждан, по сути дела, придираясь к ним по сугубо формальным причинам.

Как в 1997 году Чубайс, «укрепляли дисциплинку», не задумываясь о том, зачем эта «дисциплинка» нужна и решению каких задач она способствует.

Но были действия и безусловно правильные. В школах вдруг вспомнили – естественно, после увесистого указания «сверху», – что есть такая штука, как Гимн Советского Союза.

И нас заставили его выучить.

И, когда сейчас стадионы встают где-нибудь на Западе или в нашей стране и поют Гимн Советского Союза, послушайте, что они поют. Послушайте, что поет российский болельщик, особенно на Западе, – это иногда показывает даже официозное, раздавленное бюрократией телевидение. Поразительно, когда про «партию Ленина – силу народную», которая «нас к торжеству коммунизма ведет» истово поют не просто вполне обеспеченные, но и люто ненавидящие коммунистов во всех видах люди.

А причина проста: они ведь не про коммунистов и даже не про коммунизм – они про свою уничтоженную, отчасти и ими самими, страну поют. И про надежду на ее восстановление, которая остается жива, несмотря на все совместные усилия либеральных фундаменталистов и других профессиональных «любителей» русского народа.

Ну, и другая причина того, что мы поем именно Гимн Советского Союза – специфические слова нынешнего гимна России, которые при детях и людях со свежим восприятием лишний раз произносить не стоит. К автору вопросов нет – дай нам всем бог дожить до тех лет, в которых он свое творение в третий раз перекраивал, – а вот ко многим другим вопросы только нарастают…

Е. ЧЕРНЫХ: – Жаль, что все реже и реже нашим болельщикам приходится исполнять гимн.

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, болельщики-то и перед игрой поют. И если они знают, что им петь, то это – эхо андроповского решения, что школьники должны знать гимн страны, в

которой они живут.

Е. ЧЕРНЫХ: – Мы не изучали, я уже работал в то время.

М. ДЕЛЯГИН: – А мы сдавали экзамен и по гимну, и по гербу, и по устройству власти. Поразительно, какое количество школьников старших классов искренне не имело представления о «тоталитарной», как сейчас любят нам рассказывать либералы, власти! Не знали даже должность Андропова, а часто путались и в его фамилии – как в европейской демократии какой-нибудь.

А экзамен по гербу сейчас мог бы легко трактоваться по 282-й, «экстремистско-русской», статье Уголовного кодекса. Мол, изобразите герб и расскажите, из чего он состоит и что его части символизируют. А попробуйте, не имея художественных способностей, нарисовать герб – получается какой-то бесформенный кочан капусты, никаких сатириков не нужно; иногда такое выходило из-под руки, что все принимавшие просто умирали со смеху вместе с экзаменуемым.

Но, по крайней мере, из чего он состоит и почему, надо было знать наизусть.

А после Андропова к власти пришел Черненко, который руководил страной в состоянии хуже Брежнева. Это про него была шутка – «не приходя в сознание, после тяжелой продолжительной болезни приступил к исполнению обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС».

Е. ЧЕРНЫХ: – Он был сначала крепкий. Говорят, отравили его.

М. ДЕЛЯГИН: – Крепкий он был аппаратчик. А насчет «отравили» – разные разговоры ходили, и про Андропова тоже были разные разговоры.

Это про Брежнева все известно: что, где, когда – такой вот «тоталитарный лидер» «империи зла». Обвал в его здоровье наступил после того, как на него в цеху Ташкентского авиазавода, куда он приехал, упало строящегося крыло самолета, потому что люди побежали смотреть на него и массой полезли на это крыло. Оно упало под их тяжестью, придавило Брежнева, сломало ключицу.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я думал, это анекдот?

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, вот так мы свою историю знаем. Брежнев, несмотря на то, что перелом ключицы, – а это ужасно больно, – все равно провел встречу с людьми и только потом уже поехал лечиться. Это был, при всех недостатках, человек старой школы, который всегда помнил, что люди имеют права, а власть им обязана, потому что при забвении данного принципа случаются революции.

Это был где-то 1977 год. Потом у него наступило обвальное ухудшение здоровья. Ходят разговоры про медсестру от Андропова, которая давала ему снотворные мимо всех врачей… Но что стало толчком разрушения здоровья, известно: долгие годы напряженной работы «на износ».

И вот, когда после товарища Черненко приходит товарищ Горбачев, прежде всего режет глаз его относительная молодость: становится ясно, что «гонка на лафетах» окончена, что этот человек пришел не на год и не на два.

Интересно, кстати, что первоначально на всех не только фотографиях, но и телесъемках родимое пятно у Горбачева ретушировали. И, когда это пятно стали показывать, – по-моему, где-то с 1989 года, – стало ясно: произошла десакрализация власти, она качественно ослабела. По эффекту это можно сравнить с тем, когда после расстрела Дома Советов в 1993 году даже самые демократические издания тогдашней России слово «президент» по отношению к Ельцину начали писать с маленькой буквы. Это был внутренний психологический перелом у журналистов, да и всего общества: даже демократы и либералы после того расстрела просто не могли писать слово «президент» с большой буквы.

В момент прихода к власти Горбачев был весь сияющий, лакированный; он был молод, свеж, бодр – и он впервые напрямую общался с людьми.

Но главное было не в этом.

Как Андропов шокировал советский народ тем, что в выступлениях его руководителя может быть простой и понятный смысл, так и Горбачев потряс способностью говорить по-

человечески, а не казенными сухими штампами, а затем и потряс способностью говорить «без бумажки».

А слова Горбачева о необходимости обновления – это действительно было глотком свежего воздуха. И то, что стало что-то делаться, что-то меняться (пусть даже и в не очень правильном направлении, как борьба с нетрудовыми доходами), что государство из тупой косной машины вновь стало инструментом развития нашего общества – это напоминало религиозное откровение.

Сейчас невозможно себе представить порожденный этим энтузиазм. Я помню тот самый май 1985 года: только что объявлена борьба с пьянством, навстречу мне по улице идет слегка нетрезвая женщина лет 45-ти с полбутылкой водки в руке. И вот она на меня, десятиклассника, смотрит, протягивает полбутылки и говорит: «Я больше не пью, возьми, тебе пригодится», – это ведь валюта была в то время. Я застеснялся, да и не пил тогда еще, и в итоге не взял…

От введения «сухого закона» умерло довольно много людей, потому что при резком прекращении потребления алкоголя у организма, который к этому привык, сжимаются сосуды. Нельзя забывать и о подрыве бюджета, которым обернулась антиалкогольная кампания в самый неподходящий момент.

Но главное – не в этом, а в «поколении Горбачева», которому сейчас в среднем 24 года: это люди, которые родились благодаря «сухому закону». Их просто не было бы, если бы их родители пили по-старому. Мне один из них написал: «Никогда не прощу Горбачеву развал страны, но и добра не забуду: своего рождения и того, что все здания, в которых пришлось жить и бывать – квартира, детский сад, школа, поликлиника и прочее – были построены при нем, в конце 80-х годов».

Мы привыкли ругать Горбачева, и, в общем, – за дело, потому что он действительно развалил страну и вымостил дорогу либеральным фундаменталистам, свято верующим в то, что солнце восходит не просто на Западе, но и непосредственно в Вашингтоне.

И, конечно, когда он говорит, что лично не пролил ни капли крови… Выходит, что кровь пролилась сама? Это напоминает заявления польских властей о том, что они не убивали советских военнопленных, а те умерли сами от голода и болезней. Мол, таков был их свободный демократический выбор.

Мы этого не забудем, но и хорошего забывать не надо. Ведь чувство свободы – это очень сильно, нам это сегодня трудно даже представить. Хотя успехи Горбачева – оборотные стороны его поражений.

У него было два выдающихся достижения, которые сейчас мы не можем осознать в полной мере, потому что то время уже давно прошло и многое просто забылось.

Прежде всего, тогда резко исчез страх перед КГБ. Я хорошо помню май 1986 года, когда я сидел в университетском парке на скамеечке и писал заметки, как устроена советская экономика с точки зрения политэкономии. Когда дошел до того, что капитализм – это эксплуатация человека человеком, а социализм – это эксплуатация человека государством, у меня возникло ощущение, что у меня стоят за спиной и смотрят мне через плечо. Этот ужас отщепенства я помню до сих пор.

Ужас не потому, что поймают и накажут, а потому, что все люди нормальные, а ты какой-то не такой, ты просто урод, если до такого додумался.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да не было такого страха перед КГБ. Я студентом был в Питере в 70-е годы.

М. ДЕЛЯГИН: – Это даже не перед КГБ, а перед собственным отдалением от общества. Но в разных социальных слоях это, конечно, было по-разному.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я студентом пел, выпив, «Ни страны, ни погоста» Бродского. Это запрещенное. И никто не боялся.

М. ДЕЛЯГИН: – Запрещенное, но советское, свое. А мысль о том, что социализм – это тоже эксплуатация, это совсем другое…

А бессмысленные запреты игнорировали, не переставая быть советскими людьми, и из

советского патриотизма тоже: мой дед воевал, а вы кто? В старших классах учителя запрещали рок – и все из принципа расписывали сумки эмблемами «Metallica» и «AC/DC», даже не поклонники этих групп. А наиболее продвинутые периодически бегали к Макаревичу, благо это было на расстоянии где-то километра от школы.

Было запрещено стричься «под Гитлера», то есть подбривать виски – и многие делали это из принципа. Носили панамы просто потому, что какому-то мракобесу-охранителю взбрело в голову, что немцы такие панамы якобы носили во время войны.

Бреда было много, но, протестуя против этих бессмысленных запретов поведением и всем остальным, люди чувствовали себя все равно советскими людьми – это принципиально важно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Поэтому сильного страха не было.

М. ДЕЛЯГИН: – Страх был, но не конкретно перед КГБ. Очень сильный страх был именно перед отщепенчеством.

Е. ЧЕРНЫХ: – Наверное, в Москве.

М. ДЕЛЯГИН: – Здесь тоже все очень делилось по социальным слоям, как и сейчас делится. Безусловно, есть и была «золотая молодежь», которая еще при Сталине над всем этим смеялась. Но в моем кругу было иначе. Например, практически все мои друзья служили в армии, и мысль о том, что можно «откосить», просто не возникала.

И чувство освобождения от страха, даже не осознаваемого, Горбачев породил – я хорошо помню.

Когда мы были еще маленькие, был в гостях, по телевизору показывали то ли «Малую землю», то ли «Целину», и родители, у которых я был в гостях, над ним посмеивались. Но когда мы, маленькие, начали этим родителям подражать, на нас цыкнули так, что я до сих пор помню.

Мы четко ощущали некие табу, к которым нельзя – не «опасно», а именно «нельзя» – даже приближаться.

И вот это ушло, и это правильно, потому что человек создан для свободы, а не для страха. Что пришло взамен – другой разговор. Нынешняя Россия на порядок хуже Советского Союза, но освобождение от страха перед собственной мыслью – это бесспорная заслуга Горбачева.

И второе, что ушло – страх ядерной войны.

Конечно, Горбачев во внешней политике «сдал» все, что можно и что нельзя. Так, мой знакомый бизнесмен занимается своим делом, у него все в порядке, но у него до сих пор перед глазами стоят офицеры армии ГДР, с которыми он когда-то вместе учился и которые его со слезами на глазах спрашивали: «Вы хоть понимаете сами, за что вы нас продаете? Или вы нас продаете просто так?».

Е. ЧЕРНЫХ: – А ведь просто так, оказалось, ни за что продали. Берия хоть хотел за деньги продавать.

М. ДЕЛЯГИН: – Почему «просто так»? За звание лучшего немца 1989 года…

Но, несмотря на это, исчезновение страха уничтожения в ядерной войне, за которое Горбачева до сих пор любят на Западе, – великая вещь. Вот я учился в нормальном московском классе обычной школы, и у нас были психозы. Дети ночью просыпались с криком ужаса: им казалось, что началась ядерная война.

Очень хорошо, что это ушло, хотя сегодня многие дети просыпаются с криком ужаса от того, что им кажется, что пришли кавказские бандиты.

Но этого же можно было достичь не такой ценой и кровью – сохранив страну. И это вечный упрек не только Горбачеву, но и всем, кто тогда жил. Я знаю людей, которые до сих пор не могут себе простить искреннего, с энтузиазмом, участия в перестройке.

Людям дали свободу вместо решения экономических проблем, – и люди радостно побежали вперед.

Да, было много сознательных, циничных политических диверсий. Но главным локомотивом было желание советского правящего класса – партхозноменклатуры – получать

доходы от того, что они управляют. Они распределяли ресурсы и не хотели быть собственниками, но хотели получать столько же и жить так же, как живут их западные партнеры по многим переговорам. Ведь все разговоры про «железный занавес» во многом условны: были довольно интенсивные поездки лояльных государству людей на Запад, и каждый человек оттуда привозил кучу вещей и рассказов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Джинсы, магнитофоны.

М. ДЕЛЯГИН: – Записи, музыку, журналы – все, до презервативов включительно, и эти поездки имели мощный кумулятивный эффект.

Но главное – советские руководители разных уровней, общаясь с людьми своего уровня на Западе, ведя с ними переговоры или просто беседуя, видели, что эти их коллеги по профессионализму, а часто и по человеческим качествам не годятся им в подметки, а живут на порядок, на два порядка лучше, чем они.

И они хотели жить так же, а для этого нужно было отщипнуть себе часть ресурсов, которые они распределяли.

Отдельная линия – сознательное размывание, коррумпирование аппарата ЦК КПСС, да и всего аппарата управления. Самые замшелые люди читали в развитых странах лекции, и приглашающая, западная сторона платила им за эти лекции безумные деньги – до 10 тысяч тогдашних долларов.

Это была страшная сумма для Советского Союза. В начале 1991 года у меня в кармане завелось 10 долларов, так я чувствовал себя миллионером…

Данное стремление партхозноменклатуры – естественное стремление! – потреблять, как на Западе, все и сломало. Люди не думали сложными категориями, думали категориями простыми.

Е. ЧЕРНЫХ: – Над ними не было Арвида Пельше с комиссией партийного контроля.

М. ДЕЛЯГИН: – Если система базируется на конкретных людях, это значит, что ее нет. Стандартный управленческий тест: эффективно организованная структура та, в которой полугодового отсутствия руководителя просто никто не заметит.

Если Арвид Янович Пельше умер, и система на этом закончилась – значит, она умерла значительно раньше.

Партхозноменклатура отнюдь не хотела устраивать «катастройку, переходящую в перестрелку»: она хотела, как лучше, но не знала, как.

Е. ЧЕРНЫХ: – И потому «получилось, как всегда».

М. ДЕЛЯГИН: – Благими намерениями была вымощена дорога в ад либеральных реформ.

Мы должны понимать, что стандартный треп о том, что все развалили коммунисты во главе с Горбачевым, отчасти является правдой. Потребительский рынок Советского Союза рухнул уже в ноябре 1987 года.

Как это случилось?

В 1986 году было принято решение о трех принципиальных действиях. Первое – создание кооперативов как инструмента перевода материальных ценностей из государственного сектора с централизованным распределением и фиксированными ценами в частный сектор со свободными ценами. Это разом, одним движением уничтожило основу советской экономики. Рассыпалась система балансов – а значит, и материальная сбалансированность хозяйства. Товарный дефицит многократно усилился, так как столкнувшиеся с нехваткой необходимой продукции приходили за ней на частный рынок, и цены на нем подскакивали, стимулируя переток на него все новых и новых ресурсов.

Таким образом, усугубление дефицита и рост цен шли рука об руку.

Вторым шагом Горбачева в экономике стало создание товарно-сырьевых бирж. Они консолидировали маленькие товарные партии, которые вытаскивали из государственного сектора кооперативы, в большие товарные партии, чтобы было удобнее выкидывать их на экспорт.

И, наконец, третья компонента перестроечной экономической политики –

относительная свобода внешней торговли, чтобы вытащенные из живого экономического организма ресурсы направлять на экспорт и получать за это живую валюту, точнее – ширпотреб, которого не хватало.

Эта система была введена с 1 января 1987 года и уже через 10 месяцев, как я говорил выше, уничтожила сбалансированность потребительского рынка.

Вводившие ее люди не очень понимали, что творят. Неосознанные, неперсонфицированные интересы советского правящего класса реализовывались во многом бессознательно. Если бы объяснить участвовавшим в этом людям, что они тогда творили, они визжали бы от негодования и посыпали голову пеплом. Но тогда они этого не понимали.

Е. ЧЕРНЫХ: – Кто конкретно?

М. ДЕЛЯГИН: – Прежде всего, Совет Министров Советского Союза.

Е. ЧЕРНЫХ: – Во главе с Рыжковым?

М. ДЕЛЯГИН: – Во главе с Николаем Ивановичем Рыжковым, которого я очень сильно уважаю, хотя и не за это. Думаю, не только в Спитаке должна быть улица его имени, но и в Москве, причем обязательно при жизни.

Конечно, это «плачущий большевик» – его реально довела до слез депутатская шантрапа, вся эта «демшиза». И, когда он сказал: «Вы еще вспомните мое правительство как правительство честных людей, как хорошее правительство», – я тогда посмеялся, но уже лет через пять, даже раньше, при Гайдаре, действительно, вспомнил добрым словом. Поговорка «Откопаем Брежнева, будем жить по-прежнему» – фраза 1988 года. В 1986–87 годах вместо «жить» произносилось «пить».

Е. ЧЕРНЫХ: – Была фраза в 60-х: «Говорит Косыгин Брежневу: давай, друг, жить с тобой по-прежнему». Когда Хрущева убрали.

М. ДЕЛЯГИН: – Принятие этих решений было очень страшным, потому что это полностью разбалансировало экономику. Причем на уровне базовом, на уровне сырья.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вот почему все пропало.

М. ДЕЛЯГИН: – ВПК обладал приоритетом и себе все забирал по-прежнему, что было нужно и даже больше нужного, так как утечка ресурсов в частный сектор шла и из него самого, и ему требовались ресурсы и для своего производства, и для этой ширящейся утечки.

Эти ресурсы забирались, естественно, у гражданского сектора, дополнительно усугубляя дефицит в нем.

Все рассыпалось, и уже со второй половины 1989 года работать стало, по сути, бессмысленно: с коммерческой точки зрения имело смысл только спекулировать.

А ведь 1989 год – это пик Советского Союза: с одной стороны, у людей был приработок, а с другой – крах потребительского рынка еще удерживался в некоторых рамках. И, конечно, свобода, инициатива, возможность зарабатывать деньги, возможность самореализовываться… Это был лучший год, но по сути – смерть на взлете.

Е. ЧЕРНЫХ: – А тут все надеялись, что рынок спасет страну. По примеру знаменитого Рижского рынка.

М. ДЕЛЯГИН: – Мне даже стыдно снова произносить тогдашние слова о том, что «рынок спасет страну». Ведь рынок без регулирования не существует: без регулирования возникает сначала хаотическая, а потом все более жестоко выстроенная централизованная монополия над всеми остальными. Государство ведь существует не по чьей-то воле, а потому, что без него рыночные отношения невозможны: оно одно способно обуздать алчность монополий.

Е. ЧЕРНЫХ: – А тогда верили.

М. ДЕЛЯГИН: – Тогда были абсолютно первобытные представления об экономике, густо пересыпанные пропагандой, – примерно на уровне современных либералов.

И была страшная, всепобеждающая жажда простых рецептов.

Ведь советское руководство откровенно не справлялось почти ни с чем. И тогдашнее негодование в отношении его аукается нам и сейчас. Ведь когда иногда даже почти приличные люди говорят, что нам не нужна демократия, поскольку это страшная вещь,

которая достойна только специально подготовленных людей, а обычный народ не может иметь доступа к демократии, потому что это кончится плохо – это эхо конца 80-х годов, когда действительно все посыпалось.

Судьба страны попала непосредственно в руки народа – и, увы, мы своими руками свою страну развалили. Конечно, снимать ответственность с высокопоставленных предателей, уничтожавших нас вполне осознанно, вроде, насколько можно понять, «архитектора перестройки» Яковлева, не стоит, но огромная часть общества поддалась на их провокации с восторгом и ликованием. Самый главный урок конца 80-х годов – то, что перед тем, как что-то рушить, нужно понимать, что строить. Общие схемы недопустимы.

Ведь чем отличались советские диссиденты от восточноевропейских? Советские сидели на кухне и ругали Брежнева. Восточноевропейские диссиденты сидели на точно таких же типовых кухнях и точно так же ругали Брежнева и свое начальство. Но при этом они еще и прорабатывали свой собственный проект. Они думали, что предложить своему обществу, и какой должен быть путь развития этого общества.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я работал в 90-е в Чехословакии. Там к власти пришли умные диссиденты.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, проект у них был простой: вперед, в Европу! Им было проще, чем нам: им было достаточно выписаться из одного проекта и вписаться в другой, им не нужно было придумывать свой. Но, тем не менее, в принципе они действовали правильно.

Хотя в той же Чехии были страшные вещи с реституцией. Когда несколько десятков тысяч семей просто выбросили на улицу и сказали: живите, как хотите. Как после войны в Польше и Чехословакии 11 миллионов немцев выгнали из домов и сказали: идите, куда хотите. И до сих пор во многих местах те дома стоят незаселенные; это было самое большое насильственное переселение людей в известной истории человечества…

Россия страна жестокая, но вот так у нас не бывает. Даже в рамках сталинского террора, даже переселение народов происходило в заранее подготовленные поселки. Да, барачного типа, но были подготовлены, а другого типа тогда и не было.

И для нас сегодня самый главный урок: перед тем, как критиковать, надо четко сказать, чего мы хотим. Свободы болтать недостаточно: это показал опыт и перестройки, и Февральской революции.

Это часто говорят нам неправильные люди, но это абсолютно правильный подход: прежде всего мы должны иметь образ желаемого будущего, «град на холме». Только тогда разрушения будут не тотальны, только тогда можно будет убрать из системы именно то, что сгнило, а то, что работает, оставить. И это будет тонкая надстройка, которая позволит обойтись без шоковой терапии, без катастроф, разрушений.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как в Китае.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы ведь до сих пор не понимаем своим европейским умом, чем были так называемые «события на Тяньаньмыни». Нам до сих пор кажется, что люди вышли протестовать по своей инициативе, но в китайском обществе такое количество людей могло выйти только по команде компартии. За этими «событиями» стояли мощные кланы тогдашнего руководства китайской компартии, которые поставили на Горбачева, который тогда, во время своего визита, жил чуть ли не окнами на эту площадь. Они хотели пустить Китай по советскому, горбачевскому пути. Однако Горбачев не стал вмешиваться, не стал призывать китайцев к революции, не стал осуждать деятельность властей. Тогда его за это осудили в России, но сейчас китайцы должны быть ему благодарны за то, что он хоть в Китае повел себя правильно.

Но тогда волнения захватили заметную часть Китая, и часть армейских подразделений выступила на стороне протестующих, против других подразделений армии, которые шли на подавление этого восстания.

Е. ЧЕРНЫХ: – А мы считаем, что это просто студенты вышли на эту площадь. Их перестреляли – и все.

М. ДЕЛЯГИН: – Там было символическое требование Дэн Сяопина о том, что ни

одной капли крови не должно пролиться на Тяньаньмыни. Но что творилось на окружающих улицах, об этом лучше даже не думать. В отличие от расстрела Дома Советов, мы никогда не узнаем, сколько там было погибших на самом деле. Думаю, и китайцы не узнают. Но страна после этого пошла в правильном направлении.

Иногда демократия в критических ситуациях бывает разрушительной, иногда ее нужно ограничивать, если у вас есть понимание того, чего вы хотите в конечном итоге.

И, если вы хотите не просто пограбить и повысить свой уровень благосостояния до уровня коллег за рубежом, если вы хотите обеспечить развитие страны, – тогда у вас все получится.

Это самый страшный урок перестройки.

Более четверти века прошло с ее начала, более жизни целого поколения. Мы еще после этой перестройки не то что на ноги – на карачки вставать не начали. Как она началась, так мы все падаем, падаем и падаем. Пора заканчивать этот процесс. Пора начинать вставать на ноги.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это то, что ждет нас впереди.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы забыли, что оттепель, которая была и в 60-е годы, и при Горбачеве, – это, собственно говоря, не свобода, а лишь возможность бороться за нее. Ведь часто, как, например, сейчас, и борьба за свободу, по сути, запрещена, да и в целом любая борьба, в том числе – и за свои права.

Оттепель не дает вам права, она дает вам лишь возможность бороться за них, и то не очень свободно бороться. Последние диссиденты в Советском Союзе сели в тюрьму в 1988 году, причем в Санкт-Петербурге.

Их судили по 70-й статье Уголовного кодекса, брежневскому аналогу нынешней «экстремистской» 282-й, и посадили в тюрьму.

Е. ЧЕРНЫХ: – То есть уже при Горбачеве?

М. ДЕЛЯГИН: – Да. По валютным делам у нас уже не сажали, а по диссидентству еще сажали. Так что борьба в условиях оттепели небезобидна и небезопасна. Оттепель – это не создание комфортных условий для тех, кто хочет чего-то хорошего: комфортных условий не бывает, на самом-то деле.

Оттепель – это возможность бороться. Тогда она появилась и должна была очень быстро реализоваться. Ситуация многократно усугублялась наличием советского народа, образованного и морального.

В Советском Союзе ведь было лучшее обучение и воспитание людей. Мы не любим советскую школу, мы знаем все ее недостатки, но совершенно забыли ее достоинства, и только на примере нынешних новых, дебилизированных либеральными реформами поколений начинаем понимать, какая это была великая вещь – советская школа.

Е. ЧЕРНЫХ: – И что мы потеряли.

М. ДЕЛЯГИН: – Советские люди в массе своей обладали исключительно высокими личными качествами. Они были честными, добрыми – правда, эта доброта аукается нам до сих пор неспособностью действенно противостоять насилию, как бытовому, так и преступному, в том числе со стороны государства.

Советские люди в массе своей были добросовестны и моральны, они искренне считали, что живут в первую очередь для блага всей страны. Было очень сильное родство всех советских людей, которым до сих пор пользуются разнообразные мошенники – от цыган до министров и дальше.

С другой стороны, государство давало вполне приличный прожиточный минимум. Вы могли быть младшим научным сотрудником, ничего не делать, но уж свои 90 рублей вы имели по-любому. И свое жилье вы имели: хорошее, плохое, маленькое, закуток, коммуналку, но имели. И потому вы имели объективную возможность для интенсивной общественной деятельности и, как только она стала возможна, народ бросился заниматься ей.

При этом не могу не вспомнить потрясающую фразу академика Абалкина: «Мы

думали, что котел бурлит, кипит, что сейчас снесет крышку; крышку сняли, пар вышел, – а вода-то холодная».

Искренние горбачевисты всерьез надеялись, что, если государство даст людям права и свободы, те сами сделают за государство всю работу.

Е. ЧЕРНЫХ: – Леонид Иванович Абалкин – один из «прорабов перестройки».

М. ДЕЛЯГИН: – Очень хороший, честный человек, большой жизнелюб.

Е. ЧЕРНЫХ: – Был академик Аганбегян, тоже «прораб перестройки».

М. ДЕЛЯГИН: – Не будем смешивать разных людей.

В Советском Союзе не было рынка. Экономисты играли в перестройке огромную роль, но никто из этих экономистов не понимал, что такое рынок, в который он ведет страну, потому что ни минуты в нем не жил и не работал.

Не кто-нибудь, а Сталин в 1952 году заявил: если мы не создадим кадры экономистов, которые будут хорошо разбираться в современных технологиях, хозяйстве и в хозрасчете – мы погибнем.

Сталин говорил в таком стиле, будучи руководителем страны, всего лишь два раза. Сначала в начале 30-х, что нам за 10 лет нужно пробежать тот путь индустриализации, который Запад прошел за 50, или нас сомнут, а второй раз – в 1952 году, но вскоре после этого умер.

Кадров экономистов не создали, те, кто так назывался, были начетниками. Они хорошо разбирались в планово-распределительной системе, но, когда она начала размываться стихийным рынком, – увы: нельзя требовать от людей слишком многого. Очень печально, что среди них не оказалось гениев, что талантливые люди ушли в личную жизнь, а не в развитие общества, что система управления отторгла тех квалифицированных специалистов, которые были – просто потому, что они говорили неутешительные вещи.

Это и сейчас происходит в полном масштабе.

Но советские люди были искренни, и самое страшное заблуждение окружения Горбачева, – как, кстати, и Временного правительства, – заключалось в искренней вере в то, что, если дать людям свободу, они сами сделают всю работу за государство.

Это типично советское, коммунистическое обожествление народа. Мысль о том, что есть функции, которые народ без государства не сделает, и это накладывает ответственность на представителей государства, была им недоступна.

В результате горбачевское освобождение оказалось тотальным: не только освобождение обычных людей от страхов, но и освобождение чиновников от ответственности, от сверхзадач советской эпохи.

И это было самым страшным, потому что без сверхзадачи человек не существует.

Помню, когда в Москве восстанавливали Храм Христа Спасителя, мне случилось говорить с одним из спонсоров строительства, и я сказал: «Какая мерзость, на этот храм вы скидываетесь, а чтобы бабушкам помочь, вы ведь никто не скинетесь». И он очень мудро ответил: «На то, чтобы помочь бабушкам, нельзя собрать десятой доли того, что собрано на храм».

Потому что люди живут ради сверхзадачи. Как только вы перестаете решать сверхзадачу, вы рассыпаетесь, не можете решить самых простых задач.

Грубо говоря, человек чистит ботинки, пока он строит храмы, космические корабли, коммунизм, свою родину. Как только рядовой человек начинает зарабатывать на бутылку пива и бутерброд с колбасой, он перестает чистить ботинки: ему это незачем. Он опускается и умирает даже не от цирроза печени, а просто от нечищеных зубов.

Человек – промежуточное звено между обезьяной и божьим замыслом. И как только мы даем себе поблажку и забываем о своем высшем предназначении, мы начинаем падать настолько низко, насколько мы себе даже не могли представить. Это то, что случилось с последним поколением перестройки.

Самую страшную ложь я услышал не от Ельцина, не от Чубайса и не от Путина. Самую страшную ложь я услышал в апреле 1991 года от деятелей, которые тогда поддерживали

первое, «павловское», повышение цен на некоторые виды товаров, достигшее трети. Люди реально теряли покупательную способность, проваливались в бедность, а им говорили: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. И добавляли: не волнуйтесь, хуже не будет, потому что уже некуда.

Второе заклинание повторяли и перед гайдаровскими реформами. Так вот, абсолютной истины нет, а абсолютная ложь есть. Это фраза «Хуже не будет». Всегда может быть хуже, об этом нужно помнить и думать о том, что вы делаете, и что с вами делают, и зачем.

Более четверти века назад началась перестройка. Это не праздник, это день со слезами на глазах. Потому что перестройка – символ обманутых надежд. Перестройка, переходящая в перестрелку. Катастройка.

В целом коммунисты, с которыми я тогда общался, были очень достойными людьми. В первой половине 90-х и в начале 2000-х годов люди, которые работали в системе управления при Советском Союзе, были лучшими кадрами. Они знали дело, были ответственными, на них можно было положиться. Это были моральные люди и очень квалифицированные.

Как они так смогли все упустить из рук, для меня загадка.

Многие друзья в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Молдавии, в закавказских государствах вспоминают одно и то же: националисты, которые в конце 80-х под разговоры о демократии рвались к власти и приходили к ней в начале 90-х, делали это под прикрытием спецслужб Советского Союза. Их защищали и всячески оберегали…

Могу привести два примера, которые будут разрывать нашу душу, пока мы не исправим ситуацию, примеры того, как Горбачев и его окружение сдавали интересы нашей страны, причем бесплатно, бездарно, позорно. Отдавая в виде подарка то, что у нас не просили, за что на худой конец можно было получить безумные деньги.

Прежде всего – воссоединение Германии. За него Советскому Союзу, насколько помню, предлагали 450 млрд тогдашних долларов. Это несколько триллионов сегодняшних.

При этом были четкие гарантии демилитаризации Восточной Германии, ни о каком НАТО даже для бывшей ГДР и речи не было. А мы, по итогам, получили всего 5 млрд марок кредита, который надо возвращать. И вернули – за счет разрушения России.

Схожая история с Южной Кореей: ее признали в 1990 году за копеечный кредит. Хотя была базовая позиция, что мы признаем Южную Корею, если США признают Северную Корею. И американцы уже были готовы прогнуться. Но тут наше руководство сделало им подарок. Как тогда говорили в аппарате, за сто тысяч долларов, занесенных в нужный кабинет.

Внешняя политика Горбачева – первая кровоточащая рана.

Вторая – развал Советского Союза.

Как хорошие люди, честные в массе своей, знающие люди, которые всю свою жизнь отдали этой стране, как они своими руками с огромным энтузиазмом уничтожали свою страну? Страшная боль, когда вы у живых людей, бывших при власти, видите в глазах тихую безысходную тоску. Они тоже не могут сами понять, что с ними происходило. Вот это страшно.

Причина краха советской цивилизации – перерождение советской партхозноменклатуры. Она отказалась от сверхзадачи – построения коммунизма. Тем самым отказалась от войны, – но и от идеи справедливости. И, отказавшись от нее, стала жить ради личного материального потребления, и это стремление очень быстро разломало все сдерживающие рамки.

У советской элиты уже в начале 70-х годов произошла смена идентичности. Перелом, насколько можно судить, произошел при праздновании столетия Ленина в 1970 году, когда первый раз студентов в стройотряды погнали из-под палки, сломав энтузиазм, веру в будущее и в справедливость, запрограммировав их заметную часть на тупое делание карьеры и жизнь ради потребления.

Нынешняя бюрократия в этом – наследница дела партократов, которые ради личного потребления развалили нашу страну.

А ведь человек элиты не должен жить ради материального потребления, потому что у него больше возможностей. Создатель современного Ирана, аятолла Хомейни, не имел в нем своего дома и умер на съемной квартире, которая была выкуплена государством лишь для устройства посмертного музея. Вы можете представить что-либо подобное про нынешних реформаторов, как будто про которых звучит строка перестроечной песни: «Их дети сходят с ума оттого, что им нечего больше хотеть»?

Когда элита начинает жить ради личного потребления, она превращается в могильщика своей страны. Мы видим это каждый день и сегодня. Люди могут быть лично честные, хорошие, – но в совокупности становятся страшной разрушительной силой, уничтожившей нашу страну четверть века назад и уничтожающей сейчас. И Горбачев был всего лишь символом и наиболее полным выражением этой тенденции. Он был первым учеником, а были и остальные.

Е. ЧЕРНЫХ: – У кого учеником?

М. ДЕЛЯГИН: – У партхозноменклатуры, переродившейся элиты.

Е. ЧЕРНЫХ: – И самым ярким её представителем.

М. ДЕЛЯГИН: – Горбачев заслуженно стал лидером страны, потому что эту тягу к социальному самоубийству выразил и воплотил наиболее полно. Мы должны гордиться своей страной, но гордость не разрушается сознанием постыдных страниц, она лишь укрепляется тем, что мы смогли это пережить и перебороть. Перестройку и ее последствия мы тоже сможем пережить и перебороть. Будущее все равно принадлежит нам, просто нужно сильно, тяжело и разумно работать.

17.06.2010

Глава 2. Продолжение либеральных реформ: нас методично лишают будущего

Почему пенсионеры не должны доживать до пенсии?

М. ДЕЛЯГИН: – Российские пенсионеры находятся в уникальном положении. Это единственная часть нашего общества, за которой государство действительно хотя бы формально, не на словах, а на деле признает право на жизнь, гарантируя его экономическое выражение: пенсия в нашей стране по закону не может быть ниже прожиточного минимума.

Тем не менее, рост пенсий в значительной степени «съедается» ростом цен на коммунальные услуги, еду, лекарства, городской транспорт. Хотя, конечно, даже заведомо недостаточное повышение лучше его полного отсутствия.

Отдельная проблема – расчет пенсий по чрезмерно усложненным формулам. Иногда возникает ощущение, что их запутывали специально, чтобы пенсионеры и их родственники сами не могли понять, откуда что берется, и просто махнули на все рукой, отдав свое будущее на произвол чиновников.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как Вы думаете, поднимут ли в России пенсионный возраст?

М. ДЕЛЯГИН: – Куда же вы денетесь? Конечно, поднимут. Пенсии подняли, и пенсионный возраст тоже поднимут. Другое дело, что не «в лоб», а скрыто, замаскированно – через повышение с 5 до 15 лет, а то и больше, минимального трудового стажа, и материальное стимулирование выхода на пенсию в более поздние сроки, насколько могу судить, в идеале – в день смерти.

Хотя, если подходить с точки зрения здравого смысла, повышение пенсионного возраста, хоть явное, хоть скрытое, абсолютно излишне. Ведь пенсионная система России не просто «до сих пор имеет резервы» – она вся состоит почти из одних резервов, о которых можно говорить бесконечно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Периодически этот вопрос возникал и в прошлые годы.

М. ДЕЛЯГИН: – Первый раз он всплыл в 1996 году, когда либеральные реформаторы начали планировать пенсионную реформу. Я при этом присутствовал. И многолетний председатель Банка России, тогда работавший помощником президента Ельцина по экономике, С. М. Игнатьев это безумие остановил. Очень критически к нему отношусь как к председателю Банка России, но заместитель министра экономики он был хороший, да и помощник президента неплохой. Лучше многих, во всяком случае.

А в 1996 году в исходной документации, которую либеральные реформаторы, и по сей день держащиеся «на плаву», представили в качестве обоснования пенсионной реформы, выявились подтасовки. Не какие-то там ошибки, а именно подтасовки – грубые, откровенные, пропагандистские. А ведь понятно, что, если кто-то занимается подтасовками – значит, он неправ и сам это про себя понимает.

Действительно, с Пенсионным фондом есть проблемы, которые непосредственно выражаются в наличии у него растущего дефицита. На его покрытие только в 2009 году из федерального бюджета было брошено 1,9 трлн руб. В бюджете 2013 года на пенсионное обеспечение направляется уже 2.8, а в бюджете 2015 года – 3,4 трлн. руб.

Однако, если у Вас плохо с деньгами, это еще не значит, что их нужно у кого-то отобрать: в обыденной жизни, не со стороны правительства, подобные действия во многом описываются Уголовным кодексом.

Если плохо с деньгами – надо прежде всего посмотреть, что не так у Вас самих? И как эти деньги, с одной стороны, заработать, а с другой стороны – сэкономить?

И при рассмотрении проблем нашей пенсионной системы выясняется, что проблема низкого, с точки зрения некоторых деятелей, пенсионного возраста – это последняя по реальной значимости проблема.

В конце концов, давайте исходить из того, что человек должен доживать до пенсии. У нас в пенсионной реформе есть такой термин «возраст дожития». Звучит чудовищно, но это среднее количество лет, которые пенсионер должен жить после возраста на пенсии.

Е. ЧЕРНЫХ: – И какой же это возраст?

М. ДЕЛЯГИН: – Меня пока устраивает: 19 лет.

Я был бы рад, если бы у нас средний возраст жизни мужчин был 79 лет, а не 64, как сейчас, и то после того, как он поднялся на 5 лет. Кстати, завышенность «возраста дожития» не случайна: так как значительная часть россиян умирает раньше, они попросту не успевают получить все свои деньги, что приносит дополнительные выгоды пенсионным фондам и управляющим компаниям.

Но нынешнее увеличение продолжительности жизни – не закономерность, а во многом случайная демографическая флуктуация. В обозримом будущем средняя продолжительность жизни снова начнет снижаться, и это не будет отражением каких-то негативных социальных факторов: просто две «демографических волны» сначала встретились, а теперь начинают расходиться, и мы в открывающуюся между ними дыру начинаем проваливаться.

Улучшение демографической ситуации – результат не выдающейся социальной политики, а замещения населения России «трудолюбивыми соотечественниками» и случайного совпадения «демографических волн».

Но благодаря всему этому у нас сейчас уникальный момент, когда мужчина в среднем может пожить на пенсии целых 4 года. Четыре!! А пенсионных взносов с нас берут, как будто мы живем девятнадцать.

В этих условиях говорить о повышении пенсионного возраста – значит, с моей точки зрения, откровенно проявлять людоедские наклонности и цинично издеваться над россиянами.

Либералы ведь предлагают вещи страшные. Посудите сами: если реальный, а не формальный пенсионный возраст превысит среднюю продолжительность жизни – это будет мощнейшее стимулирование всеобщего уклонения от уплаты страховых пенсионных взносов. С какой стати мне их платить, если я все равно не доживу до пенсии? Мы это уже проходили, и об этом не помнит только тот, кто не хочет ничего помнить и не желает ничего

знать.

Но давайте обсудим главное: проблемы Пенсионного фонда. В самом деле: почему ему не хватает денег?

Прежде всего: приезжайте в любой городок России – какое здание самое «крутое»? ФСБ? Нет. Местная администрация? Ничего подобного. Больница? Не смешите. По всей России нет ничего «круче» Пенсионного фонда.

Е. ЧЕРНЫХ: – А на какие деньги?

М. ДЕЛЯГИН: – Что значит «на какие»? На наши – у них нет других денег, кроме наших.

Почему Пенсионный фонд шикует? Причем, обратите внимание, шикует с исключительной циничностью: во многих роскошных зданиях, даже в Москве, залы для приема пенсионеров находится на втором этаже с крутой лестницей, куда в определенном возрасте просто не залезешь. Это не просто роскошество, это не просто «пир во время чумы» – это циничное и, думаю, вполне осознанное издевательство над российскими пенсионерами.

А почему Пенсионный фонд роскошествует? Потому что нет реального контроля за его деньгами: с моей точки зрения, Пенсионный фонд – еще менее прозрачная структура, чем ФСБ. Только ФСБ непрозрачна в первую очередь для российских оппозиционеров и, чего не могу исключить, возможно – даже и для иностранных шпионов, а Пенсионный фонд непрозрачен для всех российских граждан, для нынешних и будущих пенсионеров.

Раз в году Пенсионный фонд отчитывается перед Государственной Думой. Раз в году! Это же бред. Он работает с колоссальными финансовыми потоками, но под контролем, который иначе, как фиктивно-демонстративным, назвать нельзя. И мы имеем в результате скандалы, непонятные эпизоды, подозрения. Конечно, дело пока не дошло до истории, аналогичной Фонду обязательного медицинского страхования, который сел практически весь – от председателя до помощника бухгалтера. 12 августа 2009 года это случилось, и я предлагаю 12 августа каждого года отмечать как день борьбы с российской коррупцией, потому что это, действительно, наглядный успех.

Однако Фонд обязательного медицинского страхования и Пенсионный фонд действуют в одной правовой схеме, в одной системе «контроля». И то, что руководство Фонда обязательного медицинского страхования находится в тюрьме, а Пенсионного фонда – на свободе, можно объяснять личной честностью людей в Пенсионном фонде, тем, что там слишком много денег, что до них просто не дошли руки, еще какими-то причинами, но не институциональными, не системными факторами, потому что контроль одинаково слаб за обоими.

А это значит, что действенного контроля за деньгами Пенсионного фонда нет.

А если у вас нет контроля за вашими деньгами – у вас нет и самих денег, это суровая правда жизни.

Попробуйте найти место, населенное одними праведниками, положите на стол 5-тысячную бумажку и зайдите через сутки. Самый оригинальный ответ мне дал один очень уважаемый человек: если действительно праведники, то 4500 рублей останется, но десятину возьмут.

Так что главная проблема Пенсионного фонда – непрозрачность, отсутствие реального контроля за его деньгами… Послушайте, о каком повышении пенсионного возраста может идти речь в этих условиях? Вы сначала разберитесь с тем, куда деньги идут, почему этих дворцов понастроили, когда бабушки и дедушки копейки получают. А то будет, как в Сбербанке, когда они 20 млрд рублей кинули на ребрендинг по принципу «найдите пять отличий» – по 4 млрд руб. на маленькое изменение логотипа.

А хоть бы их ребрендинг и был реальным, а не фиктивным – кому он нужен? Что, кто-то где-то не знает, что такое Сбербанк? Реклама Сбербанка живо напоминает советскую рекламу «Летайте самолетами «Аэрофлота»: как можно летать чем-то еще, когда ничего сопоставимого просто нет?

Первое, что надо сделать в пенсионной системе – обеспечить жесткий контроль. Да, его в сегодняшней России нет ни за какими деньгами. Но с чего-то начинать надо! Вот и начните с Пенсионного фонда.

Давайте согласимся, что самое непристойное – это воровать у детей, больных и пенсионеров. И, если вам, уважаемые бюрократы, не жалко детей и больных, начните защищать интересы пенсионеров. Институционально это просто.

Е. ЧЕРНЫХ: – Тем более они же наши главные избиратели.

М. ДЕЛЯГИН: – Что за утилитарный подход? Не надо цинизма, его и так слишком много. Да и не думаете же вы всерьез, что избиратели на что-то там могут влиять в нашей системе?

Пенсионеры – это, прежде всего, наши родители, деды. Это люди, которые дали нам саму жизнь… А безответственным, а часто и порочным начальникам дали бесплатное образование – невольно думаешь, что лучше бы их и читать не научили… Я понимаю, что у коррумпированной бюрократии нет совести, но природа не терпит пустоты: нет совести – значит, пусть будет страх.

Итак, главная проблема в том, что на вопрос «Как деньги тратятся?», следует отвечать: «Непрозрачно».

Второй вопрос пенсионной реформы – как деньги собираются. Ответ: «Нелепо».

Раньше был Единый социальный налог, а теперь, выражаясь цензурным языком, «то же самое, только в профиль»: совокупность страховых взносов. А главный принцип Единого социального налога столь же нелеп и извращен, что и все либеральные реформы: чем вы беднее, тем вы больше платите.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это как понимать?

М. ДЕЛЯГИН: – Как есть, прямо: чем меньше ваши доходы, тем по большей ставке вы облагаетесь. Если вы бедны или относитесь к «среднему классу» – 30 %. А со сверхвысоких доходов платите 10 %.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как так? Это правда?

М. ДЕЛЯГИН: – Вот так: все для олигархов и олигофрендов. У кого власть, тому и льготы.

Если ваш работодатель выделяет на оплату вашего труда 30 тысяч рублей в месяц, то он должен 30 % с них отдать на страховые платежи в социальные фонды. А если вы получаете в месяц три миллиона, то платить будете уже не 30 %, а в три раза меньше.

Е. ЧЕРНЫХ: – Платим лично мы или работодатели?

М. ДЕЛЯГИН: – Формально обязательные социальные взносы платит работодатель, только вам от этого не легче. Это вам кажется, что платит работодатель, а не вы, а у работодателя есть структура издержек, в которой на вашу оплату выделяется, условно, 30 тысяч рублей. То, что с этих 30 тысяч рублей часть платит в виде обязательных взносов он, а часть в виде подоходного налога вы – это детали: в планировании расходов учитываются все налоги. В результате, когда приходит работник на фирму, ему часто говорят: вы можете получать 30 тысяч рублей «в конверте» или 18.270 рублей по-честному. Потому что интегральное налогообложение – 30 % обязательных социальных взносов с фонда оплаты труда, а с остального – 13 % подоходного налога, составляет 39,1 %.

Для бедных людей, даже для части «среднего класса» – это запретительно высокие платы. А богатые люди, наняв налогового консультанта, могут вовсе не платить обязательные соцвзносы и снизить налоговую нагрузку на доходы до 5–6 %. Совершенно легально.

Е. ЧЕРНЫХ: – Почему?

М. ДЕЛЯГИН: – А зачем? Богатые же должны чувствовать себя хорошо.

Официально на всех углах заявляется, что, если отказаться от регрессивной шкалы обложения доходов и перейти к прогрессивной шкале, используемой всем человечеством, то богатые люди будут уходить из-под налогообложения, будут прятаться и не будут ничего платить. Но это неправда – среди них много приличных, честных людей.

С другой стороны, исследования не кого-нибудь, а Международного валютного фонда показали, что переход на «плоскую» шкалу подоходного налога и Единый социальный налог дали прирост платежей в бюджет не от богатых, а от среднего класса и за счет общего роста благосостояния, но отнюдь не потому, что богатые люди перестали прятать свои доходы. Их нечестная часть, в общем, прятать налоги не перестала.

С другой стороны, если рассматривать проблему через призму борьбы с уклонением от налогообложения, – нельзя поймать 10 миллионов бедных неплательщиков хотя бы потому, что это убыточно. Грубо говоря, чтобы доказать, что какой-то бедолага недоплатил 1 тысячу рублей налогов, государству придется тратить 10 тысяч рублей бюджетных денег. Да хоть в тюрьму его сажайте – это лишь усугубит расходы государства: здесь ничего не сделаешь. Преследовать бедных – нерентабельное занятие, гораздо выгоднее дать им возможность не нарушать закон.

А вот если государство поймает хотя бы одного деятеля, который не заплатил в казну 10 тысяч долларов, – это уже будет сверхрентабельно. Так что не ловите бедных людей – ловите богатых. Они отличаются тем, что их имеет смысл ловить.

Но у нас государство устроено в интересах недобросовестной части обеспеченного класса. Это очень обидно, но это так. В результате мы имеем регрессивную шкалу страховых взносов – чем вы беднее, тем вы больше платите.

Если вы бедны или даже относитесь к «среднему классу», налогообложение ваших доходов запретительно высокое – и, возможно, вы просто не платите налогов. В результате собираемость Единого социального налога была около 65 % и снижалась примерно на 1 процентный пункт каждый год.

Это ужасно.

У нас все остальные налоги собираются удовлетворительно, кроме НДС, и то из-за массовой коррупции. А Единый социальный налог и его преемники – взносы во внебюджетные фонды – собираются плохо не из-за коррупции, а из-за несправедливости своего устройства.

Ведь несправедливость экономически неэффективна: это закон природы.

А результат этого – недополучение денег Пенсионным фондом и пенсионный кризис.

Поразительно, что бизнес в данном случае занимает вполне прагматичную и в чем-то даже самоотверженную позицию. С момента введения Единого социального налога бизнесмены выражают готовность платить 15-процентный Единый социальный налог и со своих доходов, и с доходов своих работников. Не 30, а 15 %, но зато со всех доходов, включая свои миллионные.

Таким образом, сами богатые люди готовы платить больше, но государство этого не хочет, и Пенсионный фонд теряет деньги.

И с переходом от Единого социального налога к обязательным социальным взносам стал терять их еще больше, потому что собирать средства должна теперь не налоговая служба, а он сам, а он к тому времени забыл уже, как это делается.

Ведь введение Единого социального налога отчасти было прогрессивным мероприятием исключительно потому, что собирать все средства стала налоговая служба, которая умеет это делать. Ранее – и к этой порочной практики, кстати, вернулись в последние годы, – взносы во внебюджетные фонды собирали сами эти фонды: обязательного медицинского страхования, Пенсионный фонд, социальной защиты, социального страхования, и делали это «кто в лес, кто по дрова». У них просто не было для этого административной мощности. При этом взносы в них совершенно однотипны, но приходилось их разносить в несколько разных фондов – таким образом, одинаковая работа дублировалась по нескольку раз. Были и мошенничество, и просто административная слабость.

Единый социальный налог сконцентрировал все в руках налоговой службы. Ее никто не любит, и я не исключение. Возмутительно, когда сбор налогов приобретает характер террора. Злоупотребления в этой сфере, насколько можно судить, чудовищны. Но при всем

том налоговая инспекция может и умеет собирать обязательные платежи, в отличие от Пенсионного и других внебюджетных фондов.

И то, что у налоговой службы забрали сбор бывшего Единого социального налога, раздробили его на однотипные платежи и раздали их взимание обратно по внебюджетным фондам – это прямое и не имеющее оправдания разрушение относительно эффективной административной системы, которая собирала эти деньги.

То есть те глупости и бред, которые есть, сохраняются и даже усугубляются, а то рациональное, что было сделано в начале 2000-х годов, – безжалостно и беспощадно разрушается.

Е. ЧЕРНЫХ: – И поэтому нам опять протаскивают повышение пенсионного возраста.

М. ДЕЛЯГИН: – Да. Бюрократия сначала долгие годы была глуха к доводам здравого смысла, потом сделала безумную глупость, повысив и без того запретительно высокие взносы во внебюджетные фонды, и считает, что заплатить за эту устроенную ею пенсионную катастрофу должны граждане России – повышением пенсионного возраста.

Молодцы!

Но есть еще одна проблема: отсутствие стимулов к долгосрочному добросовестному труду. Это суть нынешней пенсионной реформы. Когда разрабатывали пенсионную реформу в 2004 году, то, действительно, хотели сделать так, чтобы пенсия прямо зависела от стажа и заработков человека, чтобы стимулировать честный труд.

Но когда эту пенсионную реформу корректировали, вернулись к уравниловке, которая намного хуже советской: она сравнима только с уравниловкой начала 90-х годов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Шувалов сказал, что пенсии примерно одинаковые для всех, а остальное выбирайте сами.

М. ДЕЛЯГИН: – Это очень внятный и очень людоедский сигнал всему народу России: не работайте на это государство, на этих шуваловых, потому что вам за это почти ничего хорошего не будет. Это напоминает риторику начала 90-х годов, когда либеральные реформаторы прямо советовали шахтерам выживать за счет собирания грибов и ягод, когда все еще уважаемый некоторыми Гайдар на вопрос о том, как же быть пенсионерам, спокойно отвечал, насколько я могу судить, что, если люди не смогут или не захотят вписаться в рынок, то пусть умирают, и так далее.

И вот мы опять слышим эти же самые голоса. Что же нам тогда рассказывали про суверенную демократию, про модернизацию какую-то? Гайдар в 1992 году, по крайней мере, басни про модернизацию не рассказывал, он был относительно честен. Потому его и запомнили, что он честно говорил, что именно он и другие либеральные реформаторы будут делать с людьми.

А насчет накопительных пенсий тоже очень интересная история.

Когда мы платим на них обязательные взносы, мы ведь думаем, что с этими деньгами государственные или частные управляющие компании будут делать что-то полезное, приносящее прибыль, и, когда мы выйдем на пенсию, мы эту прибыль будем поэтапно получать.

Было много критики из-за того, что государственные пенсионные фонды отбирают управление этими деньгами у частников. Вокруг этого было много скандальных обсуждений, но они стали «дымовой завесой», скрывавшей главное.

Все как-то очень тактично умалчивали, куда же идут наши деньги.

Так вот, докладываю: наши обязательные накопительные пенсионные взносы идут на игру на фондовом рынке, и никаких серьезных гарантий здесь нет. Наши деньги служат сырьем для операторов фондового рынка, так что пенсионная реформа была задумана не столько для пенсионеров, сколько для фондовых спекулянтов. Они получили новый огромный консолидированный финансовый ресурс, «длинные деньги» – наши деньги.

Во всем мире «длинные деньги» направляют на модернизацию. Ведь пенсионные взносы – это «деньги надолго». Я постоянно плачу заранее известные суммы, и эти деньги (и прибыль с них) я, например, начну получать только через 15 лет. То есть эти деньги,

неуклонно увеличивающиеся за счет новых взносов, будут гарантированно работать безвозвратно 15 лет подряд!

Такие финансовые ресурсы самой природой предназначены для модернизации. Например, на них можно построить железную дорогу, вокруг нее начнется бурная деловая активность, налоговые поступления от которой надежно обеспечат мне достойную старость.

Причем у нас есть отрасли с гарантированной долгосрочной рентабельностью. Например, ЖКХ: его модернизация в крупных и средних, а также относительно обеспеченных малых городах – беспроигрышный бизнес. За тепло и канализацию люди платят всегда, когда они есть, а часто даже когда их нет. Так модернизируйте это и дайте целому поколению россиян гарантированные пенсии, так как через 10–15 лет эти инвестиции гарантированно окупятся!

Но нет – зачем заниматься модернизацией, когда о ней можно поговорить, а деньги, предназначенные для нее, направить на спекуляции и «срубить бабло» прямо сейчас? И накопительные пенсионные взносы граждан РФ идут на фондовый рынок.

А чем фондовый рынок отличается от канализации? Тем, что на нем можно потерять. Ведь на канализации потерять нельзя: пока люди живут, они будут платить. Это причина того, что мафия в той же самой Италии берет под контроль, помимо строительного бизнеса, который идеален для отмывания денег и упрятывания оппонентов, бизнес в ЖКХ. Ведь ЖКХ обеспечивают контроль за населением, то есть политическое влияние, и практически гарантированную рентабельность. А на фондовом рынке раз в 10 лет падения, хотя бы из-за девальвации, бывают просто по теории вероятности.

Е. ЧЕРНЫХ: – И кризисы бывают.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, фондовый рынок – это цикличная вещь. И вот представьте себе, что вы работали-работали, а на пенсию вышли, например, в момент спада всего и вся: вы в виде пенсии копейки будете получать.

Смотрите: пенсионная реформа началась в 2005 году, так уже с того времени случился обвал российского фондового рынка: по сравнению с максимальным уровнем, он упал в 4 раза, и только в 2,6 раза восстановился. То есть в реальности мы потеряли треть своих взносов, сделанных накануне кризиса 2008 года – и это без учета вознаграждения, которые взяли себе, в том числе и за это, управляющие нашими деньгами компании!

Е. ЧЕРНЫХ: – А зачем тогда мы платим пенсионные взносы?

М. ДЕЛЯГИН: – Чтобы финансовые спекулянты могли заработать на наших деньгах свою маржу. Да, с нашей прибыли они зарабатывают больше, чем с убытка, но с убытка они тоже зарабатывают, потому что снимают свою долю с каждой операции.

При этом есть страховка от компьютерных преступлений, от банкротства и от мошенничества. То есть если управляющая компания разорилась «в ноль», я получу компенсацию. Если она украла у меня деньги, и это доказано судом, – я получу компенсацию. Если она стала жертвой хакерской атаки, – я тоже получу компенсацию.

Но они же имеют право и по-честному ошибиться! И вот если никто не мошенничал, а просто этот спекулянт по-честному ошибся, или если рынок пошел вниз, – то уважаемые будущие пенсионеры получат от своих кровью и потом заработанных денег шиш, и даже без масла. На этом фоне, действительно, Гайдар отдыхает, и я частично понимаю людей, которые пытаются его реабилитировать в общественном мнении.

Таким образом, пенсионная реформа служит не пенсионерам, а фондовым спекулянтам. Многие предпочли бы, чтобы их деньги шли не на спекуляции с высокой вероятностью проиграть, но кто в России спрашивает избирателей? Я, например, четко знаю, что в этой пенсионной реформе у меня пенсии либо не будет вообще, либо ее покупательная способность будет существенно ниже, чем даже у моих родителей, а на их пенсию прожить нельзя.

Так что **не надо заниматься финансовым онанизмом: нужно инвестировать пенсионные деньги в реальный сектор, в модернизацию страны, а не в бесплодные спекуляции.**

В США коммунальное хозяйство современно, страна выстроена, и гарантированно доходных объектов долгосрочного инвестирования нет – вот и приходится вкладываться в фондовый рынок.

Но у нас-то все по-другому, у нас эти объекты есть. Господа чиновники, если когда-нибудь захотите иметь надежную пенсионную систему, куда народ будет нести деньги сам, – покажите всем, что инвестиции гарантированно прибыльные.

Все, что я говорю, это абсолютно примитивные, прозаичные, очевидные вещи. Большинство чиновников вменяемо, они это понимают. Почему же они ничего не делают?

Потому, что у них другая мотивация.

Заниматься модернизацией сложно, а скидывать деньги финансовым спекулянтам просто. Если я занимаюсь модернизацией, я могу ошибиться, я за это буду отвечать. А если ошибется финансовый спекулянт, чиновника это не касается, он не несет за это ответственность. И никто не несет, кроме без вины виноватого будущего пенсионера, который потерял деньги и остался нищим.

Если бюрократ полностью выведен из-под всякой ответственности за что бы то ни было, он будет работать, в лучшем случае, в интересах собственной лени. В худшем случае – он будет создавать коррупционные механизмы и будет отстаивать непрозрачность Пенсионного фонда как высшую демократическую ценность. И объяснять, что контроль – это всегда вмешательство в дела рынка, что любое вмешательство государства в экономику неправильно и недопустимо.

Мы все это слышим от наших либералов. Тот же самый господин Шувалов ввел десять лет назад «презумпцию избыточности государственного вмешательства», по которой любое государственное вмешательство избыточно, если не доказано обратное. При этом коррупционное вмешательство осуществляется без всяких преград: подавляется лишь вмешательство государства в рынок в интересах людей.

Когда надо отнять у людей их имущество, – например, снести дома, как в поселке «Речник», по соседству с населенным не просто богатыми, но очень богатыми людьми, включая членов правительства, «Островом фантазий», – никого не волнует, что это государственное вмешательство в экономику, нарушение прав собственности. Понадобилось освободить место – и сносят, насколько можно судить. А вот когда нужно защитить деньги людей от воровства, вот здесь начинаются все эти либеральные разговоры, создающие вполне внятное и однозначное впечатление, что либерализм, по крайней мере, сегодняшний – это воровство.

Это беда не только пенсионной системы. Но только в пенсионной системе эта система бьет по абсолютно беззащитным людям, которые даже отстреливаться не могут. Люди среднего возраста могут как-то перекрутиться, найти какую-то дополнительную работу, а пенсионер выкрутиться не может, он беззащитен. И по нему эта коррупционная вертикаль проходит просто железными колесами. Это прохождение железными колесами и называется пенсионной реформой.

Решить проблемы просто: надо обеспечить прозрачность Пенсионного фонда, восстановить Единый социальный налог, который собирается налоговой службой, а не кем попало, и установить его на уровне 15 % для всех. Вот здесь можно согласиться даже на «плоскую» шкалу – бог с ней, лишь бы не регрессивная, лишь бы не абсолютно омерзительная ситуация, когда сама честность является привилегией имущих. И, наконец, обязательные накопительные пенсионные взносы должны вкладываться не в спекулятивные операции, которые точно кончатся плохо за время, которое отделяет нас от пенсий, а в отрасли, которые обеспечивают гарантированную доходность. Если это сделать, так надо еще посмотреть, повышать пенсионный возраст или понижать – может, надо и понизить.

Е. ЧЕРНЫХ: – Для нас какой выбор лучше, что делать?

М. ДЕЛЯГИН: – Про себя я знаю твердо: сколько ни зарабатывай, в этой пенсионной системе реальной, настоящей пенсии у меня не будет. Значит, нужно родить детей и их воспитать. Причем ребенка не одного, потому что сидеть вдвоем с женой на шее одного

ребенка – значит сломать эту шею. Насмотрелся я на подобные примеры: зарабатывает молодой человек тысячу долларов в месяц, а после поддержки всех родственников, на собственные нужды остается дай бог половина, и живи, как хочешь. Значит, ребенок должен быть не один. Вменяемый, правильно воспитанный.

С другой стороны, если есть возможность заработать копейку – вложите ее сами, а куда – смотрите по рыночной ситуации.

Е. ЧЕРНЫХ: – И все же, куда?

М. ДЕЛЯГИН: – Сейчас, с моей точки зрения, на валютные депозиты в государственный банк или в золото, но лишь когда его цена припадет. Российского фондового рынка я боюсь. Рублевый депозит? На короткий срок – хорошо, более чем на год – опасно.

Е. ЧЕРНЫХ: – И третий вариант какой может быть?

М. ДЕЛЯГИН: – Если привыкли сорить деньгами, то, конечно, не сорите. Но я что-то сильно сомневаюсь, что среди наших радиослушателей есть хотя бы 10 таких человек. Я не думаю, что господа вроде Шувалова, для которых это, судя по некоторым их высказываниям, актуальный вопрос, нас слушают. Потому что сказать серьезно в нынешней России, где более 80 % населения, судя по соцопросам, испытывают нехватку денег на покупку простой бытовой техники, сказать в нашей стране, что нужно сокращать расходы, ужиматься, и это будет обеспечивать вам нормальную пенсию, – знаете, я лично трактую это как издевательство. Если кто-то трактует это как здравый смысл, как заботу о людях, – валяйте, трактуйте дальше.

Е. ЧЕРНЫХ: – В общем, выход один – заботиться самим о своей обеспеченной старости.

М. ДЕЛЯГИН: – «Не верь, не бойся, не проси» – в отношении либеральных реформаторов это верно ничуть не меньше, чем в отношении лагерной вохры или конченых бандитов. Российское государство по сравнению с временами появления этой фразы только ухудшилось.

Если у вас есть малейшая возможность бороться за свои права, их защищать – защищайте. Потому что, кроме вас, ваши права не нужны никому. Помните, Горький писал «Права не дают – права берут»? Сейчас за публичное цитирование этой фразы на митинге возбуждают уголовные дела по пресловутой 282-й статье – именно потому, что они правдивы и актуальны, как никогда.

И никто, кроме вас, не верит, что у вас эти права есть. Ваша пенсия для либеральных реформаторов, с моей точки зрения, – это расходы, издержки, которые подлежат беспощадному сокращению.

02.02.2010

Реформа здравоохранения: бизнес на недугах вместо здоровья нации

Е. ЧЕРНЫХ: – Для начала нашего разговора хотел бы рассказать о скандале в Курганской области, связанном с медиками. Главврач одной из районных больниц запретил врачам, издав соответствующую бумажку, выезжать на вызовы к людям старше 70 лет, страдающими сердечно–сосудистыми заболеваниями.

Давайте попытаемся экстраполировать эту ситуацию на все наше здравоохранение. Самое главное: чем он мотивировал? Мы, говорит, будем экономить таким образом на бензине и на зарплатах врачей. Можно ли сказать, что, чем дальше от Москвы, тем страшнее ситуация в здравоохранении?

М. ДЕЛЯГИН: – Россия очень неравномерная, очень разная страна. Есть места далеко от Москвы, где система социального обеспечения лучше, чем в Москве, потому что добросовестнее. Потому что не на инструкциях держится, не на деньгах и не на технике, а на людях.

А изуверство, пример которого вы привели, есть и в Москве. Я знаю это, потому что некоторые мои друзья, имеющие пожилых родственников, при вызове «Скорой помощи» занижали их возраст лет на 20 – чтобы та просто приехала. Нет гарантий и нет уверенности в том, что она будет добросовестна, если узнает, что человеку много лет. И некоторое время назад были массовые случаи, когда людей старше 70–75 лет не лечили. Хотя на самом деле сегодня все зависит от экипажа «Скорой»: есть люди, которым и 60-летнему при боли в сердце вкалывают укол, говорят, что простуда, и уезжают, а есть те, кто и 83-летнего реанимируют и через весь двор, заставленный машинами, на себе до своей машины тащат – и в итоге спасают жизнь.

Но значимое со статистической точки зрения число случаев явного или неявного отказа от лечения стариков вызваны не личным изуверством, а государственным, точнее – либеральной реформой здравоохранения. Как и все либеральные реформы социальной сферы, она нацелена на превращение реформируемой сферы исключительно в бизнес. А раз так, в ней нужно снижать издержки и повышать оборот, то есть экономить деньги и максимально ускорить приток посетителей. Ну, вот, раз в нашей пенсионной системе средний «возраст дожития» после выхода на пенсию 19 лет, то, чем меньше живет пенсионер, тем больше экономия.

С другой стороны, чем меньше ездить по вызовам, тем больше бензина останется: опять экономия.

У нас вот некоторые начальнички любят Советский Союз ругать, чтобы отвлечь внимание от собственных художеств. Да, не будем забывать, что человек неявно рассматривался как собственность государства, что его здоровье воспринималось как принадлежащее стране, что человека обязывали, хоть и неявно, следить за собственным здоровьем, как за станком, на котором он работает… И, казалось бы, пенсионеров при таком функциональном подходе не должны были жалеть.

Но ничего подобного: система здравоохранения в их отношении работала достаточно добросовестно и качественно, а по сравнению с нынешними порядками – и вовсе великолепно.

А сейчас мы сталкиваемся с ситуацией, когда людей просто хоронят заранее, заживо, даже там, где можно оказать медпомощь.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, в связи с этим хочу напомнить об авиакатастрофе в Голландии, где турецкий лайнер чуть-чуть не дотянул до момента соприкосновения шасси с полосой из-за того, что там банально не долили керосина: экономили в связи с кризисом и не долили запас. И тоже, соответственно, был издан соответствующий приказ – экономить керосин по полной программе.

Так можно ли предположить, что где-то в недрах руководства нашими медицинскими службами, где-то в недрах Минздравсоцразвития тоже так вот закрывают, мягко говоря, глаза на подобного рода нарушения. Возможно, и какие-то директивы существуют негласные?

М. ДЕЛЯГИН: – Я письменных директив не видел, но, вероятно, какие-то директивы есть.

Могу судить по «Скорой помощи». Все привыкли относиться к ее сотрудникам как к святым людям, в прямом смысле этого слова. Попадешь в передрягу – они тебя с того света вытащат, ну а дальше, в обычной больнице, уж как повезет. У меня был случай: грудной ребенок опрокинул на себя чашку с кипятком. Приезжает «Скорая». Благо, в соседнем дворе у них станция, она приезжает практически мгновенно в течение 10 минут.

После чего мне очень внятно и культурно объясняют, что «Скорая», мол, никакой медпомощи не оказывает, а занимается только «транспортировкой».

Притом, что вечер, и Москва стоит в пробках, и на соседнюю улицу «транспортировать» можно сколько угодно долго.

Дальше: вашему ребенку мы, мол, можем вколоть только обезболивающее. Это грудничку – обезболивающее, которое непонятно как на него повлияет, да и сами уважаемые

товарищи из «Скорой» категорически отказываются фиксировать, окажет это какое-нибудь влияние на младенца или не окажет – типа, нам это неважно, хотите – сделаем, напишете отказ от претензий – не сделаем.

А дальше наступает феерическая ситуация: есть хорошее лекарство от ожогов – пантенол. Лучше только стрептолавен, но пантенол есть в каждой аптеке, это действительно универсальная и массовая вещь. То, что у них в центре Москвы не было с собой пантенола, меня не удивило, однако у них вообще с собой никаких лекарств не было, кроме обезболивающего, это правда, я к ним в чемоданчик заглядывал и в нем руками по закоулкам лазил, искал: может, хоть что-то там завалялось.

Может быть, они тоже так экономили – не знаю. Но фантастика была в том, что – я уверен по их реакции – эти немолодые уже люди увидели пантенол в моей домашней аптечке и услышали о нем первый раз в жизни. Они вообще не знали, что это такое – в Москве! В XXI веке.

Ну, слава богу, тогда обошлось – ребенка залили толстым слоем пантенола, который у меня есть, и он перестал плакать. Но после этого я свое отношение к «Скорой помощи» изменил в корне.

Да, до реформы они спасали жизнь.

А теперь все зависит от экипажа, ибо формально, насколько можно понять, им дано право заниматься только «транспортировкой». И им действительно может быть безразлично, что транспортировать: живого человека, тело или не очень живого человека, – им важно лишь вколоть обезболивающее, чтобы человек не мешал им своим криком.

Да, есть святые. Есть те, кто честно выполняет свой долг – это уже очень много по нашим временам. И я, и мои близкие сталкивались с ними значительно чаще.

Но именно тот экипаж, о котором я рассказываю, который на ожог грудничка приехал мгновенно, но без лекарств, и больше всего заботился об отказе от претензий (который я, находясь в шоке, к глубокому своему сожалению, подписал), произвел шоковое впечатление и стал для меня символом либеральной реформы здравоохранения. Реформы в российском смысле этого слова – в смысле уничтожения здравоохранения.

Я верю, что даже в том же парке скорой помощи, наверное, есть другие бригады, которые к делу относятся по-другому. Потому что я не поленился, я посмотрел по инструкциям, что «Скорая» обязана оказывать медпомощь и обязана быть действительно помощью, а не перевозкой.

Но, когда вы находитесь в шоковом состоянии от того, что с вашими близкими что-то случилось, вам не до того, чтобы «качать права», и не до того, чтобы их даже вспоминать. Вы привыкли воспринимать человека, который к вам входит в синем, зеленом или в белом халате, как человека, который вас пришел спасать. Вы не готовы воспринимать его как своего врага. А теперь придется учиться делать это. Я знаю теперь, что при вызове «Скорой» должен быть готов ко всему, и ни при каких обстоятельствах не подписывать отказ от претензий.

Е. ЧЕРНЫХ: – А ведь, по-моему, по инструкциям к детям такого нежного возраста должны специальные скорые приезжать, реанимация новорожденных или как это называется?

М. ДЕЛЯГИН: – Теоретически – да, должна. Может быть, приехала именно эта, специальная. Но они четко знали, что их задача – везти в травмпункт, и лишь потому, что тот уже закрывается, можно везти в больницу. Думаю, вы понимаете, что такое травмпункт… А оказывать медпомощь – это было вне их понимания. Для меня это был настоящий шок, меня до сих пор трясет, когда я этих глубоко уважающих себя эскулапов вспоминаю.

Но платная медицина не лучше. Деньги – не спасение от равнодушия и безграмотности. Подхватил я как-то в бассейне грибок на ноготь, извините за подробность. Какое-то время занимался самолечением, потом понял, что без толку, и решил найти хорошую платную клинику, чтобы они мне прописали, что и как делать. Пить антибиотики ударной дозой был не готов, потому что это удар молотком по печени и по всем другим органам, которые у

современного горожанина и так не ахти. Иду в очень хорошую, очень известную в Москве платную клинику, попадаю к кандидату медицинских наук, врачу какой-то там высокой квалификации. Не старик и не мальчик, средних лет мужик с очень такими умными и понимающими глазами. Грибок, говорит? Ну так помажьте фурацилинчиком. С Вас столько-то.

Фурацилин, кто не знает, – это аналог йода или зеленки, только малинового цвета. Я подумал: может, я что-то напутал. Пришел домой, читаю энциклопедию, – нет, это не я дурак, с медицинской точки зрения. А вот, с житейской точки зрения, дурак – именно я, потому что этому шарлатану заплатил деньги.

Вот вам платная медицина, которая не имеет никакого контроля качества. И что с вами будет после попадания в теплые руки столь высоких профессионалов, бог весть.

Ведь медицина, здравоохранение – это, по сути своей, не бизнес. Это, выражаясь совковым языком, «создание производительных сил», потому что иметь здоровую рабочую силу и даже здоровых пенсионеров намного выгоднее, чем больных. Пенсионеры, в конце концов, с внуками посидят, еще какие-то проблемы снимут с работающих детей, да и просто здоровую атмосферу в семье создадут, потому что когда старый человек относительно хорошо себя чувствует, то от этого всем тепло и приятно.

А когда медицина становится просто бизнесом, неотличимым от продажи пирожков, «которые сегодня утром еще мяукали», то сразу же после этого выясняется, что это такая же специфическая естественная монополия, как, например, образование. Да, конечно, есть конкуренция, есть много разных клиник, но вы как нормальный человек не в состоянии заранее оценить качество услуг, которые вам оказывают. Вы можете оценить это качество лишь задним числом, когда иногда бывает уже поздно что-либо исправлять.

Это означает, что человек абсолютно беззащитен перед медициной.

Если вы купили бракованную водку и выжили, то вы эту водку больше не купите, – и так осуществляется «естественный отбор» среди производителей. Среди врачей этот «естественный отбор», на который уповают реформаторы, пойдет с таким опозданием, что и врач некомпетентный себя будет прекрасно чувствовать, и пациенты вымрут, и никто на это отреагировать не успеет.

Поэтому в медицине, как в образовании, должен быть контроль качества со стороны государства – больше ему неоткуда взяться. У нас только-только в официальных документах появились упоминания о контроле качества, но как именно его контролировать, непонятно. Работоспособных механизмов нет – потому что, действительно, контролировать качество со стороны очень тяжело.

Простой пример: УЗИ. Это искусство, как геофизика: чуть-чуть в сторону прибор повернул, и картина будет совершенно другая. Если вы не добросовестно, а формально относитесь к своим обязанностям, то вы легко можете ничего не увидеть. И, если вы и не хотите ничего видеть, потому что хотите пропустить через себя максимум пациентов, чтобы получить за них деньги, – вы ничего и не увидите. И снимки, которые будут подшиты к делу, покажут, что все в порядке: вы всего лишь, не стараясь, следовали инструкции, и Вас не за что наказывать, потому что врач имеет безусловное право на такую «добросовестную ошибку».

Таким образом, возможности стороннего контроля за медицинской помощью ограничены: действенным будет лишь самоконтроль, а для этого нужно воспитывать врачей. Не бизнесменов в белых халатах воспитывать, которые «капусту рубят» с каждого проходящего мимо, а подвижников, которые будут облегчать страдания людей, как в старые времена.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но у нас же сейчас делается все с точностью до наоборот. Вот эта пореформенная система: чем больше приходят к врачу в поликлинику народа, чем больше он ставит свою подпись на всякого рода карточках, тем больше он получает денег. Получается, что врачу выгодно не то, чтобы люди выздоравливали, а чтобы люди болели. То есть, оценивается не результат его работы, а количество врачебных часов. Есть койко-место, а это,

наверное, какое-то враче-место.

М. ДЕЛЯГИН: – Система скопирована с развитых стран, где она очень сильно сдерживается. Она сдерживается там изощренной судебной системой, в которой человек, если упрется, может доказать, что он не верблюд, и получить компенсацию до небес и выше. Она сдерживается страховой системой: если кто не так кашлянул, то адвокаты страховой кампании съедят всех заживо. Она сдерживается общественным мнением, которое реально имеет силу, потому что там, извиняюсь за выражение, демократия. Это не ругательство, это такой политический строй, если кто помнит.

Да, и там есть еще корпоративная этика врачей, потому что они очень жестко конкурируют, и если вы как врач сделали грубую ошибку, то ваши же коллеги, не дожидаясь адвокатов и журналистов, с удовольствием выплюнут ваши косточки, чтобы перетянуть на себя часть вашей практики.

Таким образом, в развитых странах коммерческий характер медицины блокируется целым рядом изощренных сдерживающих систем. И все равно сплошь и рядом мы видим ситуацию, когда врачи выписывают совершенно лишнее, ненужное лечение, чтобы заработать на нем деньги.

А с другой стороны, мы видим вещи, абсолютно безумные с точки зрения массового здравоохранения. Например, в моей любимой Швеции диагноз «простуда» практически не ставится, а диагноз «грипп» ставится очень редко. Поэтому люди сплошь и рядом ходит на работу в соплях, извиняюсь, по самые уши. В результате грипп – это нормально, а то, что вся страна переносит его на ногах до температуры 38,5 – это личная проблема каждого отдельно взятого индивидуума. То, что при этом падает производительность в стране, что у людей возникают осложнения… Ведь почему нельзя ходить на работу с гриппом? Не только потому, что он всех там заражает, но и потому, что любое напряжение для больного гриппом чревато очень опасными осложнениями. Поэтому себя нужно любить и беречь. А когда вся страна ходит на работу в насморке, то эпидемия ОРВИ, как это сейчас называется, начинается с первым снегом и заканчивается с последним. Результаты – падение производительности труда, плохое самочувствие, которое многие алкоголем лечат, и, наконец, осложнения. И это в безупречно цивилизованной стране!

Очень часто врачи в развитых странах исходят из того, что организм сам всех поборет, и поэтому специализированное лечение выписывают с большой неохотой, а люди страдают, в общем, напрасно.

А у нас вообще дикость первобытная в этом отношении: врачам сказали: «Зарабатывайте деньги!». Я хорошо помню в конце 80-х – начале 90-х годов демонстрации врачей под лозунгами «Бесплатная медицина опасна для вашего здоровья». Глядя на разъевшиеся хари некоторых студентов-медиков, которые в этом участвовали, я тогда уже ощущал, что эти люди намного опасней для моего здоровья, чем бесплатная медицина.

Сегодня врач поставлен в условия, когда ему противопоказано быть специалистом, потому что врач общей практики в результате этих «национальных проектов» зарабатывает больше специалиста. А врач общей практики – это просто диспетчер. Вы к нему приходите, как раньше приходили в регистратуру к регистраторше, как в аптеку приходили.

Ведь провизор в аптеке обязан иметь медицинское образование, а в регистратуре вас тетушка-регистраторша, исходя из ваших симптомов, направляла к соответствующему врачу. А теперь вы приходите не к ней, а к настоящему дипломированному врачу, который учился шесть лет, потом был в ординатуре и так далее. В него были вложены безумные деньги, а он работает, по сути дела, диспетчером – и отправляет вас к специалисту, который получает меньше него. И он занимается просто оформлением бумажек; направление даже медсестры на такую работу – неправомерная трата квалификации.

И при этом у него еще и лимит времени, ему нет времени вас слушать. Ну, мы с вами, ладно, в расцвете сил, мы можем внятно выражать свою мысль, а то и за грудки взять, а иногда человек приходит, у которого нет времени или культуры прислушиваться к своим ощущениям. И он говорит просто: «Мне что-то неможется». И нужно поговорить с ним,

расспросить его, чтобы понять, к какому специалисту отправить. А старый человек тоже ведь иногда не сразу может выразить словами, что он чувствует. Да и вообще, половина лечения – это психотерапия. А у врача общей практики жесткий график. Грубо говоря, 15 минут, – и пошел вон отсюда, зовем следующего. Тут не до расспросов: он работает, как секретарша, как машинистка, у него нет времени. И поэтому вы пройдете лишние два-три круга врачей, а в платной поликлинике вы еще за эти круги и заплатите безумные деньги.

А с другой стороны, в медицине образовалось множество диких фирм. Вот в метро входите – и бац, кабинет УЗИ в подземном переходе. Не рискнул зайти ни разу, хотя мне было очень любопытно, что они там этим УЗИ нарисуют, что они покажут…

Е. ЧЕРНЫХ: – Да, это отдельная, очень интересная тема, я думаю, что мы к ней вернемся. Хотелось бы коротенькую ремарку. Кажется, у нас только что родилась новая русская пословица. Что такое новорусский врач? График – 15 минут – и пошел вон.

М. ДЕЛЯГИН: – Нет, это не так. Я огромное количество настоящих врачей знаю, их на самом деле большинство, просто на поверхности, как обычно, плавают совершенно иные материалы.

Конечно, лучше всего, если врач имеет опыт полевой работы (не дай бог, в горячей точке), – то есть он умеет работать в ситуации, когда вся ответственность на нем, и он осознает эту ответственность. Почему военный госпиталь имени Бурденко самый лучший? Потому что там максимален удельный вес таких врачей.

Но я, будучи пациентом, часто просто не имею возможности проводить предварительное обследование там, где есть приличный врач, который меня не обманет и вообще хоть что-то хоть о чем-то знает. Я хочу тупо, ни о чем особом не думая, прийти в свою районную поликлинику и получить хотя бы стандартное, но при этом нормального качества медицинское обследование, ну хотя бы как это было в советское время.

Е. ЧЕРНЫХ: – По поводу контроля качества. Приходилось мне этой проблемой заниматься.

Люди, которым это тоже не безразлично, говорят о том, что, во-первых, Росздравнадзор, конечно, контора хорошая, но очень мало у них людей, они просто не могут обойти всех врачей и отреагировать на все проблемы. Это первое.

А вторoе – по мнению экспертов в этой области, необходимо сделать так, чтобы паталого–анатомическая служба подчинялась не медикам, а юристам. Необходимо ввести ее под юрисдикцию Минюста. Потому что, подчиняясь главврачу, патологоанатом, естественно, будет писать то, что скажет ему главврач, а ни один главврач, особенно если это далеко от Москвы, и пациент ни какая-нибудь звезда или крупный бизнесмен, не захочет раскрывать правду о врачебной ошибке своих подчиненных…

М. ДЕЛЯГИН: – Да, напишут все, что надо. Как в классическом анекдоте: вскрытие пациента показало, что пациент умер в результате вскрытия. С патологоанатомической службой, безусловно, это было бы очень правильное решение.

И вообще, у нас в принципе неразумно организована работа больниц. Ведь что такое главврач? Это медик, это специалист, он лечить должен. И он поднимается наверх по служебной лестнице, растет именно как хороший доктор, который знает, что где болит, чем это лечится или, не дай бог, не лечится. Он поднимается наверх – и на вершине карьеры вдруг из врача становится администратором. И начинает выполнять совершенно другую функцию.

Представьте себе, человек всю жизнь был скрипачом и когда он стал, грубо говоря, почти Ростроповичем, его перекидывают командовать танковой дивизией: вот тебе, парень, вершина твоей карьеры, наслаждайся.

Это недоразумение, оставшееся с советских времен: администратор – это одно, а врач – другое. Да, врач должен быть главнее администратора, как командир в позднем Советском Союзе был главнее политрука. Но смешивать эти принципиально разные функции не надо.

А насчет того, что Росздравнадзор не имеет сил… Знаете, одного-то специалиста он, наверное, имеет. Хотя бы одного на всю Россию. И этот один специалист за пять лет

существования Росздравнадзора в нынешней форме, наверное, мог кого-нибудь из неквалифицированных врачей отловить. Но что-то не слышно про такие случаи.

Почему нет, как говорят уважаемые прокуроры, громких дел? «Громкие дела» – это ведь не только «жареные факты», не только корм для репортеров. Если у нас нет административных рычагов воздействия, можно воздействовать психологически: несколько громких историй с халатными врачами, которые творят безумные дела из-за своего раздолбайства, раскрученные именно Росздравнадзором, – и разгильдяйская часть врачебного сообщества станет намного более дисциплинированной.

Конечно, этим нельзя решить проблему, но можно хотя бы смягчить.

Далее: в страшном состоянии находится система подготовки кадров. Когда нефтяника не учат, и он приходит на скважину – он запорет нефтяной слой, что принесет его кампании несколько десятков миллионов долларов убытка, а то и больше. Но он как-нибудь потом научится, если выживет.

А когда врач приходит к пациенту, ничего не зная, – это искалеченные люди, а то и смерть. Причем в большинстве случаев врачебной ошибки предъявить претензии юридически невозможно.

В 1995 году республика Куба, в которой наша страна, Советский Союз, создала здравоохранение почти с нуля (и создала так, что массовое здравоохранение республики Куба до сих пор лучшее в обеих Америках, включая США), отказалась признавать наши медицинские дипломы. Потому что уже тогда качество медицинского образования упало ниже плинтуса.

Когда врач знает, что от всего нужно лечить антибиотиком, его нужно срочно на переквалификацию. Пока этого не сделано, мощный фактор, извиняюсь за выражение, – страх. Если Росздравнадзор будет обладать зубами, как у акулы, и будет драть на части всех некомпетентных врачей, которые ему подвернутся, то просто за счет дисциплины качество медицинских услуг в нашей стране ощутимо вырастет.

Но где эта дисциплина? Где эти проверки? Где этот контроль? Не видно, не слышно. С моей точки зрения, это классическая ситуация, когда люди думают: у нас все хорошо, зачем мы с кем-то будем ссориться? Ну, нет у нас полномочий – значит, мы скажем, что нам не хватает полномочий, пусть эти микки-маусы в Думе принимают законы, а мы пока отдохнем. Классический пример такого подхода – милиционеры в 1994–1996 годах, когда при обрушении финансовых пирамид они четко заявляли, что в законе понятие финансовой пирамиды не прописано, а что не запрещено, то разрешено. Хотя норма про мошенничество в законах есть с царских времен, и ее применению мешало только нежелание.

Да, полномочия Росздравнадзора недостаточны, но, с моей точки зрения, – я буду счастлив ошибиться, – даже недостаточные полномочия они используют далеко не в полной мере.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, естественно, не стоит, наверное, полностью отрицать тот факт, что тот же главврач может очень неплохо занести любому инспектору из любого Росздравнадзора, и, конечно, все дело будет шито белыми нитками.

М. ДЕЛЯГИН: – Вы знаете, коррупция может остановить любое дело. Но она не должна превращаться в универсальное оправдание, в универсальную отговорку.

И все же, несмотря на коррупцию, в локальных вопросах порядок навести можно. И желание дать взятку, и готовность дать взятку, даже крупную, даже в нашей сегодняшней стране, ничего не может остановить в определенных ситуациях.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, у меня все равно критический взгляд на эти вещи.

М. ДЕЛЯГИН: – Никто не говорит, что наши силовые структуры хороши. Я могу про это говорить бесконечно и приводить примеры из жизни. Но кое-что они делают. Допустим, в каждом конкретном случае их представителям нужно было просто отмыться, показать, что они «белые и пушистые». Но ведь никакой недобросовестный врач не застрахован, что его следователю тоже понадобится от чего-нибудь отмыться. Это же тоже работает.

Да, с коррупцией как с системой, к сожалению, с моей точки зрения, в нашей политической структуре бороться пока нельзя. Но у нас есть примеры, когда можно бороться с отдельными ее элементами и вопреки всему.

Ведь чем сильна Россия? У нас все делается вопреки всему. Если вы строите стройную, хорошо организованную и продуманную систему, она не будет работать так, как вы задумали никогда – потому что из-под какой-нибудь коряги вылезет никому не известный и не понятный человек и скажет: «Нет, мне это не нравится, и поэтому так не будет».

И «так» не будет, потому что он упрется рогом и остановит систему. Мы страна «28 панфиловцев» – их, может, и не было на самом деле, но это способ существования Российской Федерации, и в плохом, и в хорошем смысле.

К сожалению, несмотря на это, коррупция имеет место. Из бытовых сфер здравоохранение и образование наиболее коррумпированы.

Есть исключения, конечно, я знаю примеры. Приходит бабушка в Москве к молодой девчонке-врачихе, которая девять месяцев в году находится в отпуске, потому что на фига работать, когда молода и все в порядке? По-русски эта девчонка говорит с огромным трудом, потому что она из какого-то там ближнего незарубежья. Девчонка смотрит: да, нужно такое лекарство. И говорит: «Лекарство дорогое, у Вас, наверное, таких денег не будет». Потом лезет в сумочку, достает это лекарство, отламывает чего-то себе, а остальное отдает бабушке. И попытку дать деньги пресекает категорически.

Такие примеры есть, я знаю этих людей – и с одной, и с другой стороны.

Но эти примеры – нарушение системы, построенной либеральными реформаторами, системы, к сожалению, абсолютно бесчеловечной.

Кто хочет в этом убедиться, пусть зайдет в любую аптеку и поинтересуется ценой на лекарства. И пусть поинтересуется знаниями человека, который продает лекарства, о том, что именно он продает. Сильно ругаться на провизора не надо, потому что у нас и врачи иногда не очень понимают, что они выписывают. Вот мне для грудного ребенка выписывали антибиотики, которые категорически запрещено принимать детям до 14 лет.

Поэтому советы всем: первое – на здоровье не экономьте. На еде, на отдыхе – пожалуйста, а вот на здоровье экономить нельзя. Пока оно есть, оно работает на вас, а вот если его нет – вы работаете на него, и больше ни на что сил и денег уже не остается.

Если вам что-то врач сказал, переспросите, а если возможно, проконсультируйтесь и у другого врача. Обязательно проверьте все в интернете и, когда вам что-нибудь выписывают, читайте, что вы употребляете внутрь. Потому что лекарства могут быть самые феерические, с самыми фантастическими побочными последствиями. И самое главное – это родовая травма нашего здравоохранения – у нас очень любят выписывать антибиотики, по любому поводу. Запомните, что антибиотик – это кувалда. Машину можно чинить кувалдой, но лучше все же отогнать ее на сервис или самому попробовать какими-нибудь более щадящими способами.

Конечно, это не означает, что воспаление легких можно переносить на ногах. Есть случаи, когда антибиотики показаны, и выбора нет. Но если вы видите, что вам для укрепления сил или от насморка выписывают тяжелый антибиотик, – не надо, лучше мороженого купите на эти деньги.

И еще хорошая вещь – гомеопатия. Это отдельный мир, отдельная сфера. Если у вас нет ничего острого – попробуйте сначала гомеопатию. Это щадящий, очень мягкий способ лечения, который стимулирует силы организма. Он оздоровляет, помогает организму самому справиться с болезнью, а не убивает эту болезнь механически.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да, я свой пример приведу. Мне недавно пришлось обращаться к врачу. Я ему сказал, в каком режиме я работаю, мне терапевт сказал: «Я тебе травок выпишу», – и, действительно, мне помогло. Но здесь, опять же, хочется сказать одно «но», лучше, если народные методы лечения будут проходить под контролем специалиста-травника. Потому что врачи знают прекрасно все эти травы. Профессиональные врачи, естественно.

Еще один момент хотелось обсудить. Мы тут недавно переживали какие-то там тучные

времена…

М. ДЕЛЯГИН: – Мы с вами не переживали тучные времена. И большинство наших слушателей тоже. Это олигархи, чиновники и экспортирующие сырье корпорации переживали тучные времена.

Е. ЧЕРНЫХ: – Тем не менее, в бюджете деньги были и даже, говорят, что-то мы в резервы отложили. А почему, несмотря на все эти тучные времена, наша медицина не в состоянии делать сложные операции, почему очень много сообщений о том, что вот это в России не оперируется, пересадка костного мозга – это куда-то в Европу…

М. ДЕЛЯГИН: – Еще есть более страшные вещи. На лечение детей с онкологией и вообще на высокотехнологичную помощь, как сейчас это называется, есть лимит. Этот лимит часто иногда выбирают уже в апреле и потом не продлевают, – и люди лишаются возможности получить лечение и продлить свою жизнь. Таких историй много. Иногда даже есть заранее отложенные на такой случай деньги, а их не дают. Экономят на людях, экономят на жизни детей, в прямом смысле слова.

К сожалению, это связано со спецификой нашего государства. Наше государство существует, с моей точки зрения, для того чтобы некоторое количество чиновников могло славно зарабатывать деньги. Если они эти деньги потратят на спасение жизни чужих детей, то им, грубо говоря, меньше останется на замки в Швейцарии.

На самом деле, связи, конечно, более сложные. Наше государство – это машинка, с моей точки зрения, по переработке населения Российской Федерации в замки в Швейцарии, суперяхты, чуть ли не с противоракетной обороной и другие предметы роскоши для ограниченного слоя населения. Поэтому у нас более 520 млрд долларов лежит сейчас в международных резервах – это деньги, на которые можно построить вторую страну. А когда дело доходит до медицинской помощи больным детям и больным старикам, начинаются разговоры про то, что денег нет, что нам не спустили лимиты, что деньги перечисляют с запозданием, и вообще – пошли вы все на фиг отсюда!

И при этом у нас в разы выросли расходы на здравоохранение. И, если главврач больницы честный и пробивной, то у него действительно все лучшее, все очень качественное. В Москве есть очень хорошие районные больницы, где врачи не берут не то что взяток, а даже благодарности. У меня вот друга вылечили: он пытается как-то отблагодарить своего врача уже полгода – та его просто посылает. Не потому, что она зажралась или что-то еще, а просто в их больнице так не принято.

Но в целом медицина – это бизнес на здоровье. Бюджет выделяет деньги на здравоохранение – в СССР на эти деньги покупались лекарства, койки, больницы, что-то строилось, какие-то постельные принадлежности для больных покупались. Сейчас эти деньги идут бизнесу, который на эти деньги что-то там осуществляет. И когда бизнес резко завышает стоимость своих услуг, то до реальных врачей и больных, до реального здравоохранения доходит далеко не все. И когда сейчас мы говорим, что расходы на здравоохранение выросли в столько-то раз, – значительная часть этого прироста не расходы на здравоохранение, а прибыль бизнеса, который искусственно создан реформаторами и который паразитирует на этом здравоохранении. Паразитирует на наших с вами болезнях и на несчастьях наших близких. К сожалению, это реальность сегодняшнего дня.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну и напоследок две новости. Одна хорошая, другая плохая. В общем, каждый сам для себя решит. Плохая – это то, что чиновники констатировали: несмотря на все их усилия (чиновников Минздрава, естественно), цены на лекарства растут и расти будут. А еще бы, как им не расти, если все, включая простые вещи, у нас производится либо за рубежом, либо в нашей стране, но из зарубежных компонентов.

М. ДЕЛЯГИН: – Более того, я скажу, что из-за кризиса у нас сузился ассортимент лекарств, которые завозятся в страну. Некоторые лекарства не массового потребления уже сейчас сложно купить в России.

С другой стороны, у нас очень много контрафакта.

Фармацевтическая промышленность почти уничтожена в 90-х годах, и теперь 75 %

лекарств – это прямой импорт, а оставшиеся 25 % делаются в России, но из импортной субстанции. Даже самые простейшие лекарства.

Ну, есть и экзотические вещи, когда Минздрав радостно сообщает, что на наших детях начинают испытывать вакцину от свиного гриппа. Зашибись, ребята, мы ждали от вас превращения наших детей в подопытных свинок долгие годы, – и дождались, спасибо!

Е. ЧЕРНЫХ: – Да. Но теперь новость, которая может быть подана под положительным знаком. По этому самому бизнесу, который паразитирует на нашем здравоохранении, вроде как нанесли, либо собираются нанести, удар. Врачам в поликлиниках хотят запретить рекламировать лекарства определенных кампаний. Точнее, этим кампаниям хотят запретить обращаться к врачам, заключать с ними гласные и негласные соглашения о том, чтобы врачи рекомендовали их лекарства, выписывали их на фирменных бланках. Естественно, зачастую это делается, если даже лекарство не то, что не нужно, а порой и вредно для того или иного человека. Вот эту новость, наверное, можно воспринимать положительно.

М. ДЕЛЯГИН: – Это позитив. Хотя мне лишь однажды врач выписал рецепт на фирменном бланке фирмы, которая производила данное лекарство – там очень был красивый бланк, но я даже до аптеки его не донес, так как было понятно, что это реклама, и меня просто хотят развести на двести с лишним рублей.

Пошел я к другому врачу, который с большим интересом отнесся к той ерунде, которую мне выписали… Правда, у них врачебная этика, поэтому не нужно ссылаться на мнение именно другого врача. Нужно сначала, чтобы врач сам сказал свое мнение, а потом уже его выспросить: «Вы знаете, некоторые люди говорят еще вот так, как вы к этому отнесетесь?». Надо цитировать именно «людей», «соседей», «знакомых». Если процитируете «врача» – все, ничего членораздельного не услышите. Корпоративная этика.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вы думаете, это хорошо, Михаил Геннадьевич? Ведь это же обратная сторона отсутствия того самого саморегулирования, о котором мы говорим…

М. ДЕЛЯГИН: – Для нас круговая порука врачей – это плохо. Но это данность, которая есть, и к ней нужно применяться. Потому что вам нужно рецепт получить, а не перевоспитать данных конкретных врачей. Они друг друга уважают – это хорошее качество. Пусть он даже своего коллегу знает насквозь, терпеть не может, считает, что это вор, жулик и дурак, но нам не скажет. Это проблема интеллигентных людей…

Е. ЧЕРНЫХ: – Мы от этой интеллигентности, увы, страдаем. А самое страшное, что человек, естественно, не будет воинствовать, если его родственник лежит под капельницей или на аппарате искусственной вентиляции легких, и от людей, которые там руки моют друг другу, зависит жизнь близкого тебе человека. А потом уже, если человек выздоровел или скончался, после драки кулаками не машут…

М. ДЕЛЯГИН: – Старайтесь активничать. Не бойтесь вызывать неудовольствие. Намекайте, что у вас есть знакомые журналисты, депутаты, кто угодно – хоть космонавты американские. Придумывайте. Пусть вам объясняют, что происходит. Слушайте внимательно. Все, что вы услышали, сразу записывайте и проверяйте по интернету.

Моя знакомая так спасла жизнь мужу. Когда провели полное обследование организма, врач так слегка замялся – буквально на мгновение. А она журналистка по профессии, почувствовала эту заминку и поняла, что обследование было не полностью, а так, процентов на 90. Она добилась полного обследования, и реально человека спасли. Потому что если бы оставили, как есть, то, скорее всего, исход был бы летальный. И это в Москве, в одной из лучших московских клиник.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, как обычно. Еще одна ремарка. Очень печально, когда смотришь всякого рода медицинские сайты и читаешь медицинские журналы, ты видишь, что вот эти прорывы в медицине, новые методы лечения больных порой совершенно сумасшедшие и потрясающе эффективные, они придумываются не у нас. Это Израиль, это США, это Великобритания.

Недавно, например, оттуда пришло сообщение, что британские врачи успешно испытали, и будут с 80 % гарантией успеха испытывать на людях новый метод лечения

инфаркта, когда в кровеносные сосуды запускаются стволовые клетки. Попадая в инфарктное сердце, они закрепляются на стенках, и вместо отмершей ткани вырастает новая сердечная ткань.

М. ДЕЛЯГИН: – А у нас стволовые клетки, по-моему, на долгое время даже вообще переставали практиковать.

С технологиями лечения – да, ужасная ситуация. У нас был хороший знакомый семьи – танкист, горел в танке во время войны, у него дети уехали в Израиль (он по национальности еврей) и, в конце концов, перетащили его к себе. У него там был инфаркт, но не тяжелый. И вот его через две недели – через две недели!! – выписывают, и молодой врач говорит: «Идите, у вас все хорошо, живите спокойно, ни в чем себе не отказывайте».

А мужику около 70 лет. Он говорит: «Как же так, ни в чем себе не отказывайте? Что, и пить можно?». Врач смотрит в карту – видит, что из России. «Да, – говорит, – конечно, пить нужно аккуратно, вот вы сколько обычно пьете в день?» – «Ну, – говорит, – в неделю разок грамм 100 выпиваю». Врач говорит: «Нормально, не больше ста грамм водки в день – можно».

Знаете, это тоже медицина. Это быль, это не анекдот, а качество медицинских услуг, качество медицинских технологий. Вот когда у нас так будет в последнем райцентре, вот тогда мы можем выдохнуть и сказать, что что-то получилось. А пока у нас непаханое поле, которое мы каждый день выстилаем человеческими жизнями. И в какие-то моменты – жизнями своих близких, а то и своими собственными.

Е. ЧЕРНЫХ: – Увы, это так. Напоследок пожелаем каждому россиянину не больше ста грамм в неделю. У нас тогда будет как в Израиле.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, учитывая наши навыки, не сто грамм в день, а сто грамм в неделю. Потому что нам это вреднее, чем остальным, и вообще своих жалко.

Коммунальный террор страшнее обычного

Е. ЧЕРНЫХ: – Сегодня тема: тарифы и их постоянный рост. У нас уже была тема: почему у нас растет инфляция, и какую роль играет повышение роста тарифов и повышение цен на электричество, газ, жилье. Как только мы опубликовали материал на страницах еженедельной «Комсомольской правды», сразу же президент пригласил вице-премьера и поручил разобраться с тем, почему так необоснованно на местах повышают эти тарифы.

М. ДЕЛЯГИН: – Без «Комсомольской правды» он, может, и не узнал бы, что в этих регионах происходит.

По своей разрушительности фактически бесконтрольный рост коммунальных тарифов и в целом реформа ЖКХ, на мой взгляд, вполне сопоставимы с терроризмом.

Страшно подумать, что в рамках ювенальной юстиции, которая на глазах превращается в репрессивную, а иногда и коррупционную машину по захвату детей у малоимущих родителей, дети тоже становятся жертвами завышения коммунальных тарифов. Ведь уже зарегистрированы случаи, когда детей насильно отнимают у вполне нормальных родителей просто на том основании, что те слишком бедно живут.

Если из-за долга по коммунальным платежам у Вас вынесут из дома телевизор – ничего страшного: ваша психика будет здоровее. Напомню, что после пожара на Останкинской телебашне, когда несколько дней не работало телевидение, количество психозов и обострений психических заболеваний резко сократилось.

Но есть случаи – пока не массовые, но есть, – когда у вполне нормальных, но бедных людей просто отбирают их детей, в том числе, насколько можно понять, чтобы торговать ими в рамках коммерческого усыновления. С формулировками «бедно живете».

А бедность людей обусловлена не только личными обстоятельствами, часто случайными, не только тем, что они живут в депрессивном регионе, но и тем, что они платят нелепые, чудовищные тарифы по ЖКХ…

Когда начиналась реформа ЖКХ, в далеком 2002 году нам всем рассказывали про

возросшее качество услуг: мол, мы будем платить немного больше, но за это будем иметь высокое качество услуг ЖКХ. Но вот уже лет шесть, как официальные лица о «качестве услуг» стесняются даже заикаться!

При этом, чтобы отвлечь наше внимание от нашей же повседневной жизни и запутать нас, придумывают фантастически сложные пропагандистские конструкции. Так, общался я недавно с вполне уважаемым человеком. Потом он оказался нормальным, вполне вменяемым, но понять это было сложно, потому что всякий раз при упоминании термина «жилищно-коммунальное хозяйство» он терял самообладание и начинал просто истошно вопить, что этот термин нельзя употреблять. Он совершенно серьезно и самозабвенно, как токующий глухарь, пел о том, что все наши беды происходят от использования термина «жилищно-коммунальное хозяйство», а надо говорить отдельно «жилищное хозяйство» и отдельно «коммунальное хозяйство», и все наладится.

И пробиться через пелену этой истерики к его здравому смыслу не удавалось никакими силами.

Таким образом, чиновники придумывают все новые обманки, чтобы отвлечь наше внимание от масштабов проблем ЖКХ, потому что они чудовищны.

У меня много разговоров происходит с чиновниками, которые этим занимаются, и разговор обычно идет в совершенно стандартной последовательности, которую я и попытаюсь сегодня воспроизвести.

Прежде всего, я говорю: «Коллеги, нельзя так сильно наращивать тарифы ЖКХ!». Мне на это отвечают, что все в порядке – тарифы, мол, растут исключительно в меру роста цен и тарифов естественных монополий на товары и услуги, которые потребляет ЖКХ.

На это я отвечаю: «Замечательно! Давайте посмотрим статистику».

За 2000-е годы официальная инфляция составила примерно три с половиной раза. Только не кидайтесь тапочками в радиоприемник: Вы за него деньги платили, он Вам еще пригодится. Помните, что я говорю именно об официальной инфляции, которая соотносится с реальной жизнью примерно так же, как и остальные официальные заявления нашего уважаемого руководства.

Рост цен производителей в естественно-монопольных сферах – это производство и распределение электроэнергии, газа и воды – составил за 2000-е годы 6,6 раза. Таким образом, – разумеется, это очень грубое сопоставление, с научной точки зрения его надо производить с огромными поправочными и уточняющими коэффициентами, но результат будет примерно тот же, – естественные монополии поднимают цены и тарифы на свои товары и услуги почти вдвое быстрее, чем они растут на потребительском рынке.

И в этом проявляется их злоупотребление монопольным положением, против которого мы уже долгие годы протестуем: они всех давят, всем выламывают руки и занимаются произволом и удовлетворением своей ничем не обоснованной алчности в полное свое удовольствие.

Однако рост тарифов ЖКХ за те же десять лет по тем же официальным данным составил на 3,5 и не 6,6, а 18,8 раза!

Таким образом, если говорить предельно грубо, естественные монополии, злоупотребляя своим положением, завышают отпускные цены примерно в два раза. А ЖКХ повышает тарифы на свои услуги почти в три раза быстрее, чем естественные монополии: в три раза быстрее, чем те, у кого они закупают сырье и что распределяют.

Таким образом, монополизм «Газпрома», монополизм энергетиков – просто ничто рядом с произволом коммунальных монополий!

С другой стороны, в свете официальных заявлений об оправданности роста коммунальных тарифов очень красноречивы случаи повышения оплаты коммунальных услуг в два и более раз. Причем повышения такого рода происходят, как правило, не в Москве, где примерно у половины населения какой-то финансовый «жирок» пока еще имеется, а в безысходных регионах, где людям в физическом смысле нечем платить.

В этом отношении внутренние разрывы в нашей стране чудовищные. «Продвинутые»

москвичи и питерцы сильно обижаются, например, что в поезд «Сапсан» иногда кидают камнями. А вы как-нибудь летом съездите и посмотрите, как живут между Москвой и Питером в тех местах, где это происходит. В Тверской, в Новгородской областях люди реально живут на десять тысяч рублей в месяц и даже меньше; им всего месячного дохода не хватит, чтобы пару раз скататься из Москвы в Питер и обратно.

Да, это классовое чувство. Да, оно неприятно, но оно абсолютно естественно. Большинство россиян, живущих в мегаполисах, просто не могут себе представить уровня нищеты, в котором продолжает искусственно удерживаться основная часть нашей страны.

Да, в большинстве мест, насколько я понимаю, экстремальное повышение тарифов несколько сокращается.

Но у нас почти все ЖКХ почти всей страны по-прежнему находится, насколько можно судить, в критическом положении. И проводимые реформы его усугубляют.

Простой пример: коммунальное хозяйство находится в ведении муниципалитетов, а те не имеют денег. Это аксиома. Просто потому, что местные власти – единственные власти, которые еще избирается в стране. Значит, чтобы они не имели реальной самостоятельности, не могли отстаивать права избирателей, чтобы народ не имел возможности сам решать свою судьбу даже в масштабах отдельного поселения – денег у местного самоуправления быть не должно. И, соответственно, их и нет. Или почти нет.

И единственный способ получить хотя бы мечту о них – поднять тарифы. Получить именно мечту, а не деньги, потому что абсурдно завышенные тарифы для людей непосильны, и денег те все равно не заплатят.

Есть и еще одна скверная вещь: в России в ходе «разграничения полномочий» на местные бюджеты сбросили очень много обязанностей. Если раньше коммунальное хозяйство находилось в совместной компетенции региона и местных властей, что позволяло региону за него приплачивать, то теперь оно окончательно сброшено на местные бюджеты.

И региональный бюджет, даже имея средства, часто просто не может помочь местным властям, ибо такая помощь будет нарушением бюджетной дисциплины, за которую уже с регионального начальства будут сдирать шкуру.

И, наконец, последнее. Если ваша семья тратит на ЖКХ более 22 %, – а во многих регионах этот порог ниже, в Ярославской области, например, он составляет 15 %, – Вы имеете право получить субсидию на свои расходы сверх этих 22 %. У бедных есть такое право, и это очень хорошо.

И не только для пенсионеров: Россия вновь столкнута обратно в 90-е годы, когда даже совсем не молодые люди живут за счет пенсионеров, потому что на работу устроиться не могут.

По социологическим опросам, в России сейчас 80 % населения бедно, и не менее чем для трети эти субсидии вполне актуальны. И, конечно, это неплохое подспорье.

Так вот, раньше, если у регионального бюджета на эти субсидии не хватало денег, за него доплачивал федеральный бюджет.

Да, бывали задолженности, проволочки, какие-то регионы не исполняли свои обязанности, но деньги, что называется, были.

А теперь все просто. Федеральный бюджет отказался помогать региональным бюджетам в этом деле. И теперь у жителей депрессивных регионов шансы сохранить эти субсидии и тем более получить их вновь падают. Это серьезный удар по карманам, квартирам и всем остальным местам.

Что нужно сделать в ЖКХ? Только одно: обеспечить финансово-экономическую прозрачность отрасли. Пока вы не обеспечите ее – не будет ничего.

Представьте себе водоканал: он в любом городе является очень серьезной структурой, с которой даже мэр города, будь он хоть Лужковым, «один на один» разобраться не может: административных силенок не хватит. И не может хватить, без всяких обид.

Есть объективное соотношение административных аппаратных весов. И, каким бы «крутым» ни был мэр города – если он, конечно, не Винни-Пух какой, – воевать с

собственным водоканалом он не сможет. Ему нужна помощь с федерального уровня.

А теперь посмотрим на ситуацию уже с этого, федерального уровня: у нас городов множество, и в каждом сидит свой водоканал – и все остальные коммунальные монополии, кстати, в каждом городе сидят тоже, и все они занимаются очень серьезными вещами. И во многих городах, если у этого водоканала начнут проверять финансово-экономическое состояние, начнутся не жалобы в Генпрокуратуру, а просто стрельба.

Я объясняю это, чтобы мы не питали большую ненависть к чиновникам, которые пересчитывают дырки в своем теле и решают, что в условиях полного отсутствия внятной государственной политики в этой сфере совершенно не нужно просто так рисковать увеличением количества этих дырок.

Впрочем, есть пример и более простой, более доступный: почему в Москве основную часть дворников составляют гастарбайтеры? Это уже все знают, и никто не оспаривает: потому что значительную часть зарплаты этих людей нехорошие представители коммунального хозяйства кладут себе в карман.

Таким образом, они воруют у нас наши деньги, которые мы тратим за так называемое техобслуживание. Кроме того, в Москве огромное количество людей, которые за эти деньги – в некоторых районах 52 тыс. руб. в месяц! – с удовольствием поработали бы, но они просто не могут попасть на эти места, потому что не готовы получать из них 15 тыс. руб., на которые согласны живущие в бараках и не платящие поэтому коммунальные платежи «трудолюбивые соотечественники» из Средней Азии.

Итак, с одной стороны, мы получаем массовую коррупцию, нас с вами грабят, а с другой, наших друзей, родственников, знакомых или незнакомых, маргинализируют, не давая им работать. В результате они спиваются, глупеют, начинают верить официальной пропаганде и умирают раньше времени. А в дополнение ко всему происходит разрушение этноконфессионального баланса, и мы движемся к превращению Москвы в Москвабад.

Вы думаете, что кто-то в московских органах власти этого не знает? Не отдает себе отчета в колоссальном вреде, который наносит сложившаяся ситуация городу и всей стране?

Не верю в это: с моей точки зрения, все там знают. А раз знают – значит, просто не могут решить проблемы.

Конечно, можно предполагать, что эта пирамида коррупции обогащает всех своих членов. Но, даже если это так, когда проблема ставится политической проблемой – а проблема московских дворников-гастарбайтеров в условиях нехватки рабочих мест таковой уже становится, – гораздо дешевле «закрыть» связанную с ней пирамиду, публично решив наболевшую проблему, а взамен одной пирамиды создать другую, незаметную для общества.

Это элементарная логика бюрократического выживания.

Если власть этого не делает – значит, она это сделать не может. Таким образом, мэр города не может разобраться даже, по-старому говоря, с домоуправом.

Значит, нужна помощь федерального центра.

Придется менять законы и, в частности, менять разграничение полномочий, которое привело к монетизации льгот и другим, менее громким катастрофам. Но делать необходимо, потому что иначе платить за ЖКХ в России через некоторое время смогут только люди, которые внесены в список «Форбса», а остальных будут лишать жилья.

Что вы удивляетесь? Если вы живете в муниципальном жилом фонде и не платите за квартиру, вас по Жилищному Кодексу через некоторое время выкидывают из квартиры и переселяют в общежитие, в котором, если судить по практике, может не быть не только батарей, но даже оконных рам. Есть такие прецеденты. И вам сильно повезет, если вас выселят не в январе.

Пока это явление не массовое и не тотальное, но выселение есть. И в Москве есть.

В целом, ЖКХ – едва ли не самое болезненное, самое неприятное, что только имеет место в нашей повседневной жизни. Рост тарифов на его услуги – одна из основных причин снижения уровня жизни основной массы населения России в последние годы.

ЗВОНОК: – Алексей меня зовут. Я слышал по поводу участия гастарбайтеров, скажем

так, в работе ЖКХ. Согласен на все 200 %. Но еще возмущает вопрос работы гастарбайтеров в сетевых магазинах. Это ужас! Сколько рабочих мест теряют! Ввели бы закон – работодателя обязать платить ежемесячный налог в размере 30 тысяч рублей за каждого гастарбайтера, – и все само собой бы решилось, все гастарбайтеры уехали бы на родину.

М. ДЕЛЯГИН: – Это хорошая идея, но подавляющее большинство гастарбайтеров – не менее 80 %, а вероятно, и под 100 % – насколько я понимаю, работают, как бы помягче сказать, не вполне легально.

Могу, конечно, ошибаться, но государство проявляет феерическую избирательность. Если где-то нужно бизнесмену сэкономить, то бизнесмену, как правило, идут навстречу, предполагая, вероятно, что он заплатит из сэкономленных денег хорошую взятку. К сожалению, там, где речь идет об интересах не граждан России, а об интересах бизнеса, особенно недобросовестного бизнеса, который платит взятки с охотой, потому что понимает, что он много очень нарушает, государство проявляет фантастическую благотворительность и практически провоцирует его на дальнейшие нарушения. Я уж не говорю о ситуации, когда вы сидите в какой-нибудь кафешке, а официант с трудом владеет русским языком…

Но вернемся к тарифам.

Наши доходы рост тарифов ЖКХ «съедает», как пираньи забредшую в реку овечку: мгновенно и до костей.

Причем нас заставляют платить не только за то, что я описал: мы платим еще и за неэффективные решения в сфере ЖКХ, которые принимают власти того или иного уровня.

ЗВОНОК: – Добрый день, меня зовут Олег. Такой вопрос: вот, допустим, сто процентов мы будем платить за ЖКХ. Допустим, электроэнергия будет стоить, ну, грубо говоря, 50 рублей киловатт-час. И что, потом не будут опять тарифы расти после этого?

М. ДЕЛЯГИН: – Олег, Вы подняли важную тему, которую я упустил. Знаете, в каком году мы, граждане России, платили 90 % стоимости ЖКХ? В среднем по стране – в 2003 году, 10 лет назад! И сегодня подавляющее большинство россиян платит 100 %, а с учетом коррупции, монопольного произвола и бесхозяйственности в коммунальной сфере – наверное, уже давно и все 200 %.

Ведь коммунальные и естественные монополии, злоупотребляя своим монопольным положением без какого-либо действенного контроля со стороны государства, совершенно спокойно повышают тарифы. После 2003 года тарифы выросли во много раз, и говорить о необходимости достичь 100 % оплаты – значит бежать перед паровозом.

Даже если не поднимать вопрос об искусственной бедности, в которой удерживается Россия ради замков в Швейцарии и на Рублевке, то из чего складывается стоимость ЖКХ? В том числе из алчности, произвола и взяток коммунальных монополий. И они будут повышать цены до бесконечности. У нас уже сейчас стоимость электроэнергии выше, чем во многих развитых странах, граждане которых обладают уровнем дохода намного выше, чем граждане России. А если брать среднего гражданина, то и на порядок выше.

Вы сказали о 50 рублях за киловатт-час? Знаете, я совсем не уверен, что на этом остановятся. Потому что алчности преград нет.

Вот почему нужно обеспечивать финансово-экономическую прозрачность этих монополий – потому что другого способа остановить их алчность нет. Алчность и коррупция, как бледная спирохета, возбудитель сифилиса, погибает только на свету.

Надо включить свет.

Стопроцентная оплата ЖКХ была абсолютно ошибочной и абсолютно порочной вещью – это был не более чем инструмент, которым государство дало недобросовестному бизнесу возможность грабить своих граждан.

Теперь вернемся к тому, что я говорил ранее – о том, что нас вынуждают оплачивать в том числе и ошибочные инвестиционные решения власти.

Есть такой хороший город на карте нашей родины – Москва. Лет восемь назад, когда в рамках реформы электроэнергетики Чубайс и прочие «эффективные менеджеры» в своих корыстных реформаторских целях дружно орали о том, что нам не хватает мощностей и

нужно строить новые и новые мощности по производству электроэнергии, московские власти «повелись» на этот крик и начали строить достаточно большую сеть собственных генерирующих мощностей. На это пошло 350 миллиардов рублей.

Насколько я уловил из заявлений представителей московских властей на некоторых собраниях, мы с вами эти 350 миллиардов рублей оплачиваем в наших тарифах.

А несколько лет назад выяснилось, что это была большая ошибка. Выяснилось, что Чубайс напутал, как обычно, – вероятно, чтобы было проще застращать государство и убедить его пойти на убийственные для нашей страны реформы.

А когда реформы начались, оказалось, что дополнительных мощностей не нужно. И как минимум часть мощностей, построенных Москвой на наши деньги в рамках этой инвестиционной программы, по сути дела, не нужны: нагрузка с них передается обычным мощностям Мосэнерго, потому что это экономичнее и выгоднее. То есть, 350 млрд рублей (или значительная их часть) из нашего кармана выброшены на ветер.

ЗВОНОК: – Здравствуйте, меня зовут Артем Степанович. Я в прошлом научный работник. Каким образом мы можем контролировать тарифы ЖКХ?

И, во-вторых, хотел бы взять в пример граждан соседней, пусть небольшой, Белоруссии, в которой я недавно отдыхал… Вот взять, к примеру, молоко, привезенное из Белоруссии в Москву, аналогичное, 3.2 % жирности. Притом, что они покупают энергоносители у нас, это молоко стоит 19 рублей, а наше стоит 28. Цифры, они сами за себя говорят.

М. ДЕЛЯГИН: – Думаю, разница в 9 рублей с литра молока складывается из взяток коррумпированным чиновникам, которые платит наш бизнес, и из неправомерной прибыли нашего бизнеса на все эти куршевельские загулы и дворцы в Швейцарии, которые случаются не только у чиновников, но и у бизнесменов.

В Белоруссии действительно контроль очень жесткий, в том числе контроль качества продукции – по многим параметрам более жесткий, чем в Европе.

Им сейчас очень тяжело: кризис по ним ударил больнее, чем по нам. Ну, нет у них нефти – так вышло. Но если сопоставить ресурсы и результат от использования этих ресурсов, окажется, что управление Белоруссией на порядок эффективнее, чем Россией.

А просвещенным либералам и профессиональным демократам могу напомнить, что по уровню авторитаризма, насколько можно судить, мы их догнали, а то и перегнали. Только у нас этот авторитаризм не на развитие направлен.

Теперь о тарифах. Артем Степанович, мы с вами контроль за тарифами ЖКХ не можем осуществлять никаким образом. Мы с вами можем только задавать недоуменные вопросы, ловить на мелких нестыковках, но, если против нас будет сидеть грамотный бухгалтер, который будет грамотно сводить показатели, мы его поймать не сможем.

Государство существует именно и только потому, что есть вещи, с которыми граждане по отдельности и даже объединившись, сделать не могут ничего, а вот государство не только обязано, но и может решить проблему. И обязано решить. Это его функция, ради этого оно и существует.

Теперь возвращаюсь к Москве. Таким образом, ошибка в инвестиционном решении стоит нам довольно существенного повышения тарифов. Эти 350 млрд рублей или их значимую часть мы в той или иной форме оплачиваем.

Если бы были выборы мэра, это было бы наше внутригородское дело: да, мэр и его подчиненные сделали ошибку, и на выборах мы бы решали, прощаем мы ему эту ошибку за другие какие-то достоинства или не прощаем? Это было бы наше собственное решение. Например, если бы пенсионер, сопоставив прибавку к своей пенсии от московских властей с тем, что он получает от властей федеральных, сказал бы: «Черт с ним, прощаю ему эти тарифы за эту прибавку к пенсии», – это понятная позиция. Люди могут решить и так.

Но, поскольку мы лишены возможности реальной выбирать – мы лишены и возможности прощать ошибки. Нам остается только бессильно скрежетать зубами, потому что получается, что мы кругом виноваты, и нас же за это еще и заставляют платить. И так

будет продолжаться, пока нам не надоест терпеть это издевательство.

ЗВОНОК: – Меня зовут Людмила. У меня два вопроса.

При очень низкой пенсии и при низком уровне жизни населения Россия раздает миллиардные кредиты. А есть ли среди них уже заведомо невозвратные?

М. ДЕЛЯГИН: – Межгосударственные кредиты – инструмент политики, и сам по себе безвозвратный кредит не является криминалом. Он может предоставляться в обмен на влияние: государство дает кредит, а взамен получает что-то полезное и в итоге оказывается в выгоде. Такое в принципе возможно и допустимо.

Думаю, из предоставляемых Россией кредитов большинство не имеют оправдания, но их надо рассматривать по отдельности…

Но, знаете, у нас в федеральном бюджете лежит без движения по состоянию на 1 мая 2013 года более 6 трлн руб. Они просто валяются без дела. А международные резервы Российской Федерации превышают 520 млрд долларов. Эти деньги не направляются на повышение благосостояния граждан России. Они не направляются на ремонт дорог, на борьбу с преступностью, на повышение пенсии военным пенсионерам, даже на пенсии отставникам ФСБ они не направляются…

Вот этот плюшкинский стиль руководства страной – абсолютно нетерпимая ситуация. Хотя Плюшкин был честным человеком: он голодал вместе со своими крестьянами и океанские яхты себе не строил.

ЗВОНОК: – Здравствуйте, меня зовут Сергей. Вы уже почти ответили на мой вопрос. Но, мне кажется, сейчас цель государства – целенаправленное уничтожение народонаселения…

Вот за что мы ни возьмемся, вот за то же Пикалево: зачем премьеру нужно было туда приезжать? Чтобы перед телевизором с суровым лицом отбирать авторучку? Этих людей к нему должны были привести уже без шнурков, без ремня и без галстука в кабинет…

М. ДЕЛЯГИН: – Сергей, мысль о желании кого-то целенаправленно нас изничтожить я считаю специфическим проявлением мании величия.

На деле, как мне кажется, существует специфически коррупционная мотивация у значительной части наших доблестных чиновников – насколько значительной части, сами можете судить. Они искренне считают, что государство существует не ради общественного блага, не ради решения общественных проблем, а для их личного обогащения. Вот и все. А поскольку вы бесправны, вас никто и не хочет уничтожать – просто отнять деньги у вас гораздо проще, чем у какого-нибудь «Газпрома», потому что вы защищать себя не можете. А раз мы с вами защищать себя в рамках действующей системы не можем, – а если мы хоть заикнемся о самозащите, то подпадем под 282-ю статью Уголовного кодекса, – значит, отбирают деньги именно у нас с вами. Не потому, что хотят вот именно нас уничтожить, а потому, что нас проще всего съесть.

Знаете, на государственном уровне все происходит, насколько можно понять, примерно так же, как в Чечне. Почему там была этническая чистка, почему уничтожали русских?

Мне объясняли просто: у чеченцев есть обычай кровной мести, а у русских такого обычая нет. Поэтому, если бандит убьет чеченца, у него могут быть проблемы, а если бандит убьет русского, у него проблем, скорее всего, не будет. И поэтому убивали русских. И не только бандиты, а вполне, как сейчас говорят, «мирное население», которое просто хотело поживиться имуществом, забрать дом, изнасиловать женщин, да и мужчин тоже, или заполучить рабов для хозяйства.

Нечто подобное происходит сейчас в наших отношениях с коррумпированной частью правящей бюрократии.

Государства по своему типу делятся на две части. Стандартное, обычное государство стремится к общественному благу. Оно может поразительно извращенно понимать это благо, но оно стремится именно к нему. И в этом отношении разница между Пол Потом, который считал, что для общественного блага нужно уничтожить половину населения страны, и Махатмой Ганди не принципиальна: они оба стремились к общественному благу, просто

один маньяк, а другой – святой.

А у нас за путинские 2000-е годы сложилось государство качественно иного типа, которое от обычного государства отличается принципиально: огромная часть правящей бюрократии искренне и осознанно стремится только к личному обогащению. И, когда им говорят про общественное благо, они честно думают, что это такая враждебная пропаганда Голливуда.

Но вернемся к тарифам.

Когда-то модно было говорить: вот мы сейчас очень сильно повысим тарифы, люди будут платить больше, и это заставит их экономить электроэнергию.

В 2003-м, когда был пик подобного рода заявлений, я работал со специалистами из Германии. Если опустить нецензурные ругательства, которыми они наше государство характеризовали, логика их протестов против политики либеральных реформаторов была очень простой.

Представьте, что вам нужно сэкономить один мегаватт-час. Вы можете бегать по домохозяйкам с криками о необходимости закрывать окна и поднимать тарифы до безумной величины. А можете заниматься энергосбережением на огромных заводах. И на заводах сэкономить этот мегаватт-час гораздо проще и гораздо менее затратно: не нужно повышать тарифы, достаточно ввести стандарты энергосбережения и, без повышения тарифов, жестоко штрафовать нарушителей.

И все: вы получаете экономию без разрушительного для экономики роста тарифов, без ущемления населения и даже без значимого ущемления бизнеса.

Е. ЧЕРНЫХ: – То есть рецепт простой, известный во всем мире?

М. ДЕЛЯГИН: – Я уж не говорю о том, что немцам в голову не приходило, что у нас в середине 2000-х годов 37 % тепла терялось в теплоцентралях, а затем и статистика исчезла вместе с этим теплом… Думаю, качественный ремонт этих труб в масштабах страны разом бы покончил с таким явлением, как глобальное потепление.

А если брать менее масштабные вещи, то простые стандарты энергопотребления для промышленности, стандарты энергосбережения для ЖКХ обеспечили бы нам значительно большую экономию, чем мы имеем сейчас, и без какого бы то ни было ущемления населения. Но монополисты не смогли бы заработать на этом колоссальные деньги и, соответственно, не могли бы платить взятки. Поэтому для коррумпированной бюрократии, неотъемлемой частью которой, насколько могу судить, являются либеральные реформаторы, этот путь был заведомо неприемлем.

ЗВОНОК: – Здравствуйте. Петрас меня зовут. Со всем согласен. Но не согласен, что гастарбайтеры отнимают рабочие места. Рабочих мест на самом деле бесконечное множество.

Если в Литву приедут 3 миллиона китайцев, то это не значит, что будет 3 миллиона безработных. И наоборот. Если уехали из Литвы 500 тысяч в другие страны, безработица все равно остается, потому что власть мешает работать – вот главная причина безработицы.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, Петрас, в принципе Вы правы. Но в данный конкретный момент времени в Москве объективно есть ограниченное количество рабочих мест.

Безусловно, гастарбайтеры, приезжая, тоже создают какие-то рабочие места: рабочие места в общежитиях, где они живут, по их охране и так далее. Но в принципе этих рабочих мест не так уж много.

Грубо говоря, миллион гастарбайтеров, приезжая в страну или город, создают тысяч 50 рабочих мест для обслуживания себя. Но в основном они занимают имеющиеся рабочие места.

Те деньги, которые платятся у нас, в нашем коммунальном хозяйстве, в наших сетевых магазинах, привлекательны для значительной части москвичей. Потому что Москва это не только город очень богатых – это еще и город очень бедных людей. Около половины москвичей живет бедно, а около трети живет очень бедно, к сожалению.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, к сожалению, наше время подходит к концу. Что же будет все-таки

с тарифами?

М. ДЕЛЯГИН: – Тарифы будут расти, пока произвол естественных и коммунальных монополий, поощряемых клептократией, не встретит нашего организованного и жесткого сопротивления.

Все разговоры о том, что они растут по объективным причинам, не соответствуют действительности. Они лишь прикрывают необоснованные сверхприбыли коммунальщиков, злоупотребление коммунальных монополий, алчность и коррупцию. Если ограничить коррупцию и произвол монополий, думаю, тарифы завтра же можно уменьшить на 30 %.

Кстати, когда-то «Единая Россия» нечто подобное и говорила – просто они, похоже, забывают свои обещания быстрее, чем успевают их давать.

07.04.2010

Почему цены растут, а инфляция падает?

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Ножкин пел в советские времена «Житье нынче лучше народу в сравненье с тринадцатым годом!». Нам будет житься лучше в сравненье уже с годом прошлым. Хотя бы потому, что инфляция снизится. Как нам обещают. Приятная новость.

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, это официальная версия. Я довольно часто читаю лекции, как в Москве, так и в различных регионах России, и знаю, что даже в самой доброжелательной аудитории перед озвучиванием таких цифр надо сначала проговорить мантру: «Сейчас вы услышите официальные показатели инфляции, которые, вероятно, не имеют отношения к реальной жизни; для оценки реального роста цен надо увеличить их минимум вдвое». Иначе даже самые милые и расположенные к Вам лично люди начинают звереть на глазах, и лекция может закончиться досрочно – самым неожиданным и прискорбным для лектора образом.

Е. ЧЕРНЫХ: – Кстати, что такое инфляция?

М. ДЕЛЯГИН: – Классический вопрос студентам в экономических вузах: «Чем инфляция отличается от роста цен?»

Инфляция – это обесценивание денег, то есть снижение их покупательной способности по любой причине.

Е. ЧЕРНЫХ: – А я, наивный, до сих пор думал, что это как раз повышение цен.

М. ДЕЛЯГИН: – Не только. Рост цен – лишь одна из двух возможных причин инфляции. Вторая же ее причина – дефицит, физическое отсутствие или нехватка того или иного товара и услуги. Он может наблюдаться и при растущих, и при неизменных, и даже при снижающихся ценах.

При дефиците вы имеете деньги, но не можете купить то, что нужно, поэтому ваши деньги обесцениваются помимо роста цен. Мы это хорошо помним по советским временам: цены росли очень медленно, но при этом была и периодически обострялась нехватка товаров. Вспомним потребительский кризис 1969 года, когда появились «колбасные электрички» в Москву.

Е. ЧЕРНЫХ: – И на поездах ее вывозили из Белокаменной. Я, например. Понятно, реальная цена колбаски с учетом стоимости билетов на электричку до столицы и обратно получалась куда выше официальной. А еще приходилось переплачивать спекулянтам за дефицитную обувку, одежку, книги, пластинки – всего и не перечислишь!

Дефицит существенно бил по карману. И не только по нему. Родственник, работавший на вредном производстве, накопил деньги на машину. А купить не мог – страшенный дефицит. Купил мотоцикл и вскоре разбился. На ровной дороге колесо отвалилось. А будь машины в свободной продаже, как ныне, наверняка дожил бы до дней сегодняшних. Впрочем, дефицит – дела давно минувших советских дней.

М. ДЕЛЯГИН: – Почему же? В 2000-е годы в России была соляная паника, сахарная паника. Осенью 2009 года, во время почти всеобщей истерии по поводу свиного гриппа, возник дефицит противоэпидемических масок. Что сразу привело к скачку цен на них в

десятки раз.

В 2009 году случилась еще одна чудесная история: насколько помню, рейдеры «разбирались» с заводом, выпускавшим государственные номера для автомобилей. Это породило безумные проблемы с получением номеров, то есть классический дефицит, пусть даже искусственно созданный.

Впрочем, обычно дефицит как раз и создается искусственно. Напомню, дефицит хлеба и боеприпасов, ставший непосредственным толчком Февральской революции, создали спекулянты – как и дефицит табака, мыла, сахара и сыра, способствовавший развалу Советского Союза.

Ну и, как обычно, такой дефицит в конечном счете оборачивается ростом цен.

Е. ЧЕРНЫХ: – Совершенно точно! Сейчас уже забыли, как в январе 2010 года номера на автомобили в ГИБДД подорожали с 400 рублей до 1500. Рост – 375 процентов!

М. ДЕЛЯГИН: – Да, вот так скрытая инфляция в форме дефицита переходит в явную инфляцию в виде роста цен. Автовладельцам, по сути, устроили мини-1992-й год. Правда, фамилию современного Гайдара в сфере производства жестяных номеров мы, скорее всего, так и не узнаем, но результат ощутим на себе.

Е. ЧЕРНЫХ: – ГИБДД под эту бирку повысила и другие процедуры, связанные с оформлением авто. Техпаспорт подорожал в 5 раз (500 рублей вместо 100), талончик техосмотра в 10 раз (300 рублей вместо 30). И даже бумажные транзитные номера вместо прежних 50 стоят 100 рубликов.

М. ДЕЛЯГИН: – В расчет официальной инфляции бумажные автомобильные номера не входят совершенно точно – как, впрочем, и обычные жестяные.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вы хотите сказать, что официально в России учитывается подорожание не всего и вся?

М. ДЕЛЯГИН: – Ну что вы, человеческое потребление слишком разнообразно. Учитывают только основные виды товаров и услуг. Их 466 видов.

Правда, иные пункты вызывают оторопь. Например, при расчете инфляции учитывается цена копки могил тремя разными способами. «Куртка мужская из натуральной кожи» учитывается, а «плащ мужской из смесовых тканей» почему-то нет. «Платье женское из хлопчатобумажной ткани» учитывается, а такое же, но из полушерстяных тканей – нет, и так далее.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вот мы и обнаружили первую лазейку, скорее даже «черную дыру», которая на бумаге помогает приукрашивать реальную действительность. Думаю, пара миллионов автовладельцев на своем кармане почувствует резкий взлет цен на жестяные и бумажные номера. Как и женщины, купившие подорожавшие платья из полушерстяных тканей. Однако на официальном государственном показателе инфляции сей факт никак не отразится.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, рост цен на товары, не учитываемые при расчете показателя официальной инфляции, на него никак не влияет. А среди этих товаров есть и довольно распространенные и важные для людей. Например, мясные субпродукты (кроме говяжьей печени), мясо индейки, все виды растительных масел, кроме подсолнечного, молоко с жирностью до 2.5 %, имеющие лечебное значение перепелиные яйца, соусы (кроме кетчупа), зеленый чай, специи (кроме черного перца), ржаная мука, большинство полуфабрикатов… Этот список можно продолжать.

Да что там! Даже цены на свежие помидоры и болгарский перец при расчете инфляции не учитываются, только на огурцы. А из фруктов и цитрусовых учитываются только цены на бананы, апельсины и яблоки. Не только достаточно распространенные ананасы, киви, хурма и виноград – в расчет не принимаются даже цены на груши и мандарины!

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, давайте продолжим следствие дальше. Нехилый ежегодный рост цен на жилье, общественный транспорт, сопутствующий ему рост цен в торговле – надеюсь, это отразится в инфляционной статистике?

М. ДЕЛЯГИН: – Обязательно. Но вряд ли в полной мере.

Я все-таки кандидатскую диссертацию защищал именно на кафедре статистики МГУ и именно по потребительскому рынку, хоть и давно.

Если мы уберем возможный политический заказ, административное давление и произвол, если мы забудем обо всем том, что проявилось несколько лет назад в связи с весьма неоднозначным увольнением руководителя Росстата Соколина…

Е. ЧЕРНЫХ: – Поподробнее об этом, пожалуйста.

М. ДЕЛЯГИН: – Бывший председатель Росстата Владимир Соколин всю свою жизнь проработал в статистике. Пользуется уважением экономистов, которых обеспечивал львиной долей информации. Профессионален, добросовестен, корректен, тактичен, в политику не лез. С 1993 года – зампред Госкомстата, летом 1998 года стал и.о. председателя, в 1999 году утвержден в качестве председателя, в конце 2009 года перешел на пост председателя Межгосударственного статистического комитета СНГ.

Формально отставка с поста председателя Росстата была связана с достижением пенсионного возраста, однако накануне ее Соколин резко протестовал против переноса переписи с 2010 на 2012 год (что с научной точки зрения делало перепись бессмысленной) и выступал против подчинения Росстата Минэкономразвития, деятельность которого косвенно оценивает Росстат, описывая ситуацию в экономике. Интересно, что вскоре после этой передачи численность безработных в России за 1 день была сокращена на 1 млн чел., а нарастание их численности сменилось ее уверенным снижением.

Впрочем, в 1999-м году руководство Госкомстата просто сажали в тюрьму.

У. ЧЕРНЫХ: – За дело хоть сажали?

М. ДЕЛЯГИН: – Некоторых – да. Когда в условиях экономического кризиса руководству государства срочно нужны данные, а оно слышит в ответ: «Погодите, мы тут халтурку по гранту доделаем, а потом уже для вас начнем считать», руководство имеет моральное право слегка озвереть. А дальше все просто.

В Госкомстате действительно, судя по всему, были злоупотребления. Можно говорить, что наказания были чрезмерно жестоки, что был неоправданно расширен круг обвиняемых, что людей чудовищно унижали, распуская про них гнуснейшие слухи, но основа для наказания была. И понятно, что громкое и масштабное уголовное дело сломало корпоративную культуру, и статистики до сих пор боятся если и не всего, то слишком многого.

В июне 1998 года, практически накануне дефолта, были арестованы председатель Госкомстата Юрий Юрков, его первый заместитель Валерий Далин, директор вычислительного центра Росстата Борис Саакян и еще 5 человек (через некоторое время они были отпущены под подписку о невыезде). Первых двух я знал и отношусь к ним как к профессионалам с высочайшим уважением.

Дело рассматривалось Московским гарнизонным военным судом лишь потому, что один из второстепенных обвиняемых, офицер ФАПСИ, был военнослужащим. В августе 2002 году он, находясь под подпиской о невыезде, умер от инфаркта, и дело передали гражданскому суду, затем вернули в военный суд, а затем снова в гражданский суд. Никто из подсудимых своей вины не признал. Лишь в 2004 году был вынесен приговор: Юрий Юрков и Борис Саакян получили 4,5 и 4 года лишения свободы, бывший руководитель одного из подразделений Госкомстата Вячеслав Барановский – 4 года лишения свободы условно, остальные освобождены по амнистии.

Понятно, что это дело оказало сильнейшее влияние на корпоративную культуру Госкомстата.

Возвращаясь к инфляции: ее расчет действительно очень сложен. При всех наших недостатках она до сих пор считается в России как минимум не хуже, чем в США. Просто в Америке инфляция всегда считалась плохо, а у нас была прекрасная статистическая школа, которая сейчас, с моей точки зрения, уничтожается, в том числе административными мерами.

Но, помимо административного давления, есть и объективные проблемы. Страна

большая: замер ведут в 266 населенных пунктах. В каждом из них, включая поселок городского типа Навлю и другие замечательные места, о которых большинство россиян никогда в жизни не слышали и не услышат, еженедельно замеряются цены на 466 видов товаров и услуг. Притом, что во многих местах заметной части этих товаров и услуг в продаже вообще нет.

Свести эту матрицу – 466 товаров и услуг на 266 населенных пунктов – воедино, к одному обобщающему показателю инфляции, действительно сложно.

Один из важных источников погрешности – численность населения. Чем его больше, тем выше вклад населенного пункта в общенациональную инфляцию. Когда яблоко дорожает на 3 % в Москве, это влияет на инфляцию значительно больше, чем удорожание того же яблока на те же 3 % где-нибудь в столице Эвенкии Туре.

А ведь мы все хорошо знаем, что такое перепись населения и как она проводилась: ее данные, мягко говоря, неточны. Студенты рассказывали, как их заставляли преувеличивать численность населения на 15 %, и это в Москве!

И мы так же хорошо знаем, что люди бегут из мест бедных и безысходных в места, где кипит экономическая жизнь. Поэтому, когда мы пользуемся неточными данными переписи, численность людей в бедных местах завышается, а в богатых – занижается; соответственно, искажается и вклад этих мест в инфляцию.

В депрессивных районах, откуда люди бегут, цены относительно низкие и растут слабо, в богатеющих, куда они стремятся, – относительно высокие и растут сильно. Поэтому пользование несовершенными данными переписи объективно занижает общенациональную инфляцию.

Классический пример: говоря, что в Москве официально проживает 10 миллионов человек, мы уже одним этим сильно занижаем общенациональную инфляцию. Ведь на самом деле в ней, насколько можно судить, живет более 14 миллионов человек, которые очень дорого платят за товары и услуги, но Росстат, скованный путами лояльности, вынужден исходить из того, что несколько миллионов москвичей по-прежнему живут в Иваново, Кирове, Ульяновске и других городах, где цены ниже.

Другой источник погрешности – учет при вычислении величины инфляции цен на товары и услуги, которые многие россияне за последние 20 лет ни разу не покупали. Например, автомобили. Или зарубежный туризм, который слишком дорог для 85 % россиян. Или ковры. Или меховая одежда: основная часть наших сограждан ее не покупает, но удешевление мехов из-за кризиса снижает показатель инфляции для всех.

Общая тенденция: товары для богатых в кризисе дешевеют. Поскольку они учитываются при расчете индекса инфляции, они способствуют его снижению. Понятно, что бедные люди и «средний класс», не имеющие возможности покупать товары «для богатых», не чувствуют снижения цен на них и потому сильно удивляются снижению общего индекса инфляции.

Это очень существенный фактор корректировки.

Влияет на инфляцию и тривиальный выбор магазина. В Москве почти любой товар, имеющий отношение к моде, можно купить по ценам, различающимся на порядок. На любом вьетнамском или китайском рынке все существенно дешевле. Или представьте: я «замеряю» стоимость одной и той же бутылки вина сегодня в магазине «Азбука вкуса», на следующей неделе в «Седьмом континенте», а еще через неделю – в ларьке у метро. И я получаю обвальное падение цен, притом что в реальности они стоят на месте, а, может, даже немножко и растут.

Естественно, что специально так грубо никто не делает. Но колебания здесь возможны просто в силу неточности исполнителя. Хотя наблюдатели цен – одни из тех незаметных людей, на которых держится здание не просто российской статистики, а всего нашего знания о своем обществе. Это невидимая работа, когда человек раз в неделю заходит в два десятка магазинов и переписывает все необходимые ценники.

Е. ЧЕРНЫХ: – И его не трогают, не гонят как подозрительного типа?

М. ДЕЛЯГИН: – В иных местах, думаю, гонят и даже трогают. И удостоверение не помогает, если это не документ ФСБ или МВД. Но в такие места он больше не ходит.

Это еще одна проблема статистического наблюдения: вы видите лишь то, что вам позволяют видеть. Если у владельца ларька или магазинчика против вас предубеждение, то этот ларек выпадает из статистического наблюдения. И что происходит с ценами в нем, никто никогда не узнает, и в итоговый индекс инфляции его не включат.

Ну и, наконец, последнее – методологическая проблема, которую не удалось в полной мере решить даже в Советском Союзе. Если какой-то товар пропадает из торговли, на него фиксируется старая цена, как будто она не растет. И этот товар становится антиинфляционным «якорем», пока не появится в продаже вновь.

Таким образом, подсчет инфляции – сложный технологический процесс, в котором колебания, флуктуации и погрешности неизбежны. Проблема не в них – проблема в том, что при добросовестных оценках они должны способствовать как завышению, так и занижению инфляции, и на протяжении нескольких лет в целом компенсировать друг друга. Но мы видим, что из года в год эти колебания и флуктуации неизменно способствуют лишь занижению официальной инфляции по сравнению с реальной, которую мы чувствуем своими карманами. Это можно называть административным давлением, можно самоцензурой, можно еще как-то, но верить этим показателям, как ни хочется, уже давно просто не получается.

Но главная проблема не в статистике – проблема в том, что наше государство, к сожалению, практически не ведет реальной борьбы с ростом цен. Идут разговоры о том, что нужно снизить инфляцию, идет статистическая борьба, реализуется принцип «чем меньше денег у людей, тем ниже инфляция, и потому тем лучше для людей», но…

Е. ЧЕРНЫХ: – Действительно, есть мнение ряда экономистов, что в стране слишком много денег, отсюда и инфляция.

М. ДЕЛЯГИН: – Полный бред! Инфляция в наших условиях с середины 90-х годов вызвана не избытком денег у пенсионеров, а тотальным произволом монополий. В частности, цены подскакивают отнюдь не тогда, когда пенсионер, получив копеечную прибавку, приносит ее на рынок. И даже не тогда, когда к ветерану приходит почтальон и приносит повышенную пенсию. Цены подскакивают, как правило, уже тогда, когда по телевизору сообщают о грядущем повышении пенсий. А это классическое проявление злоупотребления монопольным положением.

И все разговоры о том, что рубль ослабел, поэтому импорт подорожал и цены выросли – тоже в пользу бедных. При той норме прибыли, которая, насколько можно судить, закладывается в продаваемый в России импорт, его цена может быть на четверть ниже, безотносительно курса рубля к доллару, и все равно все будут довольны. По крайней мере, такое ощущение.

Но пинать ногами торговлю за эти безумные прибыли тоже не особенно хорошо. Мы примерно представляем себе величину их маржи, их доходов – они действительно производят впечатление безумных, – но мы совершенно не представляем себе величину взяток, которые им приходится платить просто за право существовать. Потому что как только вы открыли ресторан – вспомним старенький фильм «Откройте, полиция!» – к вам приходят бесплатно обедать жандармы, и попробуйте взять с них деньги!

Е. ЧЕРНЫХ: – Но это во Франции.

М. ДЕЛЯГИН: – Я специально привел в качестве примера французский фильм. У нас, насколько я понимаю, армия собственных «жандармов» и прочих проверяющих приходит отнюдь не за бесплатным супом и бифштексом. Совсем за другими вещами приходят, а потом иногда происходят трагедии, подобные пожару в пермской «Хромой лошади».

Поэтому в определенной степени произвол монополий вызван, конечно, алчностью. Но нельзя забывать о другом его факторе – о коррупционных поборах. Причем коррупция служит прикрытием для злоупотребления монопольным положением. Ведь никто не знает, какую часть сверхдоходов монополист оставляет себе, а какую выплачивает в виде взятки. И

он получает возможность шантажировать взяткодателя – мол, если вы будете ограничивать мой монопольный произвол, я не смогу давать вам взятки, потому что мне будет просто нечем платить. И это не менее действенный шантаж, чем угроза закрыть, посадить, наказать и так далее. Поэтому совершенно бессмысленно бороться отдельно с коррупцией и отдельно с инфляцией: это вещи взаимосвязанные, они обуславливают и усиливают одна другую.

Что такое борьба с инфляцией с точки зрения теории? Ничего сложного. В сегодняшней ситуации – это борьба с произволом монополий. Любой желающий берет любой учебник экономики, даже плохой: везде написано примерно одно и то же. Если вы хотите обуздать произвол монополий, вы должны обеспечить прозрачность структуры их цен. Государство должно знать, из чего складывается цена товара: сколько в ней налогов, какая зарплата, какие материальные издержки. Конечно, сначала правды не скажут. Но после двух-трех громких проверок с выяснением ложности сообщений и показательным наказанием за мошенничество мы с вами годика три можем жить без роста цен вообще. Так же, как после 1998-го мы жили года четыре без значимого роста цен на ЖКХ. Об этом уже легенды сложены – как после дефолта пришли к премьеру, Евгению Максимовичу Примакову, руководители трех естественных российских монополий и объяснили: рубль рухнул почти в четыре раза, поэтому, чтобы поезда ходили, электричество было и был газ, надо резко повысить тарифы.

На что получили ответ – ну конечно! Только вдруг повышение тарифов, о котором вы просите, будет для вас самих недостаточным? Вы же патриоты, вы на себе экономите – вдруг вам этих денег не хватит? Поэтому давайте сначала посчитаем, из чего складываются тарифы на газ, электричество и железнодорожные перевозки, обеспечим вашу финансово-экономическую прозрачность и уже тогда будем смотреть, сколько вам конкретно нужно добавить. Может, придется еще больше добавить, чем вы просите.

Услышав это, руководители естественных монополий вышли в приемную, друг на друга грустно там посмотрели, а затем вернулись к Примакову, рванули на груди рубашки и сказали: «Мы патриоты, мы любим родину, мы тут проанализировали еще раз внимательно наши резервы – не надо повышать тарифы. Главное, не смотрите, из чего они складываются».

Е. ЧЕРНЫХ: – Зато теперь каждый год тарифы на тот же газ, электричество, транспорт растут. Сразу же обгоняя официальные цифры запланированной инфляции, тем самым подстегивая ее. Но это ж монополии, никуда не денешься!

М. ДЕЛЯГИН: – Таким образом, у нас почти везде безумные монопольные сверхприбыли. И значительная их часть идет на коррупцию.

Простое выявление, из чего складывается, допустим, цена бутылки пива – кто, кому, за что и сколько платит, – приведет к снижению стоимости рубля на три (оставим официальный рост акцизов в целях борьбы с алкоголизацией населения). Причем и продавец, и производитель будут при этом оставаться «в шоколаде». Правда, вот коррупционер ощутит волшебную легкость в карманах, но ведь тогда и «зачисток», подобных тому, что мы видим в поселке «Речник», думаю, не будет: их просто нечем будет оплачивать. Я ведь совсем не уверен, что судебные приставы, которые подобные «зачистки» осуществляют, делают это только за зарплату.

Таким образом, обеспечение прозрачности структуры цены – основа любой борьбы с произволом любой монополии, как естественной, так и рыночной.

Второй инструмент ограничения монопольного произвола – доступ товаров на рынок. Лет пять назад мне объяснили, что такое дешевый магазин в Москве: «Тот, в котором картошка египетская, а не французская». Представляете, что такое картошку выращивать в Египте?! Тем более во Франции – при тамошней социальной защищенности, налогах, ценах на все, включая удобрения и семена?! Франция – дорогая страна. А потом тащить эту картошку через всю Европу в Москву и продавать после всего с прибылью?

Если кто вдруг захочет реально бороться с инфляцией, он должен обеспечить свободный доступ на российские рынки родной российской продукции. А ведь у нас в

Москве, думаю, практически на каждом рынке криминальный контроль. Каждый может поставить простой эксперимент: пройдитесь по родному рынку и поспрашивайте, сколько стоит один и тот же товар. Если рынок нормальный, ценовых зон на большом рынке будет несколько, а если его «держит» криминальная структура, Вы обнаружите только три ценовые зоны. Первая – у самого входа. Вторая – все остальное. И третья – самый дальний закоулок. Причем на многих рынках третьей зоны не будет вообще. Что с этим можно сделать? При нынешней полиции, с моей точки зрения, ничего.

Е. ЧЕРНЫХ: – Совсем ничего?

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, конечно, было бы желание… Есть такая славная страна Америка – там тоже была проблема с доступом, в 60-е годы прошлого века. Только не товаров на рынки, а негритят в школы: расизм был у них тогда в южных штатах. Президент Кеннеди корячился-корячился, а в конце концов плюнул и подписал закон об уничтожении сегрегации, установив: если где местные власти не пустят в школы негритянских детей, то национальная гвардия будет с оружием в руках обеспечивать их конвой на урок и с урока. И фотографии есть: огромный американский солдат при всей амуниции, с винтовкой наперевес ведет щуплого негритенка в школу.

Е. ЧЕРНЫХ: – Зато теперь у них даже президент – негр, извиняюсь, афроамериканец.

М. ДЕЛЯГИН: – А за что Вы извиняетесь? Это у них ругательство, а у нас это нормальное слово. У них же скоро и слово «гетеросексуал» (в смысле, «не гомосексуалист») тоже будет ругательством…

Но подумайте сами: чем российские товаропроизводители XXI века хуже американских негритят полувековой давности? В стране буквально толпы ОМОНа, внутренних войск, разнообразного ведомственного спецназа, вплоть до МЧС, у них БТРы, танки, вертолеты – что мешает поставить эту махину на службу России, родной экономике, всему нашему народу? Примените эту силу на пользу обществу, пусть они, как негритят, конвоируют российских фермеров на российский рынок. В чем проблема?

Омоновцы благородным делом займутся, почувствуют себя наконец защитниками честных людей.

Здесь нет ни одной проблемы, кроме отсутствия у представителей государства желания исполнять свои прямые служебные обязанности. Ведь государство не должно состоять из гениев. Государство должно состоять из ответственных и организованных людей – и тогда все получится.

Последний механизм борьбы с инфляцией, который я хочу описать, не очень популярен. Он такой страшный, что достаточно уже одной угрозы его применения. Но в такой замечательной капиталистической стране, как Германия, он работает. Это право антимонопольного ведомства в случае резкого изменения цен сначала возвращать их на место, а уже потом проводить расследование, чем это изменение было вызвано.

И если в таких условиях продавец перестает продавать свою продукцию, это рассматривается как уголовное преступление. И, при всей гуманности и любви к человеку на Западе, его тупо стирают в порошок, абсолютно механически и бездушно, и никого не интересует, что, может, он действительно был прав. Потому что спекулянт не имеет права диктовать человеку.

Ведь антимонопольное расследование – это, по сути дела, суд, оно может длиться годами, за которые монопольно искаженные цены могут нанести экономике невосполнимый ущерб.

Эта мера почти так же страшна, как и возможность разукрупнения монополий. В США за всю историю только три монополии были насильственно организационно разделены, и один раз возникла серьезная угроза в отношении *Microsoft* . Три с половиной раза за более чем 100 лет, и всем хватило.

Е. ЧЕРНЫХ: – С *Microsoft* ясно, известная фирма, а разукрупнили кого?

М. ДЕЛЯГИН: – Standard Oil и менее известную у нас *American Tobacco* в 1911 году, *ATT (American Telephone & Telegraph)* в 1982–1983 годах.

Возврат цен на прежний уровень, как и разукрупнение – это угроза, которая намного страшнее применения. И такая угроза в отношении монополистов должна быть у России. Все мы посмеиваемся над ФАСом, но у этой службы и в самом деле мало прав. Да, она их использует недостаточно, бесконечно воюет с рекламщиками, но ведь она, например, не имеет права даже рассматривать цены и тарифы естественных монополистов. И скажите честно: что такое ФАС на фоне нефтяников? Моська, которая пытается призвать к порядку слона – прошу извинения, если кто обидится.

Е. ЧЕРНЫХ: – Обрыдший уже всем пример – цены на бензин. Годами мы слышим обещания ФАС обуздать их, разговоры про крупные штрафы компаниям, а толку?

М. ДЕЛЯГИН: – Результат есть? Результата нет. До свидания!

Е. ЧЕРНЫХ: – Говорят, в вопросе роста инфляции мы шагаем в ногу с просвещенным миром. Везде цены растут, поэтому это доказательство нашего вхождения в цивилизованное мировое сообщество. Тогда объясните парадокс: по сообщениям нашего же Росстата, все прошлые годы инфляция у наших европейских соседей, в странах Евросоюза, в разы ниже, чем в России. Там даже цены снижают, как у нас при Сталине.

М. ДЕЛЯГИН: – Либералы бы вам ответили: раз цены снижают – значит, сталинисты!

Но парадокс возникает из-за недостоверности исходной посылки. Инфляция в развитых странах в целом ниже нашей, причем именно из-за ограничения произвола монополий. Да и сам подход, по которому мы должны радоваться, если приобретаем болячки «просвещенного мира», мне кажется диким. Заимствовать надо все-таки хорошее, а не плохое, грубо говоря – качественные дороги и автомобили, а не сифилис и фашизм.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, все Вы толково объяснили с точки зрения статистики, экономики, как можно теоретически обуздать реальную инфляцию. А на практике нас что-то радостное ждет? Пока нас ждут сплошные повышения цен.

М. ДЕЛЯГИН: – Проблема не в том, что механизмы есть в теории. Проблема в том, есть желание их применять на практике или же такого желания нет.

До наступления системного кризиса, с моей точки зрения, этого желания не появится. Революции, скорее всего, не будет – у нас слишком уставшее общество. Я специально внимательно изучал историю революций – у нас нет такого накала социальной борьбы, как тогда.

Но будет, с моей точки зрения, системный кризис, то есть утрата управляемости всеми значимыми сферами общественной жизни. Будет прорыв к власти чиновников и бизнесменов третьего-четвертого эшелона. И они будут настолько напуганы пропастью, в которую заглянут во время системного кризиса, что начнут от этого долговременного испуга проводить ответственную политику.

Этого страха хватит на поколение политиков и чиновников, как хватило на поколение советских руководителей страха, который они получили 22 июня 1941 года. И под влиянием этого страха на протяжении примерно 20 лет будет проводиться ответственная социально-экономическая политика, которая породит «благосостояние для всех», а вот оно уже, в свою очередь, породит демократию. Это южнокорейский путь, достаточно болезненный и извилистый. Разумеется, с поправкой на специфику нашей общественной культуры.

Е. ЧЕРНЫХ: – Когда, по Вашим прогнозам, наступит этот системный кризис?

М. ДЕЛЯГИН: – Когда, из-за отсутствия контроля за вынужденно вливаемыми в экономику (и особенно в банковскую систему) деньгами, частью будут «проедены», а частью обесценены международные резервы. Этого не произойдет в 2013 году; запас прочности нашего общества – и в том числе с точки зрения его психологического здоровья – превышает все оценки прошлого. Скорее всего, стоит ждать слома системы в 2015–2017 годах.

Вероятность того, что кто-то во власти одумается прямо сейчас, в относительно благоприятных обстоятельствах, крайне мала. Но работать все равно надо, прежде всего для реализации именно этого, наиболее благоприятного для России сценария.

Я верю, что мы пожнем плоды разумной антиинфляционной политики, и цены в нашей стране будут соответствовать благосостоянию народа, а не сверхдоходам олигархов и

коррупционеров.

11.03.2010

Бюджет: отравленный концентрат намерений государства

Е. ЧЕРНЫХ: – Бюджет – тема скучная, малопонятная.

М. ДЕЛЯГИН: – Только на первый взгляд! Даже при самом первом приближении внутри бюджета есть доходы и расходы, а это уже ближе к карману каждого из нас и потому понятней.

Бюджет – самый главный документ в государственной политике. Ведь деятельность государства в экономике состоит лишь из двух действий: регулирования, то есть установление «правил игры», и расходования денег, которое в основном определяется бюджетом. Причем направление расходования денег во многом определяют реальные «правила игры». В самом деле: если мы выделяем деньги полиции, чтобы она ловила и наказывала переходящих улицу на красный свет – это будет одна страна, а если деньги выделяются на разгон демонстраций, а не на дорожное движение – страна уже совсем другая.

А это определяется бюджетом, и поэтому он – главный документ государственной политики.

Все разговоры о том, что «мы должны жить по средствам», касаются лишь нас с вами. Государство отличается от людей и корпораций в том числе и возможностью эмитировать, то есть, грубо говоря – печатать деньги. Если оно делает это правильно и разумно, «по учебнику», то есть в ограниченных количествах и при контроле за этими деньгами, ничего плохого не происходит. Лозунг «Давайте жить по средствам!» обычно используется в государственной политике как оправдание финансового удушения людей и предприятий.

Поэтому намеченное снижение расходов с 20,9 % ВВП в 2012 году до 20,1 % в 2013, 19.2 % в 2014 и 18,8 % ВВП в 2015 году (это минимум за все время после кризиса 2008 года!) представляется продолжением либерального безумия, продолжением курса на уничтожение российской экономики.

Принципиально важно, что профицит бюджета почти всех 2000-х годов был бессмысленным и вредным, так как деньги не шли на модернизацию. Именно это и обусловило болезненность кризиса и безысходность наших стратегических перспектив.

Теперь, собственно, о бюджете 2013 года.

Всякий бюджет основывается на прогнозе социально-экономического развития. Прогнозирование – вещь скользкая. В начале 2009 года, в разгаре кризиса, официальные прогнозы менялись каждые две недели.

Но есть базовые, фундаментальные факторы. В частности, официальные прогнозы, на которых основывается бюджет, всегда занижают ожидаемую цену нефти. Так, бюджет-2013 исходит из среднегодовой цены нефти в 97 долл/баррель, хотя во время его разработки не вызывало сомнения, что она будет заметно выше (в I квартале 2013 года нефть стоила чуть больше 110 долл/барр). Хотя, конечно, не так, как в 2010 году, когда бюджет верстали, исходя из 58 долл/барр в святой уверенности, что на деле цена будет не ниже 70, а на деле вышло 78 долл/барр.

Е. ЧЕРНЫХ: – Сознательно занижают?

М. ДЕЛЯГИН: – Сильно винить их в этом не стоит. В 2000-е годы никому не удавалось дважды подряд верно спрогнозировать цену нефти. Это сложная вещь.

И, когда люди в правительстве хотят подстраховаться, это нормально. Все понимают, что ниже цена не упадет, а все, что выше, принесет дополнительные доходы, и тогда можно будет хвастаться ими и рассматривать их как признак высокого качества государственной политики.

А с другой стороны, «подушка безопасности» нужна для бюджета, потому что масштабы кризиса занижаются. Взять даже благополучный во всех отношениях, последний

перед кризисом, от которого мы так и не оправились, 2007 год: если вычесть из доходов федерального бюджета не планировавшиеся доходы, полученные в связи с завершением банкротства «ЮКОСа», то выяснится, что план регулярных доходов был недовыполнен. Даже с учетом большей, чем прогнозировалось, инфляции, которая обеспечила инфляционный доход, даже с учетом более высоких, чем прогнозировалось, цен на нефть, которые тоже обеспечили дополнительные доходы – без незапланированных денег «ЮКОСа» годовой план по доходам был бы сорван. Так что благополучие российского бюджета даже в «тучные» для олигархов и бюрократов 2000-е годы было весьма условным: тотальная коррупция накладывала свой неизгладимый отпечаток на все.

И сейчас «подушка безопасности» планировщикам бюджета просто необходима. Да, с одной стороны, занижаются цена нефти и инфляция, а следовательно – и величина доходов. Но, с другой стороны, занижается и глубина кризиса, не говоря уже об остроте коррупции, которая вместе с патологическим монополизмом тактично именуется «структурным несовершенством российской экономики».

Забавен прогноз среднего курса доллара: он заложен в бюджет-2013 на уровне 32 рубля 40 копеек. Это значит, если в начале года доллар стоил 30 рублей 42 копейки, то к его концу курс должен подскочить аж на 4 рубля – примерно до 34 рублей 38 копеек.

Понятно, что этого не будет даже при самых драматических обстоятельствах.

И, если уйти от практической стороне дела к юридической, стоит напомнить, что в Бюджетном кодексе есть специальная статья о достоверности бюджета. А если бюджет сделан на основе прогноза, который даже теоретически не является достоверным, – это, юридически говоря, заведомо недостоверный бюджет.

Это можно оправдывать, потому что все мы люди, и всем нам свойственно стремиться к упрощению расчетов – но не ценой же заведомо нереальных предпосылок! А если нет попытки сделать достоверный прогноз, то все попытки сделать на его основе достоверный бюджет изначально обречены на неудачу.

Поэтому нужно понимать, что бюджет-2013, как и большинство предыдущих, условен. Доходы писаны вилами если и не по воде, то по нефти, а от расходов можно по произволу Минфина отклоняться на 10 % в любую сторону в любых сочетаниях, а если приспичит, то и сильнее.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вы целый детектив развернули.

М. ДЕЛЯГИН: – А финансы, да еще такого государства, как наше, интересней любого детектива. Потому что детектив исследует, кто кого убил. А финансы исследуют то же самое и, помимо этого, – еще и то, кто на этом что и как заработал.

Е. ЧЕРНЫХ: – У вас интереснее, чем в детективах Донцовой.

М. ДЕЛЯГИН: – А при чем здесь я? Донцова пишет детективы сама, а бюджет – это дефектив… Да, наверное, даже не детектив, а вот этот новый жанр, который пишет Министерство финансов, одобряет правительство, принимают обе палаты парламента, и затем, в качестве закона, подписывает лично президент. Это авторы покруче, чем госпожа Донцова – надеюсь, она не обидится.

Ведь, когда президент подписывает закон о федеральном бюджете, он подписывает все, что находится внутри, включая прогноз. Другое дело, что мы толерантны, политкорректны, мы готовы заранее соглашаться с тем, что у человека нет времени читать и тем более понимать то, что он подписывает. У него ведь в администрации даже, насколько можно понять, нет нормального экономического управления. В свое время аннулировали, и специалистов просто нет.

Е. ЧЕРНЫХ: – Чтобы можно было такие бюджеты писать.

М. ДЕЛЯГИН: – Они в администрации президента, насколько могу судить, не мешали писать такие бюджеты, но они хотя бы иногда разъясняли их смысл президенту. А кому хочется, чтобы президент знал, что подписывает? У всех от этого одно расстройство, огорчение…

Но вернемся к прогнозу бюджета. Предусматривается, что доходы бюджета будут

медленно расти, но в номинальном выражении. А в относительном выражении, в процентах ВВП, они будут падать с 20,8 % ВВП в 2011 и 20,7 % в 2012 году до 19,3 % в 2013, 19,0 % в 2014 и 18,8 % ВВП в 2015 году.

Это уровень не для модернизации экономики и даже не для ее реиндустриализации, о которой так любит поговорить президент.

Ведь развитие требует денег: это закон природы. Даже если Вы подвиги устраиваете, все равно подвиги требуют денег, хотя бы в лице политработников, которые их организуют. Или писателей, которые их описывают или придумывают, при крайней необходимости, причем писатели стоят дороже политработников…

Но мы опять отошли от бюджета в сторону. Бюджет – главный документ государства, а главное в нем – расходная часть: то, что государство собирается делать с нашими деньгами, то, за обещания чего мы терпим его неэффективность, волокиту, бюрократизм и разгильдяйство.

Ведь это неизбежная особенность любого государства. Когда либералы талдычат о его неэффективности, они говорят святую правду. Забывая только добавить, что государство неэффективно не само по себе, а относительно малого и среднего частного бизнеса. И тактично умалчивая о том, что огромную часть общественно необходимых функций ни общество, ни частный бизнес, и вообще никто, кроме государства, сделать не может.

За это его терпят.

Е. ЧЕРНЫХ: – Оно и должно быть консервативным и не рваться слишком вперед.

М. ДЕЛЯГИН: – Оно должно быть энергичным. И ответ на классический вопрос России о том, должно ли оно быть сильным или слабым, звучит так: «Оно должно быть умным».

Когда мы сокращаем расходы – это признак веры неведомых нам идеалистов в завершение кризиса. Они написали бумажку, поставили подпись, печать и уверовали в подписанное ими: старая история. Это примерно то же, что указом пытаться изменять время восхода Солнца.

От того, что вы скажете правильные красивые слова, неправильные исторические, тем более – экономические процессы не прекратятся. Прогноз федеральных расходов в 2015 году на уровне 18,8 % ВВП живо напоминает либеральную сказку о том, что государство должно быть аналогом ночного сторожа.

Думаю, большинство радиослушателей знакомо с ночными сторожами, а кто-то ими даже и работает или работал в прошлом. Мои товарищи, например, работали. Это люди часто интеллигентные, но к управлению и в целом к созидательной деятельности просто по самой своей функции не совсем приспособленные. Это не обида, это просто такая профессия. Военный должен виртуозно чистить картошку в наряде и при этом (желательно) знать, с какой стороны надо держать автомат, но писать стихи ему совершенно не обязательно, потому что это другая профессия. Точно так же и ночной сторож не должен заниматься развитием: он сторожить поставлен.

А государство, в отличие от ночного сторожа, заниматься развитием обязано: это одна из его эксклюзивных функций.

Помимо развития, ночной сторож совершенно не должен заниматься социальной защитой проходящего мимо населения – а государство обязано. Мы ему за это деньги платим.

При этом интересно, что, когда либералы настаивают на том, что государство должно быть ночным сторожем, они почему-то считают, что оно должно быть ночным сторожем исключительно по уровню своих обязанностей и ответственности, – но при этом с министерской зарплатой.

С какого перепугу?

Давайте министрам, особенно министрам-либералам, которые настаивают на расходах в 18,8 % ВВП в 2015 году, платить зарплату честных ночных сторожей. А если мы им платим другую зарплату, а некоторые даже закладывают ее в бюджет, это признание изначальной и

сознательной лживости всех разговоров о ночных сторожах. Это признание того, что государство должно решать разнообразные сложные функции. Но для этого деньги должны иметь не только министры, но и само государство, то есть бюджет.

Если из бюджета воруют – за это надо карать. Но, когда кто-то, исходя из того, что кто-то где-то много ворует, говорит, что государство не нужно или почти не нужно, и может поэтому обойтись расходами в 18,8 % ВВП, – это практически анархо-синдикализм. Почтенное учение, Бакунин и князь Кропоткин – одни из исключительно уважаемых людей в нашей истории, но та же самая история это учение не оправдала, потому что на деле без государства не получается. Потому что свободная самоорганизация трудящихся многие необходимые для трудящихся функции выполнить не может: позарез нужно государство.

Это отнюдь не продолжение общества, это действительно над ним надстройка, от самого общества отделенная.

А раз оно нужно, оно должно иметь расходы в соответствии со своими функциями, в соответствии с потребностями общества, а не с догмами либеральствующих фанатиков.

Теперь надо рассмотреть самое главное, сердцевину бюджета – расходы. И здесь начинаются нюансы. Даже не очень ловко реагировать, когда с очередной высокой трибуны начинаются разговоры про социальный бюджет.

Е. ЧЕРНЫХ: – Поговорим о том, что бюджет дает нам, рядовым налогоплательщикам.

М. ДЕЛЯГИН: – Все-таки повышаются доходы, пусть ненамного. Вот в 2010 году повысили пенсии на 46 %, по официальным заявлениям. На деле на 46 % были повышены не все пенсии, а только их трудовая часть. Поскольку доля трудовой пенсии в общей пенсии у всех разная, в целом пенсии в 2010 году выросли на 22.9 %, хотя накануне, в 2009 году они без особой помпы были повышены в среднем на 35,9 %.

Понятно, что это возвращение долгов, и даже повышенная пенсия, как правило, не обеспечивает достойной жизни (за исключением разве что депутатов Госдумы, отписавших себе, по некоторым данным, пожизненные пенсии чуть не в 100 тысяч рублей в месяц). Тем более что затем рост пенсий замедлился: в 2011 году он упал и вовсе до 8.9 %, в 2012 – до 10.6 %, в первом квартале 2013 года (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) – до 10,2 %.

Конечно, прирост пенсий сжирает инфляция. У нас же монополизм, и цены растут не тогда, когда пенсионер, получив прибавку к пенсии, принес ее на рынок, и даже не тогда, когда он эту прибавку только получил в руки. Цены начинают расти тогда, когда еще только объявляется о намерении повысить пенсии. Посмотрите: даже по официальным данным, инфляция возобновилась как раз в середине ноября. Пенсионерам пообещали, – и цены сразу пошли наверх.

Е. ЧЕРНЫХ: – Была нулевая, как нам говорили.

М. ДЕЛЯГИН: – Официально она была нулевая. Подчеркиваю это слово: «официально». Но, когда официальная инфляция начинает расти, это свидетельствует о том, что и в реальной, в нашей с вами жизни, цены тоже ускоряют свой рост. Еще никто из пенсионеров ничего не получил, а процесс – уже пошел.

Да, в ускорении роста цен есть сезонный фактор, однако есть и фактор монополистический.

Но, когда говорится, что у нас бюджет социальной направленности, потому что повысили пенсии, давайте вспомним, что, при всем уважении к пенсионерам, они не исчерпывают собой социальную сферу.

Я очень уважаю пенсионеров, и повышение пенсий – это прекрасно. Более того, я надеюсь, что, если я доживу до пенсии, мне ее тоже кто-нибудь как-нибудь когда-нибудь повысит. Потому что на накопительную пенсию, благодаря либеральной пенсионной реформе, надеяться не приходится.

Но ведь социальная сфера не ограничена пенсионерами, а социальные расходы, кроме пенсий, урезаны. Даже с учетом заложенной в бюджет 2013 года и заведомо заниженной официальной инфляции в 5,5 % реальные расходы на образование урезаны в 2013 году на

3,8 %, на СМИ – на 9,0 %, а на жизненно необходимое всем здравоохранение – и вовсе на 22 %!

Е. ЧЕРНЫХ: – Это притом, что говорят о здоровом образе жизни.

М. ДЕЛЯГИН: – Структура урезания расходов – не главное, хотя урезание расходов на амбулаторную медицинскую помощь в номинальном выражении почти вдвое – на 44.7 % (а в реальном выражении, даже с учетом заниженной инфляции, – на 47,6 %!) производит шоковое впечатление.

Но перевод финансирования скорой помощи в систему обязательного медицинского страхования вызывает недоумение. То есть человек, у которого по какой-то причине при себе нет полиса этого страхования, в лучшем случае получит счет, а можно представить себе ситуации, когда и вовсе не получит никакой помощи.

А что будет, если в системе обязательного медицинского страхования возникнет дефицит средств?

Сотрудники «скорой» – это люди, которые, при всех описываемых нами недостатках, реально спасают жизни. Думаю, большинство наших слушателей знает не одного из таких спасенных, а может, им и самим жизнь спасали.

Теперь, боюсь, будут спасать меньше.

Далее: официально у нас не так давно прошла эпидемия гриппа. Да, заболеваемость свиным гриппом ниже, чем у обычного гриппа, смертность тоже ниже, так что, вероятно, эта эпидемия – явление скорее финансовое и пропагандистское, чем медицинское. Но это все равно не повод, чтобы сокращать расходы на санитарно-эпидемиологическое благополучие в реальном выражении на 8,5 %! Не будем забывать, что, кроме пиарщиков и «пильщиков» денег, а также многими уважаемых Путина и Медведева, в нашей стране живут еще микробы, в том числе болезнетворные. Если из-за смешного гриппа возник такой «раскардаш» и массовый бизнес с продажей марлевых повязок, которые стоили 50 копеек, по 30 рублей штучка, что должно быть объектом расследования…

Е. ЧЕРНЫХ: – Уголовного.

М. ДЕЛЯГИН: – Хотелось бы уголовного, потому что это соответствующим образом квалифицируется, но ведь чуть не вся наша правоохрана ушла «экстремистов» ловить, вешать на людей всех собак за недостаточно восторженный образ мыслей. Так что, если уголовного не выходит, – хотя бы административного.

Когда так резко срезаются расходы, возникает тревога, потому что микробы-то ведь никуда не делись.

Е. ЧЕРНЫХ: – Повышение качества санитарной обстановки способствует продолжительности жизни, это признано всеми.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно. Чем меньше вы болеете, чем меньше вы едите порченого мяса и рыбы – а хоть бы и осетрины «второй свежести», – тем более вы здоровый человек. Это понятно.

Таких нюансов много, поэтому я просто фиксирую, что социальные расходы сокращены. И даже расходы собственно на социальную политику снизились в реальном выражении на 6,4 %.

Все можно делать – и глобальный кризис принуждает нас к экономии, – но вот на здоровье нации экономить нельзя.

Может быть, слова о социальной направленности бюджета были услышаны только одной частью нашего руководства, а другая его часть тем временем действовала по-прежнему. Или наше руководство слышит эти слова, когда нужно говорить с населением, а когда нужно писать бюджет, оно их уже не слышит. Избирательная восприимчивость – это так же нормально, как и избирательное правосудие, которое было практически официально провозглашено по поводу дела «ЮКОСа» и действует в полную силу, самое позднее, с тех пор.

Но главное в социальной сфере – не расходы федерального бюджета. Не пенсионные социальные расходы в нашей стране – это в основном расходы регионов.

Межбюджетная политика в России устроена по замечательному принципу: я у вас все возьму, перемешаю, а потом раздам обратно. Она стихийна и хаотична, но с 2000 года, когда была проведена реформа межбюджетных отношений, масштабы финансовой помощи регионам росли неуклонно. Федеральный бюджет все больше у регионов забирает, но все больше им и отдает.

Так вот, объем межбюджетных трансфертов в ближайшие годы будет сокращаться. В номинальном выражении в 2013 году они должны уменьшиться на 4,5 % (в реальном – на 9,5 %), в 2014 – на 8,7 %, в 2015 – на 1,3 %. Общее сокращение за 3 года без учета инфляции должно составить 13,9 %.

А ведь эта помощь в основном идет на социальные нужды – следовательно, регионам придется сокращать социальные расходы.

Классический пример того, как это бывает, – Приморский край. Чтобы подготовиться к саммиту АТЭС, они уже в 2009 году на треть некоторые статьи, например на образование, урезали, уже произошла в ряде мест отмена бесплатных школьных завтраков. Это как – нормально? Не сбилась ли система приоритетов у некоторых кое-где все еще уважаемых граждан, которые такие решения принимают, а потом кричат на всех углах, что единственная проблема Приморья – это чрезмерное количество часовых поясов?

И не только у людей из Приморского края, вероятно, извратились приоритеты, но и у тех, кто их поставил в такое положение.

Е. ЧЕРНЫХ: – Губернаторы – тоже люди подневольные. Нет у них денег.

М. ДЕЛЯГИН: – Приморье – специфичный регион. Не Чечня, конечно, но… Приморье, одно слово. Может быть, деньги там у губернатора и есть. Но если они есть, а человек не хочет их показывать и предпочитает экономить на детях – разберитесь, кто тут с коррупцией уже долгие годы борется во весь голос?

Е. ЧЕРНЫХ: – Я больше про среднюю полосу России.

М. ДЕЛЯГИН: – Там улучшений не будет. Многое, конечно, зависит от губернатора, – скажем, калужский губернатор очень эффективен, белгородский тоже. Но согласитесь, если вам по стране урезают на 13,89 % в номинальном выражении финансовую помощь, – как ни крутись, как ни экономь, как ни демонстрируй чудеса эффективного менеджмента, – социальная сфера лучше не будет.

Будет хуже.

И в богатых регионах – в том числе.

Классический пример – Москва. Богаче, может быть, только Ханты-Мансийский АО.

Е. ЧЕРНЫХ: – Он маленький.

М. ДЕЛЯГИН: – Так вот, если мать-одиночка получает относительно приемлемые деньги, ей объясняют, что ты живешь слишком жирно. И отнимают у нее пособие на ребенка, которое после 3 лет составляет 500 рублей. Я знаю случай, когда это пособие отняли у женщины, которая имела неосторожность проболтаться, что она зарабатывает аж 20 тысяч рублей в месяц. При наших ценах вдвоем на эти деньги прожить очень тяжело, а у нее еще и 500 рублей отняли.

Для нее – это деньги. Но важно и другое: это символический жест. Она эти деньги не губернатору – она их никогда не забудет Медведеву и Путину.

А в Москве чудесна история с бесплатными завтраками. Московские власти выявили, что на территории Москвы действует 14 школ, которые им не подчиняются. Это очень хорошие школы, как правило. И с сентября 2009 года перестали финансировать бесплатные завтраки для детей младших классов этих школ. Всегда финансировали, и даже после закона, разделившего полномочия и вроде бы давшего им возможность не финансировать, прекрасно и спокойно финансировали полтора года. А затем финансировать прекратили. Признали, что это является проблемой, признали, что они наносят ущерб здоровью детей, но созданную ими проблему решать принципиально отказались.

Так вот, когда даже в богатом регионе начинают экономить копейки на детях, оскорбляя людей без всякой видимой экономической необходимости, – что же будет

происходить в какой-нибудь Ивановской области?

Е. ЧЕРНЫХ: – Давайте поговорим о выходе из этой ситуации.

М. ДЕЛЯГИН: – Резервов масса. Главное увеличение расходов – это увеличение выплат по процентам. Государство зачем-то намерено брать в долг, имея более 520 млрд долларов международных резервов, и, соответственно, собирается выплачивать проценты. Деньги, сэкономленные на скорой помощи, на детях и на технических средствах для инвалидов, будут направлены на выплату процентов, то есть на финансирование финансовых спекулянтов. Эти расходы растут едва ли не быстрее всех – за три года почти на треть, на 124,7 млрд. руб.!

Не нужны эти займы. Не берите новые займы, а эти 124,7 млрд направьте хотя бы на помощь детям и на борьбу с эпидемиями.

Е. ЧЕРНЫХ: – И с преступностью.

М. ДЕЛЯГИН: – Не столько с преступностью, сколько с милицейской преступностью, это самое больное. В Санкт-Петербурге юрист торгового комплекса господин Соломенский попросил людей в штатском, которые назвались милиционерами и начали «прессовать» его клиентов, предъявить служебное удостоверение. Его всласть избили, под видеозапись, – до сотрясения мозга, потом уволокли в милицию. И по заявлению этой жертвы милицейского террора районный прокурор – тот самый, который ему объяснил, что тот должен у людей в штатском требовать удостоверения, – не принял заявление, не возбудил дело. Напротив, в отношении него возбудили уголовное дело по факту сопротивления милиции. Притом что есть видеозапись, как его зверски избивают.

Так что лучше сначала с милицией разберитесь. Что это за правоохранительные органы, где в ряде регионов у Следственного комитета 100 % нераскрываемость убийств? То есть все совершенные убийства, все без исключения, абсолютно безнаказанны!

Если уж выделять деньги на борьбу с преступностью, давайте лучше выделим эти деньги сначала на нормализацию наших все еще кое-кем уважаемых силовых структур. Чтобы их вправду можно было называть «правоохранительными», и чтобы всерьез можно было рассчитывать, что они будут бороться с преступниками, а не с добропорядочными гражданами.

А у нас сейчас расходы на чиновников увеличили, на безопасность увеличили, а в МВД всерьез добавили только внутренним войскам, а на остальное в реальном выражении сократили (а миграционной службе сократили и в номинальном выражении). Сократили финансирование МЧС и службы исполнения наказаний; расходы на борьбу с наркотиками в номинальном выражении сократили на 9,9 % (не хочется думать, что это приглашение к самообеспечению и хозрасчету), а обеспечение национальной безопасности – и вовсе на 11,6 %.

27.11.2009

Приватизация: «Отпилим себе еще немного Родины»?

Е. ЧЕРНЫХ: – Итак, нас ждет вторая волна приватизации…

М. ДЕЛЯГИН: – Если быть точным, это уже четвертая волна.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, когда те волны были! Все про них забыли. Вторая – звучит красивее. И в духе времени. Все ждут вторую волну кризиса – так ударим по ней второй волной приватизации!

М. ДЕЛЯГИН: – Полностью согласен. Было бы здорово заменить вторую волну кризиса хотя бы второй волной приватизации.

Е. ЧЕРНЫХ: – И какой она будет, эта «вторая» волна?

М. ДЕЛЯГИН: – Правительство Российской Федерации приняло решение по поводу приватизации в предельно забавной форме. Это не жесткий документ, он не предусматривает приватизацию тех или иных объектов любой ценой. У него совершенно замечательное

название, даже слово «программа» взято в скобки, а точное название: «Прогнозный план приватизации».

Е. ЧЕРНЫХ: – То есть, это будет не так жестко, это не новая коллективизация?

М. ДЕЛЯГИН: – Это не как в 1993 году, и не как в 1995–1997 годах. Это мягко и вроде бы необязательно – мол, давайте посмотрим, как дело пойдет, а там по ходу уже сориентируемся.

Правда, наблюдателей не то чтобы взволновало или разозлило, но, как минимум, удивило серьезное различие показателей. Сначала ведь очень жестко говорили про 77 млрд руб. доходов от приватизации. И потом вдруг – бац! – и ожидается лишь 18 млрд руб., вчетверо меньше.

Но здесь на самом деле нет никаких «подводных камней». Дело в том, что в эту программу не включены стратегические предприятия. Даже Пятая территориальная генерирующая компания, то есть объединение электростанций, которое предполагается приватизировать, будет, как отмечено в программе, приватизироваться по отдельному решению правительства. Поэтому 18 млрд руб. – это ожидаемые поступления в бюджет без учета продажи стратегических предприятий. Вопрос о них, как отмечено в программе, будут решаться отдельно и президентом. Это правильно, потому что стратегические предприятия – слишком важные объекты.

А приватизация стратегических предприятий может принести примерно 55 млрд руб. – и в целом, значит, общий доход, если их продадут, может быть 73 млрд руб. То есть в целом это сравнительно рациональный подход, и рвать на себе волосы не нужно.

Е. ЧЕРНЫХ: – А уже рвут: «Караул! Новая распродажа Родины грядет!»

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, у кого-то, значит, шерстистость чрезмерная. Хотя, конечно, есть некоторые вещи, по которым стоит порвать волосы, и не только у себя на голове. Но это обычные плоды бюрократического энтузиазма и либеральной идеологизации. Я говорю о другом: то, что нет категорического указания любой ценой продать кому угодно и за любые деньги те или иные активы – уже хорошо.

Конечно, при чтении перечня задач государственной политики в области приватизации возникают, как бы помягче выразиться, вопросы. Например, первой целью приватизации названы структурные преобразования. А ради чего структурные преобразования – «догадайся, мол, сама». Например, если структурное преобразование производится в редакции газеты, то понятно, что оно делается ради чего-то: повышения популярности и тиража, снижения издержек, освоения каких-то новых сфер, о которых раньше не писали. А здесь об этих целях стыдливо умалчивается.

Зато уже вторая цель приватизации названа абсолютно честно. Цитирую: «формирование интегрированных структур в стратегических отраслях экономики». Совершенно непонятно, почему такие структуры должны быть обязательно частными. Вполне допускаю, что во многих сферах, например, в атомной отрасли, наоборот, для создания «интегрированных структур» надо кое-что выкупить у частников, а у нас и там продолжается приватизация.

Но здесь, по крайней мере, хоть логика понятна.

Е. ЧЕРНЫХ: – Расшифруйте.

М. ДЕЛЯГИН: – Разные частные компании в ходе предыдущих волн приватизации, да и просто передела собственности, в том числе и «дикого», нахватали себе разные объекты. В результате структура многих из них оказалась разбалансирована. Ярче и раньше всего это проявилось у нефтяников: у одних компаний мало добывающих мощностей, у других – перерабатывающих, у третьих – сбытовых.

Чтобы компании различных отраслей стали сбалансированными, то есть, чтобы имели в своем составе то, что им нужно, недостающее может продать государство. Чтобы они могли спокойно работать, были интегрированными, чтоб им не нужно было бегать с протянутой рукой и искать: а нет ли у вас дополнительных мощностей переработки, а у вас сырья, а у вас металлоломчика. Чтобы они были сбалансированы и хорошо себя чувствовали.

Я бы, конечно, при составлении подобных программ предпочел, чтобы на первом месте все-таки были интересы общества и государства, да и на втором месте тоже. Ну, именно поэтому, вероятно, не я такие документы и составляю, для текущего момента это естественно. В конце концов, все написано внятно, четко, понятно, и написанное можно обсуждать.

Дальше, в качестве третьей задачи приватизации, говорится о продаже имущества, не задействованного в обеспечении и осуществлении государственных функций и полномочий. Это, грубо говоря, сброс лишнего, которого действительно очень и очень много.

Ну, в самом деле, зачем федеральному правительству нужно четыре тысячных процента акций какого-то там весьма среднего банка? Это бессмысленно. На самом деле, вполне достаточно иметь в госсобственности блокирующие пакеты акций системообразующих банков: ВТБ, Сбербанка, Россельхозбанка, Внешэкономбанка. Этого достаточно, остальные должны быть частными, здесь нет проблемы.

Когда выясняется, что в каком-то банке государству принадлежат сотые и тысячные проценты акций, вопрос один – как это образовалось, почему эту унылую обузу до сих пор не сбросили, и как наказаны виновные? Ясно же, что эти крошки на политику банка никакого влияния не оказывают.

Сразу возникает вопрос, а какой же это чиновник рулит от имени государства, и что он с ними сделает? Хотя, скорее всего, они просто валяются, никому не нужные, с девяносто забытого года. И, если уж виновных ни в чем никто не то что наказывать, но даже искать, похоже, не собирается – продайте эту ахинею и дело с концом.

Е. ЧЕРНЫХ: – По-вашему, сброс – это правильно?

М. ДЕЛЯГИН: – Сброс ненужного – правильно. Другое дело, что сбрасывать нужно действительно лишние активы, действительно обузу. Ну, не нужны Российской Федерации, федеральным властям буксиры, или отдельные автобусы, или столовая. Если это нужно местным властям, пусть забирают местные власти. Если местные власти слабенькие, а столовая имеет важную социальную нагрузку, пусть губернатор забирает в региональную собственность – разбирайтесь сами. Но федеральным властям это сто процентов не нужно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Неужели такие случаи есть?

М. ДЕЛЯГИН: – Есть. Если начать читать список подряд – много поводов для веселья. Вот, открываю на первой попавшейся странице, закрыв глаза, тыкаю пальцем. Пожалуйста: НИИ меховой промышленности, город Москва – он на 34 % государственный.

Понимаю, что, возможно, у кого-то где-то есть представление о политике возрождения меховой промышленности и развития науки в этой сфере. При изучении бюджета это кажется ну очень смешным, но можно признать, что это будет, допустим, шестым направлением модернизации.

Но, во-первых, это значит всего лишь, что с ним будет то же, что с остальными пятью. А с другой стороны, с 34 % там ничего, кроме блокирования всех ненужных решений, при помощи акционерных механизмов сделать нельзя. Неакционерными механизмами сделать можно, но они прекрасно работают, как мы знаем, и по отношению к совершенно частной собственности.

Так зачем эти акции нужны?

Но, с другой стороны, есть функции, которые находятся в исключительной сфере компетенции государства, которые частный бизнес просто не потянет. И если под разговор о «лишнем» распродавать и их тоже, то это будет принципиальной ошибкой, возвратом к худшим чертам 90-х годов.

Ну, например, племенные заводы и семеноводческие хозяйства – это что такое? Это улучшение либо сохранение породы скота, это создание новых сортов растений или поддержание урожайности старых сортов. Мы, как горожане, многого не знаем о том, что мы едим. Современные высокопроизводительные сорта сельхозрастений, да и породы животных – все эти плоды тщательной селекционной работы очень нестойкие. Через несколько поколений они начинают вырождаться, и их продуктивность падает. Именно поэтому нужно

постоянно собирать дикий материал и, фигурально выражаясь, «вливать свежую кровь», то есть постоянно обновлять гены.

Это огромная, постоянная, трудоемкая, сложная, муторная работа. Частному бизнесу она не под силу.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да она и не нужна ему.

М. ДЕЛЯГИН: – Теоретически нужна, но требует долгосрочных, непосильных ему затрат.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я на это и намекаю. На долгосрочные затраты. Нашему скороспелому частному бизнесу они, грубо говоря, до фонаря.

М. ДЕЛЯГИН: – Для того чтобы через 50 лет у вас была нормальная урожайность пшеницы или какой-нибудь морковки, капусты, вы уже сегодня должны брать людей на работу и организовывать их. Представитель частного бизнеса вполне спокойно говорит – мол, ребята, я сейчас урожай соберу, куплю себе домик в Париже и до свидания, «прощай, унылая Россия!»

То же самое селекционные станции: это не его. Станции районирования занимаются видоизменением тех или иных хороших сортов, чтобы они давали продукцию в тех или иных, исходно неблагоприятных для них условиях. И в этой сфере есть фантастические успехи. Знаете, даже неловко, необычно, непривычно про это говорить, но они есть.

Например, несколько лет назад районирована черешня для Подмосковья. Черешня! Подмосковная и владимирская вишня вымерзла в морозы зимы 1978/79 года, толком ее восстановить не удалось, по крайней мере, насколько я знаю, огромные вишневые сады погибли. И тут – нате вам – черешня районирована в Подмосковье, можно не вишню – черешню собирать! Хотя, если вишня спелая, владимирская настоящая вишня мне лучше любой черешни, но я понимаю, что это вкусовщина.

Короче: в деле районирования, несмотря на весь развал и разруху, есть прекрасные достижения. Но если сейчас эту сферу приватизировать, эти достижения будут стерты. Это стратегическая ошибка, как мне кажется.

Сброс лишнего сам по себе, если оно действительно лишнее – очень правильная идея. У нас же в государстве обычно как? Обязательные, исключительные функции государства сбрасываются безо всяких разговоров, потому что на них воровать сложно или боязно. А вот в те сферы, где государства и рядом быть не должно, его чиновники под разговоры о якобы сильном и перед кем-то с какого-то перепуга ответственном государстве вползают всем весом своих мерседесовских броневиков.

И получается, с одной стороны, правы либералы, которые кричат, что у государства много всего лишнего, а с другой – правы государственники, которые говорят, что у государства нет естественных, необходимых для исполнения им своих неотъемлемых функций, инструментов. И обе стороны правы. Но если просто их слушать, не вникая в аргументы, то легко заработать шизофрению. Извините, не шизофрению, а «плюрализм мЫшления» – это «оговорочка по Фрейду».

Е. ЧЕРНЫХ: – Своевременное уточнение.

М. ДЕЛЯГИН: – Но мы отвлеклись, а речь-то об официальных задачах новой приватизации. Четвертая задача – создание условий для привлечения внебюджетных инвестиций для развития акционерных обществ. Идея в нашей жизни в основном теоретическая, но зато понятная.

Грубо говоря, если у акционерного общества 50 % плюс один голос принадлежит государству, последнее может навязать ему любое нестратегическое решение (для стратегического нужно иметь три четверти голосов). И это значит, что как объект инвестирования это акционерное общество для частного инвестора «при прочих равных условиях» является отчасти неполноценным. В любой момент может прийти товарищ из министерства и начать проводить свою политику, которая может быть сколь угодно важна обществу, но мне как инвестору может быть просто вредна. Теоретически такое возможно и является некоторым сдерживающим фактором.

На самом деле в России государство так изощренно себя почти не ведет – это сдерживающий фактор скорее в представлениях, чем в практической реальности. Но, тем не менее, иногда это имеет смысл. И, если нужно привлечь инвестора и повысить инвестиционную привлекательность частного бизнеса, а государству контроль за ним не нужен, оно может отдать соответствующий пакет владельцам этого предприятия для повышения его инвестиционной привлекательности.

Аналогична ситуация с блокирующим пакетом: если у государства есть 25 % плюс одна акция, любая стратегическая инициатива мажоритарного владельца может быть государством заблокирована. И в принципе это некоторый ограничитель для иностранных и российских инвестиций.

Принципиально важно, что легко отдавать контроль можно лишь за нестратегическими предприятиями. Вот есть, например, Нижнетагильский трубный завод: государство собирается продать все 25 % плюс одну акцию, которыми владеет. Да, это повысит инвестиционную привлекательность завода. Но стоит это делать или нет, учитывая явную стратегическую значимость этого предприятия? Вопрос, мягко выражаясь, открытый.

Во всяком случае, нужно было рассматривать аргументы не только «за» – со стороны бизнеса, но и «против». Ну, так или иначе, решение принято, хотя и условное, так как это все же «прогнозный план», а не директива.

А, с другой стороны, нефть приватизировали, так что можно и производство труб приватизировать тоже. В конце концов, в случае чего, купим на Украине, если с кем-то в России не удастся договориться.

Но в целом наше государство увлекательно тем, что договаривается с бизнесом неформально, вне зависимости от того, у кого сколько было каких акций.

И в целом надо сказать, что значимость даже этих ограничений для частного инвестора, как российского, так и иностранного, преувеличена. Потому что главные проблемы в России макроэкономические, а все, что говорят про конкретные обстоятельства и недостатки, как правило, преувеличивается. Ведь бизнесмены, которые думают работать с Россией, прекрасно знают все наши недостатки и, смею заверить, эти недостатки их в целом устраивают. Даже когда ИКЕА уходила из ряда областных центров с криками «Проклятые взяточники замучили!»…

Е. ЧЕРНЫХ: – Помню, было такое в Поволжье.

М. ДЕЛЯГИН: – Знаете, я вполне допускаю, что «проклятые взяточники замучили», легко допускаю, хотя репутация самой ИКЕА весьма и весьма однозначна. Но уходила ИКЕА в разгар кризиса. Так что возможен и другой вариант – посмотрела она на упавший рынок, да и решила, что на этом рынке пока ловить нечего.

Е. ЧЕРНЫХ: – И решила уйти достойно.

М. ДЕЛЯГИН: – А, может, те взятки, уплата которых была приемлема для нее в условиях высокого спроса, в условиях низкого спроса оказались критически неприемлемы, а договориться заново не удалось.

Но еще раз повторю: бизнес, который приходит, прекрасно знает все наши недостатки. Та же самая ИКЕА – она очень непросто ставила свои магазины в Москве, но она их поставила и, по-моему, довольна. Поймите: на фоне условий, в которых многие из тех же самых западных корпораций работают в той же самой Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и даже, о ужас, в некоторых странах Юго-Восточной Азии, – не нужно слишком много пепла высыпать на свою голову. У нас лучше условия, чем там, если рассматривать их интегрально. Да, взятки у нас выше и коррупция хуже, чем в Юго-Восточной Азии, – зато и рынок поприличней, если не брать, естественно, Китай.

Ну и, наконец, пятая задача государственной политики в сфере приватизации, последняя и по порядку, и по значимости – формирование доходов федерального бюджета. Намеченные доходы – 18 млрд рублей – это даже не копейки для нынешнего федерального бюджета. Даже если примут решения о приватизации стратегических предприятий, 73 млрд рублей – это тоже для бюджета совсем-совсем немного. Так что эта задача поставлена пятой,

просто чтобы не забыть.

И главное, что меня порадовало в этом документе – в нем нет ни слова вечного дешевого либерального трепа о том, что частный менеджмент всегда гарантированно эффективней государственного.

Это вовсе не значит, что от этой идеи отошли. Это значит, что ее просто стыдятся повторять. Ведь достаточно простого взгляда на то, что творит частный бизнес…

Е. ЧЕРНЫХ: – В том же Пикалево, куда был вынужден приехать Путин.

М. ДЕЛЯГИН: – В Пикалево еще ладно, не будем забывать остальные, менее символические места. У нас 17 миллионов человек в таких или почти таких Пикалево живет.

Действия частного бизнеса, и в первую очередь олигархов всех мастей и размеров надежно отбили у всех охоту повторять идеологические штампы 1993-го, 1997-го и прочих забытых лет. Потому что да, государственный менеджмент неэффективен. Но он неэффективен потому, что государство свое собственное имущество не контролирует.

А с другой стороны, мы видим, что частный менеджмент тоже часто неэффективен. И во многом он неэффективен именно потому, что захватил имущество почти бесплатно. Вот в Казахстане тех, кто нахватали, а потом оказались спекулянтами, не желающими развивать производство, вычистили поганой метлой. Скандал был до небес, западные инвесторы стояли на ушах и истошно кричали про подавление прав и свобод, а потом пришли, как миленькие, и с наслаждением там работают. И наши там работают по-настоящему, кстати.

Когда же государство выполняет свои обязанности и по контролю за собственным имуществом, и по контролю за частником, который работает в значимых отраслях, вдруг выясняется, что принципиальной разницы в качестве государственного и частного управления нет.

Да, есть отрасли, которые должны быть частными просто по своей природе. Ну, кому нужна государственная химчистка, государственный ресторан? Что за бред, грубо говоря?

С другой стороны, стратегические отрасли должны быть государственными: был случай, если я правильно помню, когда в угаре приватизации почти продали заводик шифровальных машин для государственной безопасности. Причем не кому-нибудь, а израильской фирме. Слава богу, вроде успели ударить по тормозам, но прецедент был бы чудесным. Когда рейдеры чуть-чуть не захватили атомную электростанцию – тоже было прекрасно. Или когда приватизируются атомные НИИ.

Е. ЧЕРНЫХ: – Патронный завод тоже рейдеры пытались захватить.

М. ДЕЛЯГИН: – Частник может производить патроны, может производить винтовки – все, что угодно. Вон в Японии железные дороги частные! Но под таким контролем, что реальная жизнь этого частника ничуть не отличается от реальной жизни на государственном предприятии, да еще и на режимном.

При определении наиболее эффективной формы собственности очень многое зависит от той функции, которую выполняет данный бизнес. Возьмем одну и ту же нефтяную или газовую компанию – и увидим дивную ситуацию: оптимальная форма собственности зависит от места их работы. Добычу нефти и газа на территории своей страны ведут, как правило, государственные компании. Это не только исламский мир – это Норвегия, которую никто в Госплане и централизованно планируемой социалистической экономике не обвинит. Там тоже государственная компания. Потому что при добыче на своей территории решается задача достижения общественного блага.

Ведь нефть и газ – это, грубо говоря, сверхприбыль. Если вы добываете на своей территории – вам не нужно проявлять агрессивность. Вам просто не к кому ее проявлять: это все ваше и так, не нужно ничего захватывать. Не нужно и выкачивать ударными темпами – это ваше. Использование сверхприбыли на общественное благо не обязательно сводится к раздаче денег населению. Можно инвестировать в нефтяную компанию, чтобы она лучше бурила скважины и меньше нефти выливалось на поверхность, можно на эти деньги строить дороги, лечить детей или летать в космос – неважно.

Важно, что задача по обеспечению общественного блага по самой своей природе если и

не социалистическая, то уж точно социальная.

Так зачем здесь нужен частный бизнес? Здесь объективно более эффективна госсобственность, потому что решаемая задача соответствует ее характеру.

С другой стороны, при освоении такого же месторождения, но не на своей территории, а на чужой, все меняется кардинально. Задача в том, чтобы захватить как можно больше и выгрызть как можно глубже и быстрее – потому что вдруг национализируют? Вдруг одумаются?

Поэтому добычу нефти и газа на чужой территории должен вести частный бизнес, всегда и везде, – ибо нужны его энергия и агрессивность. Как с Ираком: туда ЛУКОЙЛ влез! Еще Саддам морковкой у наших перед носом водил, и мы их дожали! Да, сейчас в Ираке полный бардак, и американцы с англичанами согласились отдать эту Курну, потому что уже отчаялись когда-нибудь что-нибудь там добыть. Но пример это хороший: частный бизнес по своей природе захватчик и потому должен работать за пределами страны. А государственный по природе работает для общества или на его стратегические цели, ему место внутри страны.

И ошибки частных корпораций ничуть не лучше ляпов государственных. Конечно, при условии, что государство не вмешивается в мелочи. Есть классический пример заявления директора государственной тогда французской фирмы «Рено». Когда им попытались порулить по оперативным, а не по стратегическим вопросам, он ответил: ««Рено» – это не Франция. «Рено» – это «Рено»». И это нормально.

Вместе с тем, надо отметить, что даже честные и неидеологизированные бюрократы любят приватизацию из-за возможности снятия с себя функций урегулирования трудовых конфликтов.

Забастовка на частном предприятии – личная головная боль владельца. В крайнем случае, трудовая инспекция начнет разбираться, но это для государства проблема на уровне максимум начальника департамента. А вот забастовка на госпредприятии – политическая проблема, головная боль сразу первых лиц.

Ведь как началась тэтчеровская приватизация? Там шахтеры бузили десятилетиями, и шахты нужно было закрывать из-за убыточности. А как закроешь, когда это избиратели, да еще и объединенные в профсоюз? Тэтчер их приватизировала – и частные владельцы закрыли отрасль в мгновение ока. Под свою ответственность. У нас, кстати, сделали ровно то же самое, и это не было политической проблемой. Политическая проблема была в том, что шахтерам есть было нечего, но это были 90-е годы.

Подводя промежуточный итог: мне нравится, что в правительственном документе о приватизации больше нет догмы о том, что частник всегда лучше, чем государственный бизнес. В некоторых ситуациях он лучше, в некоторых хуже.

Если рассматривать объем госсобственности, волосы встают дыбом: государство имеет 3765 федеральных государственных унитарных предприятий. Очень это лукавая форма – ФГУПы. С одной стороны, стратегические предприятия вроде завода оборонного или ядерной электростанции. А с другой – множество кормушек, которые одни чиновники придумали для других чиновников и в них все вместе хрюкают. Их даже приватизировать не нужно – закрыть к чертовой матери. Проведя тщательную ревизию и, если что выяснится, сделать показательный процесс. У нас просто нет 3765 предприятий, которые должны быть в госсобственности.

Далее: в федеральной собственности находятся акции 3337 акционерных обществ, среди которых есть просто феерические. Открываю на первой попавшейся странице: Сердобскзооветснаб. Совхоз «Артезианский». Райавтодоры. Заштатные замшелые НИИ. Огромное количество второстепенных портов. И так далее. Зачем? Если нужно держать порт любой ценой, приватизируйте его с жесткими условиями: тот, кто приватизировал, обязан выполнять такое-то количество нормативных работ, а если не выполнит – ему будет секир башка!

Е. ЧЕРНЫХ: – Если все это будет приватизировано – число чиновников сократится.

Для них это ужас, ужас, ужас!

М. ДЕЛЯГИН: – Вполне может быть, что государственная собственность будет приватизирована вся и ее вообще не будет, а число чиновников, которые будут ею якобы руководить, еще и вырастет. Здесь своя извращенная логика. Но с точки зрения здравого смысла – да, надо сокращать количество чиновников.

В федеральной собственности находятся акции 769 предприятий, в которых государство имеет 25 и менее процентов акций, то есть блокирующего пакета у него нет. Деятельность этих предприятий регулировать через акционерные механизмы в наших условиях государство, как правило, не может. Так зачем они нужны? Продайте их, а чиновников сократите и отправьте на переподготовку. Или пусть они дворы метут в Москве! В Пикалево их отправьте в качестве помощи или в Южный Судан – в качестве гуманитарной интервенции.

Бывает и другое: упустили по дури контроль за каким-то стратегическим предприятием. Тогда нужно огосударствление: покупка акций.

Предусмотрена приватизация 449 акционерных обществ. Среди крупнейших объектов – ТГК-5, это объединение электростанций: правительство будет отдельно решать, как его приватизировать и приватизировать ли вообще. Это правильный подход. Дальше Росгосстрах – допустим, в страховом бизнесе иметь такой якорь, как Сбербанк, вроде бы пока не нужно. «Искитимцемент». Зачем государству цементные заводы? Можем в крайнем случае купить цемент в Китае или Турции.

Далее: Тыретский солерудник. Не знаю, что за рудник. А вот то, что вызывает протест – Московский метрострой. Я, конечно, понимаю, что он давно работает в режиме частной компании. И, наверное, государство его не контролирует никак, но это как-никак спецстрой, здесь контроль нужен, а если его нет – лучше его восстановить. Метрострой – это уникальные специалисты, уникальная техника, работающая по всей стране. Основная часть всех тоннелей по всей стране – это Метрострой, и приватизация его представляется слишком опасной.

По приватизации стратегических предприятий решения принимает – или не принимает – президент. На основании отдельных решений правительство в 2010-м и 2011 годах предполагает приватизировать Мурманский морской торговый порт, Совкомфлот, Новороссийский морской торговый порт – это все лакомые кусочки. Аэропорты «Кольцово», «Анапа», «Толмачево». Если за аэропортом должный контроль – нормально. «Домодедово» – частный аэропорт, и что плохого? Лучший в стране был, пока не возникла перегрузка из-за алчности владельцев.

Конечно, в нормальной программе была бы указана минимальная цена. Ведь когда вы продаете за бесценок – это не просто бесхозяйственность. Это бесхозяйственность и воровство. Это еще и подрыв инвестиционный активности.

Вот приватизировали бесплатно, например, автомобильный завод. Это значит, что строить новый завод частнику невозможно. Потому что он, сделав инвестицию, должен будет ее окупить, и эта окупаемость, пусть в течение 20 лет, должна быть включена в цену автомобиля. А тот, кто получил аналогичный завод даром, бесплатно, ему в цену ничего включать не нужно, и он может снизить цену до уровня, который частник заведомо не выдержит. Правда, завод потом развалится, высосанный приватизатором дотла (как мы все это и видим по всей стране), но для него это в условиях бесплатной приватизации выгодно.

И так с любой продукцией.

Бесплатная приватизация – подрыв инвестиционной активности. Те, кто нас агитировал за нее – саботажники и вредители. Я считаю, что придет время, и их деятельность будет не только морально оценена, но и уголовно тоже. Важно, чтобы они до этого дожили, как нацистские преступники.

Тот инвестиционный провал, который мы имеем сейчас, это не только незащищенная собственность, не только наше чудесное государство и бюрократия, не только монополизм. Это еще и бесплатная приватизация, которая вырубила возможность честной конкуренции в

бизнесе вообще.

24.12.2009

Моральный облик «партии власти»: почему не выходит говорить правду

[6]

С. АНДРЕЕВ: – Еще в 2008 году, до кризиса, когда все было хорошо, правительство утвердило рост тарифов и цен до 2011 года на электричество в 2,15 раза, на газ в 3 раза, на услуги ЖКХ в 1,7 раза, на телефонную связь в 2 раза, на грузоперевозки тоже почти в 2 раза. И, что бы вы ни делали, если эти цены ползут вверх с такой скоростью – никуда обычный человек не денется, он начнет за товары платить больше.

А тут еще один фокус: инфляция. Когда Путин повторил два раза, глядя в телевизор, что инфляция у нас будет меньше 10 %, – уволили руководителя Росстата, который говорил, что инфляция 15 %, и она сразу стала меньше 10 %. И самый большой рост цен наблюдается на предметы первой необходимости: овощи, хлеб, сахар – значит, инфляция бьет по самым малообеспеченным слоям. Те, кто покупает бриллианты, эту инфляцию не чувствуют.

Вывод прост: все делается так, чтобы малообеспеченному, среднеобеспеченному человеку за квартиру, за бензин, за машину платить все больше, а услуг получать столько же и даже меньше. Тот же батон хлеба, например, из килограммового вдруг незатейливо стал 800-граммовым, да и другие сорта…

Н. СТРИЖАК: – Да-а, надо же, не обращала никогда внимания…

С. АНДРЕЕВ: – А вы посмотрите.

Н. СТРИЖАК: – Я обратила внимание, что теперь сахарный песок фасуется не по килограмму, а по 900 граммов почему-то. Все думала, почему 100 граммов не влезает в этот пакет.

С. АНДРЕЕВ: – Такое государство, которое делает людям хуже, при этом выводя вперед долларовых миллиардеров, красавцев, которые в два раза за этот кризисный год увеличили свое благосостояние и стали теперь по «Форбсу» самыми богатыми людьми в мире – вот такое государство мне, как человеку, просто не нравится. Не нужно оно мне, оно мне делает плохо.

Н. СТРИЖАК: – Евгений Алексеевич сможет, наверное, Вам возразить, да?

Е. ФЕДОРОВ: – Какой-то такой у нас уклон, явно этот уклон не к месту…

Н. СТРИЖАК: – Нет, Евгений Алексеевич, у Вас есть право защищать.

Е. ФЕДОРОВ: – Вот у меня вопрос: государство демократическое это некий карман, куда сколько положил, столько и взял. Так не бывает, что у государства есть какие-то заначки, которые не из наших карманов, поэтому государство занимается только функцией перераспределения. Я вот с другого начну: хочу, во-первых, всех граждан России поздравить с двумя событиями, которые в новейшей истории России впервые произошли в прошлом году, в кризис. Впервые с прошлого года численность населения России начала расти, то есть, у нас больше людей родилось, чем умерло, впервые, за всю новейшую историю. Я…

М. ДЕЛЯГИН: – Нет, это неправда.

Е. ФЕДОРОВ: – Я скажу конкретную цифру…

Н. СТРИЖАК: – Подождите, дайте Евгению Алексеевичу нас поздравить.

Е. ФЕДОРОВ: – Повышение рождаемости…

М. ДЕЛЯГИН: – Это неправда, которая опровергается Росстатом, зайдите пожалуйста на его официальный сайт gks.ru, посмотрите: это неправда.

Е. ФЕДОРОВ: – 3,2 %…

---

[6] Запись программы «Открытая студия» на ТВ-5 от 26 февраля 2010 года. Ведущая – Ника Стрижак, участники – д.э.н. С. Ю. Андреев, директор Института проблем глобализации, д.э.н. М. Г. Делягин, председатель комитета Госдумы по предпринимательству и экономической политике Е. А. Федоров.

М. ДЕЛЯГИН: – Это неправда…

Н. СТРИЖАК: – Подождите, дайте Евгению Алексеевичу второй пункт-то назвать.

Е. ФЕДОРОВ: – На 3,2 тысячи человек, уточняю эту цифру, родилось в прошлом году больше чем, в сравнении… Так сказать, превысило население России. Второе: начиная с прошлого года, впервые в новейшей истории мы увеличили продолжительность жизни дополнительно за год, в среднем, на один и два, на один год и два месяца. То есть произошел коренной перелом вообще в развитии российской нации. Это в условиях кризиса – не было бы кризиса, этот перелом был бы значительно более существенным.

Теперь называю цифры. Во-первых, коллеги уважаемые, ЖКХ – это не государство, ЖКХ – это бизнес. Государство сдерживает эти цены, но оно их не назначает, это не его решение, это решение бизнеса, который, соответственно, действует по бизнес-правилам.

Второе: говорят, где-то что-то повысилось… Я вам скажу: тот же хлеб… Вы говорите, хлеб подорожал, есть статистика, хлеб в прошлом году подорожал на 2,5 %. А, например, яйца подешевели в прошлом году на 15 %, масло растительное подешевело на 20 %… Это же экономика, в ней что-то растет, что-то падает. Реальные доходы населения в прошлом году, в кризисный год, увеличились на 1,9 %. Другое дело, что…

С. АНДРЕЕВ: – Я приношу извинения, но они как-то странно увеличились…

Е. ФЕДОРОВ: —…у социальных, бедных слоев населения возросли пенсии. У работающих доходы немножко упали, потому что кризис, но извините, государство приняло решение, солидарное – помогать тем, кто слабый. И во время кризиса основные усилия были сосредоточены на помощи слабым…

С. АНДРЕЕВ: – Можно назвать этих слабых? Я Вам скажу. Слабые, в основном, государственные банки, «Роснефть», «Газпром». Самые слабые? Ну что Вы рассказываете! 9 триллионов рублей закачали, погасив долги этих слабеньких! Ну что Вы рассказываете! Слабым они помогли…

Е. ФЕДОРОВ: —… 50 миллионов человек получили в России в прошлом году прямую, персональную, адресную поддержку. В результате общий суммарный доход населения (у кого-то меньше увеличился) в среднем увеличился на 1,9 %. Я вам сейчас назову вообще такие простые цифры, которые вообще никто не может вспомнить. Вот простая линейка цифр. 1991 год, средняя зарплата по России в долларах – 5,5 доллара… потом – 79, сейчас средние доходы – это 800 долларов, официально в Российской Федерации, на декабрь прошлого года…

Н. СТРИЖАК: – Но все равно, Евгений Алексеевич, жить-то как-то не припеваючи получается на эти деньги, понимаете?

Е. ФЕДОРОВ: – Конечно, соблазнов больше. Больше соблазнов, больше проблем, да вообще сложнее жизнь стала, с этим никто не спорит. Но жить стало лучше, значительно лучше.

С. АНДРЕЕВ: – Кому?

Н. СТРИЖАК: – Хорошо, давайте дадим уже Михаилу Геннадьевичу слово. Пожалуйста.

М. ДЕЛЯГИН: – Я, к сожалению, статистик по образованию, поэтому хочу сказать: уважаемые телезрители, никогда не играйте в карты с членами «Единой России». Не надо.

Конкретный пример – зарплата в долларах в 1991 году. Легальный валютный рынок возник в России только в июне 1992 года. До этого рынок был «черный», абсолютно спекулятивный, и добросовестно судить о чем-либо по его курсу нельзя. Да и единого рубля в нерыночной системе не было: один рубль в «оборонке» примерно соответствовал одному американскому доллару, а в легкой промышленности – нескольким центам.

Теперь насчет роста численности населения: в 2009 году численность населения в России выросла за счет миграционного прироста. За счет того, что якобы естественная убыль, то есть продолжающееся вымирание, вымаривание населения было с лихвой компенсировано, по-моему, тысяч на 20, точно не помню, за счет прироста численности трудолюбивых гастарбайтеров: таджиков, узбеков, киргизов и других наших бывших

соотечественников.

Н. СТРИЖАК: – То есть мы не детей, не грудных младенцев считаем?

М. ДЕЛЯГИН: – Да расслабьтесь Вы: это вранье. Действительно…

Е. ФЕДОРОВ: – Какое вранье? Я вот читаю цифры, у меня они даже в руках. Родилось 43 тысячи человек.

М. ДЕЛЯГИН: – Родилось больше, рождаемость выросла… Не надо передергивать… Только что он говорил, что выросла численность населения, а сейчас он вдруг научился читать вслух и говорит, что выросла рождаемость. Это разные вещи. Я Вас не перебивал, насколько это было возможным, теперь продолжаю…

Н. СТРИЖАК: – Нам бы к теме поближе…

М. ДЕЛЯГИН: – Идем дальше по списку того вранья, которое здесь звучало. Численность собственно российского населения продолжила сокращение – соответственно, естественная убыль продолжилась. У нас был один месяц, когда действительно был естественный прирост населения: в августе рождаемость превысила смертность на 1 тысячу человек. Это было вызвано тем, что долгосрочные демографические волны наложились друг на друга, но потом они начали расходиться.

Эта помесячная статистика висит в Интернете, до нее руки уважаемых наших официальных пропагандистов еще не дотянулись, и пока каждый может посмотреть сам.

Насчет роста реальных доходов населения: действительно, статистика это показала. Причины этого: систематическое занижение инфляции и, во-вторых, суммирование доходов богатых и бедных…

Н. СТРИЖАК: – Вот я хотела спросить, если посчитать тех, кто получил 5 миллиардов с теми, кто получил 3 рубля и поделить…

М. ДЕЛЯГИН: – Далее. В 2009 году в России резко выросла численность долларовых миллионеров. Господа из «Единой России», причем здесь пенсионеры? У нас что, долларовым миллионерам пенсии прибавили?

Есть и другое очень серьезное извращение статистики, о котором специалисты уже криком кричат года четыре, как минимум, но Росстат смахивает это с ушей, потому что это позволяет улучшать показатели. Когда население продает валюту по любым причинам, будь то укрепление рубля или проедание валютных сбережений из-за потери работы – официальная статистика трактует это как рост реальных доходов.

Переведите на себя: вы потеряли работу, вы проедаете «заначку», которая у вас лежала в валюте, – а это трактуется, как получение вами дополнительных рублевых доходов. Вычистить это статистически довольно легко, но это не делается, потому что это позволяет рассказывать сказки о росте реального дохода у населения в условиях кризиса.

Что касается продолжительности жизни, то это долгосрочная демографическая тенденция, вызванная отложенной рождаемостью, нефтедолларами и так далее. Мы через некоторое время увидим, как все это переломится.

Ну и последнее, господа, это прелесть. У нас, оказывается, государство не имеет отношения к государственным компаниям. У нас есть государственная компания «Газпром», 52 % принадлежит государству, но это чистый бизнес, не имеющий отношения к государству.

Государство регулирует тарифы, но с какой стати? Ответ прост: оно делает это в отраслях естественных монополий, где рынка нет по определению, технологически: у вас не может быть несколько канализаций, и не может быть конкуренции между канализациями; то же самое в электричестве и других сферах. И поэтому государство регулирует тарифы. Но раз оно их регулирует, то и ответственность на нем, а не на бизнесе. И я вам докладываю: в нынешнем году холодная вода за первые полтора месяца года подорожала на 14,5 %, отопление – на 12,5 %, горячая вода – на 12,9 %. Это в среднем по России, в Москве больше, в некоторых регионах вообще в разы тарифы выросли.

Н. СТРИЖАК: – Давайте дадим Евгению Алексеевичу слово. Евгений Алексеевич, я понимаю, есть желание сегодня обсудить все, но меня интересует, все-таки, может,

некоторые шаги государству не обязательно было предпринимать?

Е. ФЕДОРОВ: – Я, может быть, с Вами и согласен. Мелкие решения принимали ведомства, в основном, исходя из балансов своих расчетов. Если, допустим, почтовые расходы уже становятся дороже, чем необходимые выплаты, то, наверное, ведомство приняло решение, чтобы хотя бы превысить почтовые расходы. Вы понимаете, 100 или 200 рублей – это как раз размер пересылок взаимных и переписки по этому вопросу.

Я ж не говорю, что у нас государство совершенно, у нас огромное количество проблем, и никто вообще с этим не спорит, вопрос в том, что в совокупности курса являлось главным, и за что, главное, государство ухватилось. В условиях кризиса, главное за что оно ухватилось, – оно решило поддержать людей, которые слабые, которых в России очень много. Я не знаю, почему тут говорят…

Мы вообще заметили, что в последнее время резко активизировалась антироссийская пропаганда, рассчитанная на людей, не способных разобраться в элементарных вещах. Те же пенсии, например, реально за прошлый год возросли на 39,9 %[7] и составили 6177 рублей. Но это же факт.

Н. СТРИЖАК: – То, что пенсионерам подняли пенсии и монетезировали услуги ЖКХ, и они лишились льгот…

Е. ФЕДОРОВ: – И еще: ЖКХ, хоть это и «Газпром» – это не государство, это бизнес. Государство не может назначить «Газпрому» какую-то цену, не учитывая всех нюансов экономической среды, которая в этом «Газпроме». Назначать цены вообще нельзя, это советский опыт…

С. АНДРЕЕВ: – Советское – значит плохое… Давайте все-таки поговорим…

Н. СТРИЖАК: – Сергей Юрьевич, давайте Вы, не так долго…

С. АНДРЕЕВ: – Есть несколько проблем, включая ЖКХ, которые буквально можно потрогать руками. ЖКХ, оказывается, бизнес? Да у нас в Питере 90 % этого бизнеса делают государственные структуры, эти ГУРЭПы, которые госзаказ, откаты. Какой это бизнес? Это государственное перекачивание бюджетных средств через карманы чиновников…

Е. ФЕДОРОВ: – Что значит перекачивание?

С. АНДРЕЕВ: – Объясню. Вторая история, Вы сказали…

Е. ФЕДОРОВ: – Это бизнес…

С. АНДРЕЕВ: – Вы сказали, и на этом я Вас фиксирую, что государство перераспределяет средства. Хорошо, я Вам объясню, как оно перераспределило средства. В прошлом году колоссальные суммы закачали в банки, в том числе и в частные, которые до этого ничего не имели, но которые аккумулировали бюджетные средства, прокрутили их, потом вывели часть из них за границу. Колоссальные средства, до 3,5 триллионов рублей – полбюджета, фактически, закачали в долги государственных компаний. Им помогли в первую очередь. Вы что, будете спорить? Их долги погасили.

Так на остатки от этого пенсию вывели на уровень прожиточного минимума. До этого пенсия не покрывала прожиточного минимума, что само по себе под статью попадает. Потому что если государство умышленно дает человеку меньше, чем нужно для физического проживания, оно его убивает: это геноцид. Сейчас, слава Богу, геноцида нет, но отнимают через ЖКХ, тарифы на электричество все те же деньги и опять вгоняют в состояние, когда выжить просто невозможно.

И последнее, наконец. Я могу Вам уточнить, когда Минфин 138 миллиардов долларов кладет в американские ценные бумаги под 3 %, а мы заимствуем на Западе под 7 % – это называется перераспределение через американский карман в убыток нашему родному народу.

Что это за государство?

М. ДЕЛЯГИН: – Здесь было сказано, что государство учитывает нюансы и финансово-

---

[7] На самом деле, по данным Росстата, – на 35,9 %.

экономическую специфику бизнеса: электроэнергетики, ЖКХ, «Газпрома» и так далее. Господа, это финансово-экономически непрозрачные структуры, и государство как раз не учитывает их специфику. Если бы оно учитывало, то не было бы таких случаев, когда премьер Путин проснулся и говорит: «Ой, а 66 миллиардов, оказывается, вложено в непрофильные активы!».

Понимаете, вот Путин проснулся, а «Единая Россия» еще спит. При этом они нам еще и объясняют, что любая их критика – это антигосударственная деятельность…

Н. СТРИЖАК: Два звонка послушаем. Говорите, пожалуйста, добрый вечер.

ЗРИТЕЛЬ: – Добрый день, Ника. Я Роман, благодаря вашей программе, благодаря Вам получил паспорт в 2008 году, я цыган, если Вы помните. Спасибо большое, что помогли. Вот у меня такой вопрос этим чиновникам… Вот я хочу устроиться на работу, официально, чтоб в 50, 60 лет еще получать пенсию. К сожалению, меня не берут официально, меня неофициально берут.

Хотел пойти в вечернюю школу учиться, но можно только в платную, в бесплатную, бюджетную нельзя. И как мне жить теперь? Я каждый день хочу кушать. Как вот и эти чиновники. Я живу в подвале, у меня нет своих ни комнаты, ни прописки, ничего нету. Я вынужден идти воровать, чтобы выжить. А я не хочу воровать, не хочу сидеть. Хочу работать как нормальные люди, хочу создать семью…

Н. СТРИЖАК: – Мы поняли Роман, поняли. Сейчас просто время дорого. Я поняла. Второй звонок еще послушаем. Говорите. Мы слушаем Вас. Добрый вечер.

ЗРИТЕЛЬ: – Добрый вечер. Это вас беспокоят из города Сарова, Анатолий Иванович. Я, Ника, удивляюсь Вам, Вашим гостям. О чем идет речь? Государства ведь нет уже. Основная часть населения живет в оккупационной зоне с колониальной экономикой. Чиновники и абрамовичи захватили все. Вы сейчас говорите о прическе, а ведь голову-то оторвали уже. Вопрос состоит в том, чтобы вернуть нам, россиянам, Родину. Наши предки 400 лет назад все-таки смогли собраться и вернуть себе Родину, изгнали тушинского вора из Кремля. Если сейчас мы этого не сделаем, значит, Россия…

Н. СТРИЖАК: – Вот нас господин Федоров и обвиняет в антироссийских настроениях и, может быть, Вы правы, потому что Родину никто не отменял, просто у Родины есть проблемы…

М. ДЕЛЯГИН: **– У Родины нет проблем, у Родины есть «Единая Россия».**

Н. СТРИЖАК: – Так, ну давайте конструктивно. Да, Евгений Алексеевич, давайте.

Е. ФЕДОРОВ: – Да, вот мы действительно потеряли Родину, Советский Союз, и мы действительно попали в колоссальную негативную ситуацию в 90-х годах, но это было решение, если хотите, я не побоюсь этого слова, народа.

С. АНДРЕЕВ: – Народ голосовал против…

Н. СТРИЖАК: – Дайте сказать Евгению Алексеевичу.

Е. ФЕДОРОВ: – На выборах, на референдумах и митингах подняли вопрос и использовали орудие демократии во вред себе. В результате мы разрушили Советский Союз, опустили свой уровень жизни ниже некуда. Получили бандитизм на улицах, войну в Чечне и многое другое. Это было использование демократического инструмента. Демократия – очень опасная вещь, она может, как огонь, обогреть и действительно устроить рост и прогресс, как сейчас происходит, а может полностью обрушить все это в грязь. Именно поэтому это инструмент, к которому надо очень ответственно относиться, как к автомобилю. Можно и в столб врезаться, если не умеешь им управлять. И мы постепенно, шаг за шагом, вберем суверенитет в Российскую Федерацию, которая сама как государство (я согласен, кстати, с вопросом) создавалась американскими советниками. Мы берем постепенно суверенитет России и постепенно выходим на суверенную страну, на решение всех проблем. Единственное, что нам нужно, чтобы их решить – время. Мы не должны сорвать политический процесс в России. Мы не должны быть отброшены опять на 15–20 лет назад. Вот об этом и говорит «Единая Россия» постоянно. Дайте нам время, чтобы наладить…

С. АНДРЕЕВ: – Процесс в деградации экономики, процесс в убийстве

промышленности, в полном разрушении сельского хозяйства, устранении науки? В образовании, которое ниже плинтуса, принимаются решения о сокращении ВУЗов? Вы о чем говорите? О каком сохранении?

М. ДЕЛЯГИН (ФЕДОРОВУ): – Не надо подтасовывать. Это Ваше любимое занятие, судя по Вашим высказыванием.

Прежде всего, в 1991 году, на демократическом референдуме, где не было подтасовок и где голоса считали по-честному, народ Советского Союза высказался за сохранение Советского Союза, так что здесь про демократию сказки рассказывать не надо…

Е. ФЕДОРОВ: – А вот через год…

М. ДЕЛЯГИН: – Вот «управляемая» демократия, действительно, – вещь очень опасная. А через год уже не было Советского Союза.

Е. ФЕДОРОВ: —… они проголосовали за независимость России, за российскую конституцию[8]…

Н. СТРИЖАК: – Друзья, давайте вернемся чуть-чуть в то русло, которое мы заявили и я одно, два сообщения с форума прочту. Вот пишут нам: «А мне кажется, что в государстве все происходит верно, если мы платим столько, сколько с нас просят, значит все нормально, значит, у нас деньги есть». Понимаете?

М. ДЕЛЯГИН: – А мы слышали только что человека, который нам звонил, Романа. У него что, есть деньги? Правда?

10 % населения России, по социологическим опросам, не имеет денег на еду. О чем речь? Это «офисный планктон» так говорит: «Ой, у нас есть деньги на взятки – значит, все хорошо»…

Н. СТРИЖАК: – Но смотрите, справедливости ради: вот если государству нужны деньги, как Евгений Алексеевич нам сказал, и сразу зрители с ним на форуме согласились, что… А потом выдают, кому сколько надо, и уже начинаются вопросы, кому сколько надо, кому сколько государство выдает. Ну, а где государству реально взять деньги? Вот ему нужны деньги, значит надо по чуть-чуть всем как-то повышать…

М. ДЕЛЯГИН: – Во-первых, к вопросу о суверенитете: 4,8 триллионов рублей на сегодняшний день – это деньги федерального бюджета, лежащие без движения. Основная их часть – так называемый Резервный фонд и названный в издевку Фонд «национального» благосостояния, которые лежат в Соединенных Штатах Америки и в Европе. Вот вам весь разговор о суверенитете, поднимании с колен и прочие сказки.

Во-вторых, у нас налогообложение богатых и очень богатых людей – одно из самых низких, а бедных – одно из самых высоких в мире. Если посчитать подоходный налог и единый социальный налог вместе, то получается 35 %, а со следующего года – уже 43 % от фонда оплаты труда. И все решения уже приняты. Поэтому Романа и не принимают на работу официально, поэтому ему будут говорить: или мы тебе даем 100 рублей в конвертике, или мы тебе даем на треть меньше. А когда он не хочет брать в конвертике – его просто не понимают, потому что такая субкультура создана уважаемым товарищем, в том числе, который рядом со мной сидит. И ее отстаивают, и любое описание реальности рассматривается как клевета.

Е. ФЕДОРОВ: – Только ложная.

М. ДЕЛЯГИН: – Не надо, не надо. Вы скоро введете 70 статью УК обратно, Вы уже ввели 282 статью.

Когда нам чиновники говорят, что вот вы должны заплатить за такую-то услугу – это сказки. Потому что все доходы чиновника за все работы, которые он выполняет, мы оплатили в виде налогов, и он свою работу должен выполнять бесплатно.

С. АНДРЕЕВ: – Здесь происходит очень правильная дискуссия, только бы не хотелось,

---

[8] Любой знакомый с историей России знает, что ничего этого не было; вероятно, не хуже всех знает это и представитель «Единой России» г-н Федоров.

что бы вот этого представителя «Единой России» били, потому что все понятно…

Н. СТРИЖАК: – Нет, ну Евгений Алексеевич пришел…

С. АНДРЕЕВ: – Ну пришел и пришел. Они говорят: все хорошо, вы живете нормально, а то, что у нас 30 % населения ниже черты бедности сейчас по официальной статистике – это нормально…

Вы спросили, откуда государству брать деньги, если не содрать три шкуры с каждого из нас? Дайте нам условия. Дайте, например, малому бизнесу такие условия, чтобы он задышал. И он будет не 12 % в бюджет приносить, а, скажем, 63 %, как в Германии.

Дайте возможность крупному бизнесу получать кредиты по нормальным ставкам, а не по 15–20 %, которые гробят экономику, – и будет нормальный бизнес.

Условия создайте. Оценивайте любой шаг правительства по тому, создаются такие условия или нет, будет человеку хорошо или нет.

Так вот, сейчас этих условий не то, что не создано, – все делается для убийства экономического. Как мне как экономисту это расценивать? То, что правительство работает против собственного народа? И это называется либо оккупационный режим, либо как хотите еще. Но я по факту скажу: то, что убыло от российского бюджета – прибыло в мировой экономике, в том числе и у американцев, которые наши деньги прокручивают у себя и нам же дают их в долг под больший процент. Это значит, что правительство работает на чужие интересы. Разве не так?

И тогда возникает вопрос, как нам с таким государством уживаться?

Значит, надо протестовать, организованно протестовать. И вот Михаил Делягин, например, сейчас пытается в цифрах объяснить, как действительно обстоят дела на самом деле. Любой экономист это понимает.

Н. СТРИЖАК: – Евгений Алексеевич, давайте. Давайте Евгению Алексеевичу слово дадим. Вы так с двух сторон на него напали… Пожалуйста, Евгений Алексеевич. Где вот государству еще взять, как не с обычных людей? С необычных людей нельзя взять?

Е. ФЕДОРОВ: – А так и есть. У нас государство демократическое, и других денег, как от людей, нет, просто по определению. Если говорить о малом бизнесе, то, извините, в Германии его – 40 %, а в России – 15 %. Так у нас в стратегии записано: увеличить малый бизнес, чтобы он превысил 50 % ВВП к 2020 году. Просто это нельзя сделать сразу. Какой-то разговор такой получается, как в детском саду. Давай взмахни волшебной палочкой, пожалуйся маме и найди миллиарды или еще реши как-нибудь проблему. В жизни все тяжело дается, а рыночная экономика – посложнее командно-административной, которую мы знаем по Советскому Союзу, в сотни раз. Вы представляете: одно дело – командовать и цены назначать, как нам тарифы тут предлагают назначать, а другое дело – отработать нюансы, которые в мире выстраивались 300 лет. Мы всего 20 лет строим рыночную экономику и демократию… А у нас разговор получается, как в детском саду. Надо идти до второго класса, потом до третьего, надо переходить к высшей математике…

М. ДЕЛЯГИН: – Страны не останется, пока вы бродить будете.

Е. ФЕДОРОВ: – Можно вернуться опять в 5 долларов и бандитизм на улице…

Н. СТРИЖАК: – Михаил Геннадьевич, а что бы Вам не пойти в Думу, например? Вы бы там показали всем кузькину мать.

М. ДЕЛЯГИН: – Вы что, смеетесь? Вы что, не знаете, как у нас считают голоса на выборах?

Н. СТРИЖАК: – А-а…

М. ДЕЛЯГИН: – Здесь говорится: нет денег, значит нужно содрать с каждого из нас. Господа, в федеральном бюджете, еще раз повторяю: 4,8 триллиона рублей, которые работают на наших стратегических конкурентов, на американскую экономику, на европейскую экономику, но не на российскую экономику. Это первое.

Насчет того, чтобы содрать с каждого: все развитые страны потому и развитые, что там, чем человек богаче, чем он больше может влиять на общество – тем он больше платит налоги. Это ответственность за свои действия, в том числе, и в налоговой сфере. В России, в

единственной стране мира, существует регрессивная шкала социальных взносов, и со следующего года она будет усугублена. У нас, чем вы больше получаете, тем больше в процентном отношении вы отдаете этому государству.

А насчет третьего класса говорят люди, которые не окончили десятый класс.

Н. СТРИЖАК: – По поводу налога на богатство и прогрессивного налога для обеспеченных, богатых зритель просит задать отдельный вопрос, поговорить. Здесь предлагают Михаилу Геннадьевичу в депутаты идти, а зрители вообще его в президенты прочат. И вот давайте договорим все-таки о прогрессивном налоге. Евгению Алексеевичу сначала слово.

Евгений Алексеевич, не раз мы поднимали вопрос в этой студии, почему нельзя ввести налог на богатство, или прогрессивный налог на обеспеченных людей, на большую зарплату. Всегда один и тот же ответ – мол, тогда они начнут воровать, тогда начнутся «серые» зарплаты. Странный это ответ, как будто нет у нас соответствующих организаций, органов: прокуратуры, милиции и так далее.

Е. ФЕДОРОВ: – Единственно, не забывайте, что мы пять лет назад ввели сегодняшнюю систему налогообложения. Естественно, на следующем этапе будет более справедливая система, просто мы… Ну нельзя все сразу, надо…

Н. СТРИЖАК: – Но он явно назревает. Правда? Уже пора бы это сделать, по крайней мере, люди бы поняли…

Е. ФЕДОРОВ: – Он будет постепенно решен. Но даже я бы хотел, кстати, согласиться с предыдущим высказыванием, с моим коллегой, который находится в студии. Мы действительно очень много платим Соединенным Штатам. Это и есть суть однополярного мира. И Китай платит Соединенным Штатам 40 % своего ВВП, например. Почему наше руководство и выступает с предложениями реформировать мировую экономику, отменить монополию доллара, монополию единого валютно-расчетного центра, монополию рейтингов, монополию системы экономики и прочее, прочее. Мы это отлично понимаем.

Другое дело, что это вопрос, по сути, суверенитета, который касается не только России, а всех стран мира, в основном. И этот вопрос одной России не решить, потому что мы слишком сильно уязвимы: не только зависим экономически, но и уязвимы политически.

И не забывайте, что не случайно, когда российское руководство подняло вопрос по реформе мировой экономической системы, сразу и теракты на Кавказе у нас активизировались почему-то. И появилось огромное количество говорящих недовольных голов в России, людей, которые начали распространять ложь…

Финансирование СМИ увеличилось Соединенных Штатов Российской Федерации. Ну, так устроена политика. Это профессиональная работа. Вы же должны это понимать…

С. АНДРЕЕВ: – Ближе к жизни.

М. ДЕЛЯГИН: – Не надо призывать члена «Единой России» быть ближе к жизни, он это не поймет…

Е. ФЕДОРОВ: – Даже учебники истории… Извините, у меня 600 учебников истории. Даже их, все 600, для российских школьников написали на американские гранты. И это все не случайные процессы. Это целый профессиональный мир, в котором надо еще разбираться. И российскому народу тоже. И вообще, я вам больше сейчас скажу: должно поколение предателей 90-х годов уйти, для того чтобы мы переломили ситуацию развития…

Н. СТРИЖАК: – Предателей? А это кто?

Е. ФЕДОРОВ: – Я еще раз говорю: в 90-е годы мы приняли все решения…

С. АНДРЕЕВ: – «Мы» – это кто?

М. ДЕЛЯГИН: – Советский Союз был ликвидирован недемократическим путем. Еще одно вранье.

Е. ФЕДОРОВ: – Граждане России в том числе. Да, была бархатная революция против нас…

С. АНДРЕЕВ: – Коллеги в Москве решают вопрос, наверное, так: вот есть хорошо питающиеся граждане, которые, в основном, находятся в руководстве страны, в банках,

коммерческих структурах приближенных к власти. А есть 80 % населения, которое даже позволить себе шмоток купить не может. Есть вот маленький узкий слой, так называемый средний класс. И на глазах у всех нам говорят: вот сейчас представитель «Единой России», вообще власть, и Грызлов говорит, что это все нормально, а кто против этого, тот трясет лодку, раскачивает. Стабильность, оказывается…

Парламент – не место для дискуссий, оказывается. Вот эта ситуация, которую сейчас искусственно закрепили, она народу нравиться не может по определению. За ЖКХ платят, за газ платят, все больше и больше платят, а получают все меньше и меньше. И вот здесь возникает вопрос: где та грань, за которой этот процесс выйдет на неуправляемую, турбулентную зону? Когда народ просто скажет, что он эту власть не хочет.

Н. СТРИЖАК: – Платить не будет или власть не хочет?

С. АНДРЕЕВ: – Нет, он просто власть поменяет, причем таким способом, каким…

М. ДЕЛЯГИН: – Честную власть народ хочет, если Вам знаком смысл этого слова…

Е. ФЕДОРОВ: – Честную власть? То есть опять вернуться в 90-е годы? Это распад страны!

М. ДЕЛЯГИН: – Вот вы слышите? Вы слышите, что человек понимает под формулировкой «честная власть»?

Е. ФЕДОРОВ: – Потому что «честная власть» в Вашем понимании в этом и заключается…

М. ДЕЛЯГИН: – Сказки не надо рассказывать. Это еще одна ложь представителя «Единой России». Слово «честность» имеет определенное значение, и если представителям «Единой России» оно не известно, то это их проблемы. А телезрители наши, верю, знают смысл этого слова. Вот нам всем и нужно честное правительство…

Е. ФЕДОРОВ: – Оно и есть честное, оно говорит правду…

С. АНДРЕЕВ: – Честное правительство? Которое работает на наших заграничных конкурентов? Вот в это я верю, честность абсолютная…

М. ДЕЛЯГИН: – Которое работает против России – это такая честность. И эти люди еще смеют говорить о поколении предателей! А к кому они сами принадлежат, интересно?

Но пойдем дальше. Есть такая страна – Китай. Так вот, китайский ответ на кризис (вдумайтесь, те, кто нас слышит сегодня): в каждую деревню – асфальтированную дорогу, и центральная улица каждой деревни должна быть асфальтирована. Каждой китайской деревни.

А вот то, что остается лишнее после модернизации экономики, которая там идет на деле, а не на словах – да, это лишнее можно распихать куда-нибудь в мире.

А у нас все строго наоборот. У нас 4,8 триллиона рублей на Запад, а что осталось – еще посмотрим, кто и как это будет пилить. Яркий пример – 66 миллиардов рублей, которые Путин нашел. Что бы мой собеседник не говорил про клевету – это нецелевое использование средств, знаете ли…

Н. СТРИЖАК: – Михаил Геннадьевич, давайте зрителя послушаем.

ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ: – Добрый вечер. Это звонит Виктор Владимирович из города Суворова.

Премьер-министр наш Дерипаске в кризис помог деньгами, чтобы иностранцы не шли сюда. Так иностранцы своих рабов лучше кормят, как нам раньше коммунисты преподавали, чем нас всех здесь. Так нафиг мне этот Дерипаска, пусть лучше будет какой-нибудь американский. А то нас пугают Америкой, а сами своих деток всех туда…

Н. СТРИЖАК: – М-да, совет. Был звонок, я повторяю вам, где предлагают нам не со старушек брать деньги, а за границей занять. Как вы относитесь к этому?

Е. ФЕДОРОВ: – Занимать? Я лично никогда не занимаю в долг, это мой жизненный принцип. И я считаю, что мы как нация склонны к этому принципу. Если нам не нравится система… Например, вот та же Германия. Вы знаете, что треть процентов, треть бюджета немецкого (по сумме это 100 миллиардов) идет на выплату долга, который немцы набрали. Треть! Огромные долги.

Я считаю, что нам как нации неправильно жить в долг, хотя, конечно, какие-то объемы, в каких-то объемах можно брать. Но эти объемы должны быть минимальны. Мы слишком с большим трудом расплатились с теми долгами, которые набрали в 90-е годы.

И еще – до этого звучал вопрос по банкам, почему-то говорят: банкам помогают. Вот тут тоже очередной миф, надо просто в экономике разбираться. У нас по конституции система Центрального банка и банков отделена от правительства. То есть система, когда Центральный банк кредитовал банки, кстати, под 20 % годовых, напоминаю вам. Это сейчас 8 %, а в прошлом году, в начале, было 20…

Н. СТРИЖАК: – Деньги были из бюджета? Или откуда?

Е. ФЕДОРОВ: – Нет-нет, не из бюджета…

С. АНДРЕЕВ: – Ну зачем Вы так говорите? Стыдно. Ну зачем в глаза неправду говорить?

Е. ФЕДОРОВ: – Я что, бюджет не утверждал? В бюджете на этот счет не было ни копейки.

М. ДЕЛЯГИН: – Господа, позволю себе процитировать федеральный бюджет Российской Федерации на 2010 год, одобренный «Единой Россией». До 17,8 миллиардов долларов эти «нелюбители» жить взаймы собираются взять за границей. Причем специалисты говорят, что около 10 миллиардов возьмут как минимум. Переговоры на эту тему ведутся. Вот такие «нелюбители» брать взаймы.

Дальше: 4,8 триллиона рублей – это не деньги Банка России. Это деньги, которые лежат в федеральном бюджете…

Е. ФЕДОРОВ: – Не лежат они в федеральном бюджете, их распределяют.

М. ДЕЛЯГИН: – Вы читать не умеете, гражданин председатель комитета. Зайдите на сайт…

Е. ФЕДОРОВ: – Весь федеральный бюджет 10 миллиардов, миллионов…

М. ДЕЛЯГИН: – 10 миллионов у него весь бюджет…

Е. ФЕДОРОВ: – По Вашим словам, страна уже погибла 10 раз…

М. ДЕЛЯГИН: – Зайдите на сайт minfin.ru и прочитайте, что там написано…

Е. ФЕДОРОВ: – Просто лапшу вешают…

М. ДЕЛЯГИН: – 4,8 триллиона рублей – это деньги Минфина, которые члены «Единой России», умеющие только гримасничать, шевелить ушами и путать цифры, отдают нашим стратегическим конкурентам. А взаймы у них собираются занять миллиарды долларов, за которые расплачиваться будут забранными у нас деньгами.

При этом говорится, что все это очень сложно и никому не под силу понять, а кто цитирует официальные государственные цифры – тот враг народа и так далее.

Н. СТРИЖАК: – Это да. Я предлагаю сейчас всем ответить очень коротко, буквально по минуте: а что делал бы я, если бы был министром финансов. Вот сидите и думайте.

Я прошу вас оставить свои лавры сейчас, должности, партийную принадлежность – оставьте только голый опыт. Что надо сделать, чтобы люди были довольны? Можно ли решить финансовую проблему государства и не лезть в карман обычных людей?

С. АНДРЕЕВ: – Первое, что надо сделать – это национализировать стратегические отрасли: нефтянку, химию, металлургию, нефтепереработку. Деньги, которые благодаря этому пойдут не через оффшорные зоны, а прямо в казну, использовать для роста доходов населения, и они тут же вернутся в бюджет. Второе – дать дышать малому бизнесу. Вот этих двух вещей будет достаточно.

Н. СТРИЖАК: – Хорошо, Ваш совет понятен. Евгений Алексеевич, без оглядки на что-либо, что можно сделать?

Е. ФЕДОРОВ: – Вы знаете, сейчас очень нужна консолидация, потому что именно вот эта стабильная ситуация – главное для нас сегодня.

Н. СТРИЖАК: – Чья?

Е. ФЕДОРОВ: – Российской Федерации в целом. Мы вытащим. И страну вытащим, и вместе выйдем, сделаем лучше нашу жизнь. Мы восстановим тот потенциал, который

потеряли в результате кризиса. Мы начнем развиваться так же быстро, как развивались и до кризиса, а мы развивались быстрей любой страны в Европе, причем раз в 10 быстрее. Мы все это восстановим. Мы обеспечим уровень жизни в России через 10 лет лучше, чем в любой самой развитой европейской стране. Каждого человека.

Но нам всем вместе нужно время, для того чтобы завершить реформы, чтобы модернизировать российскую экономику, чтобы перейти на инновационный путь развития. А для того, чтобы это все сделать, прежде всего, нужно доверие и нужно единство.

Н. СТРИЖАК: – И все равно совет затянуть пояса – он витает в воздухе?

С. АНДРЕЕВ: – 10 лет им не хватило…

Е. ФЕДОРОВ: – Бедным поможем, богатые… Ну, нужно будет терпеть.

Н. СТРИЖАК: – Михаил Геннадьевич, Ваш рецепт.

М. ДЕЛЯГИН: – **Прежде всего, я запрещу представителям государства лгать** – под страхом увольнения, а то и посадки в тюрьму. А дальше все просто: гарантирование прожиточного минимума, модернизация инфраструктуры, контроль за естественными монополиями и ограничение коррупции.

Н. СТРИЖАК: – Это реально сделать быстро?

М. ДЕЛЯГИН: – Это можно сделать за три года.

С. АНДРЕЕВ: – За три месяца Михаил Геннадьевич.

М. ДЕЛЯГИН: – Учитывайте качество «Единой России»: человеческий фактор играет роль.

С. АНДРЕЕВ: – А, ну да…

Н. СТРИЖАК: – Я хочу обратить общее внимание на печальные цифры: в начале передачи 82 % зрителей проголосовали за то, что государство равнодушно к людям…

М. ДЕЛЯГИН: – Они не печальные: люди умнеют.

Н. СТРИЖАК: – Ну что я должна сказать? Страшно радостные цифры я должна назвать: 82 % было, а к концу эфира стало больше 90 %…

М. ДЕЛЯГИН: – На 8 % адекватных людей стало больше в нашей стране – за одну нашу передачу. Это хороший результат.

26.02.2010

Глава 3. Результат либеральных реформ: государство перманентной катастрофы

Моногорода в ловушке отказа от модернизации

[9]

Коррупция блокирует модернизацию

Если отвлечься от истошной официозной пропаганды, квинтэссенция реальной политики российской бюрократии проста: это последовательный и сознательный отказ от модернизации.

Плач по поводу пресловутой «нефтяной иглы» не стоит ничего, ибо слезть с нее за минувшее десятилетие, залитое нефтедолларами, было примитивно просто – достаточно было начать инвестировать их часть в развитие, а не в коррупцию. Увы: несмотря на «звон» по поводу «национальных проектов», «плана Путина – победы России» и государственных

---

[9] В связи с особой, стратегической важностью данной темы для развития России материал дан в виде статьи, а не диалога.

корпораций, не было даже реальных попыток продвижения в этом направлении.

Даже проект «Кремлевской долины» в Сколково шел, как в замедленной киносъемке. Стоит вспомнить, как Сурков в начале 2010 года, в разгар победной истерики по этому поводу, скромно надеялся, что во второй половине 2011 года сможет… заказать проектные работы! И стоит сопоставить это с катастрофическим провалом этого имиджевого проекта – с уголовными делами и списанием многомиллиардных убытков.

Причины такого отношения к собственным лозунгам понятны. С одной стороны, единственной альтернативой модернизации является, конечно, смерть страны. Но что эта смерть значит для, по гениальному самоназванию, «оффшорной аристократии», которой принадлежит реальная власть в стране, а во многом – и сама эта страна? Да ничего особенного: просто вечером одного из воскресений не нужно будет лететь из благословенных Лондонов и Швейцарий на постылую работу в промозглой России, а можно будет остаться с семьей – наслаждаться заслуженным отдыхом.

Насколько можно понять, смерть России для слишком многих государственных «эффективных менеджеров» означает всего лишь выход на пенсию – о которой многие из них, возможно, вполне искренне мечтали.

Такая противоестественная для государства ситуация порождена самой сутью либеральных реформ: несмотря на непрерывную и часто хаотичную смену лозунгов, лидеров и целей, освобождение бюрократии от всякого внешнего контроля шло практически неуклонно.

Либеральные реформы были и остаются освобождением не народа, но бюрократии России, которое окончательно завершилось именно в «тучные» для нее «нулевые» годы. А ее освобождение от внешнего контроля автоматически лишает ее мотивации исполнять свои служебные обязанности.

В результате важнейшим фактором, блокирующим модернизацию, оказывается простая человеческая лень и аппаратные опасения: ведь любое действие грозит ошибками, а гарантию от них дает лишь безделье.

Это безделье, однако, не может быть полным, так как бесконтрольность автоматически рождает коррупцию. В результате в России сложилось государство, занятое не столько решением общественных проблем, сколько личным обогащением своих членов. Для такого государства модернизация – это непроизводительное отвлечение ресурсов, которые можно украсть, и лишь в самом лучшем случае – просто прикрытие для воровства.

Существенно и то, что активы (а часто и семьи) клептократии вывозятся в фешенебельные страны, обеспечивающие наибольшую комфортность потребления. Модернизация поневоле будет означать рост конкуренции с развитыми странами: даже простое восстановление производства относительно сложных товаров будет наносить прямой ущерб западным корпорациям, и их государства встанут на их защиту. Таким образом, модернизация России неизбежно создаст напряженность в отношениях с Западом (да и с Китаем), совершенно неприемлемую для недобросовестной части бюрократии, преобладающей, как мы можем судить по деятельности российского государства, если и не численно, то политически и управленчески.

Коррупционный характер государства не только блокирует модернизацию, но и дополнительно способствует деградации управления. Ведь человек – производная от образа своих действий, а воровство, несмотря на изощренность отдельных схем, примитивно. В результате система управления примитизирует общество до своего уровня, но, поскольку сама является жертвой собственного влияния, постоянно опережает его и потому тянет за собой – так камень на шее тянет за собой утопленника.

Разумеется, наиболее остро описанные проблемы проявляются в слабых элементах общественной системы. Наиболее слабые – моногорода.

Моногорода: где тонко, там и рвется

В моногородах России живет около 17 млн чел.; за десятилетие их население сократилось примерно на 3 млн. По данным Независимого института социальной политики, в конце 90-х из 1095 городов России около 440 городов – более 40 % их количества – являлось монопрофильными. Большинство из них находится в тяжелом состоянии; и приток «нефтедолларов», и последовавший кризис, и его частичное преодоление мало что изменили в их положении.

Причина заключается, как правило, в незначительности предприятий, расположенных в моногородах (и поселках городского типа, где ситуация еще страшнее), – как по размерам, так и по роли, которую они играют в российской экономике. Многие из них используются владельцами всего лишь как инструмент выкачивания денег на другие проекты, а то и на личное потребление, в результате чего они эксплуатируются «на износ». «Норильский никель», «АвтоВАЗ» и ряд других являются исключениями, которые лишь подчеркивают правило.

Это предопределяет незначительность инвестиций в их развитие, устарелость технологии и организации производства, специфическую субкультуру, в принципе не воспринимающую развитие. Дополнительно ослабляет финансовое положение градообразующих предприятий вынужденное содержание социальной сферы, которую просто не на кого «сбросить».

Результат – неконкурентоспособность и медленное угасание этих предприятий.

Данная тенденция усугубляется неэффективным менеджментом (патологический пример которого дает «АвтоВАЗ»), потому что эффективному в описанных условиях, как правило, просто неоткуда взяться.

Бедность жителей резко ограничивает возможности переезда, окончательно превращая моногорода и поселки городского типа в «зону социального бедствия».

Специалисты выделяют в отдельную категорию моногорода, предприятия которых принадлежат крупным корпорациям, в том числе и потому, что по ним есть информация: корпоративная отчетность, при всех своих недостатках, все-таки существует. Моногорода и поселки городского типа, становые предприятия которых принадлежат мелким и средним владельцам, практически невидимы даже для государства.

В моногородах крупных корпораций (это наиболее благополучная и наиболее изученная часть моногородов) живет 12 млн чел. из 17 млн общего числа жителей моногородов, причем в 24 регионах России только их жители превышают 10 % населения регионов, а в 9 регионах составляют четверть и более. Социальные риски в условиях кризиса наиболее высоки для 160 из этих городов, в том числе – тридцати, относящихся к естественным монополиям (прежде всего, «Газпрому»).

По данным ключевого специалиста по данной проблематике Н. В. Зубаревич, 7 млн жителей моногородов живет в так называемых «базовых» городах, в которых находятся важные для корпораций активы и в которых выплачиваются относительно высокие зарплаты и налоги в местные бюджеты, 4 млн – в менее значимых городах с непрофильными активами и низкими заработками. Большая жизнеспособность «базовых» городов проявляется и в значительно большем количестве жителей – в среднем 110 тысяч против 60 тысяч человек.

В «базовых» городах крупные корпорации даже в кризис сохраняют ядро трудовых коллективов, снижая зарплату, вводя неполную рабочую неделю, отправляя сотрудников в частично оплачиваемые отпуска. Увольняют в основном неквалифицированный персонал (включая офисных клерков), сотрудников вспомогательных подразделений и работников предпенсионного возраста (которые получают возможность выйти на пенсию досрочно).

Во второстепенных городах даже крупный бизнес готов идти на задержки зарплаты, а в отдельных случаях – и на остановку неконкурентоспособных градообразующих предприятий. В частности, «Уфалейникель» (Челябинская область) был закрыт с октября 2008 по февраль 2009 года, пока рост мировых цен на никель не сделал его работу вновь выгодной. Байкальский ЦБК был остановлен в конце 2008 года, однако в середине января 2010 года, для обеспечения его рентабельности, было подписано постановление

правительства, разрешающее эксплуатировать целлюлозно-бумажный комбинат без должных очистительных систем, сливая ядовитые стоки непосредственно в Байкал.

Вместе с тем кризис не более чем ускорил неизбежный процесс санации нежизнеспособных активов, начавшийся в конце 90-х – начале 2000-х годов, но остановленный бурным притоком нефтедолларов и улучшением международной конъюнктуры.

Основная задача государства в этих условиях – не допустить, чтобы этот процесс перерос в социальную катастрофу. К сожалению, несмотря на широковещательные заявления, государство не демонстрирует стратегического видения проблемы и предпочитает искать решения ощупью, что оборачивается потерей не только времени, но, в конечном счете, и человеческих жизней.

Таблица 1. Монопрофильные города крупного бизнеса по регионам

		Численность жителей моногородов, тыс. чел.	Доля в населении региона, %
1	Ханты-Мансийский АО	1031	70
2	Ямало-Ненецкий АО	289	54
3	Свердловская область	1481	34
4	Иркутская область	768	30
5	Хакасия	159	30
6	Самарская область	878	28
7	Республика Коми	271	28
8	Вологодская область	312	25
9	Архангельская область	321	25
10	Ярославская область	283	21
11	Мурманская область	182	21
12	Ленинградская область	339	21
13	Белгородская область	302	20
14	Челябинская область	694	20
15	Пермский край	500	18
16	Татарстан	636	17
17	Якутия	148	16
18	Томская область	154	15
19	Карелия	100	14
20	Владимирская область	207	14
21	Красноярский край	394	14
22	Башкортостан	508	13
23	Курская область	142	12
24	Алтайский край	287	11

Источник: Н. В. Зубаревич, «Социальный атлас российских регионов».

Реакция государства: кормить

Рост напряженности в моногородах естественным образом привел к росту протестных настроений, проявившихся не только в традиционных митингах, но и в перекрытии федеральных трасс, а в ставшем знаменитым Пикалево – и в захвате горожанами мэрии.

Панический испуг государства, ярче всего продемонстрированный в Пикалево, был эффективно использован олигархами, владеющими градообразующими предприятиями: трагедия работников этих предприятий и жителей моногородов оказалась эффективным инструментом шантажа государства и выколачивания из него исключительно значимых в кризисных условиях финансовых ресурсов. При этом средства, доставшиеся непосредственно моногородам и расположенным в них предприятиям, оказались несопоставимо меньше сумм, выделенных олигархическим структурам.

Понятно, что такое выделение средств оказалось невыносимо расточительным, и обострение ситуации на по-настоящему крупном предприятии – «АвтоВАЗе» – наглядно показало невозможность решения проблемы моногородов ни социальной поддержкой, ни простым выделением средств соответствующим предприятиям. Аппетиты олигархических структур (пусть даже формально принадлежащих государству) оказались чрезмерными и не поддающимися контролю, а прямого финансирования жителей моногородов с неконкурентоспособными предприятиями не мог выдержать даже наполненный нефтедолларами бюджет.

В результате прямая поддержка моногородов приобрела характер вспомогательной, страховочной меры, хотя в связи со жгучей необходимостью и была увеличена: первоначально в бюджете 2010 года на эти цели было выделено 10 млрд руб., затем сумма выросла до 15, а затем и до 27 млрд руб.: 10 млрд напрямую из бюджета, столько же – в виде субсидий Минрегионразвития, 5 млрд – от Фонда содействия реформированию ЖКХ и 2 млрд руб. – от Минэкономразвития на поддержку малого и среднего предпринимательства в моногородах.

Понятно, что такая раздробленность господдержки не может не снижать ее эффективность.

Реакция государства: переселять

Второй идеей, опробованной представителями государства, стало переселение жителей бесперспективных моногородов в населенные пункты с дефицитом профильной рабочей силы.

Однако быстро выяснилось – насколько можно судить, неожиданно для «эффективных менеджеров» правительства, – что в условиях кризиса и резкого сокращения производства проблемы с нехваткой кадров, пусть даже и квалифицированных, носят не массовый характер, а более распространена прямо противоположная проблема – безработица.

Поэтому чуть ли единственным проектом переселения стал набор квалифицированных рабочих на Тихвинский вагоностроительный завод, который должен был поставить свои вагоны в опытную эксплуатацию в 2010 году (полностью завод запущен в 2012 году). Строительство завода было начато после трехлетней подготовки в январе 2008 года – до кризиса, резко сократившего объемы грузоперевозок и, соответственно, приведшего к значительному простою даже имеющихся в наличии грузовых вагонов. Однако качества принципиально новых вагонов (разработанных совместно с американскими корпорациями) гарантировали им место на рынке.

Проблема заключалась в высокотехнологичности производства: современные технологии резко снижают трудозатраты, и потребность завода составила лишь 3,5 тыс. чел. – капля в море не только безработицы во всех российских моногородах, но даже одного-единственного Тольятти.

Основную часть рабочих, по понятным причинам, попытались привлечь из

Ленинградской области – из знаменитого Пикалево ехать до Тихвина менее часа, – но высокие требования к квалификации принудили искать работников в Тольятти, Нижнем Новгороде, Череповце, Брянске, Ярославе, Елабуге, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге, Челябинске и других городах.

Руководство завода обещало работникам среднюю зарплату «на уровне 25–35 тысяч рублей» – несмотря на значительный разброс, это было примерно вдвое выше средней зарплаты в Ленинградской области. Результат – большой приток заявлений на работу: почти сразу же пришло 2,5 тысяч просьб, в том числе 4 – из Москвы. Первая супружеская пара из Тольятти начала работу уже в марте 2010 года: два заместителя директоров «дочек» «АвтоВАЗа» вышли на работу в качестве начальника отдела и инженера.

Но в целом перспективы переезда в небольшой город мало прельщали жителей Тольятти с его развитой инфраструктурой, наибольший энтузиазм по этому поводу был отмечен среди работников Алтайского вагоностроительного завода в Новоалтайске.

С другой стороны, сам механизм переселения был связан с существенными рисками для новых работников. Группа «ИСТ», построившая Тихвинский вагоностроительный, строила жилье для 2,8 тыс. из 3,5 тыс. своих будущих работников и построила в итоге его для 2 тыс. (остальные, как предполагалось, будут набраны из числа жителей Тихвина или же купят квартиры у них). «Агентство по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов» (АРИЖК) выделило 500 млн. руб., за которые группа «ИСТ» была готова построить первые 400 квартир.

Не очень понятно, кстати, почему партнером программы переселения стало именно это агентство, занимающееся не ипотечным кредитованием как таковым, а реструктуризацией «плохих» ипотечных кредитов.

Переезжающие в Тихвин работники нового завода, как предполагалось, в течение трехмесячного испытательного срока должны были жить в общежитии, а затем приобретали жилье за счет льготного кредита от АРИЖК. Однако цена жилья предполагалась «близкой к себестоимости» – 30 тыс. руб. за квадратный метр, что, насколько можно судить, заметно превышало рыночные цены в Тихвине. Вероятно, предполагалось, что приток людей в город повысит цену жилья – точно так же, как в других городах их отток приведет к снижению цен.

Помимо низких процентов, льготность заключалась в освобождении заемщика от выплаты процентов и платы за обслуживание кредита до момента продажи старой квартиры, за счет которой и предполагается погасить кредит и все связанные с ним платежи.

На саму продажу отводилось два года, за которые, как предполагалось, кризис ослабнет и недвижимость подорожает. Вера представителей АРИЖК в будущий рост цен на недвижимость в депрессивных моногородах была настолько велика, что они рассматривали возможность введения ипотечного страхования, которое позволило бы брать кредит для покупки новой квартиры, стоимость которой будет превышать стоимость старой квартиры в 5–6 раз. Наглядное сходство этой схемы с пресловутыми «финансовыми пирамидами» руководство АРИЖК не только не пугало, но, насколько можно судить, даже воодушевляло.

Правда, руководители АРИЖК допускали возможность того, что переселенцы не смогут продать свои старые квартиры за два года, и обещали «принять их на свой баланс».

Это не снимало риски, а всего лишь переносило их с переселенцев на АРИЖК.

А риски существенны, ибо в городах, где нет работы, жилье будет лишь дешеветь, и старая квартира станет обесценившимся залогом. Надежды же на то, что цены на недвижимость в депрессивных моногородах рванут вверх, даже по завершении кризиса представляются, мягко говоря, необоснованными.

Тем не менее, АРИЖК вел переговоры об аналогичной программе привлечения квалифицированных работников и с «крупным производством калийных удобрений в Волгоградской области». На ее реализацию намеревались выделить 700 млн. руб., что могло позволить (при сохранении тихвинских цен) переселить еще около 560 семей.

Это могло помочь решить проблему отдельных производств, но не то что решить, но

даже и просто смягчить проблему моногородов мерами подобных масштабов нельзя в принципе.

Реакция государства: модернизировать

Понятно, что на самом деле единственным спасением для населения основной части моногородов и поселков городского типа является модернизация градообразующих предприятий и создание качественно новых конкурентоспособных производств.

Но это возможно лишь в рамках реальной широкомасштабной, комплексной модернизации экономики, планы которой до сих пор даже не разрабатываются. А без нее усилия государства сводились и будут сводиться к попыткам индивидуального решения разнородных конкретных проблем в режиме пресловутого «ручного управления»: ясно, что на все бедствующие моногорода у федеральных властей не хватит ни рук, ни денег.

Более того: несмотря на интенсивные разговоры сначала об инновациях, а затем о модернизации, при решении практических задач моногородов государство поразительным образом избегает даже попытки реализации собственных лозунгов.

Даже спустя долгие годы после перехода кризиса в острую фазу (а первый болезненный, хотя и подзабытый сегодня удар от него наша экономика получила еще в сентябре 2007 года), модернизационные проекты в моногородах можно было пересчитать буквально по пальцам (*см. таблицу 2*).

Наиболее продвинутый проект IT-парка «Жигулевская долина», призванный ослабить напряженность на рынке труда Тольятти, получил первые средства лишь в 2010 году. В 2013 году число его резидентов достигло 40 (70 % – тольяттинские компании), а начнет функционировать технопарк, как предполагается, лишь в 2014 году. Представители официальных структур выражали надежды, что расположенные в IT-парке предприятия будут ориентированы на выполнение заказов автомобилестроения, нефтехимии и аэрокосмической отрасли. Основной акцент делается, естественно, на автомобилестроении: предприятия «Жигулевской долины» должны будут предоставлять услуги промышленного дизайна и проектирования, а возможно, моделировать комплектующие. Потенциальные заказчики – «АвтоВАЗ», *Renault, Fiat* и «Соллерс».

Площадь IT-парка составила жалкие 30 тыс. кв.м., инвестиции в него – около 5 млрд. руб., а раскинулся он в пределах бывшего стадиона «Торпедо».

Представители Минпромразвития надеялись, что численность занятых в IT-парке достигнет аж 2,5 тыс. человек.

Для сравнения: только в конце 2009 – начале 2010 года «АвтоВАЗ» сократил 28,5 тыс. рабочих мест. Около 15 тыс. чел. ушли на пенсию (в том числе досрочную), 6,5 тысяч были переведены в «дочерние» фирмы, в которых труд рабочих оплачивался федеральным бюджетом, 4,5 тысяч рабочих мест было сокращено за счет пугающей «естественной убыли», а 2,5 тыс. человек работали на объектах социальной инфраструктуры, сброшенных с баланса завода в городское и федеральное подчинение.

Таким образом, разрекламированный на федеральном уровне проект IT-парка не мог не остаться «каплей в море»: из 9 тыс. вазовцев, оплачиваемых за счет бюджета, он был призван занять лишь 2,5 тысячи.

Ужас модернизации и перспективы моногородов

Как было показано в начале данного параграфа, модернизация органически несовместима с самим характером современного российского государства.

Таким образом, сколь-нибудь масштабная попытка ее осуществления объективно вынуждает произвести оздоровление государственного аппарата, что, в силу масштабов коррупционных интересов, может произойти только насильственным путем и, скорее всего, вызовет жесткое эшелонированное сопротивление.

Преодолевать его изнутри традиционной государственной системы невозможно, даже формально возглавляя ее. Единственный способ, которым традиционно осуществлялись преобразования в России, заключается в формировании мощной параллельной системы управления – опричнины в той или иной ее форме.

Таблица 2. Проекты модернизации градообразующих предприятий

Город	*Проект*	*Оц*
Каменск-Уральский	Строительство прокатного комплекса на Каменск-Уральском металлургическом заводе. Создание мощностей по производству листов шириной 2600 мм для производства широкофюзеляжных самолетов.	Положительное з стратегии развити прома.
Чусовой (Пермский край)	Создание новых мощностей по производству сортового проката на Чусовском металлургическом заводе; замена экологически вредных мартеновских печей на электропечи.	Министерство гот стями через обес таможенно-тарифн центных ставок
Каменск-Уральский	Создание на Синарском трубном заводе производства труб для северной практики и освоения континентального шельфа.	Министерство гот стями через обес таможенно-тарифн центных ставок (за
Вятские поляны	ОАО «Домостроитель» (принадлежит IKEA) планирует закупить оборудование с целью организации собственного лесопиления и расширения ассортимента продукции	Проект соответств ли России
Чусовой (Пермский край)	Комплексный инвестиционный проект, включающий в себя строительство бумажной фабрики и домостроительного комбината	Проект соответств
Заволжье (Нижегородская область)	Заволжская мебельная фабрика и Заволжский деревообрабатывающий завод планируют расширение мебельного производства	Проект может расс

Город	Проект	Оц
Заволжье (Нижегородская область)	Проект развития производства ампул и другой стеклянной упаковки для фармацевтической промышленности	Проект «не вызыва
Вятские поляны	Производство плит из вспененного полистирола	Примерно 30% пр гиона, поэтому ну соседних регионах
Вятские поляны	Производство антикоррозийных грунтовок и эмалей	Запрошено 100%- нить, почему предг вать свои деньги в
Байкальск	Организация производства лекарств из древесины лиственницы и препарата «Кедровое молоко»	Требуется прорабо дународным станд
Чусовой (Пермский край)	Производство прицепов-шасси, автотракторных и сельскохозяйственных прицепов, резинометаллических шарниров	Проект будет имет
Набережные челны	Проекты «Освоение кабины для автомобилей «КамАЗ» нового поколения», «Производство автомобилей «КамАЗ Евро-4», «Создание производства переднего ведущего моста 6522 для тяжелых полноприводных автомобилей КАМАЗ», «Производство раздаточных коробок КамАЗ 65224,5350», «Создание современного производства сельскохозяйственной и строительной техники «CNH-KAMAZ»	Запрошено 7 млрд

Источник: slon.ru

Прошлый раз она была сформирована в начале 90-х для быстрой передачи собственности новому классу, которым и тогдашняя партхозноменклатура, и тогдашние директора предприятий, и растущие спекулянты наивно полагали себя. В результате либеральная опричнина (известная под самоназванием «реформаторы») передала имущество в собственные руки и в руки специально назначенных ею представителей, но, не удержав, выронила значительную его часть в руки выросших первоначально для обслуживания ее интересов «силовых олигархов».

Сейчас она готовит реванш, осуществляя широкомасштабное информационное наступление на «силовую олигархию», и в предстоящей политической сутолоке о моногородах, да и вообще об экономике будут вспоминать лишь в отдельных особо вопиющих ситуациях.

А это значит, что реальные, а не пропагандистские усилия по решению связанных с ними проблем будут во многом ограничиваться введением тюремного заключения за попытку перекрытия федеральных трасс.

11.04.2010

Атомная энергетика: от «киндердефолта» – к «киндер-Чернобылю»?

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Наша передача посвящена очередной годовщине аварии на Чернобыльской АЭС. Михаил Геннадьевич, как можно наиболее точно определить суть нашего сегодняшнего разговора?

Е. ЧЕРНЫХ: – «Невыученные уроки Чернобыля».

М. ДЕЛЯГИН: – Как ни называйте – главное, что нас волнует и тревожит, это сегодняшнее состояние атомной отрасли.

Некоторое время мне пришлось заниматься электроэнергетикой в нашем государстве. Правда, в основном чубайсовской реформой – пытался ей противодействовать, но попутно многое узнал о состоянии других сфер, в частности, атомной энергетики. И сегодня хочу поблагодарить многих специалистов, которые не боятся говорить о нарастающих в отрасли проблемах, и в первую очередь Булата Искандеровича Нигматулина, который долгое время был заместителем Министра атомной энергетики нашей страны…

Для тех, кто слушает нас в других городах, хочу сказать, что сегодня в Москве яркий, солнечный день. И так получилось, что все страшное, что случалось со мной, – включая 4 октября 1993 года – происходило именно в такие дни, и я тревожно отношусь к ним.

Так вот, сегодня – день Чернобыля, одна из черных дат нашей истории, день траура для всех нас.

И я хочу – и веду сегодняшнюю передачу именно ради этого, – чтобы в будущем у нас была настолько хорошая ситуация в атомной энергетике, чтобы делегация из Российской Федерации на границе чернобыльской зоны поставила памятник с простой надписью, как в Бухенвальде: «Спите спокойно, это не повторится». И подписи людей, которые это гарантируют, причем гарантируют так, что в их словах не сомневается никто.

Потому что мне безразлична сексуальная ориентация наших руководителей, которой они иной раз публично хвастаются, – мне важно, чтобы они исполняли свои обязанности.

Однако при всем этом сегодня в медиа-пространстве, включая интернет, я ничего о Чернобыле не слышал. Конечно, кто-то что-то где-то писал, но все равно это поразительно. То ли тема замалчивается специально, то ли все решили, что можно поговорить о чем-то другом, то ли просто не хочется вспоминать о страшном. Последнее – естественное свойство человеческой психики.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да, в эти дни больше говорят о юбилее перестройки. Но Чернобыль – «звезда Полынь», пророчество о которой было предусмотрено еще в «Апокалипсисе», это первый удар по перестройке, знак с небес.

М. ДЕЛЯГИН: – До сих пор не вполне понятно, что там происходило. Но важно говорить о сегодняшнем дне, и в этом отношении никогда нельзя забывать о том, что непосредственная причина Чернобыля заключается в постановке экспериментов, при которой в припадке энтузиазма последовательно, раз за разом, были отключены практически все системы безопасности, – и недостатки конструкции оказались роковыми.

Виновные погибли героями. Они честно пытались отыграть назад и спасти ситуацию, но было уже поздно. Руководитель Чернобыльской АЭС Брюханов получил 10 лет тюрьмы, скорее всего, просто потому, что нужно было кого-то показательно покарать. Наверное, он был в аварии виновен опосредованно – потому что начальник отвечает за своих подчиненных, – но лишь опосредованно.

И это еще раз напоминает нам, что главное в любой отрасли, особенно такой, как атомная, – это кадровая политика. «Кадры решают все».

Так вот: по оценкам специалистов, для безопасной эксплуатации атомных электростанций, которые предполагается построить в нашей стране в ближайшее десятилетие, просто нет, и при сегодняшней системе образования и управления отраслью не будет достаточного количества квалифицированного персонала.

Я не говорю про вопиющие ситуации, когда ремонт оборудования на атомных электростанциях выполняют пресловутые «трудолюбивые соотечественники» из Средней Азии с понятным уровнем качества и ответственности. В чудовищной катастрофе на Саяно-Шушенской ГЭС, насколько можно понять, проявились последствия, в том числе, именно такого ремонта.

Но дело не столько в квалификации рабочих, сколько во всей кадровой политике в атомной энергетике.

Сложившаяся на сегодня система образования и закрепления кадров заведомо недостаточны для развития этой исключительно сложной и потенциально опасной отрасли. Четверть всех занятых в ней – работающие пенсионеры. А молодых работников и специалистов – лишь около 10 %.

В последние годы число увольняющихся молодых специалистов удвоилось – а ведь это годы кризиса, годы ухудшения экономической конъюнктуры, которые начались с сентября еще 2007 года. И если в этих условиях молодые специалисты увольняются из атомной энергетики, хотя им вроде бы почти некуда деваться – это грозный знак. Это признак, по сути, внутреннего развала отрасли, что, впрочем, неудивительно, если вспомнить, что руководит им команда «эффективных менеджеров» во главе с памятным России по дефолту 1998 года Кириенко.

Все знают, что подготовка кадров должна опережать разработку и развитие технологий. Это азбучная истина: нельзя сначала строить атомную электростанцию, а потом искать, кто бы там на ней поработал. Наоборот: к моменту пуска АЭС ее персонал должен быть полностью подготовлен и натренирован, иначе вместо атомной электростанции легко получить атомную бомбу. Если запуск по каким-то причинам задержится, и этот квалифицированный персонал чуть-чуть побездельничает – ничего страшного: главное, чтобы он был.

Так вот, сейчас ситуация строго обратная. Системный подход к решению проблем подготовки кадров отсутствует, и ситуацию с кадрами можно считать критической.

Атомная отрасль – одна из самых наукоемких, а средний возраст ведущих специалистов и исследователей в ней превышает уровень средней продолжительности жизни мужчин в стране!

Научно-техническую политику атомной энергетики Российской Федерации длительное время определял хороший человек, сын очень хорошего и известного специалиста в области практической психологии – вот только образование у него педагогическое. Он по образованию – педагог-методист начальных классов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да вы что?!

М. ДЕЛЯГИН: – Он интересный философ, прекрасный специалист в области некоторых аспектов человеческого поведения. Но к атомной энергетики он отношения не имеет, и во главе научно-технической политики отрасли производил впечатление той самой пресловутой «каждой кухарки», которая когда-нибудь сможет управлять государством.

Только он уже управлял.

Слава богу, в конечном счете, от него удалось избавиться, но свой неизгладимый отпечаток на отрасли он оставил.

И это, к сожалению, не проблема одного человека.

Команда, которая пришла в отрасль вместе с Кириенко, принципиально и кардинально изменила всю научно-техническую политику атомной энергетики.

Поясню на одном из примеров.

Стандартный советский атомный блок – 1 гигаватт мощности. В мире сложилась устойчивая тенденция к наращиванию мощности энергоблока: это существенно повышает эффективность. В нашей стране были хорошие наработки по созданию энергоблока 1,5 гигаватт. Но новая команда прекратила эти разработки, обесценив многолетний труд огромного количества специалистов, и начала практически «с нуля» разрабатывать новый проект – мощностью всего лишь 1,15 гигаватта. То есть полуторакратное увеличение мощности энергоблока заменили чисто символическим 15-процентным – и, по сути, начали все работы заново.

Е. ЧЕРНЫХ: – А смысл?

М. ДЕЛЯГИН: – С научно-технической точки зрения смысла, насколько можно судить, нет никакого.

Но у нас много решений принято и реализовано, которые не имеют технологического смысла, которые подчиняются иной, не рациональной, а лоббистской логике.

Например, передача разработки самолета пятого поколения из одной компании, у которой этот самолет уже летал в начале 2000-х годов, другой. Эта другая компания никакого задела в сфере создания самолета пятого поколения не имела, и потому ее самолет – и то только в виде прототипа – полетел только сейчас. Эта невинная лоббистская «игра в крысу» стоила России потери не менее десяти лет, а, скорее всего – и значительно большего времени.

Другой пример – пресловутая «Булава», которая так и не летает. В армии при Сердюкове, этом «маршале Табуреткине», шутят, что «Булава» не летает потому, что хорошо летают и табуретки. Но причина несколько иная: разработку ракеты передали от института, который специализировался на разработке морских ракет, другому институту, специализировавшемуся на разработке ракет сухопутных, запуск которых на порядок более прост. Причина этого, вероятно, также в оголтелом лоббизме и ни в чем больше.

И институт, взявшийся за совершенно постороннюю, в общем, для себя работу, завалил ее.

Ну и что? Директор института подал в отставку, и все довольны. А «Булавы»-то нет, и подлодки, построенные специально под нее, могут легко превратиться в сверхдорогой металлолом.

Что-то подобное произошло, насколько можно понять, и с разработкой новых энергоблоков.

Е. ЧЕРНЫХ: – Опять кому-то выгодно, что будут новые заказы, реакторы, которые особенно не отличаются от старых.

М. ДЕЛЯГИН: – В нашей стране есть, насколько можно понять, некоторые сложности с турбинами. Компания «Сименс», несмотря на все связанные с ней в последнее время скандалы, имеет готовую турбину на 1,7 гигаватт, которая в принципе приспособлена к нашим разрабатывавшимся реакторам на 1,5 гигаватта. А к реактору на 1,15 гигаватта она, мягко говоря, ну вот совсем не подходит. И в результате даже партнерство с любимым нашей бюрократией «Сименсом» становится менее значимым.

Но, помимо научно-технической политики, имеются серьезные проблемы и вообще с планированием деятельности.

Со времен Чубайса все чиновники от энергетики дружно кричали о том, что нужно срочно создавать качественно новые энергетические мощности, без которых экономика задохнется.

И в феврале 2008 года, когда мировой экономический кризис уже развивался, и безосновательность надежд на бесконечный рост экономики была очевидна, Чубайс вместе с Кириенко объединенными усилиями продавили Генеральную схему размещения объектов электроэнергетики до 2020 года, которая предусматривала практически удвоение генерирующих мощностей России.

Для этого не было ни денег, ни материальных ресурсов, ни строительных мощностей. Более того – как тогда же указывалось специалистами, планируемые мощности превышали реальные потребности России в 4–5 раз. Но кто слушает специалистов, когда перед глазами маячат жирный откат и рост политического влияния?

В разгар кризиса, в ноябре 2009 года, эти безумные планы пересмотрели, приняв очередную редакцию Энергетической стратегии России. Показатели ввода мощностей в ней были сокращены более чем вдвое: ввод генерирующих мощностей предполагается в размере 70–110 гигаватт. Разброс в полтора раза тоже неприемлем, но хоть ближе к разуму. В атомной энергетике намечено построить уже не 40 гигаватт атомных мощностей, а 14–18.

Но и эта программа для выполнения абсолютно не реальна, потому что у нас нет для этого сил.

Ведь для строительства и эксплуатации новых АЭС необходимы не только кадры, которых нет, и никакой попытки подготовить которые не ведется даже теоретически. Необходимы еще и ресурсы, в первую очередь – строительные мощности.

Е. ЧЕРНЫХ: – Спецстрой…

М. ДЕЛЯГИН: – Ведь если мы сейчас позовем бригаду людей, которые расклеивают объявления на улицах, они нам атомную электростанцию не построят и, если они вменяемы, даже не возьмутся строить. Потому что это специальное, особо сложное и потенциально опасное строительство.

А строительные мощности Росатома сократились в 10 раз – на порядок. Так что в реальности строить просто некому.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – А кто же построил атомную электростанцию Бушер, возводит Кудамкулан в Индии?

М. ДЕЛЯГИН: – Ну как кто? Наши строители, разумеется, – их же не вовсе под корень извели. Однако в последнюю пятилетку, с 1986 по 1990 гг., в год вводилось 5 гигаватт генерирующих мощностей. Это давалось колоссальным напряжением всех сил, и сейчас об этом не приходится даже и мечтать. Но на зарубежные объекты сил хватает.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это приносит валюту.

М. ДЕЛЯГИН: – Главное, это дает политическое влияние.

Однако задержки строительства очень велики, хотя в Бушере, например, они были политически обоснованы высокой напряженностью вокруг Ирана и зигзагами нашей внешней политики, да и – хотя и в последнюю очередь – собственно действиями Ирана. Но из-за этих задержек мы вульгарно теряем рынки. В частности, китайский, скорее всего, уже потеряли.

В 1998–1999 годах, во многом благодаря импульсу, данному правительством Примакова – Маслюкова, наша атомная энергетика вернулась в мир: было начато строительство новых энергоблоков за рубежом, хотя их было и осталось мало – всего пять.

Один энергоблок блок – Бушерская АЭС в Иране. Два – Тяньваньская АЭС в Китае и два – Кудамкулан в Индии. Два китайских блока на Тяньваньской АЭС сданы в эксплуатацию в 2005–2006 годах. К сожалению, с задержкой, из-за чего нас с китайского рынка, по сути дела, выдавили.

Бушерскую АЭС ввели в строй с опозданием более чем в 7 лет, общее время строительства – 15 лет, хотя далеко не только по нашей вине.

Кудамкулан: хотя никаких политических проблем с Индией не было, ситуация та же. Строительство первого энергоблока начато в 1999 году, он должен был быть запущен в 2006 году, ввод в эксплуатацию начался в 2013 году – с семилетним опозданием, через 14 лет строительства. Строительство второго энергоблока стартовало также в 1999 году, пуск должен был намечен на 2008 год, на деле ожидается не ранее 2014 года – с задержкой в 6 лет. А общее время строительства не менее 15 лет.

А ведь с точки зрения технологии строить энергоблок должны в течение 5 лет максимум. Затягивание сроков вдвое и чуть ли не втрое дискредитирует Россию намного хуже, чем любая «сувенирная демократия».

Но самое главное в атомной энергетике, как и в тепловой, – топливо. Атомные электростанции работают на уране, добыча которого в Российской Федерации достаточно ограничена.

Е. ЧЕРНЫХ: – Раньше были Средняя Азия, Чехия.

М. ДЕЛЯГИН: – Была еще Украина, да и наши собственные месторождения в Краснокаменске, которые, по сути дела, исчерпаны.

Планируется начать добычу в Якутии, но там тяжелейшие климатические условия. Есть высокоэффективные технологии подземного выщелачивания, при которых не нужно строить шахт – они широко применяются, например, в Казахстане. Но в Якутии применение этих технологий невозможно; значит, нужно делать шахты, что чудовищно повышает стоимость проекта.

При этом запланирована классическая «экономия на спичках»: там не будет строиться социальная инфраструктура, и осваивать месторождение предполагается вахтовым методом. При этом забывается, что сменяющие друг друга вахты успешно работают на достаточно простых объектах, на относительно не сложных технологиях вроде добычи нефти и газа.

Урановые шахты – более сложные технологии; вахтовый метод при их разработке может породить большое количество «неувязочек» и «нестыковочек», так что когда это месторождение будет запущено в строй, в настоящее время вообще никому не известно.

Но, даже когда его освоение выйдет на проектную мощность, дефицит урана Российской Федерации будет покрыт с этого объекта менее чем наполовину. Вопрос об источниках покрытия потребности атомной энергетики остается, таким образом, открытым, и его никто даже не пытается решать. Сейчас подъедаются старые запасы урана, работа идет со складов. А что потом?

Е. ЧЕРНЫХ: – Везут ядерные отходы для переработки, это что-то даст?

М. ДЕЛЯГИН: – Это позволит при помощи переработки получать новое топливо – когда будут решены проблемы с самой переработкой. Потому что серьезно задерживается строительство соответствующих заводов.

Следующая проблема – складирование отходов. Когда будут введены соответствующие мощности, увы, непонятно: первоначально установленные сроки, насколько можно понять, сорваны, а новые сроки просто не обосновываются, а в части случаев и не называются.

Есть ряд электростанций, у которых хранилища отработанного ядерного топлива заполнены на 80 %, а то и почти на 100 %. То есть отходы оттуда нужно вывозить, и вывозить достаточно быстро.

А ведь заполненность хранилищ топлива при атомных электростанциях является одним из важных параметров их безопасности. Это чиновники в нашей стране безопасность отрасли оценивают по количеству срабатываний автоматики, и благодаря этому мы находимся на третьем месте в мире. А специалисты в мире, да и в нашей стране, учитывают безопасность атомной электростанции по значительно более широкому кругу показателей, ибо срабатывание автоматики – это крайний случай, по сути дела, чрезвычайная ситуация.

А среди «штатных» параметров обеспечения безопасности: и качество оборудования, и его износ, и качество персонала, и та самая заполненность пристанционных хранилищ, и кое-что другое. С учетом этих показателей наша страна по безопасности атомной энергетики оказывается в аутсайдерах.

Но вернемся к топливу: оно нам нужно. Простейший путь – сотрудничество с Казахстаном. Но наши чиновники не захотели или не смогли договариваться о получении таблетированного топлива, которое там производят, и теперь Казахстан не скрывает, что главным партнером для него являемся не мы. Он вышел в свободный поиск стратегического партнера: кто предложит лучше условия, с тем и будет дружить.

Е. ЧЕРНЫХ: – Еще в Австралии есть уран.

М. ДЕЛЯГИН: – Для нас важнее месторождения в Казахстане и некоторых других странах Средней Азии; Австралия, по вполне объективным причинам, скорее является стратегическим ресурсом Китая. А Средняя Азия для нас хороша традиционной ориентацией на нас, сохранением, хотя с каждым годом и разрушающегося, но отчасти все еще общего культурного кода. И относительно короткое транспортное плечо, конечно, тоже играет роль – из соображений не только экономии, но и безопасности.

Говорят, что атомная энергетика самая дешевая и выгодная. Это правда, но правда и то, что универсальных правил, на все случаи жизни и без исключений, просто не бывает. В частности, еще в советские годы было четко показано, что в радиусе 500 км от мест добычи энергетических углей атомные электростанции всегда неконкурентоспособны по сравнению с угольными. Скажем, в Германии строят тепловые угольные электростанции, потому что, если они стоят рядом с месторождениями даже бурого угля, они значительно выгоднее, чем даже газовые.

Так вот: Северская АЭС в Томской области будет строиться в 100 км от богатейших залежей энергетических углей Кузбасса. Ее создание уже на стадии проектировки сравнительно нерентабельно, невыгодно и бессмысленно.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Зачем тогда?

Е. ЧЕРНЫХ: – Северск – знаменитое место, Томск-7.

М. ДЕЛЯГИН: – Пусть это будет исследовательский центр. Пусть люди работают на исследовательских реакторах, они и в Москве есть, но зачем там атомная электростанция?

Далее – о заведомо провальных проектах: строится плавучая атомная электростанция. Стоимость – 1 млрд долларов. Строительство продолжается уже много лет за бюджетные деньги. Мощность – 70 мегаватт. Это, по сути, не более чем игрушка наших военных.

В 90-е годы, когда был хаос, кризис, когда Петропавловск-Камчатский жил от одного танкера с мазутом до другого, проблема была понятна: грубо говоря, мы швартуем атомную подлодку и подаем энергию на берег.

Но сейчас этот проект не имеет экономического оправдания в России. На эти плавучие АЭС отвлекаются дефицитнейшие ресурсы судостроителей – при этом установленный киловатт на этой мощности будет стоить почти 15 тысяч долларов. Вряд ли удастся найти добровольных частных инвесторов на этих условиях.

А если ее и построят, в нашей стране такую плавучую АЭС просто негде будет использовать.

Перспектива ее работы за рубежом, например, в Юго-Восточной Азии, тоже сомнительна из-за дороговизны и повышенной экологической опасности.

Кстати, избыточная дороговизна касается не только плавучей АЭС, но и всех современных российских атомных электростанций вообще. Новое строительство АЭС в России настолько дорого, что экономически оправдано только при условии снижения его стоимости на 40 % и сокращения времени их строительства до технологически обусловленных, нормативных 5 лет. Без этого их строительство просто экономически бессмысленно: модернизация газовых электростанций на порядок выгодней.

ВАЛЕНТИНА (радиослушатель): – Сегодня Международный день памяти жертв радиационных аварий и катастроф. Этот день отмечен в календаре. Мы продолжаем помнить этот день; обычные люди помнят и чтят этот день.

М. ДЕЛЯГИН: – Совершенно верно. Мы с вами помним и чтим этот день – вот, даже делаем специальную передачу.

А вот бюрократия, о чем я говорил, похоже, на своем, на государственном уровне пытается этот день «замылить».

Е. ЧЕРНЫХ: – Белоруссия, Украина об этом помнят.

М. ДЕЛЯГИН: – Весь мир помнит. В 1979 году была авария в Штатах, на «Тримайл Айленд», но международный день памяти установили в связи с Чернобылем. По оценкам, 18 тысяч человек погибло от лучевой болезни и связанных с облучением заболеваний. И это скромные оценки.

И что делает наше государство, чтобы это не повторилось?

Пожалуйста: средняя зарплата научных работников атомной отрасли почти в 100 раз меньше зарплаты ведущих менеджеров Росэнергоатома.

Это та же пропорция, которая была на «АвтоВАЗе» перед забастовками, когда рабочий на конвейере мог получать 8 тысяч рублей, а руководитель его профсоюза, одновременно зам. генерального директора, получал более 800 тысяч рублей за тот же месяц. Но там эта пропорция чревата не техногенной, а всего лишь социальной катастрофой, с которой потом проще разбираться.

Е. ЧЕРНЫХ: – Мне рассказывали, как получают заказы в атомной отрасли.

М. ДЕЛЯГИН: – А что рассказывать? Есть конкретные данные: стоимость строительства АЭС в России в два раза выше, чем в Китае, и на 30–40 % выше, чем в Европе. Сегодня стоимость электроэнергии российских АЭС уже выше, чем в развитых странах, а срок окупаемости бюджетных вложений достигает 60 лет, что примерно соответствует времени работы энергоблока. То есть прибыли он не принесет никакой.

И главная причина этого – коррупция. Неоправданно завышенная стоимость строительства российских АЭС вызвана в первую очередь коррупционной составляющей, которая оценивается не менее чем в 40 %.

АЛЕКСЕЙ (радиослушатель): – Руководство этой отраслью некомпетентными

людьми, как я понял, равносильно тому, что дать гранату обезьяне. Может произойти взрыв. Тогда мы опять окажемся перед Чернобылем.

М. ДЕЛЯГИН: – Так один раз эта граната чуть-чуть уже не взорвалась. В 2004 году Госатомнадзор оказался не в силах противостоять нарушениям предписаний и регламентов, которые были обязательны при пуске АЭС. В результате блок № 3 Калининской АЭС в городе Удомля был запущен в авральном режиме к приезду тогдашнего президента России Путина. По мнению специалистов, избежать аварии с серьезными последствиями удалось буквально чудом, и после отъезда Путина блок пришлось остановить для устранения неисправностей.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это была ведь и угроза жизни руководству страны.

М. ДЕЛЯГИН: – Знаете, о жизни руководства у нас есть кому заботиться. Надо думать о жизнях тех, кто там живет и работает, а не о тех, кто заскакивает на денек, да еще так, что после этого заскакивания катастрофа, по оценке специалистов, не происходит чудом.

В общем, как во время войны к дате пытались брать города, убивая безумное количество людей, так и сейчас неготовые объекты, в том числе повышенной опасности, пускают к приезду руководителей. И хоть трава не расти.

Но о проблемах с безопасностью есть довольно много сообщений. Так, по информации с места строительства, есть серьезные замечания по сооружению блока № 2 Нововоронежской АЭС: трещина в фундаментной плите, ржавая арматура и другое. Есть сомнение в качестве физического пуска блока № 2 Ростовской АЭС, где вовремя не была сдана сдаточная документация, не смонтированы трубопроводы. А ведь 22 декабря 2009 года к Дню энергетика было объявлено о начале ее запуска.

Е. ЧЕРНЫХ: – Расставались с коммунистическим прошлым…

М. ДЕЛЯГИН: —…а теперь о нем остается только мечтать. Потому что строители из Средней Азии без специального образования в советское время около АЭС не могли возникнуть даже теоретически.

Еще один эпизод: есть «Ижорские заводы» – единственный в мире поставщик оборудования для одного из видов реакторов. И вот у него забирают контракт на производство основного оборудования и передают фирмам, не имеющим опыта изготовления такого оборудования. Среди этих фирм – завод «Петрозаводскбуммаш», который, судя по названию, изготавливает оборудование для бумажного производства. А потом руководство проекта, летевшее на этот завод, погибает в загадочной авиакатастрофе, о которой феноменально быстро забыли.

Другой похожий случай, хотя, к счастью, пока без жертв – отбирают заказ у «Силовых машин», отдают котельному заводу в Подольске.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Турция решила строить АЭС, образовался российско-турецкий консорциум. Вроде бы сначала нам отдали строительство, потом забрали, теперь вроде снова отдают. Почему мы все время в это суемся?

М. ДЕЛЯГИН: – Строительство АЭС в другой стране – не только прибыль, это еще и огромное политическое влияние.

Сочетание политического влияния с коммерческой прибыльностью делает сферу очень привлекательной. Кроме того, строительство за рубежом, где поневоле есть объективный технический контроль, позволяет поддерживать отрасль в тонусе.

Турция – вполне развитая страна, в ней АЭС можно строить. А есть места, где строить нельзя. В частности, я был категорически против планов строительства АЭС в Бирме, потому что бирманская хунта – люди специфические и при этом очень разумные.

Они поняли, что если сегодня допустить технологический прогресс в любом, сколь угодно скромном виде, то завтра у вас появится инженерно-техническая интеллигенция, послезавтра гуманитарная интеллигенция, – а потом им всем придется давать права человека. Чтобы этой печальной для любой хунты перспективы избежать, нужно закрыть технологический прогресс как таковой, и они прекрасно обходятся даже без мобильной связи.

А иметь влияние на Турцию очень интересно хотя бы для того, чтобы договариваться о проходе наших танкеров через Босфор и Дарданеллы с минимальной задержкой.

Так что идея строительства АЭС за рубежом правильная – вопрос к состоянию отрасли.

Еще раз к вопросу о безопасности: руководитель организации, которая занимается эксплуатацией всех АЭС России, кто по должности персонально отвечает за их безопасность, не имеет ни базового образования, ни десятилетнего стажа работы в отрасли. Этого требовали нормативы Минатома и Госатомнадзора, введенные после Чернобыля и отмененные после прихода Кириенко к руководству отраслью.

В настоящее время среди высшего руководства атомной энергетики только 20 % профессионалов, причем они занимают подчиненные позиции и не обладают необходимыми волевыми качествами. Просто потому, что тех, кто этими качествами обладал, из отрасли выкинули. Поэтому специалисты крайне слабо влияют на принятие решений, в том числе важных для безопасности и развития отрасли, а влияние руководителей среднего звена и вовсе сведено практически к нулю.

А ведь атомная энергетика в Советском Союзе была передовой в том числе и благодаря серьезной профессиональной демократии. Специалист среднего звена мог реально возражать генеральному директору, и ему за это почти ничего не было. Всегда было открытое обсуждение научных и технических проблем среди специалистов, тогда как сейчас под предлогом корпоративной этики полностью исключена всякая критика, я уж не говорю про публичные комментарии в СМИ. Независимый атомный надзор практически отсутствует, и это уже имеет печальные последствия, а будет иметь еще большие.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – В качестве одной из причин аварии в Чернобыле эксперты назвали недостаточно проработанный обмен информацией между операторами, работающими на разных станциях, и энергетическим узлом в Киеве.

Та же проблема называлась в числе одной из причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС.

После событий в Грузии в 2008 году ставился вопрос о том, что обмен информацией и в нашей армии не самый лучший. Вы не связываете это в одну цепь?

М. ДЕЛЯГИН: – Это характер реформы: и электроэнергетики, и армии, и всего остального, который заключается в искусственном раздроблении всего и вся.

Один из результатов сердюковщины: новая войсковая единица – бригада – не обладает должным тыловым обеспечением. Когда я служил в армии, даже полк обеспечивало 8 различных служб. Дивизию обеспечивало уже 35. Сейчас весь тыл сконцентрировали на верхнем уровне управления, и в результате бригада способна вести боевые действия лишь ограниченное количество времени, потому что она, по сути дела, лишена тылового обеспечения и очень быстро останется без патронов, медикаментов, еды.

Именно поэтому даже при Сердюкове удалось не допустить отказа от дивизий и перехода к бригадам в воздушно-десантных войсках, именно поэтому сразу же после его отставки удалось восстановить уничтоженные было Таманскую и Кантемировскую мотострелковые дивизии.

Почему либеральные реформаторы искусственно дробят все единые структуры? В каждой отрасли есть конкретные причины, но есть причина общая, фундаментальная.

Ведь обмен информацией – это фундамент демократии. По сути, это и есть демократия.

Если вы хотите достичь содержательную цель – например, чтобы не было катастроф, – вы вынуждены соглашаться с тем, чтобы на принятие решений влияли специалисты, и тогда, будь вы хоть трижды диктатором, вы налаживаете обмен информацией.

А если ваш приоритет – решение личных корыстных задач, коррупция и воровство, тогда вы заинтересованы во всемерном ограничении демократии и, соответственно, всемерно ограничиваете распространение информации. И это уничтожает и энергетику, и армию, и другие сферы как общественной, так и частной человеческой жизни.

27.04.2010

Вторая волна кризиса: к чему готовится Минфин

М. ДЕЛЯГИН: – Официальная инфляция незначительна. Обещанной после кризиса конца 2008 – начала 2009 года дефляции, конечно, нет и уже не будет, но цены официально растут терпимо.

Да и на самом деле, несмотря на все передержки и недостатки, с инфляцией официальной статистике полегче: не было бы счастья, да несчастье помогло. Уровень жизни людей упал очень сильно, и если в разгаре кризиса, в начале 2009 года, ограниченность спроса давила в основном цены на товары не первой необходимости, включая одежду, то в последние годы это давит уже и цены на продовольствие.

Нехватка денег у россиян практически не сдерживает рост жилищно-коммунальных тарифов и цен на проезд в городском транспорте, так как это естественные монополии, там рынок и не ночевал никогда, там цены и тарифы определяются произволом в чистом виде. Ну, и бесхозяйственностью, которая покрывается их ростом, разумеется.

Вот сегодня рано утром наблюдал феерическую картину, иллюстрирующую осмысленность принятия решений в нашей системе управления.

Ночь, дождь, плюс два градуса. И Ленинградское шоссе заволокло клубами пара. Оказывается, в этих условиях аврально кладут асфальт, потому что один московский начальник заявил, что нужно убрать колею из левой полосы.

Е. ЧЕРНЫХ: – А не там провалился на днях большой участок?

М. ДЕЛЯГИН: – Не знаю, но, судя по характеру работ, – действительно убирали колею. Сколько просуществует асфальт, проложенный таким безумным образом? А, в конечном счете, оплатим это варварство и расточительность мы.

Но инфляция снизилась. Дорогой ценой, ценой сталкивания людей в нищету и безысходность, но она снизилась, и теперь нашему начальству можно этим хвастаться.

И они хвастаются – по сути дела, нищетой людей.

Насчет безработицы: показатели безработицы рассчитывались у нас добросовестно, четко и адекватно, это были одни из наиболее надежных показателей. Увы, только до мая 2009 года. Потом произошел пересчет «задним числом», возможно, вызванный не имеющим оправдания с управленческой точки зрения подчинением Росстата Минэкономразвития, из-за которого вынужден был уйти уважаемый руководитель Росстата Соколин.

Да, к Росстату были претензии, даже выдвигались обвинения в его адрес, но Соколин – человек профессиональный, который всегда очень хорошо понимал, что он делает и где у какого статистического показателя какой имеется «люфт». По-видимому, давление на него достигло уже запредельной величины, и ему пришлось уйти.

Непосредственной причиной, похоже, стал перенос переписи с 2010 сначала на 2012, а затем и вовсе, как предполагалось (и чего потом удалось избежать) на 2013 год. Перенос, возможно, был вызван тем, что накануне выборов не всем хочется знать, где сколько людей живет. Вторая причина – демографический эффект 2000-х годов, который тоже, наверное, не всем интересно знать.

Но не менее интересным событием, предшествовавшим уходу Соколина, стал пересчет «задним числом» статистики по безработице. Это связывают с подчинением Росстата Минэкономразвития.

Е. ЧЕРНЫХ: – А он был отдельно?

М. ДЕЛЯГИН: – Он был относительно самостоятельным. Вице-премьер и одновременно глава Минэкономразвития Греф, конечно, его курировал, но относительная самостоятельность сохранялась. А теперь это подведомственная структура Минэкономразвития: насколько можно судить, «шаг влево, шаг вправо считается побегом, прыжок на месте – провокацией».

Похоже, первой жертвой этого и пала статистика по безработице. Мне это до сих пор очень обидно: у нас не так много показателей, которые рассчитываются хорошо,

качественно, которым можно верить, закрыв глаза. Теперь одним таким показателем меньше.

В мае 2009 года выяснилось, что у нас численность безработных волшебным образом, за один день, сократилась на 1 миллион человек, причем задним числом. Таких погрешностей и даже ошибок у профессионалов не бывает, так что, скорее всего, это политически обусловленная корректировка. И теперь достоверная статистика безработицы – это большая проблема.

Ситуация усугубляется изменением ее структуры. Каждый сентябрь приходят выпускники наших так называемых вузов…

Е. ЧЕРНЫХ: – Куда?

М. ДЕЛЯГИН: – Знаете, я ведь Вам чуть сейчас не ответил, куда… В большую жизнь они приходят, если говорить в общем и без подробностей. И самое страшное, что их действительно будут брать на работу – потому что они себе цену уже, в общем, понимают, и им поэтому можно платить очень мало денег. Я знаю человека, который реально платит студентам 4–5 курса 4–5 тысяч рублей в месяц в Москве за работу на износ. Да, это неполная занятость, и они согласны на это, потому что ничего лучше для них нет.

А теперь представьте себе, что взрослый человек с семьей, имея какую-то квалификацию, будет заменен тремя или четырьмя такими студентами или даже выпускниками. Безо всяких мигрантов. Для работодателя это экономия, а взрослый работник пойдет на улицу, и статистически это будет не очень заметно. Потому что так была бы безработица – 4 человека, а так – 1 человек, но по социальным последствиям это будет намного хуже.

Мне нынешняя ситуация напоминает известный анекдот про алкоголика, который собрался было вешаться и вдруг видит: окурок на полу лежит. Он его решил сначала докурить, докурил и обнаружил забытую заначку портвешка. Он ее выпил, жизнь сразу в розовом свете показалась, и он думает себе: «А что это я, жизнь-то налаживается».

И многие официальные рапорты вот это «жизнь-то налаживается» отчетливо напоминают.

Сегодня у нас есть две очень болезненные проблемы, при анализе которых становится ясно: нынешнее неполное, далеко не большинства касающееся благополучие – явление временное, привнесенное нефтедолларами.

С моей точки зрения, нефтедоллары – это очень хорошо, хотя много людей по либеральной привычке зовет их проклятием России.

Е. ЧЕРНЫХ: – Есть такое.

М. ДЕЛЯГИН: – Послушайте, но ведь, когда у вас есть деньги, это всегда лучше, чем когда у вас их нет. Да, с запойно пьющим ситуация другая, но он, если у него нет денег, либо умирает от сжатия сосудов, либо находит себе альтернативу.

Так что, если есть деньги, это хорошо.

Нам, может быть, не все нравится в том, как они используются, но, знаете, лучше потерять 10 рублей из 100 и даже 30 рублей из 100, чем 10 рублей из 11 рублей: просто больше останется. А ведь коррупция, как известно, по доходам неэластична.

Так вот, первая проблема сегодняшней России – банковская система. Точнее, рост доли плохих активов, проще говоря – просроченных кредитов. Когда все было относительно хорошо, нефтедоллары текли рекой, можно было брать деньги где угодно, в том числе и на Западе – кредиты раздавались почти кому угодно, не только в сфере потребительского кредитования, но и в реальном секторе тоже.

Государству приходится давать деньги банковской системе, бюджетные депозиты в которой периодически превышали 1 трлн руб.

Однако само по себе выделение значительных бюджетных денег в современных условиях, к сожалению, – это вполне нормально. Мир балансирует на грани срыва в глобальную экономическую депрессию, и, чтобы удерживаться на этой грани и выживать, надо замещать государственным спросом сжимающийся коммерческий спрос.

Вопрос – на что именно дает деньги государство. Если на модернизацию, это хорошо.

Ну, так кто мешает? Бегите, догоняйте, давайте, стройте новые заводы, дороги, модернизируйте ЖКХ, обновляйте технологии! Но единственное, где это все можно всерьез услышать, – на научных, а точнее, совсем ненаучных конференциях. На практике этого не видно. На практике наша модернизация – это асфальт, который укладывают по дождю ночью перед заморозками. И это не способ борьбы с колеей на асфальте, это способ предельно примитивного, вульгарного «распила» денег.

У нас нет признаков модернизации, но и это полбеды: если бы бюджетные деньги давались «на поддержание штанов», это было бы не так страшно.

Беда в том, что деньги зачастую даются просто так, без реального контроля за ними. Весь вопрос нашего будущего – будет этот контроль создан или нет. Очень хочется верить в то, что будет.

Но пока будущее банковской системы напоминает повторение осени 2008 года: государство даст деньги ключевым банкам, чтобы эти деньги распространились дальше по банковской системе, а потом – дальше по экономике. Вместо того эти деньги провалятся на валютный рынок.

У нас там пока все хорошо: огромные международные резервы, – это прекрасно. Но когда государство будет вливать деньги в спасение экономики, в поддержание ликвидности банковской системы, эти вроде бы огромные резервы будут таять, как обреченные сугробы, под черным солнцем спекуляций.

Эти деньги будут служить не детям, не дорогам, даже не автопрому нашему несчастному, к которому тоже много претензий, – эти деньги будут служить спекулянтам, уводящим их из страны.

Е. ЧЕРНЫХ: – А нельзя ли подключить ФСБ, другие контролирующие органы и вмешаться в ситуацию?

М. ДЕЛЯГИН: – Прекрасная идея. Только ведь, чтобы, как Вы говорите, «подключить контролирующие органы», их нужно сначала создать – при всем уважении к многим нашим ведомствам.

Ведь каждая банковская проводка больше определенной суммы фиксируется и анализируется – и Банком России, и Росфинмониторингом, и другими ведомствами. Теоретически, если вы отправите за рубеж какую-то сумму денег, к вам имеют право прийти и спросить, «откуда дровишки». Более того, ваш банк обязан это у вас спросить. В конце концов, когда из страны уходят миллиарды долларов по черным схемам, – проведите соответствующие расследования. В чем дело? Было бы желание.

Е. ЧЕРНЫХ: – А в чем дело?

М. ДЕЛЯГИН: – Как в чем? В отсутствии этого желания.

Правда, есть одна деликатная сфера. Любое приличное государство, которое серьезно занимается внешней политикой, иногда сталкивается с необходимостью потратить деньги за пределами страны на те или иные деликатные вещи.

Е. ЧЕРНЫХ: – Типа золота партии?

М. ДЕЛЯГИН: – Например, купить что-нибудь, что ему не хотят продавать, через пятидесятые руки. И это не всегда удобно проводить через официальные импортные контракты. Такое бывает, но это копеечные расходы на фоне общих потоков капитала.

Скорее всего, работающие в контролирующих органах просто не хотят связываться с исполнением своих прямых служебных обязанностей. С одной стороны, это действительно сложно, с другой – это специфическая сфера, отчасти криминальная, имеющая серьезные политические выходы, далеко не обязательно в нашей стране. Чтобы с этим связываться, нужно иметь не просто системное видение мира, но и системную защиту интересов людей, которые этим будут заниматься.

Е. ЧЕРНЫХ: – И нужны комиссары Катани.

М. ДЕЛЯГИН: – Вот знаете, с героями у нас пока относительно все просто. Этих комиссаров найти, воспитать, обучить не так сложно. Было бы желание.

Е. ЧЕРНЫХ: – Честных людей много.

М. ДЕЛЯГИН: – Честных людей абсолютное большинство – проблема в последовательном, целенаправленном и эффективном отторжении их не совсем честными, скажем так, частями государства.

Это проблема желания государства.

Есть ведь много функций, которые даже не очень честные люди выполняют неплохо. Ну да, подворовывают. Но если он свою основную функцию выполняет хотя бы на 90 %, в наше время это уже нормально. И если он будет знать, что это приоритетная сфера, и за любое подозрение с него голову снимут вместе со звездочками, он свои обязанности будет отрабатывать. А хамить и гадить он будет в других сферах, и там его нужно ловить и наказывать, но по базовому направлению он будет отрабатывать нормально.

Е. ЧЕРНЫХ: – И это уже хорошо.

М. ДЕЛЯГИН: – У нас, к сожалению, нет желания бороться с теневым оттоком капиталов. Проблема та же, что и везде: нет желания контролировать распространение денег государства в экономике. Нет желания контролировать вывод денег из экономики. Я очень хотел бы ошибиться, это мое частное мнение.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну и боязнь обидеть кого-то из больших людей.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно же, страх: большие деньги – это, обычно, большие люди. Как когда-то было сказано, «в нашем правительстве не очень богатых людей не держат».

В 2004 году закрыли один из банков, который занимался обналичкой в безумных размерах. Люди им владели серьезные, они долго держали осаду против Банка России, и никакая ФСБ их взломать не могла очень долгое время – они просто не могли (по моему мнению, скорее всего, просто потому, что не хотели) зайти в этот банк. И это породило крайне опасную дестабилизацию всей банковской системы страны.

Специалисты Банка России, которые этим занимались, получали конкретные угрозы. Государство предоставило защиту заместителю председателя Банка России, но только ему одному. Даже членам его семьи не предоставило, не говоря уже о его подчиненных. В нормальной ситуации, если это происходит, то тот, кто не обеспечил им защиту, должен нести ответственность за преступно халатное отношение к своим обязанностям. Потому что ведь могло все, что угодно, случиться. И люди, лишенные защиты, могли просто отказаться работать, могли сказать: «Я клерк, чего мне под пулями бегать». Они этого не сказали – по сути дела, подвиг совершили. И этот банк был закрыт.

Но только один.

Потому что урок для всех госслужащих как таковых был страшный и совершенно понятный: не суйтесь, вас это государство никогда и ни при каких обстоятельствах не защитит, если вы вздумаете защищать его интересы.

И это очень неправильно.

Но что мы все о банках? Нужно поддерживать банковскую систему, но она лишь инструмент. В первую очередь нужно поддерживать реальный сектор, обеспечивать социальную защиту, помогать регионам. Это все вещи взаимосвязанные.

Е. ЧЕРНЫХ: – Мы говорили о плохих активах.

М. ДЕЛЯГИН: – Их не нужно бояться. Вторая волна кризиса будет, при всех наших проблемах, значительно мягче, чем первая.

В том числе из-за психологической адаптации менеджеров и в бизнесе, и в государстве. За 9 лет, с 1999 до 2008 года, выросло целое поколение руководителей, вообще, в принципе не имевших кризисного опыта. Они привыкли, что жизнь – это путь от победы к победе, что все хорошо и будет еще лучше, «потому что так было всегда», и прибыли будут гомерически расти просто потому, что по-иному не бывает. Они привыкли к непрерывному расширению спроса, а в кризис столкнулись с его сжатием. Они оказались не готовы, – и много ошибок было сделано именно из-за этой неготовности.

Бизнес на этих ошибках выучился.

Наши предприниматели – жесткие, жестокие, бесчеловечные, но они поняли, что бывает плохо, и в ситуации, когда все плохо, тоже можно работать и нормализовывать

ситуацию. Они выучились, и это дает стране дополнительный запас прочности.

Е. ЧЕРНЫХ: – Жизнь продолжается.

М. ДЕЛЯГИН: – Преодолен психологический барьер: стало ясно, что накопленные бюджетом запасы денег можно тратить, можно жить с дефицитом бюджета, и это еще не катастрофа.

Ну и главное: цена нефти все же не 34 доллара за баррель, а больше 100, и это обеспечивает значительно большую мягкость кризиса, значительно большую стабильность. Если в первую волну кризиса, осенью 2008 года, банковская система России стояла на грани физического уничтожения, если мы были свидетелями обвала экономики в прямом смысле, то со второй волной кризиса подобного не будет.

Будут неприятности, будут проблемы.

Но не тряхнет, не разобьет – а качнет. Вторая волна кризиса, в отличие от предыдущей и последующих, будет мягкой, относительно комфортной, хотя не для всех.

Я говорю про экономику в целом.

Е. ЧЕРНЫХ: – Когда она придет?

М. ДЕЛЯГИН: – Это зависит в основном от двух факторов.

Первый – цена нефти. Чем она выше, тем дольше мы оттягиваем вторую волну кризиса.

И второй – согласие внутри нашего политического класса, хотя грамотней было бы говорить не о «классе», а о «правящей тусовке». И в этом отношении меня тревожит несколько малозначимых явлений, каждое из которых поодиночке мелко и малозначимо, а вместе они складываются в картину массы булавочных уколов.

Есть ощущение, что начинается предъявление счетов 2000-м годам так же, как предъявляли счет сначала «партократии», а потом 90-м годам. Помните, Ельцин бросил клич: во всем виноват Чубайс! Мы-то знаем, что он не во всем виноват, что ему просто хватило бессовестности, а вероятно – и прямой подлости наиболее полно и ярко выразить эпоху. Потом были вброшены в оборот «проклятые 90-е годы», ради борьбы с которыми бюрократии нужно было посадить Ходорковского, чтобы не мешал своими протестами против коррупции. Потом были чеченские бандиты… И вот сейчас начинается предъявление похожих счетов 2000-м годам. Эпизодично, мелко, булавочными уколами, но в целом эти уколы складываются в тенденцию.

2000-е годы были страшны тем, что государство принципиально отказалось от развития ради коррупции и поддержки деньгами России, в том числе деньгами федерального бюджета, финансовых систем стратегических конкурентов нашей страны. Расследование этого необходимо, но не со стороны людей с очень прозрачной и совсем не пророссийской политической позицией. Не со стороны российских либералов, истово верующих, что солнце восходит даже не просто «на Западе», а непосредственно в городе Вашингтоне.

Е. ЧЕРНЫХ: – И не со стороны беглого, недавно упокоившегося Березовского.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, а ведь одно время он был наиболее патриотичным публицистом!

А главное, что защитники официальной точки зрения, не принадлежащие к официозу, нарочито неубедительны. Даже я мог бы отстаивать эту позицию (хотя к ней весьма скептически отношусь) значительно более эффективно, хотя у меня никакой информации нет – просто на основе газетных публикаций. Тот лепет, который раздается со стороны правящей бюрократии в ответ даже на совершенно не обоснованные обвинения, вызывает ощущение осознанной провокации.

Я не питаю к 2000-м ни малейших симпатий, все 2000-е годы я очень жестко критиковал то, что делалось правящей бюрократией, но сейчас говорю о другом: когда начинаются внутренние разборки – это верный признак дестабилизации.

Когда национальная интеллигенция начинает рассуждать о восстановлении исторической справедливости – это единственный верный и надежный, практически гарантированный путь к резне: доказано ужасным опытом конца 80-х – начала 90-х годов. Поэтому, хотя все мы любим справедливость, когда национальная интеллигенция начинает рассказывать про восстановление национальной справедливости, ей нужно затыкать рот

любыми подручными методами, потому что иначе будет плохо.

Е. ЧЕРНЫХ: – Плохо и самой интеллигенции.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, конечно. Самая лютая несправедливость покажется раем по сравнению с тем, что эти прекраснодушные, но очень неразумные люди сотворят со своей страной и народом.

И то же самое начинается сейчас внутри правящей тусовки. Если вы не знаете, как вы будете решать проблему – не создавайте ее. Стыдно цитировать Горбачева, но больше некого: «Не раскачивайте лодку». Хотя, как тогда говорили, мы все в одной лодке, но некоторые в качестве провианта.

Когда я вижу эти булавочные уколы, которые складываются в общую картину, я четко фиксирую, что это дестабилизация. Дорогая нефть – это фактор стабилизации, но внутри системы весьма интенсивно вызревает какой-то разброд, и завтра или послезавтра внезапно, «из-за тарелки клубники», в наших верхах вспыхнет драчка, которая станет сильнейшим фактором дестабилизации. И затянувшаяся на полгода Болотная, увенчавшаяся срывом инаугурации Путина в результате полицейской провокации, была просто прологом этой драчки.

Теперь, наконец, обратимся к реальному сектору. Нефтедоллары – чудесная вещь, вот только они никогда не распространяются равномерно. Государство как раз и существует, в том числе, для того, чтобы нефтедоллары шли одним мощным потоком, и чтобы этот поток разделить на всех. По какому принципу – зависит от позиции государства.

Если мы занимаемся модернизацией, деньги делят среди тех, кто модернизируется. Если мы поощряем иждивенчество – среди тех, кто лежит на боку. Но если мы не проводим никакую – или почти никакую – распределительную политику, деньги достаются только тем, кто их зарабатывает. Великолепно!

Е. ЧЕРНЫХ: – По справедливости.

М. ДЕЛЯГИН: – Но это означает, что при среднестатистическом благополучии есть отрасли, регионы и социальные группы, которые захлебываются от избытка денег, – и тут же, рядом, есть отрасли, регионы и социальные группы, которые находятся в состоянии жутчайшей, дичайшей нищеты. И их в упор не видно, пока они не перекроют федеральную магистраль, потому что статистика в среднем всех уравнивает.

Управление средней температурой по больнице – это управление вслепую, это работа по расширению кладбища, а не роддома.

Все с начала августа 2009 года хором кричали об «АвтоВАЗе». Такое ощущение, что у всех, у кого солнце восходит не в Вашингтоне, оно вдруг начало всходить в Тольятти.

Так вот, дорогие товарищи, «АвтоВАЗ» свои проблемы решит сам, пусть даже шантажом государства. «Крупняк» сам свои интересы защитит, на то он и «крупняк».

Реальная проблема России – это поселки городского типа и мелкие моногорода, которые находятся не на федеральной трассе. А хоть бы и на федеральной тоже, потому что не у всех людей хватит духу ее перекрывать, особенно сейчас, когда за это могут на два года посадить в тюрьму.

А ведь без этого правящая бюрократия, скорее всего, просто не обратит на них никакого внимания.

В России должен быть налажен сквозной мониторинг всех (не некоторых наиболее знаменитых, а именно всех!) таких городов и поселков, и не на уровне губернатора, у которого самого кошелек зачастую пустой, а на уровне федерального центра – чтобы давать деньги, пусть даже минуя губернатора, пусть даже напрямую, пусть даже в нарушение бюджета и дисциплины, но чтобы люди жили. Это вопрос социальной защиты.

А с другой стороны, сколько можно просто кормить людей? До полного отбивания у них инстинкта к труду? А дальше? Да, нужно делать модернизацию, масштабные проекты, – и вытаскивать в эти проекты людей из таких умирающих городков и поселков. Иначе будем кормить их бесконечно до их полного одичания, и денег все равно никогда на всех не хватит.

Я понимаю, что стратегию и политику модернизации можно вырабатывать до победы

коммунизма, но начните же, черт вас всех возьми, фигурально выражаясь, массовое осуществление простых проектов! Лучше ошибиться, что-то делая, чем не ошибиться, не делая ничего. Потому что, делая что-то, даже не очень нужное, люди привыкнут работать, восстановят трудовые навыки, квалификацию и просто восстановят привычку к самоуважению.

Е. ЧЕРНЫХ: – И потом начнут что-то нужное делать.

М. ДЕЛЯГИН: – А потом их уже можно будет направить на что-то нужное. А у нас вот эта чудовищная дифференциация между работающими, с одной стороны, сидящими на шее – с другой, и сброшенными в натуральное хозяйство – с третьей, просто разрушает страну, разрывает единое экономическое пространство.

Когда вы едете по федеральной трассе в Подмосковье, у вас одни законы. А вот где-нибудь в среднем Подмосковье свернули вбок – и почти сразу попадаете в совершенно другой мир. Где молодые люди катаются на старенькой машине от одной федеральной трассы до другой. Они выехать на эти трассы не могут, потому что у них прав нет, и нужно совершить большое усилие над собой, чтобы эти права получить. И они живут в этом мире, разрезанном на куски федеральными трассами, вдоль которых существуют другие законы. Это мир одичания, нищеты даже в Подмосковье. Что уж говорить о более дальних регионах!

И у государства главной задачей модернизации должно быть восстановление целостности нашей страны не с точки зрения присоединения или отсоединения Северного Кавказа – бог с ним, с Кавказом. Надо, чтобы внутри каждой области: в сравнительно богатом областном центре, в среднем работающем городке и в последней деревне – жили по одним, общим для всей России законам. Ну, хотя бы по законам – образ жизни все равно будет разным, но общие законы нужны, чтобы он со временем сближался, а не разделялся. Иначе мы в пределах одного квадратного километра получаем три разных России, которые друг друга не просто ненавидят, а даже не понимают.

Вот в чем задача модернизации. Здесь целина непаханая. И нефтедоллары – это не проклятье, это счастье, это то, что можно использовать прямо сейчас.

Но, к сожалению, мы не используем такой шанс. Мы обсуждаем третьестепенные вопросы. Будут увольняться с «АвтоВАЗа» 22 тысячи или 59 и когда – я понимаю, для этих 59 тысяч это вопрос единственно значимый, вопрос, в прямом смысле слова, жизни и смерти. Потому что они не найдут себе работу при нулевой трудовой мобильности. Но, черт возьми, сделайте два десятка мощных инвестиционных проектов по восстановлению инфраструктуры! Здесь и думать-то почти не нужно: инфраструктура кормит сама себя, вытягивает сама себя.

Ограничьте коррупцию, воровство, произвол монополий, чтобы эти проекты были относительно дешевы – и вам будет плевать, сколько увольнять с «АвтоВАЗа», потому что у вас будет дичайшая, повсеместная, как в позднем Советском Союзе, нехватка рабочей силы. Как только вы начнете модернизационные проекты, выяснится, что любой человек, способный работать восемь часов в сутки, делать хоть что-то хоть с какой-то степенью добросовестности, будет на вес золота.

Немедленно кардинально сократится алкоголизм, потому что пить станет бессмысленно: в самом деле, зачем топить свою жизнь в водке, когда можно заработать и жить хорошо? Люди массами поедут из сгнивающих заживо деревень и поселков городского типа в массу новых мест, где будет работа для всех – и это не будет вопросом социальной защиты населения. Это будет вопрос информирования людей, чтобы они могли выбрать место получше, выбрать себе подъемные, выбрать сначала общежитие, а потом квартиру. И все.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как в советские времена на Дальний Восток вербованные ехали.

М. ДЕЛЯГИН: – Нужно учесть как позитивный, так и негативный опыт Советского Союза. Когда на Дальний Восток ехали вербованные, а потом они по 50 лет там жили в мечтах вернуться «в Россию», это не годится. И как в столыпинскую реформу сотни тысяч крестьян, переселявшихся в Сибирь, из-за воровства чиновников были лишены всего и

превратились в нищих, бомжей, выражаясь сегодняшним языком, – это тоже недопустимо.

Нужно сразу формировать социальную сферу, культурную сферу, чтобы к ним из Москвы уезжали, как в Академгородок.

И нужно сразу создавать такие сочетания производств, чтобы была работа и для мужчин, и для женщин. И чтобы у них была перспектива – это тоже советский опыт. Почему у нас в Иваново было производство станков с числовым программным управлением, в городе невест? А потому что невестам женихи нужны, а иначе там будет сумасшедший дом, женская зона на воле, а не город.

Вот объясните мне все, кто нас сегодня слушает, почему советские бюрократы, которые свою страну не уберегли, развалили, которые проиграли глобальную конкуренцию не таким уж и сильным соперникам, все это предусматривать и, самое главное, воплощать в жизнь могли, а эти все замечательные «эффективные манагеры» не могут?

Молчите? Нет у нас звонков? Тогда я сам отвечу: потому что мотивация другая.

Совсем другая.

Е. ЧЕРНЫХ: – С кучей нефтедолларов.

М. ДЕЛЯГИН: – Потому что хотят не совсем ту страну развивать, о которой мы сейчас говорим, не Россию. Вот уж, действительно, «не ту страну назвали Гондурасом».

Все упирается в мотивацию.

Мы можем решать бесконечно мелкие, частные задачи – это будет ужасно сложно, и мы никогда ничего не решим. Потому что нужно решать одну глобальную задачу модернизации. И тогда мелкие вопросы будут решаться сами собой, если даже и не на автомате, то полуавтоматически.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вспомним тришкин кафтан. Чем латать постоянно, так и будет рваться, лучше сшить новый.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно. Тем более – в Америке что модернизировать? Страна отстроена. В Японии страна отстроена. Уже Китай отстраивается. Займитесь в нашей стране восстановлением на базе современных технологий, сделайте человеческую инфраструктуру – и вы увидите через 10 лет, что такое коммунизм с человеческим лицом.

20.10.2010

Урок Ванкувера: почему деньги не заменяют мозгов

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Сегодня тема суровая: Зимняя Олимпиада – кто виноват в провале российской сборной?

М. ДЕЛЯГИН: – Никакой суровости. Просто думается иной раз, что нашим олимпийцам вместе с их тренерами, а в первую очередь – чиновникам, и не только от спорта, место на Паралимпийских играх. Может, хоть там они в первую десятку смогут войти.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Товарищ Путин в Тюмени заявил, что не время опускать руки, посыпать голову пеплом и бить себя веригами.

М. ДЕЛЯГИН: – Какое у нас руководство образованное: одному в граните отливают, другого веригами бьют… Вериги – это железные цепи, которые весят по 20, 30 и более килограммов. Религиозные люди, когда хотят пострадать ради веры, надевают на себя вериги, иногда продевают их сквозь кожу. Это бывают кандалы, цепи, чугунные или медные иконы.

Но бить себя веригами никто и никогда даже не пытался – слишком жестоко. Думаю, для наших чиновников розог было бы достаточно. Даже не плетью-«кошкой» с девятью концами, как в английском флоте, и не кнутом-длинником, как у нас в средние века (именно от названия этого кнута, кстати, пошло выражение «подлинная правда»), а розгами и, желательно, по телевизору, в прямом эфире. Можно даже не представлять, кому и какой зад принадлежит… В крайнем случае, готов согласиться на трансляцию этого дела не по телевидению, а по радио «Комсомольская правда». Картинки не будет, но хоть чтобы звук

был…

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Цитата. «Тот, кто несет ответственность за подготовку к Олимпиаде, должен нести ответственность сейчас. Ответственные должны будут принять мужественное решение и написать заявление». Около сорока минут назад это заявил президент России Медведев.

М. ДЕЛЯГИН: – Это хорошо, что мы вспомнили главную, по сути дела, цитату сегодняшнего дня. Хотел бы, правда, сказать, что «мужественное» решение в данной ситуации для данных людей – не написать заявление, а что-нибудь еще с собой сделать. Тоже общественно полезное.

Но советовать не буду: пусть сами догадаются.

Товарищ Медведев, правда, не ограничился чисто моральным посылом. Он добавил, что ежели «у кого смелости не хватит – мы поможем», но всем трусам в нашем руководстве (и не только спортивном) не поможешь: рук не хватит.

Но все это «разборки после драки»: Олимпиаду назад уже не вернешь.

Кроме того, сейчас интенсивно будут искать стрелочников и советовать принять «мужественное решение» именно им.

О морали среди наших спортивных руководителей, на наличие которой рассчитаны приведенные Вами слова, я бы даже и не заикался. Некоторые наши спортивные руководители, как рассказывают спортивные журналисты, последние три дня были практически трезвыми – это в Русском-то доме в Ванкувере! Это выдающееся достижение, если вспомнить, как они там проводили все остальное время, и, похоже, наиболее выдающееся достижение за всю их карьеру…

Так вот, один из них сделал потрясающее заявление. Когда где-то в середине Олимпиады зашла речь о кризисе российского спорта, он просто не понял: мол, какой кризис? У нас же уже есть девять четвертых мест!

У нас сейчас истошно празднуют бронзовые медали, даже в тех видах, где нам безо всяких преувеличений «светила» золотая. Думаю, если дело пойдет так дальше, то на Олимпиаде в Сочи будут истошно праздновать любое не последнее место. Или вообще начнут свои собственные медальки печатать.

Но, с другой стороны, не все потеряно. Ведь постоянно появляются новые олимпийские виды спорта – тот же керлинг, например, или сноубординг. Думаю, российской бюрократии стоит напрячься и всеми силами добиться включения в зимние Олимпийские виды такого вида спорта, как скоростная ломка видеокамер. И тогда нынешний пока еще хоккеист товарищ Овечкин точно будет непревзойденным олимпийским чемпионом – раз он уже успешно развлекается тем, что феерически ломает камеры. Похоже, он возомнил себя милицейским начальником, раз уж в хоккее не получилось.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Если бы вообразил, заломал бы руки и в автобус посадил…

М. ДЕЛЯГИН: – У него просто не было под рукой ни автобуса, ни «демократизатора», ни простых наручников. А то кто знает, что получилось бы у скромного – я имею в виду уровень достижений, разумеется, – спортсмена.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Те самые чиновники, которые вроде бы должны написать заявление, просто не заметили этого инцидента, и Овечкин принимал участие в церемонии передачи олимпийской эстафеты. Теперь официальная столица Олимпиады – Сочи. И при передаче функций столицы Олимпиады Овечкин тоже присутствовал.

Е. ЧЕРНЫХ: – Он не бил больше камер?

М. ДЕЛЯГИН: – Может, притомился, может, ему успокоительное вкололи – не дискредитируйте его заранее еще и в этом виде спорта…

Хиханьки-хаханьки, но давайте не забывать о масштабах катастрофы – это ведь именно Олимпийская катастрофа.

Наши спортсмены завоевали 3 золотых медали, а всего – 15 медалей. Истошные обещания, которые раздавались перед Олимпиадой и смолкли только после выдающегося хоккейного матча с канадцами, предусматривали 7–11 золотых и, по-моему, 37 медалей

всего. И предполагалось минимум четвертое место, а отнюдь не одиннадцатое.

И нам уже разъяснили, кто виноват. Не удивляйтесь: как всегда, виноваты средства массовой информации.

Те самые рабские российские СМИ, которые совершенно некритически относились к шапкозакидательским воплям и саморекламным визгам наших чиновников, которые закрывали глаза на их полное безумие, которые молчали в тряпку о том, что за год до Олимпийских игр многим спортсменам просто сломали график тренировок, по сути, выведя их из строя, как они сами в этом заранее признавались… Так вот, эти самые российские СМИ, которые абсолютно и сверхлояльны к власти, – именно они, оказывается, во всем виноваты, потому что теперь, оказывается, они готовы разорвать на части ни в чем не повинных и ни к чему не имеющих отношения российских спортсменов и особенно российских чиновников.

На наших глазах происходит очень интересное явление: наши замечательные чиновники прикрываются спортсменами. А ведь за исключением отдельных совсем уж экзотических случаев типа Овечкина спортсмены, действительно, не виноваты. Спортсмен – функция от тренера и, в меньшей степени, от чиновника. Даже волевой настрой, даже настроение спортсмена во многом определяется тренировочными методиками.

И когда наши спортсмены по итогам матча с Канадой… Извините, я до сих пор сбиваюсь, когда вспоминаю этот мрак. Сейчас все дружно кричат, какой у нас, оказывается, был плохой вратарь. Он что, первый раз в жизни играл в хоккей? Что, про ключевого члена сборной никто ничего не знал? Воистину, детский сад.

Далее: «всех собак» вроде бы договорились дружно вешать на вратаря, но что, он один был на поле из всей российской сборной? А остальные пятеро ведь не то, что шайбу – клюшки теряли… И по итогам матча эти представители «команды канадской мечты» говорят: ну кто бы мог подумать, что, оказывается, канадцы с таким настроем будут играть в хоккей! Можно подумать, что никто из них никогда не смотрел телевизор и не видел, как играет канадская сборная.

Однако все это проблема спортсменов в последнюю очередь. Добросовестность спортсменов сложно определять со стороны: это дело специалистов. Но их подготовка и их настрой – это работа тренера, это проявление дееспособности или недееспособности тренера, да и чиновника тоже.

И все претензии должны быть к ним.

Но тренерская работа тоже тонкая: ее надо судить специалистам. Вот спросите меня: Хиддинк – это хорошо или плохо? А бог его знает – не ко мне вопрос. Не специалист, и не могу судить: после того, как наши так называемые футболисты много лет назад японцам проиграли 2:1, я за ними больше не слежу – не хочу терять время.

Но я как специалист по государственному управлению могу говорить про российских чиновников. Они должны нести ответственность, и Медведев очень правильно обозначил их вину; надеюсь, хоть теперь они перестанут прикрываться российскими спортсменами.

Есть такой Скобрев, велколепный конькобежец, из 15 российских медалей принес две – по-моему, серебро и бронзу. Я не разбираюсь в конькобежном спорте, но разбираюсь в сопоставлении высказываний. Так вышло: пришлось довольно долго заниматься разбором аппаратных склок.

И вот он рассказал журналистам, что тренировался в Италии и, лишь когда попал к итальянскому тренеру, понял, что такое «тренироваться по-настоящему». Он, оказывается, добиваясь выдающихся достижений в России, даже не знал, что могут быть настолько интенсивные тренировки, как в Италии.

После этого заинтригованные журналисты, ясное дело, бросились к итальянскому тренеру, и вот тот очень искренне объяснил, что Италия, в общем, страна не конькобежная, поэтому он просто брал советские методики. Конечно, немного их видоизменял, модифицировал, но в основном просто применял их.

Это значит, что в сегодняшней России утрачены не только советские технологии

массового производства кораблей, гражданских самолетов и, похоже, даже танков: утрачены и советские технологии подготовки спортсменов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Помню, была же и Скобликова, Евгений Гришин, Виктор Косичкин. Да у нас масса не просто прекрасных – великих конькобежцев была… Они первые места занимали, они поколениями диктовали условия в мире!

М. ДЕЛЯГИН: – Диктовали условия в мире именно в зимних видах спорта! А сейчас 11 место. Такого после Великой Октябрьской социалистической революции не было ни одного раза вообще.

Е. ЧЕРНЫХ: – В стране, в которой больше всего снега!

М. ДЕЛЯГИН: – Идиотизм и коррупция побеждают даже снег…

Я понимаю, когда мы играем и проигрываем более сильному: в конце концов, спорт есть спорт. Если какие-нибудь латыши или даже Буркина Фасо вдруг обзаведутся гениальным тренером и начнут гениально играть в хоккей – им можно проиграть. Обидно, но можно: это спорт, все бывает.

Наши спортсмены – люди, они имеют право проигрывать, но при одном непременном условии: проигрывая с любым, даже разгромным счетом, они должны играть.

Но со словаками и канадцами до первой трети второго тайма они практически не играли! Виноваты они или кто-то иной – пусть разбираются специалисты по хоккейному спорту. Я фиксирую факт: они не играли, а это значит, что тренеры и чиновники их не подготовили.

Может быть, вся их подготовка сводилась к обещанию денег. Но ради денег подвигов не совершают.

Е. ЧЕРНЫХ: – Говорят, у нас один плюс – сэкономим деньги на олимпийцах, на наградах…

М. ДЕЛЯГИН: – Вот замечательно! Наши спортсмены в десять раз больше получают за медали, чем те самые «сверхбогатые» американцы. У наших олимпийцев в ряде случаев даже зарплата намного больше, чем у иностранцев…

Е. ЧЕРНЫХ: – Да, деньги не работают, оказывается…

М. ДЕЛЯГИН: – Что, кто-то не знал, что деньги недостаточны? Что бабло не побеждает не только зло, но и на спортивных соревнованиях?

Лишь те люди, которые всю свою жизнь без остатка сводят к деньгам, которые считают, что все продается и покупается, могут уповать только на них.

Даже банкиры знают, что деньги решают не все. Не буду рекламировать платежную систему, но в Москве во многих местах висит реклама: «Есть вещи, которые нельзя купить. А для всего остального есть пластиковая карта нашей платежной системы»…

Но, судя по всему, какие-то деятели нашего государства забыли, что есть вещи, которые нельзя просто купить – в том числе и олимпийский успех. И главная проблема не в том, чтобы наказать какого-то Тягачева, Мутко, назначить стрелочника, – а в том, чтобы наказать вот этих чиновников, уповающих на всевластие и всесилие денег, которые явно стоят намного выше Тягачева и Мутко. Ведь практические проявления «баблизма» как идеологии правящего класса мы видим не только в спорте, но и в других сферах жизни.

Е. ЧЕРНЫХ: – Спорт – это всего лишь верхушка айсберга.

М. ДЕЛЯГИН: – Подобно тому, как наши спортивные чиновники прикрываются спортсменами, я думаю, что эти высокопоставленные чиновники, которые до сих пор считают, что бабло – это главное в жизни, прикрываются спортивными чиновниками.

И ведь, похоже, они искренне думают, что можно выкинуть деньги – и чуть не сами собой появятся весьма сложные, к слову сказать, бетонные сооружения в Сочи!

Эти люди должны нести ответственность за нашу катастрофу. Если нет – катастрофа в Ванкувере на фоне того, что случится в Сочи, покажется триумфальной победой.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – В советское время у нас была «накачка» идеологическая: Виктор Тихонов, который высказался по поводу хоккея, вспоминают, что после его «накачки» хоккеисты были готовы под танки бросаться, условно говорят. Но она уже не срабатывает.

Накачка деньгами, как мы видим, тоже не срабатывает. Что же тогда у нас должно сработать в нынешних условиях?

М. ДЕЛЯГИН: – Должна сработать идеология. Ничего, кроме идеологии, в качестве мотива сверхусилий, подвига, – а ведь победа на олимпийских соревнованиях, по сути дела, является подвигом – в природе не существует.

Человек не может жить ради потребления: в этом случае он умирает уже в третьем поколении, а то и раньше. Это как алкоголизм. Только алкоголики перестают давать потомство в четвертом поколении, что показывают опыты над крысами, а люди, которые больны потреблятством (есть такой научный термин), перестают давать потомство сразу или, в крайнем случае, во втором поколении.

Другое дело – какая именно идеология. Идея построения коммунизма во всемирном масштабе – явный перегиб.

Есть идея показать всему миру, что мы крутые.

Ведь с чего начался Путин? Давайте вспомним: он начался с двух фраз: «мочить в сортире», и «кто нас обидит – три дня не проживет!». Это была честная и очень убедительная формулировка российской идеологии.

Е. ЧЕРНЫХ: – Что поднимаемся с колен…

М. ДЕЛЯГИН: – В подъем с колен люди как-то не очень поверили, в России люди в целом умные живут, а вот «мочить» и «кто обидит – три дня не проживет» – это была подлинная формулировка российской национальной идеи.

Да, негативная формулировка, до позитивной так руки и не дошли, но ведь при таком уровне коррупции и такой скорости ее роста формулировать просто некому.

Однако не стоит забывать, что есть вещи и явления, которые в принципе не продаются, и есть цели, которые в принципе нельзя достичь ради денег.

Не нравится слово «идеология» – давайте не будем использовать плохое слово, скажем проще: ничто, кроме любви к Родине, не позволит выигрывать Олимпийские игры.

Вряд ли Тихонов, когда настраивал хоккеистов на игру, тряс перед ними партийным билетом, зачитывал им «Возрождение» Леонида Ильича Брежнева и рассказывал про социалистический лагерь. Я подозреваю, что он им даже программу КПСС не читал – может, даже сам ее не всю осилил, у него все-таки профессия была, да и есть… Думаю, он им о любви к Родине говорил! Слова были немножко другие, а суть-то прежняя.

Родина может называться по-разному, как ей вздумается, даже флаг менять… Ну, бывает так иногда с женщинами, что они фамилию меняют, но суть-то от этого не меняется.

Так что не нужно придумывать слишком сложных вещей: любовь к Родине – она любовь к Родине и есть.

А у наших недееспособных чиновников, похоже, вместо нее – любовь к личному обогащению и личному потреблению. Это же кошмар! Чиновники для себя, своих загулов в «Русском доме», этого пира во время чумы, явным образом экономили на спортсменах. Один из спортсменом даже поразился – мол, вошел в свой номер и первый раз в жизни увидел, что телевизор стоит на полу!

Да, это весьма дискуссионный вопрос, зачем вообще спортсмену на Олимпиаде телевизор, но если он ему зачем-то нужен, он должен стоять, как положено, на тумбочке. А если он стоит на полу – значит, на тумбочке сэкономили. Чиновник сэкономил.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Если говорить о спортсменах, чиновники много на чем сэкономили. Сами приезжали в «Русский дом» с женами и с детьми, с любовницами, а у спортсмена «жесткий режим»: он должен быть один.

И даже не это главное: каким-то спортсменам, наверное, уровня того же Овечкина, разрешали приезжать с женами, с любовницами, а каким-то спортсменам в той же хоккейной сборной не разрешали вообще ничего.

М. ДЕЛЯГИН: – Давайте не будем трогать чужую жизнь. Жены, любовницы – ну, не наше дело, если кто-то с кем-то расписаться не успел, верно? Я всю свою жизнь, так уж получилось, чужое грязное белье под микроскопом смотрю, так что не надо этим заниматься

без лишней необходимости.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – А что скажете насчет вот такого отношения к спортсменам, их разделения по категориям…

М. ДЕЛЯГИН: – А вот это чудовищно! Один спортсмен – человек первого сорта, другой – «унтерменш»… Они что, в тюрьме находятся, где свидание с близкими по произволу администрации является формой поощрения?

А должно быть очень просто: есть спортсмен. Он дает награды. Есть тренер, врач, массажист и прочие, которые обеспечивают эти награды. А чиновник в данном случае – это человек «третьего сорта». После спортсмена, с одной стороны, и тренера с врачом, с другой.

И никто не может иметь больше спортсмена – потому что именно он дает результат. И если жену или подругу нельзя привезти с собой спортсмену, – все остальные, и особенно чиновники, могут их везти только за свой счет.

Мы увидели, что Олимпиада в Ванкувере проводилась нашими чиновниками, по сути дела, исключительно для себя. Спортсмены были просто предлогом, чтобы хорошо слетать, хорошо попить, хорошо покуролесить в «Русском доме».

Е. ЧЕРНЫХ: – Звезд, которых привезли… Потусоваться с ними.

М. ДЕЛЯГИН: – Это непристойное зрелище. И не отдельных стрелочников должны наказывать. Должна быть показательная акция, потому что чиновники привыкли за путинские годы: неисполнение служебных обязанностей – это норма, за это никто ничего не сделает! Почти нет таких случаев, чтобы чиновника увольняли за неисполнение своих обязанностей. Поэтому «Карфаген должен быть разрушен», «разбор полетов» по итогам Олимпиады должен дать пример массовой административной акции, а если его не будет – ну что ж, проведем его чуть позже.

Но есть еще одна вещь: чиновники о себе не забыли, на спортсменах сэкономили, пожировали, но при этом у них есть обязанности, и в первую очередь – защищать своих спортсменов.

Чиновник летит на соревнования, чтобы в случае надобности зубами выгрызать своих, в том числе – при сомнительном судействе. Вплоть до превентивного запугивания судей угрозой исков и жалоб, черт возьми!

И что мы видели? А ничего.

Взять Плющенко – ярчайший пример. Нельзя сказать, что он какой-то «не тот». Член «Единой России», депутат, гламурный персонаж – для нашей правящей тусовки «свой человек». Ближе не бывает.

И что – кто-то из этой бюрократической тучи, напоминающей саранчу, его защитил?

Я не специалист в фигурном катании. Как квалифицированный зритель могу сказать, что, по-моему, серебряная медаль была честной. Произвольную он откатал хуже обязательной, не на своих скоростях – похоже, просто устал. Может, слишком большой был перерыв. Если так – это тренера вина, а не его: тренер либо не обеспечил должную нагрузку, либо взял в команду, понимая, что не успеет подготовить.

Е. ЧЕРНЫХ: – А больше некого выпускать…

М. ДЕЛЯГИН: – Что, все остальные не члены «Единой России»?

Но к этому мы вернемся.

Четверной прыжок Плющенко сделал замечательно, но что, кто-то не знал, что четверные прыжки по правилам судейства просто не засчитывают? Правила могут быть хорошие и плохие, но, если мы не добиваемся их изменения, мы им должны подчиняться, как правилам дорожного движения. Есть идиотские правила, но их приходится выполнять.

И вот Плющенко откатал, ему присудили второе место, и наши чиновники стали исходить на вой: ой, какие судьи плохие, как все несправедливо!

А протест – не подали. Почему, если вы убеждены в своей правоте?

В свое время, на позапрошлой Олимпиаде, канадцы своих фигуристов просто всунули на первое место, выдав второй комплект золотых медалей.

Да, очень неприлично, но своих защитили.

А наши – даже не знаю, как-то язык не поворачивается российских чиновников «нашими» называть – своих сдают. Сегодня они Плющенко сдали, а вот завтра не Тягачева – завтра они Путина сдадут. И, знаете, после Плющенко, после фигуристов позапрошлой Олимпиады мне его будет совершенно не жалко.

Е. ЧЕРНЫХ: – А зачем тогда такие чиновники нужны?

М. ДЕЛЯГИН: – А они не нужны. У нас поголовье чиновников скоро не то, что численность спортсменов превысит – скоро превысит население некоторых стран, которые нас обогнали по зимним видам спорта…

Е. ЧЕРНЫХ: – Ту же Словакию… В сборной которой наша спортсменка завоевала «золото».

М. ДЕЛЯГИН: – А теперь возвращаюсь к тому, что у нас нет второго человека на подстраховку Плющенко. Система массовой физкультуры и спорта, которая унаследована от Советского Союза, в России уничтожена. Она – точнее, ее ошметки – превращена в вульгарный и циничный бизнес. Если сейчас есть талантливый мальчик, родители должны заплатить 25–30 тысяч рублей за хоккейную форму, а потом, в Москве и Подмосковье, платить 3,5 тысячи рублей в месяц, чтобы он мог заниматься спортом.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Мы продолжаем подводить итоги Олимпиады в Ванкувере. Президент Дмитрий Медведев сегодня заявил о том, что виновные в провале нашем олимпийском должны принять мужественное решение и написать заявление. «Если не смогут, мы им поможем», – добавил глава государства. Ну, а кто эти мы – наверное, каждый должен сам решать. Напомню, руководят нашим спортом министр спорта Виталий Мутко и глава Олимпийского комитета России Леонид Тягачев. Ну и, соответственно, огромное количество под ними еще всякого рода спортивных чиновников находится…

М. ДЕЛЯГИН: – Я вот только боюсь, что наши чиновники могут принять «мужественное решение» и написать заявление не на себя, а на другого…

Ну, а так, в общем, мы сейчас послушали про индийских взбесившихся слонов, и я подумал, что в Индии – взбесившиеся слоны, а в России – взбесившиеся чиновники. И 300 тысяч долларов ущерба от разогнанной этими бесноватыми свадьбы, как там, дело не ограничивается. Это уже до спортивных даже журналистов до некоторых дошло, что менять, причем в корне, надо саму политическую систему, а не отдельных чиновников.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Так вот, Михаил Геннадьевич, к вам вопрос, как к специалисту в сфере государственного управления. Хорошо, предположим, уйдут руководители наши спортивные – Мутко и Тягачев. Но ведь получается, что, если вслед за ними не уйдет шлейф питающихся из этой кормушки, и не будет выстроена какая-то новая система с гораздо меньшими финансовыми затратами для государства, ничего не изменится. Что мы можем предложить взамен?

М. ДЕЛЯГИН: – Сейчас скажу, но пока хочу обратить Ваше внимание на страшную вещь – на то, что в спортивном отношении Олимпиада в Сочи, по сути дела, уже провалена.

Посмотрите: чтобы воспитать спортсмена, который способен бороться на Олимпиаде, вне зависимости, за первое место или за 63-е, нужно брать 7-летнего мальчика или девочку и вести его 12 лет – до 19-ти. То есть 12 лет надо работать – в лучшем случае, с сегодняшнего дня, – и только потом станет возможным, хотя и отнюдь не гарантированным, результат.

Но это не все: должен быть тренер, который сможет воспитывать спортсменов. А у нас ведь и тренеров выкосили, не только ученых.

Не только спортсмены бегут из России, от этих нефтедолларов, куда угодно, зажмурив глаза и сломя голову, потому что под этими чиновниками невозможно не только тренироваться, но даже и дышать, потому что жизнь под ними – это постоянное унижение. Помимо ученых, помимо спортсменов – и по тем же причинам – из России бегут и тренеры.

Не потому, что не любят Россию, – а потому, что им в России просто не дают жить и работать.

Так вот, чтобы восстановить тренерские школы, как говорят специалисты, надо еще лет восемь. Восемь и двенадцать лет – вот вам 20 лет восстановления спорта, причем при

нормальной системе государственного управления! 20 лет ломали – теперь 20 лет восстанавливать. Минимум.

Что касается спортивных чиновников, – боюсь, основную массу сегодняшних надо просто уволить. По факту. И формировать соответствующие структуры заново, опираясь на энтузиастов, тренеров, даже пожилых… Можно сделать институт генеральных советников, включив туда людей, которые могут верно советовать.

В международных делах – это Примаков, в экономике – Геращенко и Маслюков, в спорте – ну, Тихонова и Лобановского даже я знаю. Любой болельщик вам сейчас навскидку десяток фамилий назовет.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да та же Роднина. Мы же помним, как она поднималась на высший пьедестал и как слезы у нее были при Гимне Советского Союза. Значит, не деньги, а вот это было. А вот кто такие эти чиновники, которые на нее теперь накинулись? Ведь мы же их просто не помним…

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Нет, некоторых мы очень даже знаем. Вот господин Писеев – глава федерации фигурного катания.

Е ЧЕРНЫХ: – А что он сделал?

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Непонятно, что он сделал. Татьяна Тарасова, кстати. Вроде чего-то сделала, а все равно накидывается – непонятно за что.

ДЕЛЯГИН: – Это вопрос уже конкретных разборок, но общий принцип прост: «Карфаген должен быть разрушен». Бедлам, в который коррумпированные и безответственные чиновники превратили государство, должен быть оздоровлен и перестать быть бедламом. Если вы просто замените какого-нибудь из деятелей, которые там без продыха пили в «Русском доме», получите другого такого же или хуже: знаете, взамен одной головы вырастет другая, и скажите спасибо, если одна, а не десять.

Е. ЧЕРНЫХ: – Более голодная.

М. ДЕЛЯГИН: – Не только более голодная. Поскольку нынешний уровень коррупции ведет к отрицательному отбору, это будет существенно менее умная голова.

Сегодняшние структуры госуправления в области спорта должны быть закрыты и переформатированы на основе знающих энтузиастов, которые разбираются в своем деле, понимают, как что устроено и что делать. И тогда – только тогда! – деньги будут работать. Но главное – это специалисты и энтузиазм.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте. Светлана меня зовут. С большим удовольствием всегда слушаю Михаила Делягина. Я согласна ну просто по всем вопросам. Это такой грамотный экономист!

Я согласна с тем, что сейчас у нас роль играют только деньги. О Родине никто не думает, зачем им Родина, когда они поездили по этим европейским странам, по Америке – им там хорошо платят. Вы понимаете, обидно за спортсменов. А попадающие в руки чиновникам деньги идут не на развитие спорта, они идут в их карманы, они строят особняки и, как вы сказали, правильно, ездят со своими любовницами и женами везде.

М. ДЕЛЯГИН: – Светлана, спасибо на добром слове, но Вы сказали очень существенную и, по-моему, очень неправильную вещь: «Зачем им Родина, когда они поездили по загранице, им там хорошо платят».

Вот у меня есть довольно много знакомых, которые успешно поездили по заграницам, но вернулись в Россию – хотя они богатые, хотя они много чего видели, и у них все в порядке с деньгами.

Любовь к Родине определяется не достатком, а воспитанием. Обязанность тренера – не столько натаскивать, сколько воспитывать спортсмена. Если он вбивает в его голову, что главное в жизни это деньги, а все остальное туфта – это моральное убийство, и спортивное тоже: такой спортсмен не будет бороться за олимпийские медали, он, в лучшем случае, за свой будущий контракт будет бороться, и то не факт.

Но то, что люди поездили по миру – это не криминал, это прекрасно. Криминал, если они при этом забыли свою страну. Но это определяется не величиной доходов, а способом их

получения, воспитанием, той самой идеологией.

Даже богатый человек может любить родину – я знаю несколько таких людей. Фамилии, извините, не могу назвать, потому что тогда к ним завтра налоговая или какая иная инспекция придет и порвет их на части – в том числе именно за то, что они не только богатые, но еще и страну свою любят.

Проблема в том, что до сих пор коррупционеры плодят себе подобных, и я боюсь, что в спорте тоже.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте, меня зовут Анна. К сожалению большому, мы вновь испытали национальное унижение. Я, в связи с поражением нашей сборной, довольна, что господин президент не поехал на закрытие Олимпийских игр.

Я слышала по радио рассказы о том, как канадцы после победы над нашими хоккеистами смеялись, издевались над ними, говорили, что «красная машина» сломалась, что ее больше нет, что это конец, и тыкали нашим пальцами в лицо. Ну, конечно, с президентом бы так не поступали, но, во всяком случае, насмешки, усмешки были бы жуткие.

Вы знаете, а ведь раньше мы были как небожители, когда вот мы за границей шли в составе делегации. И это было удивительно – весь мир смотрел на нас с замиранием. Можно говорить что угодно о советском времени, но, смотрите: мы все время вспоминаем, что мы потеряли. А потеряли очень много, во многих отношениях. Ну, что хочется сказать – просто больно, обидно, и хочется, чтобы хоть что-то менялось!

М. ДЕЛЯГИН: – Вы знаете, Анна, большинство из нас, действительно, по крайней мере, не очень сильно сопротивлялись уничтожению своей страны и себя как народа. И это очень большой грех, который лежит на нас всех, в том числе – на мне. И искупить его можно только одним способом – восстановить то хорошее, что было, и сделать его еще лучше.

В нашем прошлом были плохие вещи, типа общего страха, но это плохое как раз восстановили в первую очередь, а хорошее отбросили. А это хорошее обязательно нужно восстановить, потому что нам уже сейчас рассказывают сказки – мол, невозможно бесплатное качественное образование, невозможно бесплатное качественное здравоохранение, невозможен массовый спорт. Рассказывают нам это на голубом глазу, но мы-то знаем, что все это было и работало, причем совсем недавно.

И восстановить это – наша задача.

Ломоносов когда-то написал стихотворение: «Мы русские – какой восторг!». Когда я смотрел матч с канадцами, у меня было ощущение «Мы русские – какой стыд!»

Но мы должны переплавить это не в отчаяние, а, грубо говоря, в расчистку государства от коррупционеров.

К сожалению, я не уверен, что они поймут нас правильно, что они правильно поймут даже президента, – тогда, может быть, придется им помогать становиться разумными, нормальными людьми более энергично, чем нам хотелось бы.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Ну, ресурс для того, чтобы дать «волшебного пенделя» тем, кто не захочет писать заявления о своей отставке, я полагаю, у главы государства очень большой…

М. ДЕЛЯГИН: – А я думаю, что Медведеву стоило бы съездить в Ванкувер…

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Чтобы своими глазами посмотреть, что там происходит?

М. ДЕЛЯГИН: – Нет, ради итоговой фотографии. Представьте, огромная, на разворот фотография в той же «Комсомольской правде»: он, вокруг вся наша спортивная делегация – и у всех спортивных чиновников по два красивых фонаря под двумя глазами.

Такая фотография была бы, думается, очень правильной с воспитательной и образовательной точек зрения.

Понятно, что он человек, так сказать, лично деликатный, но есть же охрана – охране можно дать соответствующее, корректным образом оформленное поручение.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Михаил Геннадьевич, вот Вы говорите восстановить, а, может, у нас и получится восстановить, но только то, что было тогда. То есть, не будет у нас меда без дегтя.

М. ДЕЛЯГИН: – А чего Вы боитесь? Деготь-то советский у нас уже весь налицо.

У нас есть удушающий страх. Фразу «как бы чего не вышло» я слышу в путинской России значительно чаще, чем в Советском Союзе, и с каждым следующим годом все чаще.

У нас есть паническая боязнь сказать лишнее. Потому что, за исключением нескольких городов-миллионников, да и буквально нескольких обычных городов – если вы что-нибудь не то сказали, даже не по политическим вопросам, вы нигде не сможете найти работу в своем городе.

Практически все плохое, что было в Советском Союзе, возвращено и любовно выращено заново, да еще и с перехлестом.

Простейший пример: дедовщина в армии. Да, в Советском Союзе она была, но и в подметки не годится нынешней дедовщине. Попробовал бы кто выложить из тел солдат слово «Кавказ»! Если бы это случилось, воинская часть перестала бы существовать и, дай бог, если бы офицеры этой части прапорщиками остались бы где-нибудь…

Пьяный милиционер! Да не было такого сочетания слов в Советском Союзе – это был бы скандал! Господи, суды были независимы… Конечно, если дело не касалось политики или серьезных начальников. А в остальных вопросах суды были а) компетентными, профессиональными и б) они были независимыми.

Черт возьми, у меня у одноклассника украли велосипед, так милиция города Москвы не просто приняла заявление – вы не поверите, я понимаю, как это смешно при виде нынешних милиционеров звучит, – но она искала и нашла этот велосипед! Они искали его 8 месяцев, и они его нашли.

Это был обычный мальчик из абсолютно обычной семьи, еврей к тому же по национальности. Я это уточняю, потому что силовые структуры всегда в большинстве стран немножко больны антисемитизмом, но они все равно нашли и поймали тех ребят, которые у него отобрали велосипед. Велосипед вернули, их судили. По малолетству, по-моему, оставили на свободе, но постращали, как надо.

А нам сейчас рассказывают всякие подрабинеки небылицы о том, что Советский Союз был концлагерем. Ну да, сумасшедшим было тяжело: это сейчас они могут возглавлять даже отдельные элементы нашего государства, а тогда, извините за выражение, приходилось лечиться.

Коррупционерам было тяжело – им прятаться приходилось! Представляете, какая бесчеловечность? Преступникам было тяжело – они не могли быть миллиардерами, только миллионерами и только теневыми, да и то не всегда, чаще приходилось сидеть.

Тяжелая была жизнь у всех этих людей. Негодяям, извращенцам сложно было жить – не то, что сейчас.

И по сравнению с тем, что мы видим сегодня вокруг себя и в чем мы живем, Советский Союз действительно кажется Золотым веком.

Он им не был, у него было много недостатков, из-за которых он и рассыпался, но большинство из этих недостатков уже восстановлены, причем с большим перехлестом. А о достоинствах нам сейчас рассказывают, что их не было и такого не могло быть, потому что такого не бывает.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Добрый вечер, меня зовут Маргарита. У меня такого замечание. Дело в том, что ведь основное правило, по которому должна развиваться экономика и, в том числе, спорт – это жить по средствам. Вот сейчас они своими расходами на сочинскую Олимпиаду уже прямо готовы вообще подорвать экономику. Это разовая стройка, на разовое использование.

И приплюсовывать сюда любовь к Родине просто нехорошо. Ведь любовь к Родине должна, прежде всего, проявляться в том, чтобы бездомных детей и миллионов голодных на свалках не было.

А у нас спорт перекормлен. А что бывает с перекормленным человеком, мы знаем – он вообще перестает что-либо делать. И вообще, если начать с того, что спорт – ведь это на любителей, но не может же быть, чтобы 140 миллионов были любителями спорта. А вот

когда государственные средства на это тратятся так, как будто мы сами должны на это потратить свои деньги! А почему, собственно? Может, у меня какие-то другие интересы, и я спортом не увлекаюсь? А если посчитать, разложить на каждого человека, то, думаю, долларов на двести они, наверное, нас всех данью обложили на это Сочи.

Я считаю, что не имеют они такого права, я лично, например, такого согласия не давала. У нас есть спортивные общества, которые должны существовать на взносы любителей – именно любителей, а не всех подряд обкладывать такой данью. То, что они сейчас заявили – мол, мы весь мир удивим размахом, такого еще не видывала в мире ни одна страна, как мы сделаем это в Сочи, – просто бессовестно!

Да что это такое, где тут принцип-то жить по средствам? Значит, мы должны мыкаться в нищете, а ради чего? Для того чтобы кого-то удивить? Почему мы должны оглядываться на иностранцев? Знаете, как разгулявшиеся купеческие приказчики на ворованные хозяйские деньги гуляют, швыряя их направо и налево, так и у нас сейчас наши деньги на спорт кидают, направо и налево.

Я считаю, что это безобразие.

М. ДЕЛЯГИН: – Уважаемая Маргарита, конечно, это безобразие. Я просто хотел уточнить, что «жить по средствам» – это слова, предназначенные официальной пропагандой только для нормальных людей, для граждан, для нас с вами.

Мы с вами должны затягивать пояса, чтобы коррумпированным чиновникам было лучше и приятнее жировать. Мы должны экономить на себе, как чиновники экономили на спортсменах, чтобы чиновники могли побольше пропить и прогулять в «Русском доме» и других таких же веселых домах. Я совершенно согласен с тем, что такого действительно ни одна страна еще не видывала – того, что было в Ванкувере и, я боюсь, того, что будет в Сочи, тоже.

Вы знаете, есть такой Шендерович, я его не очень люблю, но он был когда-то очень талантливым человеком. У него лет 20 назад была сказка про деревню Гадюкино, которую смыло дождями. И я никогда не думал, что эту сказку реализуют в жизни. Но недалеко от Сочи построили олимпийский порт – и его смыло, как эту придуманную деревню Гадюкино.

Понятно, сколько уворовали при строительстве этого порта?

Е. ЧЕРНЫХ: – И рады небось, что смыло!

М. ДЕЛЯГИН: – Но главное даже не в этом. Бывает всякое, иногда и в честных государствах воруют. Но где расследование по поводу массового воровства на строительстве этого порта? Расследования, насколько можно судить, нет. Типа, все в порядке, все нормально, так и должно быть!

Е. ЧЕРНЫХ: – В Италии тоже ворует мафия, но расследования проводят.

М. ДЕЛЯГИН: – Там сажают в тюрьму воров, а не воры сажают в тюрьму.

Дальше. Спорт высоких достижений перекормлен, Маргарита, Вы абсолютно правы. А вот массовый спорт – он не то что дистрофик, он просто умирает от голода. Физически.

А зачем нам нужен спорт высоких достижений? Только с двух точек зрения. Первая – это престиж страны: надуть щеки на ширину плеч, и вперед. А второе – примеры успеха, образцы трудолюбия, поведения, для того чтобы спорт был массовым, чтобы мальчишки тянулись и, глядя на великих спортсменов, держали себя в форме и себя физически развивали.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как это было в Советском Союзе.

М. ДЕЛЯГИН: – Как это было в Советском Союзе. Так вот, массовый спорт у нас ликвидирован, по сути дела. Это сложно назвать иначе, как, к сожалению, преступлением. Я уж не говорю о том, что у нас в разгар всего этого нефтедолларового разврата массы беспризорных детей…

Вы знаете, «проклятые коммунисты» и «негодяй» Дзержинский, которого сейчас только ленивый либерал не полощет, беспризорников убрали с улиц, по-моему, года за три. Полностью. А вы подойдите к почти любому из московских вокзалов и посмотрите – «ля-ля» на эту тему ведется больше десяти лет, а беспризорные на месте.

Нам правительство в «Стратегии-2020» пообещало к 2020 году покончить с беспризорностью. Они заложили 12 лет на решение этой проблемы при помощи каких-то семейных детских домов – сколько судеб будет сломано за эти 12 лет, вы можете себе представить?

Моя бабушка работала медсестрой в детском доме, куда собирали этих беспризорников, не у Макаренко, не в «Республике ШКиД», а в обычном, районном. И все было: и тоска зеленая была, и педагогов не было, потому что педагоги на вес золота, и бывшие офицеры контуженные вместо преподавателей… Но нормальные люди вышли из этого детского дома, абсолютно нормальные. Потому что если захотеть решать задачу, даже будучи неграмотными, даже будучи не очень квалифицированными специалистами, даже имея разрушенную психику после гражданской войны, – если вы хотите решить задачу, вы эту задачу решите.

А если вы хотите не более чем тупо украсть деньги – ну, тогда вы тупо украдете деньги.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте. Петр, мне 37 лет, и я как бы не очень участвую в политике, но вот за последние два дня меня так возмутило все это! Меня вот тоже очень сильно задевает – куда ни плюнь, везде чиновник. И чиновник, получается, работает как враг народа. Куда ни плюнь! Где проблема – там чиновник.

И получается, как будто чиновники не на благо страны работают, а работают во вред бизнесу, во вред стране – в любой области. И вот сегодня у нас было совещание директоров – почему, например, товар задержали? Потому что чиновники. Потому что раньше взятка была такая, а сейчас, перед праздниками, ее увеличили в два раза. Опять кто? Враги. Враги. Я живу в Балашихе, и например, у нас, чтобы согласовать какой-то вход, чиновники раньше просили сто тысяч, а сейчас шестьсот тысяч просят взятку.

Шестьсот тысяч – чтобы вход согласовать в подвал или в магазин! Вот вы просто подумайте: мне купить участок стоит 2–3 миллиона… Кто это сделал? Чиновник, потому что он украл. И если хочешь что-то сделать – можно делать все только через взятку, по-другому просто невозможно.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Петр, понятно. Брать с вас будут абсолютно за все. И с нас тоже…

М. ДЕЛЯГИН: – И никому из этих бесчисленных орд клептократов абсолютно не приходит в голову, насколько девять грамм дешевле, чем 600 тысяч. Просто не приходит в голову.

А. ЧЕЛЫШЕВ: – Ну, приходит в голову, наверное, в тот момент, когда эти самые девять грамм в голову приходят.

М. ДЕЛЯГИН: – Коррумпированные чиновники, даже не управляющие, а попросту владеющие Россией – это сегодняшний правящий класс. И он абсолютно враждебен, с моей точки зрения, России. По двум причинам.

Первая – это коррупция. С моей точки зрения, основа сегодняшнего государственного строя.

Государство может быть хорошим или плохим. Оно может быть жестоким, оно может быть глупым – каким угодно, но, пока оно государство, оно должно ставить задачу решения общественных проблем.

Наше государство, насколько я могу судить по опыту своему и по тому, что я вижу и слышу, преследует, вне зависимости от воли отдельных лиц, совершенно другую задачу – личного обогащения чиновников. Это несколько иное качество.

И вторая причина враждебности коррумпированных чиновников России – абсолютная безнаказанность чиновников как таковых. Допустим на минуту, что поселок «Речник» нарушает закон, а расположенный «через стенку» от него поселок «Остров Фантазий», где живут министры и иже с ними, закону соответствует. И на нарушения, которые были в поселке «Речник», чиновники закрывали глаза десятилетиями.

И вот вместо того, чтобы наказать виновных, которые закрывали на это глаза, и решить проблему для людей, вся вина которых заключалась в том, что они верили этим

чиновникам, – вместо этого наказывают людей, а не чиновников!

Когда какую-то ошибку совершает чиновник, виноваты в этой ошибке мы, а он счастлив и доволен, и это правило!

Допустим, компания «ЮКОС» когда-то не заплатила налоги. А где скамья подсудимых для чиновников, которые годами и десятилетиями рассказывали, что эта компания – абсолютно аккуратный и абсолютно добросовестный плательщик? Где она, эта скамья? Почему я ее не вижу?

К сожалению, дело не в отдельных чиновниках, а во всей системе, которая образовалась на руинах Советского Союза.

И Олимпиада в Ванкувере показала это с чудовищной ясностью. Когда я вижу Макаревича в «Русском доме»… Это Макаревич, песни которого я люблю, в подвал которого ребята из нашего класса бегали, а потом всем рассказывали, как там классно, как там играют! И вот этот Макаревич, с трудом ворочая языком, говорит по официальному каналу: «А чё, здесь интересно!». И я понимаю: им прикрываются чиновники, которые, наверное, допились до такой степени, что даже этих слов сказать не могут.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Добрый день. Меня зовут Александр, я из Москвы, работаю в бизнесе. У меня вопрос такой, достаточно сермяжный в этой всей ситуации. Как нам опять же из телевизора, с голубого экрана говорят, что у нас все замечательно, все прекрасно, все хорошо, страну молоком заливаем…

Вот я хочу на этом фоне спросить: идея в Сочи зимнюю Олимпиаду проводить – кому она в голову пришла? Это равносильно тому, что в Техасе ее проводить. Это раз.

Во-вторых, у нас страна не очень как бы жирует. Но насколько необходим для нашей страны этот пир во время чумы – эта Олимпиада, которая будет в Сочи в 2014 году? Ну, надо хотя бы заняться поднятием страны – у нас масса проблем нерешенных на самом деле. Я говорю про тот сектор, где я работаю, про животноводство: в экономике – просто большая-пребольшая дыра. То, что говорится с телеэкрана – это, мягко говоря, 0,0001 процента от того, что вообще происходит реально.

М. ДЕЛЯГИН: – Мотивация очень простая. Я считаю, что в основе идеи о Сочи лежала идеология «распила».

Люди, которые боролись за Сочи, одержали выдающуюся дипломатическую победу, но в нашей системе даже эта победа, похоже, поставлена на службу коррупции.

Олимпиада в Сочи – это огромный объем капитального строительства, которое является самой коррупциногенной сферой. Стоимость работ, насколько можно судить по беседам со строителями, завышается там в десятки и сотни раз.

России это не нужно, с моей точки зрения, потому что на эти деньги можно построить много всего необходимого.

Я напомню, что в первый виток экономического кризиса с осени 2008-го по февраль 2009-го наши потери составили 250 миллиардов долларов. Четверть триллиона, если убрать всяческие статистические хитрости. На эти деньги можно построить вторую Россию – и модернизированную, и инновационную, и просто комфортную.

В 2013 году в федеральном бюджете, помимо валютного запаса Банка России, без движения валяется более 6 триллионов рублей. На эти деньги тоже можно построить вторую Россию, лучше той, в которой мы живем сейчас в наших же городах, в наших же селах.

А если деньги валяются без движения, то их кто-то растаскивает. Попробуйте среди самых больших праведников кинуть на стол не 6 триллионов рублей, а 6 тысяч и уйдите куда-нибудь годика на два – что с ними случится после этого? Мне один умный человек сказал: если это действительно праведники, заберут только 10 %.

Е. ЧЕРНЫХ: – Десятину церковную.

М. ДЕЛЯГИН: – Мой любимый пример – Китай. Китайский ответ на кризис – асфальтированная дорога в каждую захолустную китайскую деревню.

Е. ЧЕРНЫХ: – А у нас введут платную дорогу «Дон»…

М. ДЕЛЯГИН: – Понимаете, можно делать Олимпиаду в Сочи, но сначала сделайте

человеческие дороги и решите проблему беспризорных. Постройте страну, восстановите ее из руин 90-х годов и собственного правления, – а потом можете хоть на Луне Олимпиаду проводить, если дури хватит.

Но вот если исходить из того, сколько можно «распилить», то есть украсть денег, если исходить из интересов не России и ее народа, а коррумпированных чиновников – тогда все делается безупречно правильно, тогда придраться не к чему.

02.03.2010

Возвращение терроризма: 29 марта 2010 года

М. ДЕЛЯГИН: – Глубочайшие соболезнования родственникам и пострадавшим, прежде всего… И всем людям, кто до смерти сегодня перепугался, в том числе, потому что в Москве просто не было мобильной телефонной связи, и люди часами не могли дозвониться до близких и убедиться в их благополучии…

Многие, да и я, честно говоря, думали, что череда терактов в Москве прошла. Кончилась. И мы не очень реагировали на сообщения о том, как поднимается волна терроризма на Северном Кавказе: в Дагестане, Ингушетии, в Чечне. И вот таким ужасным образом нам напомнили, что Москва и Ингушетия находятся не в разных странах…

Первый вопрос, который приходит в голову: «Кто виноват?». И, разумеется: «Что делать?». По информации на сегодняшний день, вопреки всему, что мы от нее привыкли ждать, милиция в критической ситуации сработала хорошо и грамотно. С некоторой перестраховкой, но достаточно четко.

Хорошо сработала «Скорая». Я не очень понял, правда, почему к раненым в больницах не пускают родственников, да еще и со словами «естественно». Если ранения тяжелые и средние, здесь все понятно: сначала надо оказать помощь. Но те, кто не пускает к пострадавшим родственников после оказания им помощи, по-моему, путает больницу с тюрьмой.

Но у нас есть ведомство, которое по своим функциям обязано бороться с терроризмом. И это не милиция, не пожарная охрана и даже не «Скорая».

Это ФСБ. И то, что случилось, – это, мягко выражаясь, «недоработка» ФСБ. Очень мягко выражаясь.

Может, люди в этой структуре увлеклись, как стало модно говорить в последнее десятилетие, «спорами хозяйствующих субъектов»? Может, они увлеклись «прессованием» оппозиции. Может, просто кто-то и где-то расслабился.

Но предотвращение терроризма – это наука. И в ней значительно меньше случайностей, чем, например, в прогнозировании погоды.

Да, эту науку не преподают в гражданских вузах, но она есть, и она предъявляет очень много конкретных и точных требований. Если их выполнять, то вероятность неприятных неожиданностей достаточно низка. А вот пренебрегать своими служебными обязанностями – значит делать эти неожиданности практически неизбежными.

Сейчас уже начинается крик о том, что, мол, директор ФСБ был обязан еще в понедельник днем подать в отставку. Эмоционально это понятно, но содержательно неправильно. Сначала надо разобраться с ситуацией, понять, хотя бы примерно, кто стоит за терактом и что с ним делать. А увольнение директора неминуемо дезорганизует работу ФСБ – если в ней, конечно, ведется настоящая работа.

Сначала должны быть выполнены первичные работы, а уже потом можно и должно заниматься поиском виновных. И совсем не обязательно это директор: это могут быть его подчиненные, и тогда он должен нести ответственность лишь опосредованно – как человек, который не досмотрел за своими подчиненными.

Но и это ответственность очень большая.

И в целом после таких событий должны быть уложены в ряд если не головы, то уж, во

всяком случае, погоны. С большими-большими звездами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Если у нас после Олимпиады призывали уйти в отставку, то сейчас тем более.

М. ДЕЛЯГИН: – Уровень ответственности у Олимпийского комитета все же немножко иной, чем у ФСБ.

И, как обычно, мы увидели феерическую работу чиновников. Сообщалось, например, что доблестная МЧС отрапортовала, что всем москвичам придут SMS-сообщения с указанием горячего номера, куда можно звонить и узнать о своих близких. В Москве мобильная связь сначала не работала вообще, а затем длительное время работала очень скверно. Но москвичи не получили этих SMS-сообщений до самого вечера не из-за парализованности мобильной связи, а по другой причине: насколько можно понять, инициаторы идеи не могли согласовать текст.

В моей голове, например, просто не укладывается словосочетание «Согласование текста SMS-сообщения». Но этот бред – будни российской бюрократии.

Кроме того, мы увидели, что у московской мобильной связи нет резервных мощностей. Когда это происходит на Новый год – все смеются и продолжают праздновать. Но в чрезвычайной ситуации отсутствие запаса мощности просто недопустимо: это вопрос безопасности огромных масс людей.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я сам звонил с утра сыну. Два часа не мог дозвониться. А он не мог прозвониться до нас, хотя живем мы рядом.

Сотовые операторы призвали проявить бдительность. Мошенники активизировались. Представляю, какое количество сообщений «мама, папа пришли мне денег» пришло людям с незнакомых номеров.

М. ДЕЛЯГИН: – Мне по «Билайну» уже пришло. «Мегафон» как-то их, вероятно, отсекает, а для «Билайна» – это самое обычное дело, практически норма. Не удивлюсь, если потом выяснится, что кто-то в этой компании, что называется, «в доле» с мошенниками. И после терактов первые SMS-сообщения, которые пришли, были именно от мошенников.

Считаю, что их надо карать, но тех, кто занимается мошенничеством в такие дни, спекулируя на ужасе и отчаянии людей, надо карать, что называется, с предельной жесткостью, допускаемой законом. Потому что их действия находятся за пределами добра и зла.

Е. ЧЕРНЫХ: – Их найти трудно…

М. ДЕЛЯГИН: – Если искать, найдут. Когда надо, сказавшего неправильное слово по мобильному находят в 24 часа. Первых четверых мошенников найдут и накажут – остальные сами прекратят свой промысел. Все системы контроля наших с вами сообщений, думаю, прекрасно работают – просто нужно их использовать для блага общества, а не для блага черт знает кого.

И, далее, меня умилило наше официозное телевидение, в очередной раз. BBC дает прямую трансляцию, CNN дает прямую трансляцию, а на центральных каналах – тишь и благодать, как будто вообще ничего не случилось. Даже «Лебединое озеро» не пустили.

Е. ЧЕРНЫХ: – Малахов, как обычно, рассказывает, как нужно лечиться.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно, не нужно поднимать панику, но просто сообщить о случившемся, четко назвать масштабы, дать официальную информацию для пресечения слухов, объяснить, в конце концов, что это теракт, а не катастрофа и не попытка государственного переворота.

Те же номера «горячих телефонов» можно по телеэкрану при любой передаче пустить бегущей строкой. Но нет, наши центральные каналы в момент общего ужаса показывают развлекалочки, для них все нормально.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте, Роман беспокоит. Вы зря с милиции убираете ответственность. Взрыв около метро «Рижская» помните? Там террористка не смогла пройти в метро только потому, что стоял милиционер и проверял документы. И тем самым было спасено много жизней. И взрыв у «Тушинской».

Почему здесь милиция не стояла, не проверяла – мне непонятно.

И насчет того, что расслабились: недавно был взрыв «Невского экспресса». Сейчас ФСБ, которое вы ругаете, уничтожает чеченских и ингушских боевиков. Ведь эти акты – именно месть за их убийства. Но ФСБ-то не может стоять у метро и проверять документы. Вы зря на милицию говорите, что она сработала четко.

М. ДЕЛЯГИН: – Милиция не проверяла документы, потому что проверка документов, согласно приказу Министра внутренних дел, может осуществляться только в случае возникновения обоснованных подозрений. И когда милиционер проверяет документы по своим внутренним неформализуемым соображениям, он, грубо говоря, прямо нарушает приказ своего начальства. Я уж не говорю, что по этому поводу орут все еще некоторыми уважаемые правозащитнички всех мастей.

С другой стороны, как милиция часто проверяет документы, вам, думаю, тоже хорошо известно: фраза «удостоверением личности является любая бумага с вложенной в нее купюрой», – давно уже не воспринимается как юмор.

В случаях с «Рижской» и «Тушинской» – да, милиционеры выполнили свой долг, в том числе, возможно, вопреки приказам начальства. Но в целом случаи, когда они выполняют свой долг, все чаще воспринимаются как исключения, а не как правило.

А насчет их четкой работы сейчас – я имел в виду ситуацию после террактов, а не до.

Далее. Да, ФСБ уничтожает террористов на Северном Кавказе. Но, помимо Северного Кавказа, у нее есть и такая зона ответственности, как вся остальная Россия. В частности, Москва.

Конечно, ФСБ не должно бегать по улицам и проверять документы у необычно выглядящих людей – у ее сотрудников другая работа. В частности, она заключается в том, что в любом потенциально экстремистском сообществе, от которого можно ждать неприятностей, определенный процент людей должен быть завербован и давать информацию.

Почему-то в политической оппозиции этот норматив выполняется и, насколько я могу судить, даже перевыполняется, а в некоторых, действительно опасных сообществах, он, похоже, выполняется не очень сильно.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Я хотел поддержать по поводу ФСБ. Буквально недавно директор ФСБ делал доклад, и там четко было сказано, сколько терактов было предотвращено. И по поводу милиции. Да не директор ФСБ должен подавать в отставку, а Нургалиев должен давно подать в отставку! Заходишь в метро, эти милиционеры… Что значит – не имеют права проверять документы? Вот сегодня мы целый день говорим о том, что даже визуально можно определить потенциального террориста: наглухо застегнутые, глаза не те, и все остальное…

А вот «Юго-Западная» в утреннее время. Милиционеров много, но ходят руки в карманы, расхлябанные все, прицепиться по любому пустяку могут к кому угодно.

Встаньте, посмотрите, что творится вокруг вас. Зайдите на любую станцию метро: это беспредельщики, а не милиционеры. Мое мнение – всю верхушку милицейскую надо давно гнать поганой метлой!

М. ДЕЛЯГИН: – А в России никто, по-моему, уже года два, как минимум, не спорит с тем, что Нургалиев должен давно подать в отставку. Еще по его чудовищной реакции на дело Евсюкова все было понятно. Но сегодня мы обсуждаем другой вопрос.

И я готов несколько передач подряд рассказывать вам, какими беспредельщиками является значительная часть российских милиционеров… Я как-то был в Белоруссии со знакомым адвокатом. Так он буквально через час меня просто схватил за руки и начал показывать, трясясь, пальцем, на белорусских милиционеров: посмотри, у них брюки поглажены, у них ботинки чистые, у них глаза не безумные, к ним можно подойти за советом и помощью…

Согласен, Нургалиев должен давно подать в отставку. Милицейское начальство должно быть жесточайшим образом «вычищено». Но конкретно в рассматриваемой нами сегодня,

здесь и сейчас, ситуации после терактов, милиция действовала нормально.

Не защитник я современной милиции, но давайте мы не будем походить на героя «Приключений бравого солдата Швейка», который судил дезертиров за воровство, а воров за дезертирство.

Насчет числа предотвращенных терактов – это ведомственная статистика. К сожалению, когда статистика не поддается ничьей внешней проверке, она, как правило, приукрашивается. Не думаю, что в этом отношении есть принципиальная разница между ФСБ и, например, Росстатом.

Что касается катастрофы «Невского экспресса», то разговор о семи килограммах тротила, которым его якобы подорвали, вызывают у взрывотехников истерический смех. Можно обсуждать, был ли там вульгарный износ рельсов, или износ ходовой части состава, или все-таки был взрыв мощностью, например, до полутора килограммов. Есть разные аргументы, но аргументы в пользу взрыва мне лично представляются абсолютно смехотворными – вроде официальных аргументов про знаменитые «учения» в Рязани в 1999 году.

Теперь о сегодняшних событиях. Есть два объяснения произошедшего.

Первый заключается в том, что теракты подготовили какие-то самостоятельные отморозки, которые не умеют технически грамотно подготовить заряд и не могут использовать Интернет для пропаганды. Мол, это просто личная месть: несколько диких человек, этаких «зверьков», поехали и отомстили за что-то.

Спорить нельзя: хотя и в значительно меньшей степени, чем, например, нам с вами, но им тоже часто есть, за что мстить.

Но нам с вами культура не позволяет мстить за себя, своих близких и своих далеких, а многие другие мстят и считают это совершенно нормальным и естественным.

Но есть одна маленькая деталь против этой версии: уж больно разумно все было рассчитано. Слишком разумно для «зверьков». Вот посмотрите: первый взрыв на Лубянке, после него поезда по «красной» ветке метро «следуют с большими интервалами» – в час пик это значит, что перрон на станциях должен быть забит людьми. И они там, как сельди в бочке. И в этот момент гремит взрыв на «Парке культуры». То есть вполне себе грамотно созданы условия для создания давки перед следующим взрывом.

Почему давки, насколько можно судить по некоторым сообщениям, не было – отдельный вопрос. Что означала искусственно устроенная буквально за час до теракта давка на «Комсомольской» при входе в метро, где тоже, как сообщалось, пострадали люди – мы сегодня не знаем. Может быть, действительно, милиция получила информацию о готовящемся теракте, но не смогла ничего сделать, не знаю.

Но, так или иначе, сочетание двух взрывов на одной ветке с 40-минутным интервалом свидетельствует об относительно грамотном планировании – и эта грамотность не стыкуется с тем, что в таких условиях жертв могло быть значительно больше. Я приношу извинения за эти слова, меня от них тоже коробит, меня они тоже режут, но мораль и технологии, к сожалению, не всегда совместимы.

И у меня возникает ощущение, что целью терактов было не убийство людей, не месть как таковая, не реализация ненависти, а прежде всего определенное воздействие на общественное сознание. Для каких именно целей и с чьей стороны – это открытый вопрос. Возможно, в течение недели-двух по зигзагам политики, по характеру информационной активности мы это увидим, а может быть, и нет. Есть вещи скрытые. Может быть, кому-то таким образом сорвали начало избирательной кампании – посмотрим.

Е. ЧЕРНЫХ: – Любой теракт призван воздействовать на общественное сознание… Панику создать.

М. ДЕЛЯГИН: – Если кто-то кому-то хочет просто отомстить, он этим хвастается. И, как минимум, в Интернете появляется сообщение, что группа, условно, «Розовые слоны великой революции» берет на себя ответственность за такой-то теракт в связи с тем-то…

Но в мире наблюдается общая для большинства стран тенденция – рост доли терактов,

за которые никто не берет ответственности. Сейчас это уже намного больше половины всех терактов в мире.

То есть цель обычного сегодня теракта – не самореклама, не публичная месть, не запугивание правящей верхушки. Цель – влияние на общественное сознание. И все, что можно нам пожелать в этих условиях – стараться не бояться.

Одним из сообщений о состоянии американского общества после 11 сентября 2001 года была история про двух негров, которые на другой день после терактов, как обычно, пришли в Центральный парк Нью-Йорка играть в шахматы. Журналисты поинтересовались, не страшно ли им там сидеть и играть, и получили честный ответ: «Знаете, нам очень страшно. Но, если мы сюда не придем, мы покажем террористам, что мы испугались, и что они достигли своей цели».

Думаю, нам тоже нужно стараться держать себя в руках. Потому что, кто бы ни организовывал эти теракты, – они хотели расшатать нашу психику. Во многом им это удалось, но нужно уметь брать себя в руки. Пора переставать бояться, иначе мы будем вечными заложниками – не террористов, так силовиков.

Е. ЧЕРНЫХ: – И что нам делать?

М. ДЕЛЯГИН: – Быть аккуратными и внимательно смотреть по сторонам. Не поддаваться психозу. Записать все «чрезвычайные телефоны» и при виде чего-то подозрительного звонить. А если происходит что-то подозрительное около вашего дома, а вы звоните и дозвониться не можете или вас, не дай бог, по этим «чрезвычайным телефонам» посылают – тогда действуйте сами, как иногда действовали в 1999 году и, насколько помню, был как минимум один случай, когда действительно спасли свои жизни. Действуйте сами – с друзьями, соседями по двору.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте, меня зовут Ирина Ивановна. Я тоже приношу свои соболезнования всей нашей стране. Сейчас много рассуждений о том, что произошло. Но нужно думать, как избежать всего этого. И чтобы в дальнейшем не повторялись эти теракты. Москва – самый посещаемый разными людьми город…

Нужно предотвратить въезд людей, которые могут нанести нам такой вред. Мягко скажем. Многие люди приезжают поездами. Надо установить контрольные пункты, которые выходят с этих вокзалов. И чтобы там люди проходили через контрольные пункты, как в аэропортах. На выход и на вход. Я считаю, это первое условие безопасности. И усилить посты ГАИ.

Уже был теракт на «Дубровке». Получается, мы где-то что-то проглядели. Мы расслабились. То, что произошло – жутко. Хоть и говорят, что не надо бояться, ездят наши дети в метро, пожилые люди. Им-то куда деваться? Их от страха нельзя уберечь.

У многих гипертонические кризы. Я нервничаю. Это ужасно, что произошло. Надо руководству нашему, в первую очередь, нужно думать, как нас обезопасить. Не то, что головы кому-то снимать… Да, можно снимать. И погоны снимать. Но основное – как это все предотвратить.

М. ДЕЛЯГИН: – Все, о чем мы сейчас говорим: все системы контроля, все системы безопасности, – описано в учебниках. И люди, которые допускают то, что случилось, – с моей точки зрения, просто по тем или иным причинам не исполняют собственные служебные инструкции.

Что касается тотального контроля. Зайдите на любой вокзал: вы увидите огромное количество милиции. А что она делает? Довольно редко она проверяет подозрительных людей. А если проверяет, есть мнение, что в основном для того, чтобы денежку вытрясти. В метро стоят милицейские девушки на каблуках в пять сантиметров – это модели, а не милиционеры: они для чего угодно, но не для порядка, это всем ясно и понятно, кроме, может быть, министра внутренних дел.

В наших аэропортах после взрыва двух самолетов стали заставлять снимать ботинки, убирать металлические предметы. Но взорвали-то самолеты не потому, что кто-то пронес тротил через металлодетектор, а потому, что сотрудники – кстати, по-моему, как раз

милиционеры – за тысячу рублей пропустили этих пассажирок в обход контроля. Это вопрос коррупции, это вопрос нормализации деятельности ФСБ и МВД.

Сегодня милиция хорошо сработала после взрыва, и спорить здесь не о чем. То, что творит милиция помимо чрезвычайных положений, мы тоже знаем, и надеяться на быстрое оздоровление этой структуры не приходится.

Что касается контрольных пунктов на вокзалах: если вы всех пассажиров всех поездов, машин и автобусов, которые ходят в Москву, будете пропускать через металлодетектор с раздеванием и просмотром поклажи… Это просто технически невозможно.

Е. ЧЕРНЫХ: – К тому же на пластиковую взрывчатку детекторы не реагируют.

М. ДЕЛЯГИН: – Но на самом деле все прекрасно знают, кто, что, куда и как везет в Москву. Отменили «героиновый поезд» Душанбе – Москва, но он останавливается теперь, не доезжая до Москвы, и дальше весь этот товар везется автобусами, и все это прекрасно знают.

Специалисты знают, какие и где существуют организованные преступные группировки. Все прекрасно знают систему «крышевания», взяток, коррупции: если бы у руководителей страны было желание, с этим было бы покончено за год, и мы были бы в безопасности.

Ненавижу Саакашвили, но он в Грузии, которая в СССР почиталась едва ли не как родина коррупции, резко ограничил это явление! У нас в России это тем более достаточно просто сделать: было бы желание у государства.

Но если Вы, Ирина Ивановна, попробуете заняться этим сами, Вас могут просто посадить в тюрьму по 282-й статье: за экстремизм, за критику начальства в неаккуратной форме. К сожалению, насколько можно понять, созданная в нашей стране система направлена на защиту не столько людей, сколько коррупционеров.

Далее: Вы сказали «мы расслабились». Но вот расслабились как раз отнюдь не «мы», а те, кто должен нас защищать и кто не выполняет свои обязанности.

Е. ЧЕРНЫХ: – А напрягались ли они вообще?

М. ДЕЛЯГИН: – Они напрягались в 1999 году и некоторое время после этого. Правда, напрягались специфическим образом, но, тем не менее, есть некоторые достижения. Те же самые убитые террористы на Северном Кавказе, те же самые захваченные несколько «общаков» преступных группировок – правда, после этого ликвидировали управление, которое это сделало…

К сожалению, не только милиция, но и наше государство в целом не исполняет своих прямых служебных обязанностей. Просто, когда их не исполняет ФСБ, это оборачивается наибольшим кошмаром для нас всех.

Однако пытаться жить за решеткой, за стеной из металлодетекторов, как пытаются жить некоторые в Израиле, к сожалению, не получится. И не нужно, потому что есть масса открытых городов, куда может приехать любой человек. И существует скрытая система контроля. И, если вы подозрительны в Лондоне, вас вывернут наизнанку, и ни демократия, ни права человека, ни адвокаты вам не помогут, потому что там полиция работает, а не занимается чем-то еще.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Меня зовут Николай Иванович. Я внимательно выслушал предыдущих граждан. Сейчас мы обсуждаем следствие, а надо понять причину. Я имел отношение к спецслужбам. Не могу не обсудить главную причину, которая порождает эти очаги бандитизма. Хочу высказать свою точку зрения. Возможно, они у нас совпадут.

Вам не кажется, что вся антитеррористическая деятельность на Северном Кавказе давно уже прекратила свою активность? Она не была доведена до конца. Видимо, по какой-то причине наше руководство и конкретно премьер-министр наш решили идти другим путем. После достаточно проблематичной победоносной войны в Дагестане и Чечне все пошло по пути, что, мол, все у нас закончено, и скоро все будет хорошо. Давайте мы будем зализывать раны, задаривать Чечню. Давайте ее успокаивать. Весь терроризм в Дагестане, в Ингушетии идет из Чечни. Пока там не будет поставлена точка с бандитизмом, это будет продолжаться.

Все последние антитеррористические операции, которые освещаются у нас, – они тоже слабенькие. Три человека окружаются чуть ли не ротой спецназа. И при этом спецназ еще и

несет потери. Убивают полтора террориста – ах, какая победа! Надо вылечить Чечню, Северный Кавказ. А не надевать на больной зуб золотую коронку.

М. ДЕЛЯГИН: – Вы все очень подробно сказали. Абсолютно и полностью согласен с Вами. Единственное, что могу уточнить: в Дагестане не весь терроризм напрямую связан с Чечней. Там есть еще собственные внутренние источники.

Согласен с тем, что вместо лечения больного зуба на него надели золотую коронку, но это слишком политкорректный образ. Дело в том, что, когда мы финансируем не только Чечню, но и другие северо–кавказские республики – это финансирование, как правило, осуществляется без должного финансового контроля, а иногда и вовсе без какого бы то ни было контроля.

А выдача денег без контроля больше напоминает выплату дани, чем оказание финансовой помощи.

Снятие режима контртеррористической операции в Чечне абсолютно преждевременно. Это вещь, которая будет аукаться очень долго. Потому что в каком режиме будет работать международный аэропорт города Грозный, знает только Аллах. Возможно, даже нынешние чеченские руководители это не очень полно себе представляют. И в целом формирование чеченской государственности в последние годы значительно опережает формирование государственности российской. Последствия этого, я думаю, понятны.

Что касается терроризма в целом, надо разделять два фактора. Первый – профессиональные террористы, которые не вычищены. А второй – это «золотой дождь», который льется туда и который не доходит до нормальных людей, но часто консолидируется в местной коррумпированной верхушке, которую кто-то в федеральном центре пытается покупать. И эта коррумпированная верхушка, насколько можно судить, на наши же деньги натравливает обычных нормальных местных людей на Россию. А с другой стороны, кого она финансирует на эти наши деньги, бог весть. Может, кто-нибудь из них финансирует и террористов.

И, наконец, третье: в условиях, когда люди на Северном Кавказе погружены в полную беспросветность и не имеют вообще никаких возможностей как-то заработать себе на жизнь – то, что мы там сейчас имеем, это еще низкий уровень терроризма, по крайней мере, относительно возможного.

Что касается спецопераций: я не специалист в этом. Но то, о чем рапортуют и что показывают по телевидению, на меня производит впечатление работы скорее на телекамеру, чем против террористов. К сожалению.

Это претензия совершенно не к тем офицерам и солдатам, кто подставляется под пули и несет потери – часто, насколько можно судить, ничем не оправданные. Это претензии к тем, кто планирует эту деятельность и руководит ей, если эту деятельность вообще кто-то планирует, и если по отношению к ней вообще можно говорить о каком-то руководстве.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Эдуард. Хочу высказать свое мнение. Мы все соболезнуем по поводу случившегося. Но в программе постоянно повторялось слово «шахидка». Это задевает интересы многих верующих, многих мусульман. Шахид у них в исламе имеет другое значение, не связанное с терроризмом. Думаю, мы можем своими недостаточно аккуратными словами навлечь сейчас на себя другую волну еще больших проблем.

М. ДЕЛЯГИН: – Мне кажется, мы слишком много думаем о других людях и слишком мало думаем о себе. Нам как-то не хватает здорового эгоизма, мы как-то слишком охотно жертвуем своими детьми ради совершенно чужих.

Я не слышал ни одного протеста мусульманской общественности против употребления слова «шахид» со стороны исламских террористов. Когда эти слова употребляют всякие усамы бен ладены, для «мусульманской общественности» это нормально, это не вызывает протестов. А вот когда это слово употребляется нами, это вызывает у них неудовольствие.

Пусть они сами возражают против употребления этого слова своими единоверцами, которые позорят их же собственную веру. Когда они будут протестовать против этого, когда они будут кричать на всех углах, что не имеет права какой-нибудь старик Талибаныч

употреблять такое слово, вот тогда мы тоже его употреблять не будем. Но сегодня благодаря их молчанию – дай бог, если нейтральному, а не люто враждебному нам, – в русском языке слово «шахид» имеет совершенно определенное значение. И они своим молчанием к этому приложили руку.

А то вот сейчас могут позвонить итальянцы и сказать, что слово «бандитто» означает благородного партизана, и вы не смеете так называть грабителей. К сожалению, поздно: смеем, потому что определенное представление сложилось, и слово приобрело устойчивый смысл. Сетовать на искажение слово «шахид» сегодня примерно то же самое, как и негодовать по поводу того, что древний священный знак «свастика» сегодня ассоциируется с Гитлером.

Поздно, уважаемые, пить боржоми.

Вообще иногда политкорректность понимается безумным, шизофреническим образом. Доходит до того, что требуют, чтобы в христианских храмах, в которые на юге Испании превращены старые мечети, разрешили мусульманское богослужение. Но сами мусульмане ведут себя так, что о возможности аналогичных просьб в отношении аналогичных турецких мечетей даже мысли не возникает.

Политкорректность иногда хорошая вещь, но слово «шахид» уже имеет значение. И если бы это действительно кого-то всерьез затрагивало, мы употребляли бы сегодня другое слово. Потому что в критические дни 11 лет назад и даже до того, мусульманская общественность заставила бы своих единоверцев не употреблять это слово всуе. У нее такие возможности, как мне кажется, были.

Е. ЧЕРНЫХ: – Шахид в переводе с арабского означает «мученик за веру».

М. ДЕЛЯГИН: – И террористы понимают, что да, это действительно мученик за веру, он против неверных, жертвует своей жизнью, чтобы быстрее попасть в рай. Это их понимание их религии. Есть и другие понимания их религии, что, конечно, замечательно, но почему ее представители обращают свой протест именно к нам? Обращайте этот протест к ним, к террористам, представляющим вашу собственную религию. Это ваши внутриисламские выяснения отношений, и мы со стороны не можем в них вмешиваться, это будет неполиткорректно.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте, меня зовут Владимир Сергеевич. Сегодня первый день Страстной недели. Это было сделано, чтобы показать, что мусульмане сильнее христианства. Это плохо. Вот и все.

М. ДЕЛЯГИН: – Если бы организаторы теракта хотели показать, что они сильнее христианства, они сообщили бы об этом прямым текстом. Мы бы это прочитали на «Кавказ-центре» и во многих других подобного рода местах. Поскольку таких заявлений впрямую нет – тема отсутствует.

Да, ужасно, что это случилось в первый день Страстной недели, но эта такая неделя, в которую и должна вылезать всякая нечисть.

И мы не знаем, действительно ли террористы были исламистами. И, главное: таких заявлений не было. А поставьте себя на их место: для них это было бы более чем эффективно. Но они молчат – значит, у террористов были другие мотивы. Поэтому, думаю, что вот именно здесь межрелигиозный мотив не носит выраженного характера.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как улучшить борьбу с последствиями того, что мы имеем сейчас на Кавказе, в Афганистане, Пакистане?

М. ДЕЛЯГИН: – Пакистанский, афганский след в нашем терроризме резко ослаб в 2003 году, когда началась война в Ираке и когда они переориентировались туда. Если мы увидим, что такой след восстановился, это будет страшной новостью. Но пока, насколько я понимаю, этого нет.

Что касается Северного Кавказа, есть только один способ: нужно обеспечить контроль за деньгами, которые мы туда даем. И тогда те деньги, которые туда направляются, не будут разворовываться на всех этапах и будут достаточны для того, чтобы создать нормальные рабочие места. И тогда количество потенциально опасных людей оттуда сократится в разы.

Корень зла в том, что на Северном Кавказе произошла социальная катастрофа. Не только в Чечне, хотя в Чечне, конечно, в наибольшей степени. Трудовая мотивация в ряде случаев разрушена еще сильнее, чем на остальной территории нашей страны.

Очень много идей, связанных с желанием Северный Кавказ отделить и выкинуть. На что должен сказать: дорогие коллеги, к сожалению, северная граница Северного Кавказа не определена точно так же, как северная граница «северных территорий», о которых бредят японцы. Огромное количество людей оттуда живет на территории остальной России. Что вы с ними собираетесь делать? Депортировать? На основании чего? Что делать со смешанными браками? Это все, к сожалению, нереализуемые вещи.

Северный Кавказ отпилить мы не можем точно так же и по тем же причинам, по которым человек обычно не может себе руку отпилить. Строго говоря, его точно так же и незачем отпиливать. Но там нужно нормализовать жизнь – любой ценой. Не путем задабривания местных царьков и князьков – это путь к новой войне и никуда иначе, – а путем наведения порядка. К сожалению, к моему ужасу, мне страшно произносить эти слова, за последние десять лет порядка там больше, с моей точки зрения, не стало.

Е. ЧЕРНЫХ: – Получается, все, что мы сейчас там имеем, это уже продукт нашего внутрироссийского производства? Идет полномасштабное идейное и финансовое накачивание Кавказа со стороны Саудовской Аравии и кого угодно еще, вплоть до США.

М. ДЕЛЯГИН: – Идейная накачка продолжается, хотя и она продолжается совсем не так, как в 1999 году. На существенно меньшем уровне. Финансовая накачка, наверное, тоже идет, но тоже не существенно меньшем уровне.

Так что в основном – это проблема российского производства. В основном, с моей точки зрения, северо–кавказский терроризм имеет клеймо «made in Russia».

Это не снижает вину тех внешних террористических центров и тех правительств, которые нам улыбаются на переговорах и одновременно подрывают нашу стабильность. Но ключ к решению проблемы терроризма в России лежит не в Эр-Рияде, не в Вашингтоне, не в Каире и не в других замечательных местах. К сожалению, ключ от Северного Кавказа лежит в Москве. Если эта проблема не будет решаться в Москве, она не будет решаться никак, никогда и никем.

Е. ЧЕРНЫХ: – Сейчас, когда в стране не хватает денег, когда в нашем бюджете дыры…

М. ДЕЛЯГИН: – Простите, пожалуйста, в чьем бюджете дыры? В Вашем?

Е. ЧЕРНЫХ: – У нас же дефицитный бюджет.

М. ДЕЛЯГИН: – Простите, это текущий дефицит федерального бюджета. Неиспользуемые остатки средств на счетах федерального бюджета превышают 6 трлн руб… В целом же международные резервы Российской Федерации, куда входит, правда, основная часть этих 6 триллионов, превышают 520 млрд долл… Если эти деньги направить на модернизацию, а не на разговоры о модернизации – на них можно вторую Россию построить, вполне современную, а не с технологиями 30–60-х годов прошлого тысячелетия, я об этом говорил неоднократно. И еще останется для сохранения стабильности валютного рынка.

Вопрос один: что такое модернизация? Мы о ней говорим или мы ее делаем? А деньги в бюджете достаточные.

Да, через некоторое время, когда они будут украдены, проедены и растранжирены, их будет не хватать. Но на сегодняшний день, если у вас 6 трлн руб. валяется без движения, и вам все мало, и вы все плачетесь, и у вас везде дыры, – Плюшкин на вашем фоне является эффективным менеджером.

У нашего государства все в порядке с деньгами, у него с мотивацией, с моралью и с мозгами проблемы, а денег – как у дурака махорки.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вернемся к терактам. Неизвестно пока, исламский ли это фундаментализм или кто-то еще сделал.

М. ДЕЛЯГИН: – Скорее всего, конечно, это исламский террорист – больше просто некому, хотя юридических доказательств нет. Но дело не в этом: будь то исламский

террорист или марсианский – он смог сделать свое дело либо из-за чьей-то халатности, либо из-за чьего-то умысла. Но мы не можем обсуждать эту тему, потому что она деликатная, и мы априори не имеем информации. А обсуждение в отсутствии информации – это спекулирование.

Е. ЧЕРНЫХ: – Информацию мы, наверное, вряд ли узнаем.

М. ДЕЛЯГИН: – В этих вопросах информация бывает не всегда. Ну, например, взрывы 1999 года: информации нет никакой, а понимание, думаю, есть у каждого.

А иногда и понимания нет: например, знал Рузвельт, что японцы собираются Перл-Харбор бомбить, или нет? Кто убил Кеннеди? Эта сфера закрыта.

Но, какой бы закрытой она ни была, эта закрытость имеет смысл и оправдание при единственном условии: если люди, которые должны бороться с терроризмом, причем не на уровне оперативников и аналитиков, а на уровне руководителей, исполняют свои обязанности. Если они исполняют свои обязанности, в том числе обязанности перед нами как гражданами страны, не очень хорошо, создавая тем самым угрозу нашим жизням и жизням наших близких, – они тем самым освобождают нас от какой бы то ни было лояльности по отношению к себе.

30.03.2010

Преступник имеет национальность

М. ДЕЛЯГИН: – Прошу понять: как бы плохо мы по разным причинам ни относились к мигрантам, они здесь, в России, находятся отнюдь не от хорошей жизни. Они люди, и тоже хотят жить, и приехали, а часто бежали к нам из зон настоящих гуманитарных катастроф. Сегодня нормальная еда в Таджикистане – пресная лепешка на весь день и спитой чай. Хотя это Таджикистан: протяни руку – и в нее упадет фрукт.

Е. ЧЕРНЫХ: – От голода едва не умер самый высокий человек Киргизии Женишбек Райимбаев. От истощения ноги отнялись у великана ростом 2 метра 32 сантиметра. Питался только хлебом и чаем. Чудом спасли.

М. ДЕЛЯГИН: – Бежавшие из своих «суверенистанов» в России часто пережили действительно чудовищные трагедии.

Но ведь и мы переживаем трагедию. В 2007 году иностранцы совершали в 3,1 раза больше преступлений, чем совершалось против них, в 2008-м – уже в 3,5 раза, в 2009-м разрыв вырос до 3,9 раз, а в 2010-м – до 4,0 раз. Затем он снизился до 3,9 раза в 2011-м и 3,4 в 2012-м, но в январе-апреле 2013 года подскочил до 4,1 раза. Такова официальная статистика, но реальный разрыв выше: ведь для выяснения, что преступник – иностранец, преступление надо еще раскрыть. А это бывает, как мы хорошо знаем, далеко не всегда.

По официальному заявлению руководства московской полиции, только в I квартале 2013 года преступления, совершенные иностранцами, выросли на 42 %, в том числе тяжкие и особо тяжкие – на 72 %!

Другая проблема – разрушение миграцией этнокультурного баланса России. Причем этнокультурный баланс рушится не только жителями Таджикистана и Китая, но и приезжающими в традиционно населенные русскими регионы выходцами из формально числящегося в составе России Северного Кавказа и национальных республик других регионов. И там, включая, насколько могу судить, даже Якутию, идет выдавливание русских, тихая этническая чистка, которую власти замалчивают.

Пора признать: Северный Кавказ уже коренным образом отличается от советского и даже царского времени. Произошла его, как это политкорректно называют, дерусификация, весьма существенно изменилась культура. Не будем брать Чечню, с которой в принципе все понятно, но даже в Дагестане при Советской власти русские составляли 7,3 % населения, к 2002 году их осталось 4,7 %, а в 2010-м – 3,6 %. В других республиках ситуация схожая.

Она усугублена продолжающимся, несмотря на все заклинания, социально-

экономическим кризисом, который лишает людей всяких перспектив нормальной жизни и порождает бандитизм. Во многих местах на Кавказе жители уже сейчас по ночам занимают в своих домах круговую оборону. В этих условиях русские становятся лакомой добычей бандитов – не только из ненависти по национальному признаку, но и потому, что у нас нет обычая кровной мести, и защиты государства де-факто тоже нет. Значит, за нас никто не будет мстить. Другие причины уязвимости русских – слабая самоорганизация, миролюбие, законопослушность.

И, с моей точки зрения, причиной уязвимости русских является сознательная политика государства. Дагестанские ополченцы, в 1999 году с оружием в руках защищавшие свои дома от чеченских бандитов, были официально признаны героями. А теперь представьте русских, которые попытались бы защищать себя в аналогичных условиях. Скорее всего, их бы всех столь же официально объявили бы преступниками, «русскими фашистами», облили бы грязью во всех либеральных СМИ и посадили в тюрьму за разжигание межнациональной розни и как минимум – за нелегальное хранение оружия.

Е. ЧЕРНЫХ: – Хотя страна-то официально одна, что Тамбов, что Дагестан.

М. ДЕЛЯГИН: – Официально одна. А на деле чеченские участники бандформирований амнистированы, а российские офицеры, несмотря на сомнительность, а часто и откровенную бредовость обвинений, осуждены на тюремное заключение.

И этому стремительно, на глазах дичающему Северному Кавказу, откуда выдавлены представители нашего и других некоренных для него народов, мы сегодня, по сути, платим дань, как когда-то Золотой Орде. Эти деньги называются красиво: трансферы, субсидии, инвестиции, – но государство, как можно понять, не контролирует их использование.

Только по одному направлению – «финансовая помощь на выравнивание бюджетной обеспеченности» – Северный Кавказ в 2013 году получит 95,8 млрд руб. В том числе Адыгея – 4 млрд, Дагестан – более 43,2 млрд, Ингушетия – 7,9 млрд, Кабардино-Балкария – 8,1 млрд, Карачаево-Черкесия – 6,4 млрд, Северная Осетия – 8,3 млрд, Чечня – 17,9 млрд. руб. Россия платит этим регионам, а взамен не получает вообще ничего, даже безопасности, и нам еще с пеной у рта рассказывают, что все это – сущие копейки, о которых просто нельзя упоминать!

Нельзя забывать и о том, что наше государство не создало даже достоверного учета числа мигрантов: основная их часть нелегальна, потому что жесткий учет, оказывается, нарушит их права! А о правах граждан России российская бюрократия почему-то не задумывается.

Ярчайший пример – оценка числа проживающих на территории России приезжих из Грузии. До начала позорной антигрузинской кампании 2006 года говорили, что их буквально 100 тысяч на всю Россию, а в ходе той кампании, за которую я до сих пор испытываю жгучий стыд, показатели менее 1 млн. грузин не назывались. Есть оценки, по которым население Москвы составляет примерно 14 млн человек, из которых около 1 млн. азербайджанцев.

Самая острая проблема миграции – этническая преступность. Ведь культура весьма жестко определяет все сферы жизни человека, в том числе криминальную. Именно поэтому в США в ФБР есть отделы, специализирующиеся на видах этнической преступности.

В России еще недавно утверждалось, что преступник не имеет национальности. Бредовость этого шизофренически политкорректного бреда ярче всего видна на простом примере: если я, допустим, делаю что-то противозаконное, то немедленно становлюсь этаким инкубаторским цыпленком – без мамы и без папы! А любое упоминание об этнической преступности есть «фашизм», причем желательно «русский». В результате государство, если и хочет, не может учитывать этническую специфику преступности, что ослабляет эффективность расследований, а в ряде случаев делает их попросту невозможными.

Не стоит забывать, что одна из причин войны в Чечне в ноябре 1994 года заключалась в большом влиянии организованной чеченской и, возможно, некоторой иной преступности в Москве. Похоже, тогда стоял вопрос о власти на федеральном уровне по принципу «кто

кого».

Вторая проблема, благодаря которой незаконная миграция и уничтожает Россию, – это коррумпированность собственно российской власти. Похоже, в ряде городов часть правоохранительных органов просто на корню скуплена этническими кланами. Это означает высокую степень безнаказанности уже и мелкой этнической преступности, что также «обостряет дружбу народов». Не секрет ведь, что отношение к взятке в разных культурах разное. Для нас это нечто предосудительное, а есть культуры, где это почти народный обычай.

Принципиально важно понимать, что наша бюрократия весьма позитивно относится к миграции, даже нелегальной. Ведь откуда все эти вопли, что преступность не имеет национальности, что мигрант всегда трудолюбив, а русский обязательно ленится? Так говорят далеко не только либералы, которые во все эти бредни верят.

Это базовая установка клептократии, исходящая из того, что чиновнику нужен раб. Ему не нужен свободный человек, который думает, что у него есть какие-то права. Вот Вы, Евгений, может, и Конституцию читали?

Е. ЧЕРНЫХ: – Читал, не скрою.

М. ДЕЛЯГИН: – И напрасно: это делает вас неконкурентоспособным на современном российском рынке труда. Ведь человек, бежавший сюда от голода или войны, понимает: он никто и звать его никак. И согласен практически на любые условия. Так, дворники-мигранты часто получают менее половины денег, которые на них списываются, но молчат: иначе уволят. А жулик-бюрократ доволен. Он имеет фантастический приработок. Вот вам симбиоз коррупции и миграции, органично порождающий русофобию едва ли не как государственную политику.

Е. ЧЕРНЫХ: – Свой хороший приработок имеют и контролирующие органы. Создается порой впечатление, что задача милиции – не преступников ловить, а документы мигрантов проверять.

М. ДЕЛЯГИН: – Массовая миграция создает и проблему образа жизни. Вопиющий пример: несколько лет назад в центре Москвы в детской песочнице резали барана в религиозный праздник. Представьте состояние малышей, на чьих глазах убивают барана: кровь течет ручьями, его тут же вспарывают, свежуют… Психическая травма на всю жизнь!

Солидарность мигрантов выше, чем у горожан, и этническая клановость сильнее городской разрозненности. Что ведет, выражаясь современным языком, к неконкурентоспособности коренных жителей. В Москве доходит до формирования, по сути, этнических школ. Есть ситуации, когда учителя уже криком кричат, что не могут общаться с приезжими учениками, потому что те очень хорошо усвоили, что им позволено практически все.

А возьмем высшую школу. Руководители вузов рассказывают об абитуриентах из некоторых республик Северного Кавказа, которые в своих школах по результатам ЕГЭ получили 90 баллов из 100, но не способны написать даже заявление о приеме в институт. И далеко не из каждого вуза этих «отличников» потом отчислят за академическую неуспеваемость. Где-то они преподавателей купят, где-то пообещают зарезать, а где-то, вполне возможно, и не только пообещают.

Е. ЧЕРНЫХ: – Что же делать государству?

М. ДЕЛЯГИН: – Нам нужна миграционная политика не по французскому образцу – мол, дадим им пособия, чтобы отвязались и устроили массовые беспорядки не сейчас, а хотя бы через 10 лет, – а по шведскому. Когда человек приезжал, ему давали место для жизни, максимально удаленное от мест проживания всех его соплеменников. В результате мигрант варился в шведской среде, его дети общались со шведами и по культуре становились шведами.

Не надо стесняться квотировать миграцию в России по этнокультурному принципу. Так делает большинство развитых стран. Китайцев в США начали пускать только в 20-е годы прошлого века. Австралия – другой «плавильный котел» планеты – была закрыта для

неевропейцев до начала 70-х.

Необходимо размывание диаспор. Государство относится к ним, как неумный офицер к «дедовщине»: мол, раз они позволяют решать мелкие проблемы, пускай сохраняются. А ведь диаспора представляет собой объективное препятствие интеграции. Какими бы хорошими ни были их руководители, они прекрасно понимают, что нужны, только пока мигранты не могут интегрироваться в обществе сами.

И, главное, необходима нормализация жизни на постсоветском пространстве. Если в Таджикистане жить нельзя, а в Москве можно, люди все равно побегут сюда.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как мексиканцы бегут в Штаты. Несмотря на все границы, полицию и даже «стену Буша». У нас мало кто знает, что главный демократ планеты Буш в XXI веке вдоль границы с Мексикой строил стену в 1125 км от нелегалов. Бюджет – $3,5 млрд. Плюс современные средства слежения, включая космические. Не достроил.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы этот метод знаем лучше всех. Построили Берлинскую стену. И как? Помогло? Вокруг Чечни ров копали. И где тот ров? Воздвижение механических преград не работает: люди всегда лазейку найдут.

Работает только нормализация условий жизни. Конечно, кормить постсоветское пространство просто так не надо. Советский Союз их уже кормил, – и мы видим, какую лютую ненависть к России выкормил в странах, ради благополучия которых Нечерноземье буквально заросло бурьяном.

Замечательную сбалансированную политику демонстрирует сейчас Китай в Африке, взяв лучшее из советской политики. Он развивает инфраструктуру и зарабатывает на этом. Если китайцы могут это делать в Африке, почему мы не можем в Средней Азии и в Закавказье?

Е. ЧЕРНЫХ: – Простите за глупый вопрос, а у нас есть сейчас министерство национальностей? Типа как в сытой и благополучной Австралии?

М. ДЕЛЯГИН: – Министерства нет. Есть Агентство по взаимодействию с соотечественниками, но оно по статусу не вырабатывает политику, а лишь «оказывает государственные услуги». Есть соответствующий департамент в МИДе, но МИД с конца 90-х годов является исключительно исполнительской структурой, а не стратегической. И реально у нас национальную политику никто, даже Совет Безопасности, не вырабатывает. Все это нужно исправлять, и как можно быстрее.

У государства есть деньги на реализацию любых проектов. Международные резервы – более 520 млрд долларов! Таких денег у Советского Союза, да и у царской России не было никогда за всю их историю. Эти деньги могут и должны служить России, а не спекулянтам, на благо которых в прошлый виток кризиса было выброшено четверть триллиона долларов.

Меры просты: поддержка материнства и детства, нормальные пособия. В нищей Украине пособие на рождение ребенка – 1000 долларов. Решение этой проблемы позволит быстро получить дополнительного ребенка на среднюю семью (так как из-за бедности россияне в среднем имеют 1,5 ребенка, а хотят 2,5), не имеющую медицинских проблем и не живущую в кромешной нищете. А это не менее 20 миллионов человек дополнительно.

Есть норма: государство должно тратить на поддержку семьи 2,3–2,5 % ВВП. В СССР это выполнялось, в кошмарные 90-е годы, как это ни удивительно, все равно тратилось в среднем 2,1 % ВВП, а вот в «тучные» для некоторых 2000-е годы – менее 1 %.

Надо создавать в ходе модернизации стабильные привлекательные рабочие места. Нужно полное равенство прав мигрантов с местными рабочими (что исключит возможность занижения зарплат и социального демпинга в целом), резкое снижение квот на их привлечение, а на время кризиса – приглашение лишь уникальных специалистов.

Задача быстрого увеличения числа рабочих рук решается повышением качества «домашней» рабочей силы за счет ее лечения, в том числе от алкоголизма, обучения и организации. А неинтегрируемую и лишнюю для нашего рынка труда часть нелегальных мигрантов надо просто высылать. И не за счет налогоплательщиков, а за деньги самих нелегальных мигрантов. Ведь нелегальная миграция, нелегальная работа в России –

преступление. Почему если я, гражданин России, нарушаю закон, то лишаюсь свободы, а мигрант получает всего лишь билет на родину за мой счет? Что за дискриминация?

Абсолютная задача – подавление организованной преступности вообще и этнической в первую очередь. Без этого в России просто не будет даже самой государственности. Необходимо сокращение коррумпированности правоохранительных органов. Мы видим на примерах не только США и Италии, но и ряда наших соседей, что эта проблема решаема. Было бы желание. Вы знаете, в Белоруссии, Грузии, Молдавии нет «воров в законе»! Они к нам перебрались со своими подручными. Тоже «трудовые мигранты» и «трудолюбивые соотечественники», наверное.

Нужна идеологизация общества, объединение России. Я верю, что эта задача будет решена. Здесь нет ничего простого, но нет и ничего сверхсложного.

30.09.2009

Возвращение либеральной чумы

М. ДЕЛЯГИН: – Многих, и меня в том числе, сильно насторожила подлинная вакханалия по поводу реабилитации Гайдара в связи с его смертью.

У нас разные реформаторы умирали, разной степени авторитетности и разной смертью. И Собчак у нас умер, и Старовойтова погибла, и даже Борис Николаевич Ельцин, хоть его китайские врачи и вылечили, насколько можно судить, от его публичного недуга, в свое время тоже скончался. Но такой вакханалии попыток реабилитации этих людей не было.

Говорилось вполне внятно и вполне прилично: да, люди неоднозначные, общественно значимые, но все же совсем недавно умерли, так что выскажемся про их роль попозже.

Е. ЧЕРНЫХ: – История рассудит.

М. ДЕЛЯГИН: – Вот именно. Первые сорок дней не надо публично говорить про умерших, про которых трудно сказать что-то хорошее. И в стране, в общем, старались культурно молчать.

А вот смерть Гайдара выявила совершенно иную картину. Подлинная вакханалия, истошные, истерические попытки убедить всех чуть ли не в святости этого человека, которого мы, в общем, очень хорошо помним.

И Юрий Михайлович Лужков, и Гавриил Харитонович Попов – люди психологически уравновешенные, спокойные. Кожа у них, фигурально выражаясь, толстая. Чтобы их проняло так, что они сорвались и выступили с обширной и статьей в «Московском комсомольце» о неоспоримых аспектах облика Гайдара – это надо было постараться.

Далее: вдруг выдвигается почти официальное, потому что исходит от представителя «Единой России», требование уничтожения Министерства внутренних дел!

Да, общее возмущение милицией у нас растет, и справедливо – особенно сейчас, когда, похоже, даже Евсюков останется безнаказанным. Понятно, что это возмущение используется также в политических, в аппаратных целях. И вдруг депутат от «Единой России» адвокат Макаров, которого многие хорошо помнят по 90-м годам, выступает с требованием ликвидировать МВД!

Это же бред. Ведь преступники есть, и кто-то их все равно хотя бы теоретически должен ловить. «Единая Россия» этого же делать не будет…

После этого демарша исключительно умный и опытный человек Зорькин, председатель Конституционного Суда, который в своей жизни видел все, всех и во всех видах, вдруг публикует к 15-летию Конституционного Суда в «Российской газете» статью, производящую впечатление просто нервного срыва. О том, что попытка уничтожить МВД – это не просто разговоры, а это серьезная, системная попытка уничтожить государство тем же способом и почти теми же людьми, как было сделано в начале 90-х годов. Эмоциональность статьи не соответствовала ни образу Зорькина, ни стилистике официальной газеты правительства, и я не придал ей значения, даже, каюсь, неправильно отреагировал, и пользуюсь случаем

извиниться перед Зорькиным: ошибся.

Опытные люди обладают тем преимуществом, что они опытные – Зорькин учуял начало системной попытки разрушить не клептократию, но саму российскую государственность там, где я видел всего лишь цепь несуразностей.

А после этого мы увидели феерическую вещь. Помните, фильм такой был – «восстание живых мертвецов»?

Вот в политическом плане проявилось нечто подобное. Госпожа Дьяченко, ныне Юмашева, бывшая советница своего папы Ельцина, начала вести свой Интернет-блог. Очень качественный, очень эффективный. Я сам поневоле веду блог и знаю, что это такое: над блогом Юмашевой работает, скорее всего, целая бригада – вероятно, из участников памятной президентской кампании 1996 года. Но ее блог ведется даже более квалифицированно, чем те тексты, которые писались для Ельцина и его окружения в то время. Это системный продукт.

Е. ЧЕРНЫХ: – Этот блог и заметки Юмашевой заметили все.

М. ДЕЛЯГИН: – Потому что была очень качественная реклама. Подпороговая, без истерик, без перехлестов. Эта реклама, как и этот блог – корпоративный высококачественный продукт. Мы узнаем, кто это делал, потому что таких мастеров мало, глядишь – и удастся прибегнуть к их помощи.

Е. ЧЕРНЫХ: – Отношение к ней сегодня такое: ну, женщина в политику не лезет, она в возрасте, заняться ей нечем. И вот она решила просто писать, вспоминать.

М. ДЕЛЯГИН: – «Просто писать» выглядит по-другому. В другом стиле и с другой периодичностью – почитайте ЖЖ Дарьи Митиной, той же Литвинович, Марины Юденич… Это в принципе иной формат.

А Юмашева не «просто пишет» – с моей точки зрения, она не пишет, а весьма изощренно и квалифицированно переиначивает, переписывает историю. Мы негодуем, когда это делают эстонцы, поляки и европейцы, а вот госпоже Юмашевой позволяем.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну рассказывает, какой хороший Борис Николаевич, какой Абрамович, что здесь такого?

М. ДЕЛЯГИН: – Не могу сказать, что штудирую ее ЖЖ: из-за хорошей памяти просто срабатывает рвотный рефлекс. Я ведь ее помню: умненькую такую, востроносенькую. На улице мимо пройдешь – не заметишь, а роль в нашей истории сыграла такую, что Чубайс отдыхает…

Когда она пишет про то, как Борис Николаевич не имел никакого отношения к олигархам, а Коржаков такой ужасный, но вот Ельцин к его делам тоже чуть ли никакого отношения не имел… И когда после этого центральное телевидение сметает пыль и нафталин с Коржакова, чтобы он бессильно погрозил одряхлевшим кулачком – становится ясно: это прекрасная, качественная реклама.

Это мягкое переписывание истории.

Это ползучая, скрытая и оттого только более эффективная реабилитация 90-х годов.

Это часть того же проекта, в рамках которого пытаются реабилитировать Гайдара с таким усердием, что брызги и слюни летят по всему медийному пространству.

У нас ведь даже закрывают радиопрограммы, в которых посмели непочтительно отозваться о Гайдаре[10]. Это делает не страшное ФСБ, не управление МВД по борьбе с экстремизмом, даже не администрация президента – это делает, насколько можно понять, либеральная мафия, которая сейчас всерьез, не торопясь и весьма системно готовится к реваншу.

Настоятельно советую прочитать доклады Института современного развития – ИНСОРа. В них нарочито подробно объясняется: уважаемые читатели, ради бога, не

---

10 Стенограмма такой радиопрограммы, закрытой, насколько можно судить, из-за непочтительного отношения к Гайдару, приводится в приложении в конце настоящей главы.

принимайте нас всерьез, это мы так, просто поговорить, пригласить к дискуссии…

Е. ЧЕРНЫХ: – Но их всерьез и не воспринимают.

М. ДЕЛЯГИН: – Это государство не воспринимает, потому что оно как было глупым, так и осталось. А война-то идет не за него – за общественное мнение.

Вспомните, что случилось в 80-е годы? Людям объяснили, что царская Россия, в которой 70 % населения были неграмотно, в которой страшные засухи и голод были каждые 7 лет, и никто из-за них не пищал по поводу «голодомора», в которой была чудовищная эксплуатация, в которой был страшный террор… Да, это был революционный террор, но он что, становится от этого менее кровавым? И был ответный террор, когда деревни расстреливали из пушек. Словосочетания «столыпинский галстук», «столыпинский вагон» – это что, признак благополучия? Признак успеха? Февральская и Октябрьская революция, в которые это царское имперское корыто опрокинулось – разве это не доказательство банкротства всей той системы?

И вот во второй половине 80-х добрые, милые либеральные интеллигенты, отнюдь не воюя с государством, а просто «восстанавливая историческую истину», а на самом деле нагло и цинично переписывая историю в своих корыстных политических интересах, объяснили обществу, что вот эта царская Россия была раем земным, в который нужно вернуться. Обществу объяснили, что нужно отказаться от того, что оно имело в советское время – от отсутствия безработицы, от здравоохранения, от образования, от относительно честного суда, – и вернуться туда, в царское время. Людей убедили в этом, и они вернулись. И великой страны не стало – притом, что особо с ней никто и не воевал.

Чтобы сокрушить государство, не надо стрелять: достаточно переубедить общество.

И сейчас начинается точно такая же либеральная попытка: убедить общество, что эти 90-е годы были раем земным, в который надо срочно вернуться…

А чтобы понять, чем были 90-е годы на самом деле – зайдите на любое кладбище в любом месте России. Просто зайдите и почитайте даты на могилах.

Там стоят ряды могил – хуже, чем во время войны, – бесконечные ряды могил молодых людей, которые погибли, были убиты, спились в возрасте от 20 до 30 лет в эти самые райские и благословенные для наших либералов 90-е годы, когда для этих либералов цвела демократия, была свобода слова и возможность самореализации.

Посмотрите доклад ИНСОРа, который писали многие хорошие, добрые и умные либеральные люди. Его смысл прост: ликвидируйте МВД, ликвидируйте ФСБ, верните политическую систему в 90-е годы – и наступят рай и модернизация.

Да, никто не спорит, что нужно, прежде всего, искоренить коррупцию…

Е. ЧЕРНЫХ: – Коррупция в МВД идет от того, что в других местах повыше есть коррупция. Рыба гниет с головы.

М. ДЕЛЯГИН: – А вот этого здесь нам пока не надо: рыба ведь не с министра внутренних дел гниет и не с директора ФСБ, не об этом сейчас речь.

Что, если ликвидировать МВД, преступность исчезнет? Никоим образом, и даже не снизится: если преступник снимет погоны, он не перестанет от этого быть преступником.

Что, если ликвидировать ФСБ, шпионов не будет? Будут шпионы. Значит, кто-то должен будет ловить преступников и шпионов.

Да, многих ученых, с моей точки зрения, переквалифицировали в шпионов подло, неправильно, калеча людям жизни, а то и доводя их до смерти для получения звездочек, а иногда и просто так – из садистского удовольствия и глумления над беззащитными. Надо отдать должное либералам – такой яркий их представитель как журналистка Латынина[11] внесла свой вклад в садистское избиение российской науки, в гнусное надругательство над

[11] Латынина в статье «Дело Сутягина» (http://www.ej.ru/?a=note&id=7308), по сути дела, поддержала обвинение его в шпионаже на том основании, что он передавал открытую информацию некоей английской фирме, которая затем оказалась несуществующей. Подчеркнем: речь шла об открытой информации, и Латынина это признает.

ней, в постыдную шпиономанию. Это беспредел, это преступление, и все причастные к этому должны быть показательно наказаны и сесть без срока давности.

Но, если разорвать на части ФСБ и бросить эти части на дорогу – кто будет ловить шпионов? Институт современного развития во главе с гражданином Юргенсом? Сомневаюсь, что они согласятся: это тяжелая работа, не говоря уже о том, что она требует квалификации.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это и неблагодарная работа.

М. ДЕЛЯГИН: – Любая агентурная работа, включая работу с агентами, разрушает психику. Люди, которые ловят шпионов, как и сами шпионы, поневоле занимаются аморальной деятельностью: по-другому невозможно. Такому человеку очень плохо, и нормальный человек себе и своим детям такого не хочет.

Поэтому МВД и ФСБ должны быть. Вопрос стоит об их оздоровлении, о чистке, о децимации, если угодно, но нам предлагают совсем иное: ликвидировать их и на пустом месте создать нечто иное, никому на самом деле не понятное.

Это действительно еще одна попытка вернуть страну в кошмар начала 90-х, вновь ввергнуть ее в ужас национальной катастрофы и тотального распада. Это ровно то, что было в 1991–1993 годах. Когда ликвидировали КГБ, а затем на пустом месте пытались что-то создать, и был полнейший беспредел. Шпион, словно в песне, проходил «как хозяин необъятной родины»…

Е. ЧЕРНЫХ: – И в МВД ведь тоже сколько народу сменилось в то время.

М. ДЕЛЯГИН: – Там была чехарда. Чего стоит один Бакатин, который по специальности был строителем. Потом возглавил «обновленное» и «реформированное» КГБ и начал свою деятельность с того, что отдал американцам план подслушивания их посольства…

Есть универсальный рецепт: хотите уничтожить функцию, добиться прекращения ее выполнения – устройте большую реорганизацию структуры, которая эту функцию выполняет.

Можно заниматься чисткой ведомства, и бывали случаи, когда глубоко коррумпированные ведомства очищались.

Но чтобы его ликвидировать и создать заново? Невозможно. Хотите создать иное – создавайте параллельно. Это американский опыт: когда они увидели, что полиция скуплена на корню преступниками, создали ФБР. И у нас бесконечно обсуждался вопрос о создании Следственного комитета.

А уничтожить ведомство, чтобы потом создавать на пустом месте что-то вместо него – это в чистом виде диверсия, это значит – вообще остановить его работу минимум на год. Год не только шпионы, но и бандиты, шпана, карманники будут хозяевами нашей страны и наших жизней.

Людям, которые этого не понимает, место в партии у Новодворской и среди всяких подрабинеков: это там употребляют слова, не понимая и не желая понимать их смысла.

Ну и хорошо, в нашем политическом зоопарке такие тоже должны быть, только выпускать их за пределы зоопарка контрпродуктивно.

Далее. После серьезного объяснения того, что для модернизации России надо ликвидировать два ведомства, в либеральных документах идет описание политической реформы.

Кто бы спорил, что нужна многопартийная система и одномандатные выборы. Ведь сегодня, при выборах по партийным спискам депутат, насколько можно понять, отвечает не перед избирателями, а перед партийной бюрократией.

Даже президент Медведев говорит о политической реформе, так что вопрос назрел.

Но ведь модернизация – это совсем другое. Смысл предлагаемой модернизации прост: давайте сделаем, «как при дедушке», и все будет хорошо. Если бы так сказала госпожа Юмашева, я бы даже не спорил. В 1996 году она была помощницей президента – помнится, связующим звеном между олигархией и Борисом Николаевичем, убеждала его в вещах,

которые находились в самых сложных соотношениях с действительностью. Здесь все прозрачно: человеку хочется вернуться в то время, когда ему было хорошо, и когда ему принадлежала реальная власть в стране. Но доклад ИНСОРа же не она пишет, это пишут взрослые, рациональные, разумные люди.

Да, содержательное описание модернизации они обещают нам дальше, но описанное им к политическим предпосылкам модернизации отношения не имеет.

Вы хотите сказать, что уничтожите ФСБ, МВД, и у нас на этом закончится коррупция? А кем вы будете заканчивать коррупцию? Латыниной? Ожиданиями, что эта коррупция рассосется сама собой, под косыми взглядами живущего на гранты профессионального «гражданского общества»?

Давайте не будем рассказывать сказочки.

Честный суд – прекрасная идея. А как вы его будете делать? Я помню, как примерно через год после введения суда присяжных многие адвокаты, которые добивались этого, буквально рыдали и не знали, что делать, потому что присяжные начали весьма часто оправдывать заведомых, очевидных убийц. По двум причинам. Первая – запугивание…

Е. ЧЕРНЫХ: – Друзья, оставшиеся на свободе?

М. ДЕЛЯГИН: – Есть люди, которые и лично могут запугать, даже из клетки в зале суда. Вторая причина – присяжных брали, да и берут «на жалость», пуская слезу. У нас народ очень жалостливый, гуманный в этом отношении. До сих пор непонятно, что делать с судами присяжных. Скорее всего, надо просто возрождать разрушенный, насколько можно понять, в ходе судебной реформы институт профессиональных, независимых, дорожащих своим именем судей.

Далее: я понимаю демократов, которым не нравится нынешний авторитаризм. Мне самому он не нравится. Но кто нам его насадил – марсиане? Чубайс прилетел в голубом вертолете?

Ничего подобного. Нынешний авторитаризм гармонично вырос из той самой радужной картинки, которую нам рисуют любители 90-х годов. Если вы хотите вернуться «назад к дедушке», то у нас будет сначала новый Березовский, а потом новая партия «Единство», которая переименуется в «Единую Россию». И мы вернемся в нынешнюю точку лет через семь, но в значительно худшей ситуации. Может, проявим немножечко ответственности?

Сейчас развернуто и активно развивается по всем фронтам подлинное либеральное наступление. Не на государство – на наши с вами мозги. Наступление, направленное на то, чтобы мы, как в конце 80-х годов, забыв собственное прошлое, забыв личную и семейную историю, захотели вернуться назад и опять разрушили и развалили все и вся.

Либералам было очень хорошо в 90-е годы. Даже мне было не очень плохо – года до 1995-го я многого не понимал, во многое не мог поверить в силу возраста и тоже был либералом.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вы работали рядом с «дедушкой» Ельциным.

М. ДЕЛЯГИН: – Не воровал, но чувство драйва и ощущение познания истины в конечной инстанции – что «рынок сам все сделает» – помню хорошо.

Беда в одном: мы хотим, чтобы Россия была Россией, а не Северным Гаити. А либеральные реформы неумолимо и отнюдь не случайно превращают нашу страну в Северное Гаити или, в лучшем случае, в Северный Таджикистан: они на это нацелены, и часто даже вполне сознательно.

Обратите внимание: в XX веке во всем мире не было ни одной успешной либеральной модернизации! Все модернизации, которые происходили, были более или менее авторитарными. Были модернизации в маленьких странах – там они проводились крупными корпорациями. Но, когда приходит корпорация и говорит целой стране «ам», это не демократия. Это просто такой другой авторитаризм – не политический, а корпоративный.

Е. ЧЕРНЫХ: – Который, может быть, даже невидим?

М. ДЕЛЯГИН: – Он хорошо видим и хорошо ощутим, в том числе в большинстве российских городов, кроме нескольких миллионников. В этих городах, если вы скажете не то

слово, вы уже не можете устроиться на работу нигде. Никем. Потому что есть неформальная корпорация – сообщество «хозяев жизни», – которая контролирует все ее стороны, включая и вас.

И, если они на вас обиделись – вас, может, и не убьют, но даже дворником на работу никто вас взять не рискнет, это вам не гуманные советские времена.

К демократии это не имеет ни малейшего отношения, но профессиональные либералы этого не понимают – кто по глупости, а кто по корысти.

Так вот, где у нас были успешные демократические модернизации? Боюсь, нигде.

Е. ЧЕРНЫХ: – В Чили была модернизация пиночетовская…

М. ДЕЛЯГИН: – Она была либеральной по экономической политике. А с точки зрения демократии это, извиняюсь, была лютая диктатура, хунта. Если бы какой-нибудь ИНСОР при Пиночете написал бы бумажку, что нужно распустить не то что МВД и ФСБ одновременно, а хотя бы одно из этих ведомств – фамилии авторов этой бумаги навсегда были бы стерты из памяти людей.

В плане экономики либерализм – это продать все западным корпорациям и ждать наступления рая. Как Бендукидзе сказал в Грузии, когда стал министром экономики: «Надо продать все, кроме чести». Грузинский народ, правда, уточнил: «Это значит для наших руководителей, что надо продать все».

И не будем забывать, что в Чили Пиночет сначала развалил экономику – намного хуже, чем Сальвадор Альенде, – и лишь потом позвал «чикагских мальчиков». И те сказали: пенсионную систему отменяем, кто недоволен – к стенке, минимизируем издержки, и все будет ничего. И надо сказать, что сейчас жизнь в Чили хороша для начальства. А зачем нам к этому стремиться – у нас для начальства и так жизнь хороша, безо всяких модернизаций.

И для олигархов у нас сейчас тоже все в порядке. И для глобальных корпораций. Вот посмотрите на поезд «Сапсан»: у них, по многим сообщениям, в колесных парах щербины, чуть ли не дыры. Что, у производителя этих колесных пар, знаменитого «Сименса» от этого в России возникли какие-то сложности? Что-то ничего не слышно по этому поводу. Так что в этом отношении у нас как при Пиночете: все хорошо. Стремиться не к чему, все цели либеральной модернизации в экономике достигнуты: начальство и глобальные корпорации жируют. Разница в том, что у них в Чили медь и гуано, а у нас нефть и газ.

А если брать реальную модернизацию, при которой происходит массовое обновление технологий, прыжок в будущее, – какие у нас успешные примеры? Япония.

Профессиональные демократы иногда называют ее «великой демократией». Да, у них свобода слова и очень отвязанная пресса, это правда. У них относительно независимые суды. Но, вообще говоря, страну с практически однопартийной до недавнего времени системой очень сложно считать демократией. Тем более что японский менталитет к отделению личности от государства не предрасположен.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но ведь все это кто организовал? Американцы?

М. ДЕЛЯГИН: – Американцы. Ничего себе демократия – при оккупации. Правда, понимание демократии именно как оккупации более развитыми странами было и у нас. И в 90-е годы оно было, а особенно – в конце 80-х. Это ж были реальные случаи, когда ветеранам войны в очередях за пивом только по шее не давали с формулировкой: «Если б не ты, отец, мы бы сейчас баварское пили».

Тогда американцы не хотели нас оккупировать, да и сейчас, думаю, им не до этого: Ирака и Афганистана вполне достаточно. Так что нет у них такого желания, не надейтесь, господа либералы.

Дальше можно еще Германию вспомнить: успешная модернизация, также начатая и в основном проведенная оккупационным режимом.

Самый успешный пример модернизации сейчас – Китай. О китайском либерализме могут говорить только люди вроде господина Илларионова и иже с ним. Логика их мышления, насколько понимаю, проста до слез: либерализм – это хорошо, и высокие темпы роста – это тоже хорошо. Значит, там, где есть высокие темпы роста, – там и есть

либерализм.

Дорогие коллеги, я совершенно не возражаю против расстрела взяточников и наркоторговцев и считаю, что это вполне соответствует любой демократии. Потому что демократия, по словам Ленина, только тогда чего-то стоит, если она умеет себя защищать, и не нужно путать демократию с коррупцией, дебилизмом и олигофренией.

Но в Китае ограничены реальные политические свободы.

Да, у них идут послабления, у них идет некоторая демократизация, но говорить, что китайская модернизация основана на развитии демократии – это откровенный и циничный бред.

Перед Китаем пример успешной модернизации явила Южная Корея. Двигателем модернизации были чеболи – многопрофильные корпорации, теснейшим образом связанные с государством. Демократией там и не пахло: в конце 70-х спокойно расстреливали студенческие демонстрации.

Это потом из модернизации вырос подъем благосостояния, а уже он породил демократизацию. И президентом стал оппозиционер, приговоренный было к смертной казни с последующей заменой ее пожизненным заключением под давлением мирового сообщества. И когда при нем приговорили к смертной казни диктатора, который расстреливал студенческую демонстрацию, – он этого раскаявшегося диктатора помиловал, и тот стал буддийским монахом.

Эта коллизия завораживает, но демократической модернизацией здесь и не пахнет: все наоборот. Да, модернизация ведет к росту благосостояния, которое порождает демократию, да, мы пойдем по этому пути, только не нужно путать первый шаг с последним, не нужно путать предпосылку с результатом.

Где у нас еще были модернизации? В Юго-Восточной Азии – например, в Малайзии. Ну, султан Махатхир – гениальный руководитель, только вот правил он 22 года. Думаю, уже это делает неактуальными все вопросы о сменяемости руководства и прочих демократических признаках.

Где еще были успешные модернизации? Только не надо сказок о Восточной Европе – это пример успешной деградации. Когда из Румынии за два года после присоединения к Евросоюзу уехало от 20 до 30 % трудоспособного населения, а в Польше безработица составляла 20 % – это мазохизм, а не модернизация. Их не надо путать, а то люди предпочтут брежневский застой.

Где же была демократическая модернизация? А не было. Совсем. Потому что это не работает.

И причина этого проста. Ведь модернизация – это отложенное потребление. Нужно вложить большие деньги сегодня, чтобы получить результат послезавтра.

А если вы возьмете любого нормального человека – так, вот без свидетелей, положа руку на сердце, – и предложите на выбор съесть кусок хлеба с маслом сегодня или послезавтра, то любой нормальный человек выбирает сегодняшнее, а не отложенное потребление. И вы, и я, и 90 % людей сделают такой выбор.

А выбор сегодняшнего потребления против отложенного исключает модернизацию, потому что деньги пойдут на потребление и на импорт еды, а не оборудования.

Мы привыкли негодовать по поводу лозунга немецкого империализма «Пушки вместо масла», но замените слово «пушки» словом «станки» и смейтесь дальше. Не забывая, что на самом деле модернизационный выбор звучит именно так.

Кто из нас, даже из обеспеченной части общества, выберет станки? Процентов 10, может, и выберут, у нас исключительно самоотверженное общество. В обычном обществе выберут процентов 5. И при голосовании их даже не будет заметно – их просто снесут. А демократия отдает власть наиболее влиятельной силе, а на выборах отдает власть большинству. Поэтому демократическая, к сожалению, может быть деградация, а модернизации демократической в наше время не бывает.

Да, модернизация была демократической в XVIII веке, в XIX веке, но что такое была

Америка в конце XIX века? Марк Твен называл это «позолоченным веком»: по сравнению с этим временем наша олигархия, наши 90-е годы действительно кажутся раем. Это жесточайший гнет, это беспощадное подавление. Даже еще в 20-е годы XX века восстание шахтеров в США подавлялись при помощи авиации, бомбежкой, потому что национальная гвардия не могла справиться. Вот такая демократия – «демократия бомб», в этом отношении война в Югославии стала просто продолжением давней американской традиции.

Возвращаясь к модернизации: почти любой из нас в условиях демократии станет могильщиком модернизации, потому что мы нормальные люди, мы хотим кормить наши семьи и есть сами сегодня.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вернемся к сегодняшним дням. Либеральный реванш, Вы считаете? Почему именно сейчас?

М. ДЕЛЯГИН: – Думаю, либералы ощутили приближение системного кризиса, приближение слома эпохи.

Первое мое предположение о причинах появления интернет-блога Юмашевой сводилось к тому, что либералы поняли: приближается время ответственности и «разбор полетов», в том числе и их. Ведь чтобы модернизировать страну, нужно определить, что хорошо и что плохо, нужно восстановить справедливость. А восстановить справедливость нужно на чьем-то конкретном примере, и что может быть конкретней либеральных реформаторов?! И они, напугавшись, начали системный сбор доказательств и свидетельств для будущего Нюрнбергского, а точнее, Рязанского трибунала, что они здесь ни при чем, что они хорошие, что они копейки не украли. А дворцы и имения корпораций, которые у них есть: а) заработаны ими честным путем с уплатой всех положенных налогов и без малейшего конфликта интересов; б) не имеют к ним никакого отношения; в) вообще не существуют в природе. И вот они просто начали подготовку благоприятной для себя свидетельской базы, потому что почувствовали внятный запах жареного.

Это оборонительная позиция, но более вероятной мне сегодня представляется все же позиция наступательная.

Вероятно, они поняли, что системный кризис, в котором государство утрачивает контроль за всеми значимыми сферами общественной жизни, дает им прекрасный шанс вернуть себе власть. И они поверили, что, опираясь на Запад, смогут устроить новый рубеж 80–90-х годов и начало 90-х, и будет новый, а, может, и старый Чубайс, будет Козырев, новый Гайдар, новый Кох… И они снова смогут рулить страной по своему усмотрению и в личных интересах.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я вот сейчас Вас слушаю, и как-то мозги начинают в непривычную сторону работать. Вроде ведь безобидный блог госпожи Юмашевой, но там описывается это в таких откровенных тонах… Вот мы говорим «коробка из-под ксерокса», а она спокойно пишет, что их немало было, коробок из-под ксерокса и из-под бумаг для ксерокса… И все это оправдывает, так спокойно, по-женски, что это все вроде бы и нормально, что так и должно все быть.

А ведь оттуда все беды-то наши и пошли, из-за этой коробки из-под ксерокса: когда все покупается, и бабло побеждает логику… И у нас мораль закончилась, все закончилось, у нас только деньги, деньги и деньги. Это ведь все оттуда.

М. ДЕЛЯГИН: – Параллельно с блогом Юмашевой настоятельно советую всем смотреть фильм «Жмурки». Блог Юмашевой – сильно залакированный и, с моей точки зрения, сильно фальсифицированный взгляд сверху, взгляд из кремлевских покоев, взгляд из персонального вертолета. А «Жмурки» – это то, чем эта лаковая благостность оборачивалась, а в некоторых местах оборачивается и сейчас для обычных, нормальных людей.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, и «Бригада».

М. ДЕЛЯГИН: – «Бригада – это все-таки, с моей точки зрения, рекламный фильм, как и «Крестный отец». Это реклама организованной преступности, господа. Может быть, самореклама. Хотя он очень честный по тому, как человек приходит к преступности и через успех в ней – к полному моральному краху.

Е. ЧЕРНЫХ: – Именно в те годы.

М. ДЕЛЯГИН: – Это мое поколение и даже мой район – я в нем жил. Это мои места, мои дворы, мои знакомые, некоторые из которых пошли этим путем. Это честный фильм по деталям, но по цели и смыслу – реклама, как «Крестный отец».

А «Жмурки» – это гипербола, хотя на любом кладбище можно убедиться, что это не совсем гипербола.

Дальше. А что такое коробка из-под ксерокса? Госпоже Юмашевой даже в голову не приходит, что, вообще говоря, это уголовное преступление. Потому что, когда вы носите деньги коробками, вы с них точно не платите налоги. А это означает, что сесть должны все.

Е. ЧЕРНЫХ: – То, что не платятся налоги – раз. И плюс подкуп избирателей. Вот и конец всей пресловутой демократии. Вот мы и получили то, что получили.

М. ДЕЛЯГИН: – Нет, это не конец демократии – это их понимание демократии. Коробка из-под ксерокса как норма жизни – это и есть либеральное понимание демократии. И они старательно и красочно рассказывают нам, что это нормально, и по-другому быть не может, а кто чем-то недоволен – тот урод.

И у Юмашевой вышла прелестная заочная дискуссия с Коржаковым, который говорит, что это же бюджетные деньги, а смысл ответа Юмашевой – «сам дурак».

Е. ЧЕРНЫХ: – Самому носили.

М. ДЕЛЯГИН: – С чисто юридической точки зрения вопрос о том, бюджетные это деньги или нет, серьезен. Ну, я Белом доме довольно долго работал, буквально в соседнем кабинете, рядом с той комнатой, из которой выносили эту коробку, на втором этаже центральной части здания. И меня туда даже возили на экскурсию. Не могу это доказать юридически в суде, но, с моей точки зрения, деньги, конечно, были бюджетные.

Просто потому, что деньги, которые давали реформаторам и либералам олигархи, совершенно незачем было предварительно заносить в Белый дом. Зачем лишний раз таскать? И среди людей, причастных к этой схеме, были не только «спалившиеся» пиарщики, но и официальные лица, близкие к Министерству финансов. Что им там делать было, если бы это были не бюджетные деньги?

Но на самом деле спор о бюджетном или внебюджетном происхождении денег – это деталь.

В конце концов, насколько можно понять, у них не было и нет других денег, кроме тех, которые они отняли у нас.

А подкуп – это подкуп.

И неуплата налогов – это неуплата налогов.

Если госпожа Юмашева, четко помня истекший срок давности и уповая на свою политическую значимость, рассказывает нам, что все было нормально, мы должны понимать, что девушка признается в совершении преступления, уголовного преступления. И искренне считает это преступление нормой своей жизни.

Е. ЧЕРНЫХ: – И нам в головы эту мысль настойчиво вдалбливает.

М. ДЕЛЯГИН: – И вбивает нам в головы, что уголовное преступление, если оно совершено ради демократии, под которой понимается просто власть «дедушки», окружающих его либералов и олигархов и ничего больше – это нормально, так и надо.

А вот если всякие коммуняки и фашисты (потому что самый устойчивый ярлык, который либеральная пропаганда лепила и лепит до сих пор к слову «русский» – это словосочетание «русский фашист») вдруг хотят жить – это неприемлемо, это недопустимо, и кроткие прекраснодушные гуманисты должны, как в октябре 1993 года, потребовать «раздавить гадину».

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, это была благостная картина. А вот одна из записей в ее блоге уже показывает, что женщина пошла в политику. Она заверяет, что не надо забывать, что у истоков «Единой России», правящей ныне партии, стоял Борис Абрамович Березовский.

М. ДЕЛЯГИН: – Кто спорит? Это азбучная истина, как и то, что Путина сделали преемником Ельцина и президентом два человека: Березовский и Чубайс. На равных: он,

насколько можно судить, был их совместным предприятием.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, вот она и говорит: забывают уже люди, что он стоял. И он не воспользовался своим правом, не ввел туда своих людей. Что он честный человек. Вот так было. То есть, уже пошла политика.

М. ДЕЛЯГИН: – Это подтасовка. Борис Абрамович Березовский партию «Единая Россия» не создавал. Он создавал партию «Единство». Сначала хотели назвать «Мужики!», но потом придумали «Единство».

Этот проект создавался в последний момент, чтобы не пустить Примакова к власти, чтобы не допустить формирования рационального, разумного, ответственного перед народом и перед страной правительства, появления честного президента.

Именно такая, насколько помню, была задача.

Эта партия создавалась в режиме аврала, и туда набирали всех, кто придет. А люди Бориса Абрамовича Березовского были квалифицированными, они в политическую помойку, извиняюсь за выражение, не шли. Но мелочевка всякая от него шла в заметном количестве.

Другое дело, что мелочевка на то и мелочевка, чтобы при первом же ветерке откреститься от него с визгом.

Уж не буду называть фамилии людей, которые в 1997 году, когда мы с друзьями вели войну с олигархами, толпились в их приемных и за честь считали не то что деньги получить, а хотя бы издали глянуть на великих людей… Эти люди были в «Единстве», и от Березовского тоже.

Может, Юмашева их и не знала, потому что это политическая плесень была, не ее уровень. Они уже потом выросли. Но они были.

А серьезных, значимых, профессиональных людей Березовский туда не ставил. Потому что серьезных и значимых людей ставят в систему управления: ставят крутить марионетку, а не быть ею.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, а вот ситуация в Калининграде, где люди протестовали против транспортного налога и где засветился Немцов – это тоже, наверное, из этой сферы либерального реванша или как?

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, в Калининграде свободолюбивые люди, сильные люди. Много отставных офицеров, страшно занижены зарплаты на предприятиях, 80 % молодых ездили на Запад, и только 20 % – в остальную часть России.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но сам факт?

М. ДЕЛЯГИН: – Немцов молодец, он воспользовался ситуацией, а до того написал прекрасный доклад о Юрии Михайловиче Лужкове. Еще б кто-нибудь такой доклад и про самого Немцова написал, было бы совсем хорошо.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но это тоже в эту теорию либерального реванша входит?

М. ДЕЛЯГИН: – В Калининграде я всецело на стороне тех, кто протестовал. Отчасти они были использованы, это правда. Но если не решать проблемы, тогда праведный гнев людей будут использовать вся, кому не лень, – это неизбежно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но сам факт? Это тоже как раз и входит в эту ситуацию либерального наступления?

М. ДЕЛЯГИН: – Да. Хотя лозунг «”ЕдРо” – в помойное ведро!», думаю, будет главным лозунгом ближайших лет.

Е. ЧЕРНЫХ: – Ну, если она не изменит ситуацию.

М. ДЕЛЯГИН: – Не поумнеет, грубо говоря. Если она не перестанет в ментальном плане по-прежнему быть не более чем партией Березовского.

15.02.2010

Приложение. Непочтительно о Гайдаре? – Пошел вон!

Стенограмма диалога, из-за которого, насколько можно судить, на радио «Говорит

Москва» была закрыта передача «Кризис-навигатор» профессора М. М. Мусина.

Марат Мазитович МУСИН: – Здравствуйте, я Марат Мусин, заведующий кафедрой антикризисного и стратегического менеджмента Российского Государственного торгово-экономического университета. В эфире «Кризис-навигатор» – семинары профессора Мусина. У нас в гостях доктор экономических наук, известный политик, экономист, директор Института проблем глобализации Делягин Михаил Геннадьевич.

В связи с последними событиями и с тем, что у нас скоро Новый Год, я предлагаю темой сегодняшнего семинара объявить «Преступные, безграмотные реформы 90-х» и подвести их итог. Как Вы на это смотрите?

М. ДЕЛЯГИН: – Можно, конечно.

М. МУСИН: – Вот сейчас мы с Вами слышим по многим каналам слова в адрес одного из исполнителей этих безумных реформ, и вызывает удивление, что по истечению того большого периода, когда уже всё очевидно, когда есть пример Китая – это непонимание или бездумность просто поражают.

М. ДЕЛЯГИН: – Ну почему же поражают? Это значит, что в нашем народе сильны христианские начала, что о покойниках, кроме Гитлера, он говорит либо хорошо, либо ничего. Но поскольку прямых сопоставлений Гайдара с Гитлером пока не делается, он попадает в категорию обычных покойников. А официально, раз он был одним из руководителей, его превозносят на всех углах. Должен сказать, у него были определенные человеческие качества и помимо того, что сейчас о нем рассказывают.

Ну, это обязательный набор: что он очень любил детей и животных; про всех деятелей определенного склада это рассказывают. И про Гитлера это рассказывали, и про наших некоторых руководителей, и про Ленина любили рассказывать, как он пощадил лису на охоте и фотографировался с детишками.

Гайдар действительно был неплохой экономист для своего времени. Например, в 1989 году он написал прекрасную статью «Зря денег не дают», где очень подробно, популярно, доходчиво, а главное – очень честно (странно, куда потом это качество делось) показал, что ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя брать значительных внешних займов. Потому что значительные внешние займы означают закабаление, проведение заведомо не адекватной экономической политики и разрушение национальной экономики. То есть это то самое, что он через какие-то 2,5 года так вдохновенно делал своими руками. Это была очень забавная эволюция одного человека. Хотя, когда некоторым людям хочется власти, с ними происходят вещи даже более удивительные.

Очень любят поговорить сейчас о том, что демократы спасли нас от пустых прилавков. Прежде всего, прилавки наполнились просто потому, что покупать было некому и не на что – это же был шок безо всякой терапии: рост цен в разы за один день и в 26 раз за один год просто аннулировал деньги населения. Кроме того, когда мы видим хронику, на которой молчаливые толпы потерянных людей стоят перед абсолютно пустыми прилавками, надо помнить, что, как правило, эта хроника снималась во второй половине октября, ноябре и декабре 1991-го года.

Что случилось в середине октября? 18 октября 1991 года покойный г-н Гайдар с ныне здравствующим г-ном Шохиным провели пресс-конференцию, на которой было впервые официально объявлено, что 2-го января будет проведена либерализация цен, то есть все будут продавать товары по тем ценам, по которым захотят. Естественно, что к концу этой пресс-конференции никакой торговли в Российской Федерации уже не существовало: любой директор магазина, любой торговец делал все, чтобы не продавать товары, чтобы продержать их 2,5 месяца и потом продать по любым ценам. И, когда нам показывают сейчас хронику «безумного коммунистического режима», то на самом деле, как правило, это первые результаты деятельности товарища Гайдара и его компании. Это нужно понимать и помнить, хотя в целом потребительский рынок был разрушен еще безумными горбачевскими реформаторами к ноябрю 1987 года.

М. МУСИН: – Ну, это известная же практика: организация хлебного бунта в 1917 году…

М. ДЕЛЯГИН: – Да, всё новое – это хорошо забытое старое, но мы люди доверчивые и очень верим пропаганде.

Я совершенно не умаляю выдающихся менеджерских способностей Николая Ивановича Рыжкова и других, но даже до него в 1979–1981 годах был уже второй продовольственный кризис в брежневском Советском Союзе, когда ввели карточки почти на трети территории страны. Первый, напомню, был в 1969 году, когда появились «колбасные электрички» в Москву.

Однако, понимаете, хотя это были кризисы, и советские люди справедливо негодовали по этому поводу – по сравнению с тем, что происходит даже сейчас, это были, в общем, вполне нормальные человеческие условия. Потому что нынешняя ситуация – после того, как в течение более чем десятилетия на всю страну лился непрерывный «золотой дождь» нефтедолларов, а «второй эшелон» команды Гайдара заботливо расставлял зонтики над всей страной, чтоб нормальным людям доставалось поменьше, – является в прямом смысле слова кошмаром.

85 % населения, по данным социологических исследований, еще до начала нынешнего кризиса не имело денег на покупку простых бытовых товаров длительного пользования. То есть, чтобы купить телевизор, надо конкретно копить деньги: с текущих доходов купить его нельзя. И ясно, что речь идет не о 120-ти сантиметровой «плазме», или как там она называется, – речь о самом обычном телевизоре, в который можно смотреть.

Возвращаясь к Гайдару: да, действительно, гайдаровцы придумали про себя замечательный миф, по которому «все само рухнуло», и Гайдар вынужден был принимать плохие решения. Они, правда, называют их «непопулярными решениями», подразумевая, что раз «непопулярный» – значит «хороший», а «популярные» решения – заведомо плохи. В самом деле: народ же по определению не может ни до чего хорошего додуматься и ничего правильного хотеть, это же демократия.

Либеральные реформаторы исходили именно из того, что народ, по определению, раз он терпел ненавидимый ими Советский Союз, не может додуматься ни до чего хорошего, не может хотеть ничего хорошего, и поэтому, если решение «непопулярное», то оно в силу этого уже является хорошим.

Но «мужество» Гайдара, по мнению его единомышленников и подельников, было в том, что он принимал «непопулярные» решения в ситуациях, когда никаких других принимать было якобы нельзя.

В этом, действительно, есть правда, потому что Советский Союз окончательно развалился после ГКЧП. Советские министерства были закрыты с 15 ноября 1991 года решением Ельцина, профункционировав еще месяц после того, как Гайдар с Шохиным прокукарекали о неизбежности либерализации цен.

Но на самом деле, даже когда Ельцин с Кравчуком и Шушкевичем уже 8 декабря 1991 года окончательно добили Советский Союз, они сами боялись, они чудовищно, обморочно пили от ужаса, потому что хорошо ощущали, а может, и понимали, что совершают преступление, за которое будут прокляты и они сами, и их потомки. Участники процесса, хоть они об этом прямо не пишут, дают просто феерическое описание действий и интонаций! Люди прекрасно понимали, что они творят, и страшно боялись, но им просто очень хотелось поездить в длинном «членовозе».

Советский Союз можно было восстановить по китайской модели. Да, экономика разваливалась, потому что безумная экономическая политика Горбачева и компании привела страну к краю, но прыгать за край было не обязательно, можно было отойти.

В Китае были ситуации и похуже, и совсем не обязательно было уничтожать всё.

Ведь попытка Гайдара была далеко не первой.

Был, например, такой директор кирпичного завода, по-моему, Михаил Бочаров, который придумал программу «400 дней». Ну, директор кирпичного завода – куда ему

соваться? Он позвал товарища Явлинского, тот, насколько помню, добавил описание последних 100 дней полного счастья – и стала программа «500 дней». Эта попытка была неудачной, она была непродуманной, безграмотной, но всё равно на порядок выше того, что сделал Гайдар.

А ведь как появился Гайдар? В августе 1991 года, когда после провала ГКЧП стало ясно, что власть де-факто перешла к Ельцину, возник постоянный вопрос, как и у каждого руководителя в такой ситуации: «Ну и что теперь?».

М. МУСИН: – Это после того, как он бросился в посольство США.

М. ДЕЛЯГИН: – Безусловно! Но подготовка и ход ГКЧП – отдельная тема. Думаю, если бы переворот делали люди мало-мальски профессиональные, то никто бы никуда не бросился, в крайнем случае, просто не добежал бы.

Ведь как возник нейтралитет КГБ? Когда его сотрудники, которые, в общем-то, были вполне профессиональны, увидели, что в 9 часов утра государственного переворота никто не задержан и не интернирован, как в Польше, потому что ведь идея-то была грамотная…

М. МУСИН: – «Альфа» не выполнила боевой приказ на интернирование Ельцина…

М. ДЕЛЯГИН: – Дело не в «Альфе». Дело, во-первых, в том, как был отдан приказ, во-вторых, по каким каналам он был передан и, в-третьих, как всё происходило.

Должна была быть стандартная схема, при которой страна, проснувшись, видит по телевизору уважаемых вождей демократического движения, которые сидят в санаториях и пансионатах ЦК КПСС на фоне полированной мебели и прочей советской роскоши и спокойненько кушают себе в столовой номенклатурную «цекашную» еду. Которые наслаждаются прогулками по аллеям роскошных по тем временам парков, в которых они с максимальным комфортом интернированы…

На этом массовое сочувствие к ним в голодной стране разом заканчивается, и страной можно нормально руководить.

Однако, поскольку система управления разложилась первой, поскольку была очень сильная внутренняя конкуренция – реальное осуществление плана взяли на себя другие люди, которые потом чудовищно прославились в других событиях, в частности, в чеченской войне.

Эти люди, не имея должной квалификации и мысля категориями десантных полков, многих вещей просто не представляли и потому не предусмотрели, а все рычаги управления заботливо забрали на себя. В результате, когда КГБ увидел себя отстраненным от реального процесса, а затем еще и осознал полную бредовость действий тех, кто перехватил у него управление, он просто самоустранился, по сути, объявив нейтралитет.

Другое дело – что ж это за орган государственной безопасности такой, который в условиях попытки государственного переворота самоустраняется и объявляет нейтралитет: мол, вы только наше здание не громите, и всё будет хорошо. Но это другая тема. Так что, когда говорят, что система советского управления сгнила, – это правда, и ГКЧП – наглядный тому пример.

Это был момент, когда власть упала в руки Ельцина, и он сломал шею, а заодно и страну о вечную проблему всех революционеров: несовпадение функций взятия власти и ее использования.

Знаете, есть эпиграф ко всяким «Камасутрам». Нарисована роскошная блондинка в постели, которая говорит: «Ну, милый, теперь, когда ты наконец-то заполучил меня сюда, что же мы будем делать?».

Ельцин понимал, что ситуация аховая, потому что союзная система управления сгнила, а российская система управления никогда никаких вопросов, кроме распределительных, не решала: все серьезные проблемы, вся стратегия были на уровне Советского Союза.

Центральный Банк Российской Федерации возглавили такие «микки-маусы», что их пришлось с треском увольнять уже даже в середине июня 1992 года. Это, действительно, были истинные гайдаровцы, которые страну легко и непринужденно довели бы до революции прямо тогда, и до осени 1993 года никто бы из них и не дожил. А у Геращенко

были старые советские кадры, добросовестные и профессиональные, которые ситуацию и стабилизировали.

У Ельцина была огромная жажда чуда. Его можно понять: одно чудо уже случилось – с неба упала власть! Значит, чудеса должны продолжаться. Любой человек с недостаточной управленческой, да и житейской культурой, жаждет палочку-выручалочку. А тогда жаждали все, и все бросились искать того, кто ее даст.

Было огромное количество относительно вменяемых для той эпохи профессионалов. Они не очень хорошо смотрятся сейчас, с высоты нашего знания, но они были совсем неплохи. И все, кто хоть мало-мальски что-то понимал в экономике, говорили: «Будет сложно», – и предлагали сложные меры.

Это раздражало Ельцина. Сложные меры для него были неприемлемы, потому что ему нужно было явить народу чудо прямо сейчас. Вспомните: тогда же в нашей стране еще был пресловутый «средний класс». Именно советский «средний класс» сделал демократическую революцию, которая во многом благодаря Гайдару обернулась для него социальным самоубийством.

Но тогда, до либерализации цен советский «средний класс» – преимущественно инженерно-технические работники, – был реальной силой, которая дала Ельцину безумный кредит доверия. Его хватило не то что до расстрела Белого дома, но даже до чеченской войны, до страшного новогоднего штурма Грозного. Этот кредит доверия надо было оправдать, а для этого проще всего было явить ей чудо.

А все мало-мальски ответственные люди, как заведенные, твердили: «Никакого чуда, оно невозможно, надо сделать вот это и это, и тогда будет медленное, трудное, постепенное улучшение».

И вот приходит Гайдар и говорит: «У меня есть для Вас волшебная палочка. Панацея от всех бед существует, чудо будет завтра». Из какого состояния его «вынули», я уж говорить не буду, все-таки он не так давно умер, а вытащил его, насколько помню, Бурбулис, который в свое время и Ельцина вытащил.

Безответственность Гайдара была обусловлена очень простой причиной. Ведь почему было «правительство младших научных сотрудников»? Просто потому, что старшие научные сотрудники уже что-то в чем-то понимали. Даже если они никогда не были на заводе и даже в страшном сне не могли себя на нем представить, они понимали, как устроен завод, что с ним можно делать, а чего нельзя, какова инерция управленческих и технологических процессов и так далее.

А про уровень пресловутой «ответственности» Гайдара есть две прекрасные истории.

История первая. С момента, когда он появился (это сентябрь 1991 года), буквально все, включая многих его сторонников, объясняли ему: дорогой товарищ, страна монополизирована сверху донизу. В сверхмонополизированной стране нельзя освобождать цены, не ограничивая произвол монополий: будет катастрофа. У нас же до сих пор, почти 20 лет спустя, аптечный киоск в центре Москвы может занимать монопольное положение и всласть злоупотреблять им.

Второе, что ему говорили буквально все: надо сначала делать приватизацию малых и средних предприятий, чтобы спекулятивные деньги, накопившиеся в стране, ушли бы с потребительского рынка, разгрузив его. При этом рынок начал бы работать, люди привыкли бы работать в условиях рыночной конкуренции, хотя бы на уровне кафешек и маленьких магазинчиков…

Но нет, это был долгий путь: для Ельцина он был неприемлем, а потому был неприемлем и для Гайдара. Впрочем, для него, вероятно, он был еще и непонятен, и поэтому он рванул, зажмурившись, «вперед и с песней».

Это и стало катастрофой.

Вторая история про «ответственность» Гайдара связана с моментом, когда стало ясно, что, благодаря реформам, денег нет, ничего нет и непонятно, что делать. И решили экономить на обязательствах государства. То есть не исполнять их. Оборонному комплексу

было прямо заявлено (я, естественно, перевожу с научно-бюрократического на общедоступный русский язык): «Вы – оплот советской военщины, пережиток прошлого, и потому платить вам, в том числе за уже произведенные вами изделия, мы как передовые цивилизованные реформаторы не будем».

Оборонный комплекс впадает в прострацию: как же так, у нас госзаказ, у нас обязательства перед государством: мы поставляем вооружения, а государство платит!

На что им товарищ Гайдар разъясняет в предельно доступной форме, что отказаться от заказа государства по покупке вооружений правительство задним числом действительно не может, и потому отказываться не будет. Оно не станет всего лишь оплачивать эти поставки. И финансирование гособоронзаказа было одним махом сокращено на 70 % – более чем в три раза.

И лишь когда после того в «горячих точках» начали всплывать в безумных количествах автоматы Калашникова заводского производства, но без номеров – потому что жить-то как-то надо, – только после того это безумное решение было отменено.

Мы сейчас даже не можем себе представить, до какой степени твердое убеждение в необходимости уничтожить, стереть с лица земли не только Советский Союз, но и все, что хоть как-то его напоминает, включая высокотехнологичные производства, доминировало в мироощущении демократической тусовки того времени.

М. МУСИН: – Я это тоже слышал, но я хочу сказать…

М. ДЕЛЯГИН: – Вы слышали, а я видел, понимаете? Еще одну историю хорошо помню: уже сентябрь 1992 года, уже всё всем понятно, уже ненависть к Гайдару в госаппарате была абсолютной, потому что практически все увидели, какое там в его команде «бескорыстие», и Гайдар уже уходит.

И вот перед самым своим уходом Гайдар подписал распоряжение правительства о передаче себе самому – в форме своего Института экономических проблем переходного периода – комплекса зданий на Огарева, 5. Потом все шутили, что в царское время в одном из его корпусов располагался публичный дом, и назначение этого здания с тех времен не сильно изменилось.

А в те времена была демократия, и все мало-мальски значимые распоряжения правительства автоматически публиковались в «Российской газете». И я просто помню момент – в то время по некоторым делам общался с рядом помощников Гайдара, – когда входит человек с номером «Российской газеты», где опубликовано это гайдаровское распоряжение. И вот, знаете, таких ярких и сильных слов по поводу тех, кто «слил» это, как минимум, сомнительное распоряжение в газету, кто не додумался заблокировать его публикацию, равно как и по поводу самой «свободной прессы», я не слышал с тех пор ни от какой «кровавой гэбни», ни от каких силовых олигархов, ни от каких «душителей НТВ» и что там они еще душили.

Причем это был конец 1992 года, и я был, мягко говоря, впечатлен этой реакцией.

Конечно, Гайдару не хватило размаха – может быть, не хватило воровского таланта и смелости, может быть, он действительно о другом думал, – но о его бескорыстии с учетом изложенного говорить просто нелепо.

Бескорыстие Гайдара – это такая же катахреза, то есть словосочетание, в котором слова, его образующие, отрицают друг друга, что и патриотизм Чубайса и Березовского.

Хорошо помню, что даже в 1996 году, когда я с ним второй раз столкнулся, практически на любой вопрос из серии «что делать?» ответ у него был один: сократить бюджетные, и в первую очередь – социальные расходы. Гайдар – человек, полностью сформированный МВФ, других ответов у него просто не было.

М. МУСИН: – Ну, это не удивительно. Я просто пример приведу сделки Ельцина с госдепартаментом США, о которой говорил. Я полетел 19 августа 1991 года из Иркутска, с Байкала, с делегацией детей-скаутов, представителей первой волны эмиграции. Это были сливки русской эмиграции в США. Поскольку ГКЧП застало нас в Иркутске, то, естественно, сопровождающие нас американцы были обеспокоены.

М. ДЕЛЯГИН: – Еще бы!

М. МУСИН: – Но каково же было мое удивление, когда эти американцы мне ночью позвонили и сказали: «Марат, мы связались со своим посольством, сказали, что у нас дети, а вылетать нам в Штаты 19-го, самое позднее 20-го августа, и нам ответили, что все будет хорошо, оставайтесь в Москве».

Это мне было сказано открытым текстом. То есть речь идет о том, что это не с неба все свалилось. В тогдашнем раскладе были нужны некомпетентные люди, потому что сегодня все профессора, которые натягивали младшему Гайдару его оценки, так сказать, публично голову пеплом посыпали.

Я с ним столкнулся еще в 90-е годы, просто мы с ним решали один такой вопрос… Тогда все поотkусывали власть, и вот Гайдар пытался в этой роли выступить, речь шла о Тобольском нефтехимкомплексе. И я с ужасом увидел, что это действительно больной и не очень умный человек. А какой он экономист, мы видим по результатам: по дезинтеграции единого хозяйственного комплекса, разрыву всех цепочек добавленной стоимости, нарушению всех экономических законов…

М. ДЕЛЯГИН: – Да, в этом смысл приватизации: разрезать единый технолого-экономический комплекс на максимальное количество кусочков, которые перестают взаимодействовать друг с другом: на каждом их них висит своя бухгалтерия, директор, охрана, и они под тяжестью административных расходов постепенно ликвидируются. Последним умирает сбытовой сектор, у которого есть склад ранее произведенных товаров. Он распродает всё со склада, на этом обогащается, а затем тоже умирает, а организаторы всего этого кошмара торжественно и с искренним восторгом провозглашают: «Еще одно нежизнеспособное совковое производство наконец умерло!»

И, кстати, это ровно то, что Чубайс сделал с российской электроэнергетикой. Практически один в один.

М. МУСИН: – Разделение целого энергокомплекса. Конечно, сетевой «блэкаут», массовые отключения. Это понятно, и с экономической точки зрения понятно, что мы в глобальной конкуренции проиграем…

М. ДЕЛЯГИН: – Мы исчезли из глобальной конкуренции. Это была стратегическая задача американцев, и непосредственно решена она была именно руками Гайдара.

М. МУСИН: – Давайте называть вещи своими именами: вот эта «пятая колонна»… Я просто, если честно, удивлен тем, что, если президенту Медведеву хватило ума несколько дистанцироваться в осторожных формулировках по поводу смерти Гайдара, то премьер счел нужным всё, что видно и слепому, практически игнорировать в своих соболезнованиях…

М. ДЕЛЯГИН: – Простите, пожалуйста, но я хочу выступить в защиту премьера. Понимаете, Медведев, нынешний президент, он в 90-е годы был человечком достаточно маленьким по административному положению, и поэтому мог смотреть на процесс немножко со стороны. А вот Владимир Владимирович Путин такой роскоши лишен, потому что он сначала был правой рукой мэра Санкт-Петербурга Собчака, который для Гайдара по демократической иерархии был старшим человеком!

А потом Путин возглавил комитет по международным связям мэрии Санкт-Петербурга – а я знаю людей, которые отказывались от этой должности, потому что не были ни очень честными, ни очень хорошими, но заниматься тем, чем должен был заниматься у Собчака человек на этой должности, они просто не могли. Ну, были у них в душе некоторые барьеры, через которые они не могли переступить.

И ведь Собчак довел город до полного развала! Я помню Питер зимы 1995–1996 года: казалось, блокада еще не кончилась. Невский проспект был занесен снегом, сквозь который была пробита одна автомобильная колея. Одна, понимаете?! Не две: одна в одну, а другая в другую сторону, а одна.

А ведь Санкт-Петербург мог для всего Северо-Запада России стать тем, чем Москва стала для России в целом.

Собчак для меня – человек, который довел город до полного хозяйственного развала,

результаты деяний которого мы видим в книжке «Бандитский Петербург».

В Москве такого не было. Да, было много преступных группировок, которые творили полный беспредел, но такого в Москве не было! Зато перед домом, где жил Собчак, в годы полной разрухи была подогреваемая мостовая – и это, с точки зрения либеральных реформаторов, хорошо и правильно.

И Владимир Владимирович Путин вот к этому Собчаку относился и относится с величайшим пиететом, он его практически возвел на пьедестал в общественном сознании. А дальше все логично: если уж Собчака на пьедестал воздвигли, то Гайдара-то и вовсе надо в Мавзолей класть! Гайдар же дело Собчака продолжил, развил и усугубил в масштабах всей страны. Они, как Ленин и Карл Маркс, грубо говоря: Собчак больше теоретик, он демократический реформаторский идеал реализовал в пределах города, а Гайдар сделал это в масштабах всей страны!

М. МУСИН: – Мы понимаем, что некомпетентность и интересы, которые представляла та когорта людей, разваливавших целенаправленно страну или, по крайней мере, подыгравших «глобальным игрокам», – это все было.

Но, тем не менее, вспомните 1985 год – мы действительно начинали реформу на 7 лет позднее Китая, – но энтузиазм, настрой в обществе, который был, этот потенциал мог действительно тогда модернизировать страну. Все действительно понимали: новые реформы необходимы, плановая система воспринималась негативно многими из-за непонимания того, что она действительно должна была быть немножко модифицирована, так как она не занималась сектором, который, как говорится, называется «сектором Б». И люди переносили на методы и принципы государственного управления свое недовольство, связанное с бытовыми недостатками, неудобствами, дефицитом и качеством товаров общего потребления.

То, что реформы должны были быть произведены, показывает пример Китая, но вопрос в том, что из двух путей: опираться на собственные силы, на собственный потенциал – ведь мы же по территории больше Китая и Китай с нами сравним, по крайней мере, в научно-технической школе, по кадрам, по сырьевым ресурсам, или…

М. ДЕЛЯГИН: – Китай 1985 года практически не существовал как глобальный экономический субъект. Это была пустыня, выжженная маоизмом, пусть даже и с колоссальным населением. Они начали с уровня на два порядка ниже нас. Они начали с нашего конца 30-х годов, а то и с послевоенного голода. У них безумная милитаризация была.

М. МУСИН: – И вот вспомните еще какой момент. Я просто присутствовал на федерации товаропроизводителей, когда города стали замерзать. Вы рассказали о диверсии по искусственной аналогии хлебных бунтов в Петербурге 1917 года, когда пустые магазины были…

М. ДЕЛЯГИН: – Я даже думаю, что 18 октября 1991 года Гайдар с Шохиным не то что не ведали, а даже не интересовались тем, что они творили. Им нужно было добиться, чтобы их решение нельзя было отменить, а для этого надо было крикнуть как можно громче и как можно окончательнее.

Они и крикнули, и это принесло им власть, богатство и славу.

А что будет происходить со страной, их не волновало вообще. Им нужно было добиться, чтобы нельзя было пересмотреть или откорректировать решение, которое они только что вырвали у Ельцина.

М. МУСИН: – Я просто тоже присутствовал: мы сопровождали со стороны Академии наук приватизационные проработки Госкомимущества и, когда я увидел, что Анатолий Борисович – тоже не самый умный человек, я это открыто говорил руководителям региональных подразделений в очень грубой форме.

Один характерный был пример. Однажды я зашел в столовую Госкомимущества, и первый зампред (он был достаточно умный человек, от ЦК его, видимо, поставили, чтобы он этот революционный порыв приводил в рамки) мне честно объяснил, что без системы

контроля все будет очень плохо. А ведь тогда даже речи не шло о безымянных ваучерах – речь шла еще только об именных приватизационных счетах и о системе контроля за их погашением, системе контроля за собственностью, за тем, чтобы она честно попала к простым людям, у которых ничего не было.

И вот однажды я ему рассказываю, что мы собрали всю страну, у нас прототипы всех систем, клиринговые системы погашения и так дальше. И рядом с ним сидели другие два заместителя Госкомимущества и говорили о своем.

Один из будущих больших чиновников (Вы его лично знаете, наверное) рассказывал, как он крупнейший оборонный завод в Ленинграде «доел» с численностью занятых 20 тыс. человек. Он говорил: «Я и так окружаю, и так, а директор выворачивается, и завод все равно продолжает работать». И вот мы сидим, я смотрю на него, как на безумного человека, и понимаю, что он действительно поставил задачу – не модернизировать это предприятие, а уничтожить.

И вдруг сидит рядом такой господин Мостовой и говорит (я сначала подумал, какой умный попался и ироничный человек): «Тебе маузер и тужурку кожаную выдать?». Ну, я думаю, как тонко он его уел… А он продолжает: «Ты, значит, добивай его, не дай ему вывернуться».

И тут я понял, что…

М. ДЕЛЯГИН: —…это все серьезно.

М. МУСИН: – Что эти люди действительно поставили задачу уничтожить…

М. ДЕЛЯГИН: —…нашу страну.

М. МУСИН: —…свою страну. Вы в другом кругу слышали те же самые высказывания и все остальное, и мы понимаем, почему эти люди сегодня говорят о том, что это было не преступление, что они подписываются под ним, а мы должны просто поименно брать всех сопричастных к развалу, потому что отвечать за это придется.

М. ДЕЛЯГИН: – Некоторые из них все же уходят от ответственности. Борис Григорьевич Федоров из них, наверное, был самый искренний человек, не считая Коха. Умер в возрасте 50-ти с чем-то лет в Лондоне. Начальник аппарата Гайдара Алексей Головков умер тоже в том же возрасте. Сейчас Гайдар, до него Ельцин. Так и хочется сказать этим людям: «Берегите здоровье».

А что касается приватизации, так про нее Чубайс потом «задним числом» сказал потрясающие фразы: он признался, что цель ваучерной приватизации заключалась в окончательном уничтожении нашего общества, нашей цивилизации (он, понятно, их по-другому называл), а потом указал на тактическую задачу – передачу контроля за заводами директорам.

Это была четкая идея – купить директоров. Демократы ведь быстро потеряли социальную опору: они опирались на массы, а либерализация цен 1992 года просто «вырубила» население.

Чтобы отвлечь людей от осознания того, что с ними происходит, провели в конце 1991-го и в 1992 году приватизацию квартир – чтобы люди занимались ей и больше ни о чем не думали. Пусть все плохо, зато теперь квартира моя!

Но после этого люди ощутили абсолютную нищету, абсолютное отсутствие каких бы то ни было перспектив, дичайший, безумный разгул преступности, разрушение всей социальной сферы, которое и сейчас продолжается полным ходом.

Люди начали задавать реформаторам вопросы, и тем потребовалось быстро создать свою социальную базу. Сила Чубайса – именно в умении создавать себе социальную базу.

Ваучерная приватизация создала первую его опору – спекулянтов, которые и сейчас работают на фондовом рынке.

М. МУСИН: – Которые стали вот этим барьером между финансовым капиталом и реальным сектором.

М. ДЕЛЯГИН: – Да. Создали финансовый капитал, который совершенно не интересовался реальным сектором и был поглощен мгновенными спекуляциями.

Но, кроме того, ваучерной приватизацией Чубайс обеспечил себе поддержку директоров, которые уже в 1995 году были заклеймены «красными директорами», и затем последовательно растаптывались и уничтожались. Но тогда именно они были опорой власти – против населения.

Директора хорошо поняли свой шанс и в массе своей воспользовались им, скупив ваучеры своих работников и установив контроль за своими предприятиями.

М. МУСИН: – Когда есть нечего, то люди за кусок хлеба готовы отдать мнимую собственность.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно-конечно! И отдавали, хотя никто не понимал, что это такое. И уже в 1994 году на Кипре появилась «улица красных нефтяников» как социальное явление.

С точки зрения политики, ваучерная приватизация была рациональным, разумным механизмом. Другое дело, что этот механизм исходил из презумпции уничтожения страны. Не Советского Союза, а именно России.

Ведь чем отличается советский стиль воровства от реформаторского? При советском стиле воровства при стройке дома часть материалов и денег, выделенных на нее, пропадают непонятно куда, а неподалеку от стройки вырастает аккуратный коттедж. В Москве немало таких смешных жилищных комплексов.

А система реформаторского воровства строго противоположна. Например, живут люди в «хрущевке». И приходит к ним умный, с горящими глазами молодой энтузиаст и говорит: «Друзья, вы живете в ужасных условиях!». И ведь, действительно, в ужасных условиях живут. Продолжает: «Так жить нельзя!» – и это тоже святая правда. «Послушайте, в Лондоне, Нью-Йорке, Париже люди живут совершенно по-другому!» – тоже верно. И, убедив всех в своей правоте, переходит к главному: «Давайте вашу развалюху сломаем, из обломков построим гигантский шикарный небоскреб, чтобы у каждого вместо квартирки в 50 кв.м. была квартира в 500 кв.м. и с видом на океан!»

Все дружно кричат «Ура!», ломают свой дом… И понимают, что небоскреб как-то не клеится. Менеджмент совковый или культура труда низкая – не понять. И тут им тот же самый энтузиаст-реформатор говорит: «Ну вы и быдло! Ну вы и уроды! Вы своими руками и без всякого принуждения разрушили собственное жилье! Идиоты! Ну ладно, так уж и быть, облагодетельствую: куплю ваши обломки по рублю за кубометр и построю себе коттеджик у моря, а вы живите как хотите, хоть в землянках».

Это, насколько можно судить, – стиль реформаторского воровства.

Принципиальное отличие двух подходов очевидно: в советской модели вы воруете из прибыли, в реформаторской – из убытков. Таков стиль реформаторов.

Не думаю, чтобы Гайдар думал так подробно, не думаю, что он вообще осознавал, что делает. У него вообще было плохо с рефлексией – основным занятием было иное. Почитайте «Легенды Арбата» М. И. Веллера, там красочно описано, как он проводил свое время.

Но, тем не менее, именно с этим человеком связан запуск процесса либеральных реформ в России, под которым основная часть нашего народа, насколько можно понять, вполне справедливо понимает свое уничтожение.

В реформах на более низком уровне было много таких разрушителей.

И здесь важно сказать про их генезис.

Прежде всего, это специфическая порода младших научных сотрудников, которая о реальной жизни ничего не знает. Этот эмэнэс читал западные и наши учебники и обычно даже не подозревал о происходящем на самом деле. В советской системе их потом доучивали, дополняя универсальное высшее образование практическими знаниями (учить этому в вузе было нельзя, так как практическое управление осуществлялось во многом теневыми и уж точно в основном неофициальными методами), и получались блестящие специалисты. Но доучивать реформаторов было уже некому: система сгнила и рухнула.

Кроме того, техническая интеллигенция понимает наличие объективных законов природы. Грубо говоря, если двигатель крутится – его нельзя мгновенно остановить; если он стоит – его нельзя мгновенно запустить. Если станок рассчитан на 1200 оборотов в минуту,

то он не может работать 5000 оборотов в минуту, у него есть некоторые ограничения.

А вот гуманитарная интеллигенция этого в принципе не понимала. Гуманитарные науки у нас были, с одной стороны, под жесточайшим идеологическим прессом, а с другой стороны – их носители часто просто ничего не знали. Поэтому знание в гуманитарных науках часто ограничивалось обычной фрондой против существующих порядков.

Наконец, добавилась и вечная беда интеллигенции не очень развитой страны: она как более развитая часть общества воспринимает высокие стандарты любого потребления – от еды до демократии – и недовольна ситуацией, которую наблюдает вокруг себя. Однако мысли о том, что в их стране может быть просто недостаточно ресурсов для высокого уровня потребления, в головы этой интеллигенции обычно не приходят.

И, поскольку правила игры одни для всех, а интеллигенция по своим потребностям сильно опережает средний уровень, она чувствует себя обиженной, оскорбленной, неудовлетворенной и так далее. Это проблема всех не очень развитых стран, просто нигде ненависть к своей стране не достигала такого накала, как в Советском Союзе и России. Причина – некоторые дополнительные факторы, среди которых особенно выделяются потомки репрессированных, причем репрессированных относительно мягко: у репрессированных жестко, как известно, потомков не оставалось.

И, знаете, почитал я мемуары, так наиболее гневно пишут о «проклятом» сталинском режиме дети чекистов и окружение чекистов, расстрелянных Берией за излишнюю, даже по меркам того времени, жестокость.

М. МУСИН: – Ну мы же знаем: дедушка Гайдара – человек, который во времена большевистского террора исключен из ВКП(б) с формулировкой «за нечеловеческую жестокость».

М. ДЕЛЯГИН: – Во-первых, он ему не дедушка, потому что отец Егора Гайдара был не родным, а приемным сыном Аркадия Гайдара – среди «зверей»-большевиков, до Сталина включительно, была традиция усыновлять сирот гражданской войны, беспризорников и просто детей. Правда, по другой версии, усыновлен был просто внебрачный сын.

Во-вторых, этот самый Аркадий Гайдар потом все-таки кое-что понял, потому что в одной из его детских книжек прошла фраза «снились люди, убитые мной в детстве». Понимаете, не «враги», не «бандиты», не «беляки», а «люди». Мы все знаем, что он в 16 лет командовал полком, но мало кто знает, что в 18 лет ему после этого пришлось лечиться в психиатрической клинике. Погиб он героически в 1941 году и, скажем так, есть косвенные признаки, что он все-таки понял, что он творил и как-то сам себя испугался. Это существенная вещь.

И, в конце концов, если уж «сын за отца не отвечает», то и ответственность деда за внука – даже родного, а не приемного – тоже достаточно ограничена.

А возвращаясь к нашему реформатору, могу сказать, что реформаторы развились и появились не сами по себе. Был андроповский еще проект, проект «Звезда».

Его идея – глубокая, комплексная модернизации Советского Союза. У нас ведь много было попыток перехода на рыночные рельсы. Сталин еще за год перед смертью говорил, что без подготовки грамотных экономистов Советский Союз погибнет – второй и последний раз он так разговаривал, а первый раз был в 1931 году, когда началась подготовка к войне.

А самый первый раз понятие «хозрасчет» было введено в партийные документы…

М. МУСИН: – В 1961 году…

М. ДЕЛЯГИН: – Несколько раньше. В феврале 1941 года пленум ЦК ВКП(б) официально (мы это изучали в МГУ), официально рассматривал вопросы внедрения хозрасчета и зафиксировал, что он неплохо себя показал на лесозаготовках – понятно, что ГУЛАГ имелся в виду, – и потому хозрасчет надо распространить по всей экономике, потому что материальное стимулирование, оказывается, почти столь же важно, как идеологическое, а их сочетание дает результаты прямо-таки удовлетворительные!

Таким образом, попыток было много; проваливались они из-за идеологического характера власти. Как только вы допускаете реальное материальное стимулирование – власть

начинает уходить из ЦК в Совет Министров, занимающийся хозяйством.

И ведь были попытки этот переток оформить. Последняя серьезная попытка «вернуться к ленинским нормам», то есть к управлению страной через Совет Министров, а не ЦК КПСС, была предпринята Косыгиным в начале 70-х годов. Тогда даже пленум ЦК на полгода пришлось переносить, чтобы не допустить мягкого, ползучего, но, по сути дела, государственного переворота.

В 1979 году тоже была попытка перейти на хозрасчет, я уж не говорю про 1965–1966 годы. Почему опять не получилось? Потому что, с одной стороны, блокировал ЦК КПСС, опасаясь за свою идеологическую власть, а с другой стороны (и Сахаров был прав в этом), это КГБ было слабо коррумпированной структурой, а про остальных это сказать было нельзя. И в ЦК КПСС, и в Совмине были конкретные интересы, решения о выделении конкретных материальных ресурсов, прежде всего Средней Азии, Закавказью, ну, Молдавии в значительно меньшей степени. Сюда добавьте все региональные, земляческие и отраслевые кланы, лекции за 10 000 тогдашних еще долларов, за которые средние чиновники ЦК КПСС ездили на Запад читать бессвязные лекции о марксизме-ленинизме, и их покупали, по сути дела, за эти лекции пачками, – это тоже была практика достаточно распространенная.

Ведь огромное количество чиновников на Западе читало лекции, был большой студенческо-аспирантский обмен – по крайней мере, среди моих преподавателей трое стажировались за границей: двое в США и один во Франции.

И в результате Андропов и в целом КГБ видят, что загнивающая партия тащит всех на дно. И возникла идея «качнуть» ситуацию, довести дело до дестабилизации, чтобы ЦК КПСС обанкротился, и это стало явным, и после того убрать его власть и перейти к нормальной демократии по тогдашнему турецкому образцу, когда есть все демократические институты, и они даже работают, а реально страной правит Генштаб.

Насколько можно судить по косвенным признакам, это был разветвленный проект, о его других направлениях можно тоже поговорить, они были хорошо продуманы стратегически, но беда в том, что спецоперации не работают в долгосрочной перспективе, потому что тайное знание не живет.

Когда Андропов умер, проект продолжался по инерции, но уже никто не знал, зачем он нужен. В результате произошел перехват управления со стороны наших западных «друзей».

И Гайдар, и Чубайс, которого привлекли позднее, и многие другие реформаторы входили в этот проект. Андропов ведь понимал, что готовить управленцев, которые будут вести страну по китайскому пути (хотя в случае успеха он назывался бы сейчас советским), в рамках ЦК КПСС нельзя, и нужно, чтобы люди понимали, как работает рынок на самом деле.

В Вене был создан Международный институт проблем управления, который был не только точкой диалога и переговорной площадкой, обеспечивающей экспертное взаимодействие, но и (чего американцы тогда не понимали) точкой подготовки будущих руководителей для будущих советских реформ.

Но, когда Андропов умер, цель забылась, а процесс остался.

И все эти реформаторы, которые потом с пеной у рта рассказывали, как хорошо на Западе, писали докладные записки, которые должны где-то сохраниться. И в этих записках они показывали, что вот такой-то западный ученый сказал то-то и то-то, и это означает целенаправленную диверсию против нашей советской экономики и нашего образа жизни, потому что приведет к таким-то последствиям.

И они все писали правильно, что не помешало им через 5–8 лет осуществлять ровно эти рекомендации.

То есть разговоры о том, что, ах, мы не знали и, ой, мы не ведали, что творили – не более чем «отмазки», извиняюсь за вульгарное выражение, и есть где-то документы, которые доказывают: значительная часть этих людей прекрасно ведала, что она творит. Это были умные рациональные люди, которые просто кипели иррациональной для нас с Вами ненавистью к своей стране, ненавистью к своему народу.

И здесь вопрос не в неграмотности, хотя она, конечно, тоже была…

М. МУСИН: – «Чужебесие» называется…

М. ДЕЛЯГИН: – Здесь вопрос в мотивации. Лучший из реформаторов, самый честный – Альфред Рейнгольдович Кох…

Приношу свои извинения, я категорически не хотел ничего плохого сказать о немцах. В конце концов, у нас два лучших губернатора в стране были именно немцами. И русские немцы, как и русские из Прибалтики, которые потом вернулись, – это, с моей точки зрения, самые качественные работники и самые лучшие управленцы.

Но из любого правила есть исключения.

Кох в 1997 году дал интервью американской радиостанции, где буквально с воплем восторга рассказывал о бедах и трагедиях России. Это был какой-то детский восторг, рвавшийся из глубины души удачливого либерального реформатора: мол, как же классно мы эту страну «замочили!»

А потом после 11 сентября 2001 года «Комерсант» опрашивал всех о терррактах в Нью-Йорке, и Кох вдруг без всякой провокации со стороны журналиста поразился сам себе: мол, как странно! Вот когда у нас в Москве дома взрывали, у меня ведь не было такого чувства сопричастности! Задумался, почему бы это, – и нашел ответ, он же умный, я до сих пор этот ответ помню: «У меня в Нью-Йорке все улочки родные».

Так что весь ход либеральных реформ объясняется одной-единственной вещью: названием города, где у этих людей «родные улочки».

В конце концов, если вы живете ради личного потребления, ваша Родина там, где магазинчики получше.

М. МУСИН: – Нет, ну речь идет все же о «пятой колонне», давайте называть вещи своими именами. Мне это напомнило историю «Норильского никеля». Разработчики схему его приватизации мне рассказывали: «Мы подумали, пришли к Коху: вот такая система, значит, вот – кредиты, вот – погашение». «А зачем так сложно? Я сейчас сниму трубочку, позвоню Андрею Вавилову, он вам даст кредиты из госбюджета, а на следующий год забудет включить строчку о возврате». Ну, разработчики схемы пришли к владельцу бизнеса и говорят: «Вот такая схема, но это воровство». На что получили очень простой ответ: «Либо коммунисты придут к власти и всё отберут, либо Борис Николаевич, победив, нам всё простит».

И вот, спустя много лет (мне очевидец рассказывал), идет собственник этого бизнеса, довольный такой.

– Откуда идешь? – спрашиваю.

– Из прокуратуры, – говорит.

– А почему веселый?

– Первый раз как свидетеля допрашивали…

Коха в свое время «выцепили», когда он летел на чартере куда-то, и за полтора дня Генпрокуратура провела все обыски. Нашла достаточно много интересного. Мне прокрутили пленочку, где известное должностное лицо вымогает 30 миллионов за приватизацию «Норильского никеля» – взятку. По-моему, все эти люди на свободе до сих пор.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, они все на свободе, а то и у власти. Меня часто спрашивают, в чем мои разногласия с нынешним государством, и приходится отвечать, что в главном – в том, что вор должен сидеть, – мы единодушны. Просто я думаю, что в тюрьме, а наша правящая тусовка убеждена, что в правительстве.

Правда, когда реформаторы попадают в Соединенные Штаты, как, например, было с сенатором Вавиловым, то там их частные самолетики иногда сажаются истребителями с последующими душевными беседами. Но американцам просто интересно – они же не все детали знают, а у нас почти все детали почти всем известны. Зачем сажать богатого уважаемого человека, который летит по своим делам, когда он хозяин или обслуживает хозяина?

Дело ведь не в Гайдаре, не в Чубайсе, не в Кохе.

Дело в том, что в результате порушенной спецоперации Андропова у нас из государства сложился механизм переработки биомассы, которую по торжественным случаям именуют населением, в замки в Швейцарии, яхты с противоракетной обороной и собственными подводными лодками, ну, в крайнем случае, – в куршавельские загулы. Ничего принципиально нового в этом нет: мы хорошо помним режим, который перерабатывал людей в удобрения, в мыло, в абажуры…

М. МУСИН: – Да, принципиальной разницы нет…

М. ДЕЛЯГИН: – Есть некоторая новизна, связанная с новыми технологиями управления и с пропагандой, которая обеспечивает относительное довольство перерабатываемых – разумеется, до некоторого момента, а с другой стороны – те, кто является выгодоприобретателями этой системы, не чувствуют себя людоедами или эсэсовцами.

М. МУСИН: – Михаил Геннадьевич, что Вы пожелаете радиослушателям в конце года?

М. ДЕЛЯГИН: – Удачи, счастья, здоровья. Я хочу, чтобы Вы научились жить в кризисе и жить с кризисом, не слишком переживая по этому поводу. Конца кризиса я называть не буду, потому что он не скоро кончится, но я верю, что по итогам системного кризиса мы создадим нормальное честное государство, в котором нам будет жить не стыдно, спокойно, счастливо и достойно.

02.04.2010

Глава 4. Мировой кризис: на пути в ад глобальной депрессии

Время, брат, идет… веселое!
Аркадий Гайдар

Основные глобальные перспективы современного человечества

Представители глобального управляющего класса в своих публичных выступлениях демонстрируют, как правило, либо неспособность осмыслить происходящее с современным человечеством, либо принципиальное нежелание искать приемлемый для него выход. Их получившие известность высказывания характеризуют либо понимание «конца капитализма», не идущее дальше мучительно напряженного ожидания непонятных катаклизмов и заведомо нереалистичных предложений вроде создания «мирового правительства» или глобального «финансового Госплана», либо уровень фондовых аналитиков, мыслящих исключительно категориями сложившейся финансовой системы. В современных условиях кризиса этой системы, с неотвратимостью ведущего к ее саморазрушению и замене, подобное мышление оказывается не только недостаточным, но и попросту неадекватным – даже с точки зрения тех узких и заведомо частичных целей, которые оно само перед собой ставит.

При всей обидности, это совершенно естественно: ведь экономическая теория является отнюдь не орудием чистого разума и не средством познания – вне зависимости от желания ее создателей и адептов, она по самой своей природе, в силу фундаментальной связи экономики с общественным управлением служит интересам той или иной значительной группы влияния. Либерализм как экономическая идеология, при всей своей примитивности и даже пошлости, обладает колоссальной мощью и притягательностью именно потому, что является инструментом самоосознания и реализации интересов ключевого фактора мировой истории этапа глобализации – глобального управляющего класса. Фундаментальный посыл современного либерализма, в отличие от XVIII века, заключается в стремлении отнюдь не к

индивидуальной свободе и самовыражению личности, но, по сути дела, к исключающему возможность этого **обожествлению глобального бизнеса и его интересов.** Наиболее значимым практическим следствием является глубоко укорененное убеждение, что национальные государства обязаны служить именно глобальному бизнесу, а если его интересы противоречат интересам национального бизнеса или тем более населения, последние должны в лучшем случае последовательно игнорироваться.

Воспринимая весь мир и его изменения с позиций исключительно глобального бизнеса, современный либерализм, разумеется, в принципе не способен осознать исчерпанность исторических перспектив последнего. Ведь загнивание глобальных монополий неизбежно – как ни оттягивай наступление этого момента – приведет к срыву в глобальную депрессию и разделению глобального рынка на разноуровневые макрорегионы, жестко конкурирующие друг с другом за спрос, капитал и другие ресурсы. Распад глобального рынка будет означать уничтожение глобального бизнеса как массового явления, определяющего развитие человечества. Большинство корпораций сохранится, их названия и даже собственники останутся почти прежними, – но масштаб их деятельности резко сузится, ограничившись рамками соответствующего макрорегиона, и из глобальных монополий они станут региональными, подпадающими в этом качестве под регулирующее воздействие соответствующих властей.

Это глобальный бизнес по определению больше любого государства и потому, стоя над ним, способен de facto (а часто и de jure) добиться освобождения от какого бы то ни было реального контроля с его стороны. Сужение же масштабов деятельности изменит соотношение сил между крупнейшим бизнесом и национальными (или макрорегиональными, как в случае Евросоюза) властями, создав для последних реальную возможность восстановить его регулирование. И в условиях ужаса глобальной депрессии они будут просто вынуждены выжать из этой возможности все что можно – и даже немного больше.

Таким образом, глобальный бизнес, находившийся на подъеме по крайней мере с послевоенных времен, после Никсона подмявший под себя даже американское государство, уничтоживший своего последнего конкурента – Советский Союз, и создавший на его костях принципиально новый субъект истории человечества – глобальный управляющий класс, за последние полтора десятилетия превратился из восходящей силы в нисходящую, из прогрессивной (разумеется, исключительно с точки зрения направленности развития человечества) – в реакционную. До сих пор мы видели его загнивание на примере образующих его экономическую базу глобальных монополий. Но последние годы убедительно демонстрируют качественно новый этап этого загнивания: неадекватность идеологии глобального управляющего класса – ее бесплодность достигли масштабов, которые становятся очевидными для представителей самого этого класса.

Его реакционность стала наглядной, но для него самого мало что изменилось: его лучшие представители всего лишь еще раз убедились в своей неспособности даже не справиться, а хотя бы просто осознать характер происходящих с ними событий. Однако никакая беспомощность не отменяет базовых, фундаментальных интересов – и потому глобальный управляющий класс будет отчаянно и неумолимо бороться за них, выглядя не только все более смешно, но и все более страшно. Особенно верно последнее для периферийных, колонизируемых им стран, находящихся, по сути дела, под внешним управлением.

Как будет устроен ад глобальной депрессии?

Мир полон парадоксов.

Революционная новизна, как правило, стыдливо прикрывается лохмотьями традиций. И наоборот: призывы «построить новый мир на пустом месте», какими бы искренними они ни были, обычно волшебным образом приводят к воссозданию архаичных форм общественного устройства (как, например, колхозы воссоздали общину, а система оплаты труда в сталинском оборонном комплексе – принципы организации артели).

Мир уже потихоньку начинает, до срыва в глобальную депрессию, разделяться на макрорегионы: как обычно, будущее заранее накладывает на нас свой отпечаток. Характерными проявлениями этого служат формирование «зоны юаня» и то, что из всех стран «большой двадцатки» только Россия не усилила протекционистской защиты своей экономики после 2008 года. Мир, возникший в результате глобальной депрессии, видится сегодня некоторым аналогом возврата к межвоенному периоду с его разделенностью на «сферы влияния» и не просто отчаянной, но и головокружительной, непредсказуемой грызней всех со всеми.

Магистральной тенденцией станет, по-видимому, не возрождение национальных государств, слишком маленьких для макрорегионов, мало способных самостоятельно выжить в условиях обострения конкуренции и слишком разнородных внутренне в силу длительной и масштабной миграции, но частичное восстановление старых империй, хотя бы и под новыми вывесками. Наиболее яркими примерами в этом отношении сегодня представляются Китай и Турция. Национальные же государства будут существовать «в тени» новых империй, в рамках конституируемых ими макрорегионов, в разной, но всегда весьма существенной зависимости от ключевых властей соответствующих пространств. Что же касается государств, не представляющих принципиального интереса для этих новых империй или важных исключительно как места извлечения природных ресурсов, то они будут неумолимо хаотизироваться и превращаться в зоны, малопригодные даже для примитивного выживания людей. В этом отношении катастрофы Сомали, а затем и Северной Африки с Сирией представляются не столько результатом корыстного умысла и спецопераций, сколько проявлением новой глобальной тенденции.

Разумеется, макрорегионы будут существенно различаться между собой прежде всего по глубине интеграции; и конкуренция между ними будет заключаться в том числе и в недопущении слишком глубокой интеграции в стане противника, так как она может привести к его неприемлемому усилению. Например, макрорегион, стихийно слипающийся последние годы вокруг России (с минимальным, как это ни прискорбно, сознательным участием российского государства), будет значительно более слабым и рыхлым, чем целенаправленно выстраиваемая и жестко конструируемая объединенная Европа. При этом даже наиболее интегрированные макрорегионы будут иметь несколько внутренних «уровней» – подобно тому, как северо–американская зона свободной торговли значительно меньше зоны, которая сохранит доллар в качестве резервной валюты, а еврозона – значительно уже Евросоюза.

Макрорегионы будут отделяться (а порой и отрезаться) друг от друга далеко не только валютными войнами, масштаб и разрушительность которых неизмеримо вырастут по сравнению с современным положением, но и прямыми ограничениями торговли при помощи как тарифных, так и нетарифных методов. ВТО в этих условиях окончательно превратится в инструмент подавления развитыми странами (в первую очередь, странами Запада) своих конкурентов. Его департамент, занимающийся урегулированием торговых споров, и в настоящее время принимает решения, как правило, в пользу развитых стран, ограничивая доступ всех остальных к правосудию не слабее российской судебной системы. После же срыва в глобальную депрессию он окончательно станет столь же «объективным» – и, по всей вероятности, столь же «авторитетным», – что и Международный трибунал в Гааге. В конце концов члены ВТО окончательно прекратят обращать на нее сколь-нибудь серьезное внимание, и эта почтенная еще и в настоящее время организация уже на нашей памяти выродится в хозяйственный аналог позорно беспомощной Лиги Наций.

Распад глобального рынка, как и в целом срыв в глобальную депрессию, разорвет многие кооперационные связи, на первом этапе резко сократит масштабы производства и приведет к чудовищным бедствиям, которые вынудят резко ограничить демократические права и свободы даже в благополучных странах. Использование для этого ограничения принципиально различных методов (в зависимости от культуры и уровня технологического развития) – от «мягких» информационных диктатур, прибегающих к технологиям

коллективного «промывания мозгов», до традиционных полицейских режимов – весьма существенно повысит внутреннюю разнородность человечества.

В глобальной депрессии каждый макрорегион столкнется с необходимостью поддержания уровня жизни граждан, своей промышленной мощи и обороноспособности. Это будет серьезный вызов, так как производство драматически примитивизируется, причем не только из-за распада кооперационных связей, но и в силу сокращения масштабов рынка сбыта большинства видов продукции, что означает сокращение глубины традиционного разделения труда и, соответственно, уничтожение ряда сложных технологий, требующих для своего сбыта глобальных рынков. Первичное падение технологического уровня представляется неизбежным – его генеральную репетицию мы в схожих обстоятельствах пережили на руинах Советского Союза в 1990-х годах.

Некоторые макрорегионы не справятся с этим вызовом, не смогут остановить вызванную срывом в депрессию деградацию и будут частично поглощены своими более успешными конкурентами, а частично – хаотизированы. Однако другие, вероятно, смогут найти выход из положения при помощи освоения принципиально нового типа технологий, блокируемых сегодня разнообразными монополиями. Эти технологии, по сути, отрицают своим существованием жесткую рикардианскую обусловленность технологического уровня (с точки зрения задач, которые решал Рикардо, – уровня богатства) глубиной разделения труда. Сочетая за счет своего межотраслевого характера высокую производительность с простотой и дешевизной, они являются порождением совершенно нового этапа научного и технологического развития человечества, наступившего, как обычно, совершенно внезапно как для включенных в процесс исследователей, так и для досужих наблюдателей.

Этот этап характеризуется отнюдь не ставшим привычным нам усложнением картины мира за счет наработки все более локальных, частных знаний. Напротив: его содержание – кардинальное упрощение картины мира за счет объединения и обобщения разрозненных узкоспециализированных достижений. Переход, пусть даже заведомо частичный и гарантированно неполный, от анализа различных фрагментов окружающего мира к синтезу полученных знаний, вероятно, временно, но позволит достичь новых технологических высот (и, что немаловажно, восстанавливать прежние достижения) даже в условиях глобальной депрессии. Последние характеризуются значительно меньшими по своим масштабам рынками, с меньшей глубиной специализации (то есть разделения труда), с меньшим масштабом и качеством как образования, так и в целом систем, занятых производством человеческого капитала.

Значительная часть сверхпроизводительных, но при этом относительно простых и дешевых технологий была наработана еще в советском ВПК, что дает естественные стартовые преимущества России и разрабатывающему ее богатства Китаю. Однако понятно, что эти стартовые преимущества могут и не быть реализованы, и тогда наработки советских специалистов и их российских продолжателей будут реализованы более гибкими управляющими структурами, которые частью сохранятся, а частью сложатся заново в США и Евросоюзе. Россия же может и не реализовать свои преимущества – просто из-за своего ужасающего положения.

04.03.2013

Россия: перспективы, принципы выживания и «технологический социализм»

Понимание нашего будущего требует осознания лишь двух бесспорных истин.

Первое: мировая цена нефти, как и сырья в целом, в обозримом будущем (в перспективе 2–5 лет) существенно снизится. Вне зависимости от «сланцевой революции», которая уже сейчас болезненно ограничивает российский экспорт, удешевление сырья будет вызвано срывом мировой экономики в глобальную депрессию.

Сегодняшняя дороговизна нефти вызвана тем, что крупнейшие экономики мира компенсируют сжатие коммерческого спроса (следствие загнивания глобальных монополий) наращиванием спроса, определяемого государством (через бюджет и главное – через эмиссию денег). Помимо долгового кризиса, это увеличивает спекулятивные капиталы (так как деньги просачиваются мимо контроля даже в китайской системе), поддерживающие сегодня рынки сырья.

Они далеко не всесильны – достаточно посмотреть на удешевление золота. Но рынок нефти наиболее спекулятивен по самой своей структуре (мировая цена определяется на очень узком его сегменте, максимально открытом спекулятивным воздействиям) и потому будет поддерживаться спекулянтами до конца, до самого срыва в депрессию, в которой спекулятивные капиталы сгорят первыми. Этот срыв можно оттягивать, но нельзя избежать – и его вероятность нарастает.

Однако – и это вторая очевидная истина, – вне зависимости от мировой цены нефти, созданная в России воровская модель экономики будет сама по себе с нарастающей силой генерировать внутреннюю напряженность – до тех пор, пока эта напряженность не разрушит хрупкую уже сегодня социально-политическую стабильность. Российское государство, о чем я уже писал, производит впечатление механизма, исправно перерабатывающего советское наследие (включая биомассу, по праздникам именуемую «населением») в личные богатства правящей тусовки, вывозимые за рубеж и легализуемые в фешенебельных странах. Все по-настоящему влиятельные группы общества, участвуя в процессе, всецело его поддерживают и считают не чудовищным преступлением против человечества (уже повлекшим для нашей страны не менее тяжкие последствия, чем нашествие Гитлера), а естественным и единственно возможным способом существования России.

Все пороки и недостатки, на которые привычно сетуют аналитики, – коррупция, произвол монополий, искусственная нищета, дебилизация населения, незащищенность собственности, силовой рэкет и прочее – не более чем естественные внешние проявления этой модели. Она является несравнимо более самоедской, чем даже позднесоветская экономика, и не допускает развития в принципе: «сколько страну ни грабь, модернизация не начнется». Поэтому рост экономики замедляется даже при благоприятных внешних условиях, из-за чего средств начинает не хватать для удовлетворения растущих аппетитов всех «групп влияния», которые вгрызаются друг в друга, разрушая систему в целом.

Наша экономика вошла в это состояние, самое позднее, в 2011 году, когда резкое повышение мировых цен на нефть впервые не вызвало ускорения экономического роста и более того – сопровождалось снижением благосостояния основной части общества. Учет занижения официальной инфляции и уверенного роста благосостояния наиболее богатых позволяет оценить снижение реальных доходов 90 процентов россиян в совокупности не менее чем на 7,5 процента. Причина проста: из-за низких темпов роста ключевые «группы влияния» не могли удовлетворять свои аппетиты по-прежнему и стали решать проблему за счет бесправного в рамках «сувенирной демократии» населения.

Бессовестный грабеж, да еще в условиях видимого процветания, породил феномен «рассерженных горожан». Перепугавшаяся власть пошла на попятный: в 2012 году рост официальных реальных доходов ускорился более чем в 10 раз (с 0,4 до 4,2 процента). Но теперь ресурсов «для распила» стало уже не хватать кланам коррупционеров – и они стали грызть друг друга, борясь за сократившиеся ресурсы. Внешним проявлением этой грызни стали «антикоррупционные» скандалы, создавшие угрозу правящему классу как таковому и потому быстро спускаемые «на тормозах».

Эти скандалы были борьбой не с коррупцией как явлением, а с коррупционерами, так как были направлены на конкретных лиц и не сопровождались реальными попытками изменить порочные правила, порождающие коррупцию. Последние, похоже, устраивали почти всех: скандалы вели к замене «чужих» коррупционеров на «своих» в рамках сохранения прежних правил игры. Вероятно, в 2013 году правящая тусовка осознает, что подавление населения в краткосрочном плане менее опасно (и более приятно) для нее, чем

межклановые распри, и вернется к политике образца 2011 года. Да, она будет разжигать ненависть к власти во все более широких слоях общества, – но при этом позволит в преддверии кризиса (если не российского, то глобального) форсировано наращивать богатства бюрократии. А ведь последняя не собирается ждать ужасных плодов своей стратегии: она заранее готовится к катастрофе, выводя свои богатства в фешенебельные страны.

Таким образом, в ближайшие пять лет России, вероятно, предстоит вместе с миром рухнуть в разрушительную глобальную депрессию (при которой упадут цены сырья, и сократится его экспорт). В те же пять лет России предстоит – уже по сугубо внутренним причинам – сорваться в глубокий системный кризис, в новое Смутное время. Падение в глобальную депрессию автоматически дестабилизирует нашу страну; но если ключевым участникам мировой экономики удастся удерживаться на грани катастрофы, поддерживая относительную стабильность, наша страна сорвется в свой собственный кризис сама, по собственным причинам.

Конкретный сценарий наступления Смуты пока не виден, так как все факторы возможной дестабилизации (удешевление нефти, разрушение советской инфраструктуры, обострение «дружбы народов», межклановые конфликты) не поддаются количественной оценке.

Непосредственные задачи России в глобальной депрессии феноменально просты: формирование и развитие своего макрорегиона с максимальным использованием его собственных ресурсов. Развитие за счет внутреннего рынка – универсальное правило выживания в депрессии: никаким иным образом нельзя накопить потенциал для попытки осуществления экспансии на внешние, внезапно закрывшиеся в результате срыва в депрессию рынки. Россия будет вынуждена решать эту задачу в уникально невыгодных условиях. На раннем этапе внешнего и внутреннего кризисов сохранится современная ситуация мягкого внешнего управления, вызванная выводом критически значимых активов правящего класса (от денег до детей) за рубеж. Это не только делает его уязвимым перед сознательным давлением со стороны конкурентов, но и, что значительно более важно, способствует размыванию его самосознания: его представители управляют Россией, исходя из интересов не столько своего имущества на ее территории, сколько своего имущества на территории ее стратегических конкурентов.

Разумеется, рост конкуренции и разделение мира, вызванные срывом в глобальный кризис, ужесточат противоречие между интересами правящего класса и его общественной функцией и, вероятно, приведут к утрате им своего влияния на Россию. Однако этот процесс будет разрушительным – как в силу естественного сопротивления правящего класса (благодаря которому единое в своих интересах и самосознании большинство российского общества до сих пор не обрело не только своего политического представительства, но даже и простого политического выражения), так и в силу вынужденной реализации им враждебных России интересов. В результате к тому времени, когда российское общество получит наконец возможность обретения политической власти над собой и выражения своих интересов при помощи государственных механизмов, и страна в целом, и население будут находиться в значительно худшем состоянии, чем сейчас. В частности, значительная часть международных резервов, вложенная в иностранные ценные бумаги в целях (в том числе) поддержания западной финансовой системы, обесценится из-за естественного падения стоимости этих бумаг в ходе срыва в глобальную депрессию.

Поэтому, какие бы колоссальные резервы и ценой какой бы чудовищной деградации ни накапливала Россия вчера и сегодня, в критических условиях они нам не помогут. Их реальная функция, насколько можно понять, не имеет ничего общего с официально декларируемой: как честно признал «паж» либерального клана вице-премьер Дворкович, Россия должна платить за финансовую стабильность США. И она, добавлю, будет продолжать это делать, пока власть над ней удерживает современная правящая тусовка. Однако в 2013 году и мировая экономика, и Россия, скорее всего, еще будут стабильны. Это

ставит на повестку дня вопрос если и не о предотвращении надвигающихся кризисов, то хотя бы о минимизации их последствий.

Неоднородность правящего класса и обострение грызни внутри него дают шанс разъяснить ситуацию и необходимость перехода от политики воровства к политике развития. Попытки эти, скорее всего, безнадежны, ибо классовые интересы доминируют над индивидуальным пониманием. Достаточно вспомнить, как перед дефолтом 1998 года многие аналитики пытались разъяснить либералам опасность катастрофы и необходимость прекращения спекуляций на рынке ГКО. Либералы видели последствия своей деятельности не хуже непрошеных доброхотов, но не могли остановиться. Каждый понимал: если он просто прекратит воровать, то лишится огромных денег, которые вместо него достанутся его коллегам или еще хуже – конкурентам. Если же он будет пытаться ограничить механизмы разворовывания бюджета, уничтожающие страну, то станет врагом всего правящего класса и будет в лучшем случае уволен (а то и убит).

Понимание этого вынудило массы либералов, подобно стае леммингов, нестись к финансовой пропасти 1998 года и в итоге увлечь за собой страну.

Классовые интересы, какими бы самоубийственными они ни были, всегда доминируют над индивидуальным пониманием членов класса: даже если все лемминги без исключения увидят, что несутся в пропасть, – будучи объединенными в социальный организм, они не смогут и даже не захотят остановиться. Таков важнейший практический урок дефолта. Применительно к современной ситуации он означает бессмысленность разъяснительной работы среди членов правящего класса: они прекрасно понимают характер и последствия своей деятельности. Периодически наиболее совестливые (или наименее аккуратные) не выдерживают и уезжают за границу, «на пенсию» (или выбрасываются на обочину конкурентами); это ведет лишь к передаче их полномочий другим, менее задумывающимся и потому более удачливым членам этого класса.

Леммингов нельзя остановить – их можно лишь увести в сторону; но это требует переубеждения «главного лемминга», непосредственно направляющего процесс и задающего его рамки. Некоторые сдвиги в поведении российских властей (назначение ряда разумных министров, перевод С. Глазьева из Таможенного союза в помощники В. Путина, поручение Академии наук разработать нелиберальную экономическую программу) вызывают слабые надежды. И все усилия по повышению адекватности высшего российского руководства (которое в Смуте ждет либо камера в Гааге, либо шариатский суд в Чечне) полностью оправданы.

Вот только надеяться на то, что эти усилия заставят перейти от уничтожения страны к ее развитию, не стоит: вероятность отлична от нуля, но не очень сильно. Ведь развитие страны означает сокращение воровства, то есть подрыв благосостояния правящего класса. И руководителю, который всерьез озаботится нормализацией России, предстоит объявить войну не на жизнь, а на смерть собственной опоре – тому правящему классу, который создан и выстроен его усилиями, в соответствии с его предпочтениями. А новую опору, новую социальную базу придется создавать на пустом месте, голыми руками в условиях войны со своими вчерашними друзьями и подельниками – и совсем не факт, что ее удастся создать. Более того: развитие России превратит осуществляющего его руководителя в лютого врага Запада и Китая, так как создаваемые производства будут ограничивать импорт – и перекладывать прибыли (все более ценные по мере приближения глобальной депрессии) иностранных производителей в карманы российского бизнеса.

Важно и то, что деньги, выводимые сегодня из России и поддерживающие финансовую систему Запада, начнут возвращаться обратно. Это будет рассматриваться Западом как диверсия – и караться соответственно, вне рамок какого бы то ни было законодательства. Таким образом, решиться на отказ от комфортного скольжения в пропасть ради нормализации ситуации в России трудно и страшно: с точки зрения личного благоденствия руководителя страны это будет означать отказ от гипотетической катастрофы в неопределенном будущем в пользу немедленной и понятной катастрофы прямо сейчас.

Поэтому всерьез надеяться, что «верховный лемминг» озаботится своим долгом и кардинально изменит свою политику, не стоит.

Но стараться и прикладывать для этого все силы необходимо, ибо в истории иногда срабатывают и крайне низкие вероятности. Кроме того, прелесть общественных наук – в принципиальной невозможности знать многое из того, что происходит прямо сейчас: многое становится понятным лишь с большим опозданием. Этот «принцип неопределенности» и обусловливает огромную роль личности в истории – и мы не должны опускать руки, так как на карту поставлено слишком многое. С другой же стороны, в точках исторических переломов даже самое слабое воздействие может оказаться решающим. Каждый из нас может стать соломинкой, ломающей спину верблюда, – и мы обязаны использовать все имеющиеся или кажущиеся возможности до последней.

Хотя бы потому, что альтернатива слишком ужасна.

Сторонники лозунга «чем хуже, тем лучше» отличаются либо надежным гнездышком в фешенебельных странах, либо альтернативной интеллектуальной одаренностью, позволяющей не обращать внимания на неизменную чудовищность российских смут, сопровождаемых голодом и массовым истреблением людей. Лозунг «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» не выдержал проверку гражданскими войнами, голодом, эпидемиями и геноцидами: его авторы жили слишком цивилизованно для понимания того, что даже у последнего бедняка можно отнять жизнь. Смута в завтрашней России будет означать не только социальный и политический, но и этнический конфликт. Поэтому максимальное сокращение ее длительности и разрушительности – категорический императив для всех, кто пытается жить в нашей стране.

С экономической точки зрения задачи предотвращения и прекращения Смуты почти не различаются: базовые меры примерно одинаковы (хотя, конечно, осуществлять их вне хаоса, при сохранении единства страны неизмеримо проще). Главным дефицитом в условиях глобальной депрессии и распада мирового рынка на макрорегиональные фрагменты будет спрос; единственный способ выживания в этих условиях – развитие не внешних связей, но собственной экономики с максимальным использованием своих ресурсов.

В отличие от многих стран, Россия может развиваться на собственной базе – за счет модернизации инфраструктуры. Неминуемое при срыве в глобальную депрессию удешевление сырья ставит крест на идеологии «энергетической сверхдержавы» (о которой и так стараются не вспоминать после начала «сланцевой революции» в США) и создает реальную возможность ее переработки в идеологию «инфраструктурной державы». С точки зрения отдельной фирмы вложения в инфраструктуру невыгодны, так как окупаются долгие десятилетия (именно поэтому так износилась со времен Рейгана инфраструктура США). Поэтому развитие за счет модернизации инфраструктуры возможно, лишь исходя из интересов общества – с учетом всей совокупности выгод от роста деловой активности.

Различие в подходах колоссально: с точки зрения фирмы, первая ветка Транссиба окупилась через полвека – уже во время коллективизации; а с точки зрения общества – примерно за десять лет. Это значит, что главным субъектом экономического развития России сегодня и завтра может быть только государство, причем служить оно должно интересам своего народа, а не чужого глобального бизнеса (интересы которого остервенело отстаивают либералы).

Модернизация инфраструктуры требует резкого ограничения коррупции (иначе деньги будут украдены и уйдут на Запад) и произвола монополий (иначе будет, как с медведевским «доступным жильем»: вместо новой инфраструктуры возникнет новый уровень цен). Вопреки насаждаемым либералами представлениям ни в том, ни в другом нет ничего принципиально сложного; заботящиеся о своих народах государства давно отработали соответствующие технологии. Чтобы модернизация инфраструктуры развивала российских производителей, а не их иностранных конкурентов, нужен разумный протекционизм – хотя бы на уровне Евросоюза. Это означает как минимум пересмотр кабальных условий присоединения России к ВТО или выход из этой организации (бесполезной для страны,

экспортирующей сырье и оружие).

Вынужденная модернизация инфраструктуры определяет облик и структуру занимающегося ею общества весьма жестко. Модернизация как таковая невозможна в условиях рабского труда. Поэтому политика замещения россиян нелегальными мигрантами должна быть заменена политикой сохранения традиционного этнокультурного баланса. Этнические мафии, занимающиеся в том числе работорговлей и наркоторговлей, со всем своим политическим и юридическим обеспечением должны последовательно уничтожаться в рамках борьбы с коррупцией.

Относительно сложные технологии требуют образованной рабочей силы. Поэтому образование и здравоохранение должны быть доступны для всех (при сохранении массовой бедности – бесплатны для большинства), а государство обязано жестко контролировать их качество. Оно же должно гарантировать экономическую составляющую права на жизнь – реальный прожиточный минимум (различающийся в зависимости от климата и уровня цен), без которого страна неминуемо превращается в концлагерь, а значительная часть населения утрачивает необходимые для модернизации мотивации просто от голода.

Работа в этих направлениях преобразит Россию в кратчайшие сроки и даже в самых бедственных условиях. А они будут действительно бедственными. Стоит напомнить: безденежье, разруха, глубокая дебилизация (и в целом деградация) общества, разрушение инфраструктуры и жестокие межэтнические конфликты (вызванные в том числе попытками этнических мафий прийти к государственной власти) – вот вполне объективно обусловленные условия, в которых нам предстоит восстанавливать Россию после срыва мира в глобальную депрессию. Это требует не только заблаговременной проработки необходимой стратегии и сколачивания политико-управленческих команд (без которых наша цивилизация вполне может погибнуть и из состояния «дальневосточной Европы» перейти в положение «Северного Ближнего Востока»). Это требует предельно ясного понимания главного противоречия сегодняшнего и завтрашнего этапов развития человечества, которое будет всецело определять как его характер, так и наших противников и союзников.

Противоречие данное, впрочем, представляется простым и самоочевидным: между глобальным бизнесом сегодня и крупным бизнесом, в который он превратится завтра и который будет всеми силами рваться из макрорегионов обратно на глобальные позиции, с одной стороны, и человеческими обществами, объединенными своей культурой и привязанными к своей земле, с другой. На операциональном уровне – между людьми, считающими, что государство должно служить глобальному бизнесу, и теми, кто уверен, что оно должно служить своему народу. Между либеральными фундаменталистами и всеми остальными, несмотря на их порой патологическое разнообразие.

Указанное противоречие дает нашей Родине хороший шанс даже при самых ужасных внешних и внутренних обстоятельствах.

Глобальные монополии и их либеральная обслуга категорически отрицают любое обособление от глобального рынка и, в первую очередь – обособление, закрепленное государственными институтами. Поэтому они являются не просто эксплуататорами, но и кровными врагами всякого общества, стремящегося к развитию и росту благосостояния: эти процессы должны быть исключительной привилегией самих глобальных монополий и обслуживающих их «эффективных менеджеров». Остальная же человеческая масса приговорена их неумолимой коммерческой логикой к деградации и утилизации в их персональные и корпоративные богатства.

На фоне этого неукротимого в силу своей объективной обусловленности людоедства теряют значение разногласия и даже противоречия предшествовавших эпох – примерно так же и по тем же причинам, по которым они теряли значение в гитлеровских лагерях уничтожения. Левые и правые, атеисты и фанатики, националисты и интернационалисты, евреи и антисемиты, интеллектуалы и гопники равно не имеют никакой самостоятельной ценности перед останавливающимся, но еще всесокрушающим катком глобального бизнеса, и равно рассматриваются им не более чем как полуфабрикат для извлечения прибыли.

Общий враг – причем сознательный, последовательный и органически не способный к каким бы то ни было компромиссам – создает естественную почву для объединения против него. Содержанием мировой истории ближайшего десятилетия станет национально-освободительная по своей сути борьба самых разных народов за свой реальный суверенитет против «железной пяты» глобальных монополий, – борьбы, которой срыв человечества в глобальную депрессию принесет трагическую победу. Общность интересов в этой борьбе создает основу для парадоксального союза патриотов разных стран, в том числе и конкурирующих друг с другом. Ведь, конкурируя, они, в силу своих патриотических взглядов, все же не отрицают права на существование друг друга, в то время как глобальный бизнес считает чудовищным извращением любое обособление какого-либо общества от его разрушающего (на сегодняшнем этапе развития человечества) влияния.

При всей парадоксальности нечто подобное бывало даже в относительно недавней истории. Оставив за рамками антигитлеровскую коалицию в силу как очевидности, так и исторической скоротечности этого примера, вспомним, например, Священный союз – объединение монархий Европы первой половины XIX века в общем противостоянии сначала Наполеону, а затем тогдашней революционной волне. При всем цинизме и страхе, с которыми европейцы эксплуатировали романтизм Николая I, Священный союз деятельно и эффективно отстаивал фундаментальные монархические принципы. Своими частными интересами жертвовала не только Россия, но и, иногда – некоторые его европейские участники (хотя бескорыстное служение этой идее Николая I и привело его к личной и государственной катастрофе в ходе Крымской войны с укрепившимися благодаря его помощи союзниками).

Современным аналогом Священного союза может стать БРИКС. Постмодернистски анекдотическое появление этого объединения, «для красного словца» выдуманного фондовым аналитиком на основании случайного кратковременного сближения формальных параметров, не должно заслонять от нас длительности его существования и возникших в этой первоначально придуманной структуре серьезных партнерских отношений. БРИКС оказался устойчивым объединением и даже включил в себя Южную Африку именно потому, что в него вошли страны, способные к самостоятельному развитию и не принимающие в силу этого либеральную идеологию глобального бизнеса. Даже самые компрадорские руководители этих стран готовы сотрудничать с глобальными монополиями лишь на правах младших партнеров и совершенно не согласны на желательное для тех (просто в силу стремления к максимизации прибыли) бесправное положение младших менеджеров.

Это не просто столкновение корыстных амбиций – это обособление в пока еще едином глобальном рынке весьма значительных кусков, которые оказываются не по зубам даже могущественному глобальному бизнесу. Это слабые и не сознающие себя, но, тем не менее, достаточно стойкие и уже нащупавшие друг друга зародыши будущего, которые в совокупности, несмотря на всю глубину различий между ними (а отчасти, возможно, и благодаря ей), способны оказать определяющее влияние на формирование новых правил игры и, в целом, архитектуры мира после его срыва в глобальную депрессию.

Российские мыслители, – в частности, М. Хазин и А. Фурсов, – каждый по-своему, но в принципе в один голос указывают, что завершение глобального проекта либерализма с исторической точки зрения вполне закономерно совпало с его победой. В 1991 году уничтожением Советского Союза было завершено формирование единого глобального рынка, – и уже в 1994-м мексиканский кризис сигнализировал о начале проблем, связанных с загниванием глобальных монополий. Стратегическая исчерпанность либерального проекта стала очевидной миру уже в ходе долгового кризиса развивающихся и неразвитых стран в 1997–1999 годах.

Срыв в глобальную депрессию ставит на повестку дня существование не одной лишь только России, но и всего человечества как такового. В частности, становится непонятно: как в принципе удастся развивать технологии в условиях умирающей системы кредитования, да еще и без военной угрозы, которая одна создает должные стимулы их развития? Более того,

непонятно, как вообще сохранять технологии в условиях кризиса науки и образования, вызванного кризисом современного знания как такового из-за снижения степени познаваемости мира. В США, например, накопленная инфраструктура уже обветшала, так как общественные блага (и, соответственно, общественные усилия) нерентабельны с точки зрения фирмы – а ведь разрушение технологической инфраструктуры будет означать быструю примитивизацию жизни и радикальное сокращение численности человечества.

Если подниматься на философский уровень – как сохранять человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую (яркой иллюстрацией этого служит истерическая реакция Чубайса даже на простое упоминание Достоевского), а резкое ухудшение условий жизни создает сильнейший соблазн избавиться от моральных норм, сохраняющихся «по инерции»? Решение этих проблем представляется взаимосвязанным, ибо сохранение технологий и их развитие позволят сохранить и даже повысить массовый уровень жизни, что, в свою очередь, создаст предпосылки для предотвращения расчеловечивания.

И напротив – падение уровня жизни, даже временное, может привести к падению численности специалистов ниже критического уровня, утрате технологий и срыву человечества в новые «темные века» даже не по социально-политическим, а по сугубо технологическим, материальным причинам.

Уникальность России – и ее главный в настоящее время исторический шанс – заключается (разумеется, среди прочего) в русской культуре (понимаемой в широком смысле этого слова как образ действия и мировосприятие), созидающей нашу цивилизацию. Эта культура является в настоящее время единственной культурой мира, которая одновременно и отрицает либеральный идеал вседозволенности (противопоставляя ей справедливость, то есть мораль), создавая возможность сохранять человеческий облик даже в тяжелейших условиях, и имеет серьезнейший опыт развития технологий. При этом исторически технологии развивались носителями этой культуры преимущественно не на частной, а на государственной основе (задолго до Советской власти, еще на казенных оружейных мануфактурах) – что, в условиях депрессии, представляется единственно возможной формой устойчивого развития общества.

Особенности русской культуры могут позволить нашему обществу выковаться под ударами глобальной депрессии и внутренней Смуты в новое общественное устройство – своего рода «технологический социализм», объединяющий требуемые современному человечеству больше всего технологический прогресс и гуманизацию на основе отказа от эксплуатации человека человеком как основы человеческого общества. Разумеется, и эксплуатация, и рынок останутся – как сохранялись они и при обычном социализме (не стоит забывать, что даже в 1938 году малый бизнес, выражаясь современным языком, давал 6 процентов промышленного производства СССР). Но основой экономической жизни общества будут отношения индивида с обществом в лице государства, а не отношения индивидов между собой.

Этот наиболее экономичный способ организации как нельзя лучше соответствует вынужденно спартанским условиям глобальной депрессии и будет в разных формах и в разной степени вынужденно принят большинством макрорегионов; но лишь для нашей культуры он окажется одновременно органичным и позволяющим продолжать технологический прогресс. Среди прочего такая перспектива создает объективную потребность тщательного изучения управленческих и социальных технологий и механизмов сталинского Советского Союза, сумевшего весьма эффективно стимулировать технологический прогресс далеко вне зоны применения насильственного принуждения.

Итак, наши перспективы неутешительны, – но человеческой природе свойственно переживать и бояться. Мы принадлежим к поколению, которому выпало переживать и бояться не фантомов и эгоистических мелочей вроде воспетого ранним Маяковским гвоздя в сапоге, а действительно колоссальных катаклизмов, которые изменят облик не только наших стран и народов, но и всего человечества.

В определенной степени это историческая удача.

И, как бы дорого нам ни пришлось платить за нее, будем помнить: не случись предстоящих нам кошмаров, мы все равно страдали бы и переживали – вот только по несравнимо менее значимым причинам.

Нам придется прожить свою жизнь всерьез: постараемся же сделать это надолго.

14.04.2013

Модернизация должна быть прыжком в будущее, а не в настоящее

М. ДЕЛЯГИН: – Главная тема сегодняшней повестки дня России – модернизация и инновации. Об этом говорили, говорили, говорили и продолжают говорить. Хотя в федеральных бюджетах соответствующих лет следов повышения модернизационно-инновационной активности найти пока не удалось, я верю, что заболтано будет не все, не на 100 %, что хоть что-то удастся все-таки осуществить даже в рамках того прокрустова ложа тотальной экономии, в которое засунули практически все расходы на развитие.

Е. ЧЕРНЫХ: – Президент Медведев недавно сделал достаточно громкие заявления, но этим пока все ограничивается.

М. ДЕЛЯГИН: – Как было сказано, «свобода лучше несвободы», и «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным».

И, опять же, хорошие слова – это в любом случае лучше, чем слова плохие. Поэтому даже если президент скажет хорошие слова и ими и ограничится, все равно это лучше, чем если бы он сказал слова плохие. Лучше разговаривать про инновации и модернизацию, чем про сувенирную, извините за выражение, демократию, так как в целом важнее смотреть в будущее, чем в прошлое.

И в ходе разговоров об инновациях и модернизации пора обсудить некоторые проявляющиеся темы, которые уже начинают пугать.

Самое главное: на всех углах говорится о том, что стратегическая цель всех преобразований – это всесторонняя модернизация страны. При этом пугающе мало говорится о том, ради чего, прости господи, будет осуществляться эта самая модернизация. Она ведь может преследовать совершенно различные цели. Напомню, что германское «пушки вместо масла» – это тоже модернизация, причем модернизация вполне успешная. Сталинская модернизация преследовала своей целью подготовку к войне. Брежневская модернизация, которая, правда, не удалась, преследовала цель построения развитого социалистического общества, то есть гармоничного развития человека.

Возможно много разных вариантов: все зависит от цели модернизации. Соответственно, и инновации могут быть самые разные. Ведь «инновация» – это просто обновление.

Недавно московская ГИБДД, насколько можно судить, осуществила весьма заметную, вполне ощутимую инновацию, освоив новый способ вымогания взяток.

Схема проста: в единственном ряду, доступном для движения (потому что правая полоса, как обычно, заставлена припаркованными автомобилями), стоит машина «на аварийке». Вы, естественно, начинаете ее объезжать слева, пересекая при этом сплошную полосу. В тот момент, когда вы с ней поравнялись, машина начинает движение вперед с вашей скоростью. Вы, продолжая движение, обгоняете ее, – и выезжаете прямо в ласковые объятия сотрудников ГИБДД, которые показывают вам видеозапись, на которой вы обгоняете движущуюся машину по встречной полосе, пересекая сплошную линию разметки. Это лишение прав на срок от 4 до 6 месяцев, и разговор с водителем, насколько можно понять, начинается от 40 тысяч рублей. Пришлось слышать о нескольких таких случаях, происходящих практически по одной и той же схеме.

Да и вероятность случайного совпадения наличия такой машины, стоящей на «аварийке» и начинающей движение, как только вы поравняетесь с ней, и поста ГИБДД, да

еще и видеозаписи – почти нулевая.

Что это означает?

Это означает, что раньше были подставы на дорогах, которые делали бандиты. Нам недавно представители милиции, насколько помню, торжественно отрапортовали, что этих бандитов всех отловили, и больше они нам подставы на дорогах делать не будут. Что ж – рынок расчищен, и теперь грабить нас пришли другие люди с другими технологиями.

Но формально это ведь тоже инновация.

Е. ЧЕРНЫХ: – 40 тысяч – деньги серьезные. Нужно и начальство не обидеть, и себе что-то оставить. Получается, прав этот несчастный майор Дымовский, который выступил с воззванием к Владимиру Путину и всему честному народу. Который рассказал, что происходит в Новороссийске, а почитай – во всей России.

М. ДЕЛЯГИН: – Думаю, 90 % личного состава МВД подпишется под заявлением майора Дымовского. Публично не поддерживают его, потому что кому-то страшно, а кто-то на этом зарабатывает деньги и в этом чувствует себя вполне уютно. А может, кто-то и писать не умеет, кто их знает при нынешней реформе образования и кадровой политике.

Е. ЧЕРНЫХ: – Нургалиев говорил: мы не можем общаться с прессой.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно. Ведь для общения с прессой нужны коммуникативные навыки. Чтобы палочкой махать, выбивать взятки да показания они, в общем, не обязательны.

Хотя большинство милиционеров, с моей точки зрения, все-таки люди честные, несмотря на то, что мы о знаем и что мы говорим о милиции.

Я полагаю, что майор Дымовский сказал правду – может быть, не всю, может быть, дело еще хуже.

Но, возвращаясь от милиции к модернизации, давайте установим: как только мы говорим «обновление, модернизация, инновации», – мы должны четко фиксировать цель этих прекрасных процессов. Потому что без их цели разговор в самом лучшем случае останется пустым.

Далее: очень часто приходится слышать, что, мол, модернизация – это подтягивание экономики до современного уровня. Дорогие троечники, обращаю ваше внимание на то, что модернизация требует времени. И, пока она будет идти, современный для ее начала уровень, скорее всего, устареет – может быть, даже безнадежно. И получится, как с чудесным и широко известным самолетом «СуперДжет-100»: насколько могу судить, на стадии задумки эта машина была вполне современной, а вот уже не стадии проектирования она морально устарела, потому что прогресс ушел далеко вперед.

Чтобы модернизация не устарела на стадии проектирования, потому что прогресс уйдет вперед, она всегда должна быть прыжком в будущее, а не в настоящее.

Да, в неизвестность прыгать страшно: можно расшибиться. Но для снижения этих рисков есть прогнозирование и стратегическое планирование. Ведь, в конце концов, когда мы не знаем, каким будет будущее, мы можем зафиксировать для себя, каким мы его будем строить.

А если вы ориентируетесь на современный уровень, вы должны помнить, что современный сегодня уровень завтра будет вчерашним. И тот, кто считает модернизацию выходом на современный уровень, тем самым закладывает, усугубляет и программирует усугубление системного отставания России.

Поэтому нужно прежде всего определить цель модернизации. И здесь все достаточно просто: повышение качества жизни и – обязательно! – мотивации людей. Ведь без мотивации вы качество жизни можете повышать хоть до американского уровня, и это никому не поможет. Цель ответственного руководства России может быть только одна: повышение качества жизни и мотивации людей до уровня, когда объединяющая этих людей экономика сможет быть конкурентоспособной на мировой арене.

Наша цель – сделать так, чтобы люди жили настолько нормально, чтобы они могли тратить время на настоящее, а не отреформированное до состояния плаща «болонья»

образование, а не только на выживание. Чтобы они могли задумываться о чем-то необычном. Ведь инновации – это и есть необычное. И чтобы, в конце концов, ушло из нашего языка это страшное советское выражение «внедрение технического прогресса», означающее, что инновация внедряется как что-то совсем чужеродное, внедряется насильственно. Это практически изнасилование общества технологическим прогрессом.

Е. ЧЕРНЫХ: – По поводу людей. У нас есть замечательная «Стратегия-2020», где написано, к чему мы стремимся. Там нет двух основополагающих вещей: того, как мы этого будем достигать, и там нет портрета россиянина, который будет жить в 2020 году.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, Вы правы, там нет внятного образа желаемого будущего, в том числе в области культуры. То есть нет цели, ради которой все должно делаться. Можно сколько угодно кукарекать о том, что мы все делаем «ради человека», но ради какого человека, покажите. Люди ведь разные. Преступники – тоже люди. Шамиль Басаев был человеком: что, модернизация ради него и ему подобных?

Е. ЧЕРНЫХ: – Ради тех, кого мы не будем казнить после того, как мы смертную казнь окончательно отменим.

М. ДЕЛЯГИН: – Смертная казнь должна быть отменена по факту – тогда, когда мы добьемся того, что у нас не будет сознательных убийств в обществе и не будет наркоторговли в крупных и средних масштабах. Не будет преступлений – не будет смертной казни.

А иначе вы просто представьте себе несчастных людей, у которых сознательно убили близкого им человека, но они обречены через уплачиваемые ими налоги содержать этого убийцу до конца его дней! По-моему, это несправедливо.

Да, есть судебные ошибки. Да, наша судебная система в ужасном состоянии, особенно после ее реформирования, и это нужно как-то менять.

Но говорить о том, что при наличии сознательных убийц и крупных наркоторговцев, то есть тех же убийц, только массовых, мы отказываемся от смертной казни – по-моему, это преступно. Давайте мы тогда будем наказывать людей только за воровство бутылки водки и ста долларов из кармана. А за воровство эшелона водки или миллиона долларов мы будем этих преступников производить в министры. Давайте тогда сделаем так, и тоже будем звать это гуманизмом. Я только не могу понять, почему у всех этих подрабинеков гуманизм распространяется только на преступников, а для жертв преступлений никакого гуманизма не предусмотрено.

Е. ЧЕРНЫХ: – Если говорить об инновациях на низовом уровне. Человек что-то придумал, пошел запатентовал и кому-то продал. В России с этим дело как обстоит?

М. ДЕЛЯГИН: – Да плохо обстоит. Во-первых, патентовать нужно сразу и за границей, и у нас. Если вы запатентуете что-то только у нас, вы в зоне риска: насколько я знаю, были случаи, когда вдруг то же самое почти одновременно изобретали иностранцы.

Е. ЧЕРНЫХ: – Радио, например?

М. ДЕЛЯГИН: – Нет, попозже, уже в наши дни. Можно подозревать, что какие-то нехорошие люди в нашем патентном ведомстве кому-то что-то сливают. В общем, если вы хотите иметь гарантию защиты своих прав, нужно патентоваться и у нас, и на Западе. А это дорого: если вы Кулибин-самоучка, у вас на это денег, скорее всего, не будет.

С другой стороны, наш бизнес, за редкими исключениями, в инновациях не заинтересован. Можно ведь сколько угодно с высоких красивых трибун убеждать бизнесменов, что только тот может быть сегодня конкурентоспособен, кто занимается инновациями.

Проблема в том, что наши бизнесмены не идиоты.

Они прекрасно знают, что в сегодняшней политической и хозяйственной модели конкурентоспособен не тот, кто придумывает что-то новенькое, а тот, кто использует три ключевых фактора конкурентоспособности в России.

Первый: надо знать, кому дать взятку.

Второй: надо знать, кому дать взятку так, чтобы стать монополистом и чтобы

государство поддерживало вашу монополию или, по крайней мере, ее не разрушало, закрывало на нее глаза.

Третий: надо пригнать «трудолюбивых соотечественников», чтобы они все сделали в три раза дешевле.

Это все. Этого достаточно. Вот три краеугольных камня нашей экономики, нашей конкурентоспособности, и они почти не оставляют возможности для инноваций.

Да, исключения есть. В некоторых наших корпорациях применяется электронная система принятия решений – в государстве это называлось бы электронным правительством, – которая позволяет минимизировать управленческий аппарат и любые, самые трудные решения, принимать практически мгновенно: в течение двух, максимум трех дней.

Но это обеспечивают отдельные энтузиасты.

И возникает естественный вопрос: а что ж государство у нас вдруг озаботилось инновациями? Бизнес ничего не хочет, силовики ничего не хотят, в бюджете слова «расходы на НИОКР» скоро будет восприниматься как синоним понятия «расходы на откат», если я ничего не путаю, кулибиных наших зачистили, они из страны бегут впереди собственного визга. В чем проблема? Почему государство говорит про инновации?

Так вот, проблема серьезна.

Вся наша система, сложившаяся в 90-е и укрепленная в 2000-е – хозяйственная, экономическая, политическая, социальная система, – ориентирована на проедание советского наследства.

Мы сегодня живем за счет построенного нашими родителями, дедами и прадедами в Советском Союзе. Они создали современные, а очень часто и опередившие свое время промышленность и инфраструктуру, и мы за счет этого живем. А некоторые особо продвинутые реформаторы это еще энергично «пилят»: такие обезьяны, если не с гранатой, то с трубопроводом или с Саяно-Шушенской ГЭС.

И вот, оказывается, советское наследие заканчивается. И через какое-то счетное количество лет пилить будет уже нечего. Более того, придется вкладываться в систему жизнеобеспечения.

А люди-то привыкли, что ни во что вкладываться не надо, потому что Сталин, Хрущев и Брежнев постарались. А с другой стороны, клептократы относительно молоды: они считают, что им на пенсию в Швейцарию, в личные замки, еще рано, они еще хотят здесь покочевряжиться.

И вопрос «Что делать?» становится настолько всеобъемлющим, что пробивается на уровень государственной политики.

Известные мне люди, которые разговаривают про инновации и инвестиции, – хорошие люди, лично в воровстве не замаранные. Но они получили возможность безнаказанно разговаривать про инновации только потому, что правящая тусовка осознала исчерпание возможностей освоения советского наследства.

Советское наследие заканчивается, и неясно, за счет чего теперь жить, что же теперь грабить. Они ищут новые способы выживания, и это шанс для России.

Это плохой шанс, и люди эти в массе своей плохие. Но других шансов нет, и именно этот шанс после системного кризиса может быть востребован.

И поэтому мы должны стараться начинать хотя бы говорить об этом, потому что разговор в определенной степени программирует сознание и последующее поведение. И потому важно, чтобы хотя бы разговор этот велся правильно.

У нас ведь о технологиях порой говорят феерические вещи. Цитирую Суркова: «Надо понимать, где взять технологии». Этот поразительный по своему иждивенчеству подход напоминает городского ребенка, который искренне думает, что булки растут на деревьях. Точно так же наши чиновники думают, что технологии растут сами по себе, и достаточно протянуть руку, чтобы пользоваться этой технологией.

А технологиями чужими и готовыми пользоваться часто нельзя, их даже воровать не

выходит.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но Китай это делает.

М. ДЕЛЯГИН: – Для того чтобы пользоваться такими технологиями, он готовит массы людей, которые способны эти технологии воспринять, и соответствующим образом трансформирует систему управления.

Советский Союз при Брежневе воровал много технологий, но не мог их использовать, не мог их интегрировать в экономику, потому что система управления эти технологии отторгала. Хотя советская, качественная система образования готовила людей, тогда еще вполне готовых к их восприятию.

Если вы хотите брать чужие технологии, вы должны иметь специалистов и, что самое главное, чего не было в Советском Союзе, – иметь управленцев, которые захотят их использовать. Потому что технологии – это живой процесс. Это организм. Без человеческого капитала никакого производственного капитала не будет.

И, когда говорят о том, где взять технологии, – это признак непонимания природы технологий. Их нельзя «взять», это не чемодан с взяткой: сначала нужно подготовить среду, которая их воспримет. Если мы не готовим среду, которая их воспримет, если наши бюрократы служат исключительно синонимом слова «тупость», – тогда мы не сможем воспользоваться никакими, даже созданными в нашей стране, технологиями.

Е. ЧЕРНЫХ: – Получается, что речи о том, чтобы самим создавать технологии, уже вообще не идет?

М. ДЕЛЯГИН: – Предполагается, что, может быть, они где-то вызреют в недрах российского общества. Какие-то эдисоны, кулибины. Но их ведь не ищут, им не помогают.

У американцев существуют огромные программы стимулирования изобретательства. У нас изобретают феерические вещи, за которыми те же американцы охотятся по всей нашей стране. А нашему государству как это было безразлично пять лет назад, как это было безразлично два года назад, так это и сегодня безразлично.

Есть позитивный опыт. В АФК «Система» нашли человека – доктора физматнаук из оборонки – и создали внедренческий отдел, который искал технологии, уже доведенные «до ума», их можно просто взять и начать использовать. Я присутствовал при презентации некоторых из этих технологий на Лондонском экономическом форуме, и я гордился своей страной, когда слышал про эти технологии. Достаточно упомянуть крем от ожогов, превышающий по своим качествам пантенол, который сам по себе вещь замечательная, и систему локального управления погодой.

Но эти технологии, к сожалению, становятся рентабельны только при массовом использовании, только в масштабах государства. Одна корпорация, даже мощная, переломить тенденцию и изменить характер системы управления не может.

А адекватность нашей системы управления чудесно иллюстрирует потрясающая фраза того же Суркова. Цитирую дословно: «Чем более открытыми и дружелюбными мы будем, чем больше мы благодаря этому сможем получить от передовых стран денег, знаний, технологий, тем суверенней и сильней станет наша демократия».

Люди, которые так говорят, делают вид, что не понимают сути современной конкуренции. Ведь дружба бывает между людьми и даже народами, а между странами бывает, к глубочайшему сожалению, только конкуренция. И в последние десятилетия, с началом глобализации, она ужесточается. Современная глобальная конкуренция все больше напоминает бой боксеров, а то и подлую уличную драку без правил. И понятно, что «открытый и дружелюбный» боксер, как показала наша практика уже первой половины 90-х годов, всех этих козыревых и гайдаров, – получит, в том числе и от передовых стран, довольно много, но отнюдь не денег, отнюдь не знаний и отнюдь не технологий. Ему наваляют так, что мало не покажется: мы это на своей шкуре проходили и при Горбачеве, и, для совсем непонятливых, в начале 90-х годов.

Кроме того, передача действительно современных технологий, за исключением технологии завязывания галстуков, не происходит. Потому что технологии – это основа

конкурентоспособности. И передачи современных технологий сегодня не бывает по той же причине, по какой в средние века не бывало бесплатной передачи золота.

Да, кое-какие технологии передают, но, в лучшем случае – морально устарелые технологии, и потом их надо развивать самому.

Е. ЧЕРНЫХ: – Инновации никто просто так не передаст. Это основа основ. И не стоило надеяться, что нам «Опель» отдадут, учитывая то, что с инновациями у немцев все было в порядке?

М. ДЕЛЯГИН: – Технологии там не самые современные. Они не прорывные, они массовые. И никакой большой тайны у них не было.

Е. ЧЕРНЫХ: – А почему же тогда не отдали?

М. ДЕЛЯГИН: – Нужно верить людям: иногда это работает! Американцы сказали прямым текстом: у нас в автомобилестроении улучшилась ситуация. Мы накачивали его деньгами, оно у нас задышало, и вы нам больше не нужны. «Кому я должен – всем прощаю. Я – хозяин своего слова: захочу – даю, захочу – беру обратно». Это нормальный американский подход.

Важен и вопрос о том, где появятся безработные. Великобритания – стратегический союзник США, и лучше безработные появятся в континентальной Германии, которая стоит «наособицу», чем у стратегического союзника.

Не уверен, сознают ли американцы, что масштабная поддержка автомобилестроения закончилась, и через некоторое время их проблемы вернутся обратно – и, соответственно, тема всплывет вновь.

Но ведь и наша позиция тоже была странная. Я понимаю позицию Сбербанка: вся страна в панике несет деньги именно ему, он захлебывался от этих денег, девать их было некуда. И для него хороший вариант – вложиться в «Опель»: это относительно надежно.

Но для страны – все по-другому: зачем нам вкладываться в «Опель»? Зачем нам поддерживать рабочие места в Германии, когда можно было спокойно дождаться, когда он обанкротится, купить это оборудование, пусть даже и бывшее в употреблении, за треть цены, перетащить в Россию, взять из Германии нужных инженеров и наладчиков и наладить это производство у нас, здесь.

Зачем нам рабочие места в Германии – нам нужны рабочие места в Тольятти!

Надо было поступить с «Опелем» так, как с «Фиатом» сделал АвтоВАЗ.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но через 30 лет все сдохло благополучно…

М. ДЕЛЯГИН: – Если мы еще 30 лет будем гнить и курить бамбук, все сдохнет раньше, и совсем не благополучно!

Но если мы будем всерьез заниматься инновациями, развивать технологии, то ничего не сдохнет, а все будет цвести и пахнуть. Японский, а затем корейский и китайский автопромы появились именно так: взяли заводы или скопировали их, поставили у себя, и стали на этой базе развивать свою инженерную школу. И придумали много хорошего.

А хоть бы и «АвтоВАЗ»: не знаете случайно, какая страна первая сделала гражданский джип?

Мы сделали. Автомашина «Нива». Это был первый джип, который пользовался безумным спросом за границей, и, если бы наши торговцы имели возможность воздействовать на производство, сейчас вместо слова «джип» в мире использовалось бы слово «нива». Точно так же, как на Кубе, вместо «стиральная машина», говорят «малютка», а мы, вместо «копировального аппарата», говорим «ксерокс».

Да, этого не случилось: Советский Союз был неэффективен.

Но даже в условиях неэффективного управления, посмотрите: мы взяли чужую технологию, купили завод и через короткое количество лет уже модернизировали все так, что мало не показалось никому: практически создали новую отрасль мирового автомобилестроения.

Это мы сделали! Не японцы, не китайцы, не немцы – мы!

Да, это было давно.

Да, это было в СССР, а не в России.

А кто мешает сегодня нормально и эффективно управлять?

Думаю, «Опель» мы не получили не потому, что там какие-то передовые технологии: нет их там. В Германии высочайшими и лучшими технологиями в области управления, интеграции разного рода производств, стратегического планирования обладает концерн «Порше».

Вот это да, это действительно передовая линия современного человеческого прогресса. Но у них в финансовом отношении все очень хорошо. Они в наших, да и любых чужих для себя инвестициях не нуждаются именно по этой причине.

Е. ЧЕРНЫХ: – Единственная успешная передача технологии, которая у нас прижилась, и сейчас никому мало не кажется, и долго, думаю, мало не покажется – это передача технологии создания атомной бомбы. Мы в 40-е годы эту технологию благополучно взяли без ведома американцев…

М. ДЕЛЯГИН: – Это тоже вещь спорная. Не все архивы раскрыты, и часть не будет открыта никогда.

Да, товарищ Курчатов прославился среди физиков-ядерщиков тем, что он «знал». Ему задавали трудные вопросы – он уходил подумать и через некоторое время приносил неизменно правильные ответы.

Но очень многое наши сделали сами. В конце концов, водородную бомбу наши сделали сами, обогнав американцев. Так что, если что-то украли, то самую малость, и быстро обогнав своих учителей, как Петр Первый обогнал шведов.

Но что там атомная бомба? Авиация – вот классика! В царской России она была вся импортная. Да, Можайский полетел первым, Сикорский построил «Илью Муромца», был Гаккель и множество других, но основа была импортная. И после революции мгновенно, за считанные годы, в кроватных мастерских модернизировали и освоили все, что можно.

В конце войны скопировали американскую «летающую крепость» – и через 10 лет уже сделали самолет лучше!

Были примеры и попозже. Например, почему российская школа программистов – одна из лучших в мире? Потому что у нас были маломощные компьютеры, а задачи надо было решать очень сложные, аналогичные американским. И наши научились маломощные компьютеры объединять в системы, которые работали более эффективно, чем сверхмощные американские компьютеры.

А с другой стороны, у нас очень любили импортировать компьютеры, экономя на сопровождающих документах: приходит к вам компьютер, а инструкций нет. И какая клавиша что означает, вы уж сами догадывайтесь. И вот, когда вы «методом тыка», слепого перебора изучаете все команды – вы в этой программе и в целом в этой машине открываете возможности, про которые их создатели даже не подозревали. И у вас очень сильно развивается профессиональное мышление.

Так что, можно заимствовать технологии, но надо, чтобы они попадали на подготовленную профессиональную и, главное, управленческую почву. Чтобы система управления стимулировала ваши инновации, а не давила. Сейчас она давит хуже, чем в СССР.

Е. ЧЕРНЫХ: – Мы выходим на вопрос: что должно раньше появиться? Курица или яйцо? Почва или те, кто должен семена в эту почву…

М. ДЕЛЯГИН: – Если у Вас есть зерна, – а у нас они все еще есть, – извольте почву если не взрыхлить, то хотя бы полить.

Сегодня реформа образования уничтожает возможность инновационной экономики. Система управления не допускает таких возможностей в принципе. А нам чудесные люди вешают на уши чудесную формулу: «Общество пока не является заказчиком инноваций».

Нашим реформаторам постоянно попадается какой-то «не тот народ». А проблема очень простая: общество никогда и нигде не является заказчиком значащих инноваций. Когда японцы придумали портативный радиоприемник на транзисторах, над ними в их же

стране смеялись, показывали пальцем: эта штука никому не нужна!

Никакое общество не заказывало самолет братьям Райт. Когда Черчилль придумал танк, английский парламент дрожал от хохота: никто не мог поверить, что эти уродцы кому-то когда-то пригодятся. Электрическую лампочку не заказывали ни Ладыгину, ни Эдисону и, более того, скажу вам по секрету – Владимиру Ильичу Ленину ее тоже не заказывали!

Инновация – это появление принципиально новой вещи, которая раньше не существовала. И общество не может быть ее заказчиком и предъявить на нее спрос по очень простой причине: оно не может ее представить.

Это нормальный консерватизм. Это неизбежное свойство человеческого мышления. Потребителю не нужен был скайп 10 лет назад. В фантастических романах были видеоконференции, видеофоны были, но это не было серьезной потребностью. Интернет в начале 90-х годов никому не был нужен: почты, телеграфа и телефона достаточно. Паровоз никому не был нужен. И так далее.

Задача государственной политики развития – не удовлетворять существующие потребности. С этим владелец самой маленькой палатки на самом захудалом и несовершенном рынке справляется гарантированно лучше государства. Как только общество осознало, что у него есть какая-то потребность, оно найдет, кому заплатить за это деньги, лучше любого министра, и все вырастет само или почти само, а государству надо всего лишь создавать максимум условий.

А вот государственная политика развития должна содействовать созданию новых потребностей. На худой конец – напрямую создавать эти потребности. Без этого ничего не появится.

Е. ЧЕРНЫХ: – На каком фоне должны появляться эти потребности? На фоне того, что обществу становится жить хуже? Или общество живет все лучше и предъявляет все более высокие требования к действительности?

М. ДЕЛЯГИН: – Это суровый вопрос. Это вопрос о демократии.

Чтобы изобрести сковородку с тефлоновым покрытием, мало иметь миллион разгневанных домохозяек – нужно иметь фундаментальные исследования.

А это вещь не рыночная. Фундаментальная наука непредсказуема: вы десятилетиями выбрасываете безумные деньги на ветер и не знаете, принесут ли они что-то вообще. А если принесут, то когда? И, самое главное, что они принесут?

Нерыночным видом деятельности человек может заниматься только под страхом смерти, к сожалению. Как только кончилась холодная война, технологический прогресс драматически затормозился. Идет коммерциализация новых технологических принципов, придуманных тогда, но новые технологические принципы не создаются, потому что фундаментальная наука стопорится.

Как только любому нормальному человеку предлагают повысить потребление завтра или же в неопределенном светлом будущем, он выбирает завтра – и на этом заканчивается фундаментальная наука.

У нас в стране случилась и продолжается социальная катастрофа, и наука погибает от этого. Однако в развитых, благополучных обществах она погибает также. Эти общества выбрасывают сотни миллиардов на фундаментальные исследования, но в основном это исследования с заранее известным результатом. Фундаментальная наука как поиск неизвестного сильно ограничена в своих возможностях.

К сожалению, от хорошей жизни новые потребности не рождаются. Они рождаются от проблем, от страха, от уязвленного самолюбия. В хорошей жизни мне нужна новая модель сотового телефона, повышение быстродействия моего компьютера, более сладкая каша на завтрак. А вот путешествия во времени, достижения скорости света, полностью бесплатной энергии мне не нужно, потому что ради достижения этих результатов мне придется ограничить мое сегодняшнее потребление, а ради чего я на это пойду, если мне ничто не грозит? Лучше я эти деньги положу в карман и заплачу инструктору по аэробике.

С другой стороны, мне просто страшно, ибо любое научное достижение можно

использовать во вред.

Е. ЧЕРНЫХ: – Общество какой страны сейчас наиболее подготовлено к технологическому прорыву?

М. ДЕЛЯГИН: – Наше общество: мы верим в чудеса, причем потому, что умеем их делать.

А фундаментальная наука – проблема всего человечества. Китай и Индия привыкли копировать чужие достижения, а переход от копирования и улучшения к созданию чего-то принципиально нового – это качественный переход. Думаю, что китайцы, несмотря на некоторые особенности своей культуры, лет через пять, может быть, десять смогут этот барьер преодолеть. Потому что они с начала двухтысячных годов вкачивают в себя всех специалистов со всего мира, до которых они могут дотянуться. Они наращивают критическую массу интеллекта.

Американцы идут к этому с другой стороны. США – единственная страна мира, которая может создавать новые технологические принципы почти во всех сферах. У них сейчас отсутствует сверхзадача, но глобальный кризис эту задачу восстанавливает заново. Если не перед американским государством и обществом, то перед американскими управляющими элитами, которые являются одновременно и глобальными, и национальными. И они эту задачу могут поставить вместо американского государства.

Но гарантий успеха ни у США, ни у Китая нет.

А для массового творчества, для изобретательства лучшие условия, конечно, в США. Без вопросов.

Мы в России сегодня готовим, формируем повестку дня не нынешнему государству, а тому, которое сложится после системного кризиса. Мы, как царские инженеры, которые разрабатывали план ГОЭЛРО для следующего поколения, зная, что в царской России его реализовать нельзя. Мы в аналогичном положении: мы работаем для следующего поколения управленцев, для следующей элиты, которая придет уже через несколько лет. И поэтому сегодня любое правильное слово – в строку.

26.11.2009

Заключение. Какой должна быть модернизация: семь «делягинских ударов» по бюрократии и нищете

Е. ЧЕРНЫХ: – Сегодняшний лозунг дня – «Модернизация всей России!» И лозунг это правильный.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, лозунг очень правильный. Мы живем в стране абсолютно правильных лозунгов, которые верны практически всегда. И задача заключается обычно совсем не в том, что родить очередной правильный лозунг – они-то как раз рождаются обычно как-то сами собой, абсолютно непроизвольно. Их появление вызывает в памяти термин средневековых алхимиков: «самозарождение мышей в корзине с грязным бельем».

Так вот, задача заключается не в том, чтобы придумать правильный лозунг, а в том, чтобы не дать его заболтать. Вспомните «ускорение»: какой был правильный лозунг, а что из него вышло? Перестройка с демократизацией, со всеми последствиями. Вспомните, какой был прекрасный еще совсем недавно лозунг: «Инновации!» – и кто его помнит?

Модернизация – тоже очень правильный, интегральный, обобщающий лозунг, который включает в себя практически все желаемые сферы деятельности и означает «осовременивание».

Он означает, что мы должны от технологий, грубо говоря, 60-х годов перейти в технологии не 80-х и 90-х, а в худшем случае в технологии сегодняшнего дня. Желательно же перейти к технологиям дня завтрашнего.

Это касается не только технологий производства – это касается технологий

образования, здравоохранения и всей общественной жизни. Нельзя забывать, что производственные технологии существуют не в социальном вакууме: они неразрывно связаны с технологиями управления и, шире, со всеми отношениями в обществе, начиная с семейных и кончая отношениями людей с государством.

Мы в Советском Союзе получили горький опыт, когда самые современные технологии, до сих пор опережающие время, которые придумывали наши гении из науки и ВПК, а незначительной частью уворовывали у Запада гении иных профессий, имплантировались в устаревшую, заскорузлую, закостенелую систему управления.

И эта система управления их отторгала.

Помните, были записи концерта Высоцкого в НИИ? Не задумывались, почему именно в НИИ, а не на овощебазе?

Потому что физические НИИ, которые работали на оборону, на обеспечение безопасности всех и вся, были самыми свободными местами в нашей стране. Еще в «шарашках» во времена Сталина заключенные специалисты в ряде случаев не только ели и одевались лучше, чем люди на свободе – они еще гораздо свободнее себя ощущали, как это ни парадоксально. Хотя, конечно, далеко не во всех «шарашках».

Е. ЧЕРНЫХ: – Вспомнить того же Солженицына.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, Солженицын описывает это достаточно ярко. Там не было административных ограничений, бюрократического чинопочитания: нужно было давать результат. И люди были счастливы этой возможности.

Главная проблема развития – не в «железе», а в системе управления. Модернизация системы управления, которая потом вытащит общество из любого тупика, из любого болота, обновит общественные отношения и технологии. Это вдвойне важно в такой стране, как Россия, где от системы управления зависит значительно больше, чем в развитых странах на том же Западе. Ведь мы страна, традиционно с очень слабыми институтами и с очень сильными морально-нравственными ограничениями.

Е. ЧЕРНЫХ: – Слабыми общественными институтами?

М. ДЕЛЯГИН: – И общественными тоже.

В качестве примера могу привести Павла I. Был он товарищ эмоционально неуравновешенный – написано огромное количество исторических трудов о том, какие негативные последствия это имело для страны.

Но ровно в то же самое время в Великобритании тоже был очень эмоционально неуравновешенный монарх, рядом с которым Павел выглядел почти идеалом. Однако, поскольку в Англии были и остаются очень жесткие институты, неуравновешенность монарха ни к каким значимым негативным последствиям не привела…

Поэтому нам очень важна эффективность управления в первую очередь. Нужно избежать наших традиционных погрешностей.

Мы все знаем свои сильные стороны – например, что мы очень творческие люди. Но нужно знать и слабые стороны. Одну из них я так и называю: «русская болезнь».

С ее классическим проявлением мы сталкиваемся, когда электромонтер объясняет нам, что мир несправедлив, и у нас нет никаких оснований начинать исправлять несправедливость мира вот именно с этого конкретного сломавшегося выключателя, по поводу которого этого монтера, собственно, и вызвали.

Мне нравится подход Запада – он очень правилен: «мысли глобально, действуй локально». У нас вот действовать локально получается не всегда: мы все больше о мироздании размышляем.

Е. ЧЕРНЫХ: – И о мировой революции в свое время.

М. ДЕЛЯГИН: – Занимаясь модернизацией, произнося правильные слова, нужно обязательно думать о конкретных вещах, которые, может быть, к самой технологической модернизации, к перестройке системы управления не имеют большого отношения, но которые должны быть их целью.

Когда целый ряд культурных, уважаемых людей говорит, что сначала надо построить

развитую демократию, и тогда все образуется само собой, а до этого нечего и пытаться решать конкретные проблемы – это классическое проявление той самой «русской болезни».

Людям кажется, что до построения справедливого мира, до развитой демократии (как когда-то говорили про «развитой социализм»), нельзя изменить к лучшему ничего: якобы и лампочки гореть не будут в несправедливом мире. А мы можем вокруг себя оглядеться – прекрасно горят.

И, кроме того, во второй половине XX века просто не было случаев либеральной технологической модернизации, за исключением Израиля, находившегося, по сути дела, в состоянии войны, и оккупированных после Второй мировой войны Германии и Японии.

Сама собой, без оккупации модернизация, к сожалению, происходит обычно недемократическим образом, более или менее авторитарно. Особенно в не очень развитых странах – Юго-Восточная Азия тому пример.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вы к чему это ведете?

М. ДЕЛЯГИН: – К тому, что демократия – вещь хорошая. И демократизация – вещь правильная и, более того, необходимая: я руками и ногами «за». Но демократизация вырастает не из желания отдельных продвинутых людей, но лишь из повышения эффективности экономики. Это повышение дает благосостояние, и уже благосостояние рождает демократию.

Пытаться родить демократию без технологической модернизации – значит пытаться перескочить через совершенно необходимый этап. Это как рожать ребенка за пять месяцев: теоретически можно, но результат никого не порадует.

Поэтому, борясь за демократизацию, надо требовать прежде всего практических социально-экономических изменений, улучшающих повседневную жизнь максимального количества людей – требовать той самой модернизации.

Е. ЧЕРНЫХ: – Чего конкретно?

М. ДЕЛЯГИН: – Таких ключевых изменений семь.

Но перед тем как начать говорить о них, надо осознать: экономический кризис продолжается…

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Здравствуйте, меня зовут Виктор. В последнее время мы слышим от президента все время про модернизацию. Но никто толком не объяснил, что он имеет в виду под этим словом. У нас единицы предприятий, на которых можно провести модернизацию. Своих производств у нас нет. На АЗЛК делали «Москвич» и закупили все оборудование импортное, современное. Но и на нем не смогли добиться модернизации.

Модернизацию надо было проводить до кризиса, когда в казне было полно денег. А сейчас это утопия.

М. ДЕЛЯГИН: – Я с Вами согласен. Требовать от нищих людей, чтобы они занимались инвестициями – в лучшем случае, утопия. Надеюсь, что этого требовать и не будут.

Однако в кризис обеднели мы с Вами, ну и предприятия, а государство обеднело очень незначительно: международные резервы Российской Федерации превышают 520 млрд долларов.

Да, мы потеряли четверть триллиона в ходе первого витка кризиса. На эти деньги можно построить вторую, современную Россию. Но основная часть этих денег возвращена.

Никогда Россия не имела таких денег, как в 2000-е годы и как сейчас.

С этими деньгами можно решить любую проблему – было бы желание.

Даже в федеральном бюджете неиспользуемые остатки средств на его счетах – в основном вывезенные за границу – составляют более 6 трлн рублей. Грубо говоря, на эти деньги можно сделать так, чтобы по всей России люди жили по стандартам не просто современной Москвы, а по стандартам современного Садового кольца города Москвы. Да и внутри него не все хорошо, пробки на улицах… Но, знаете, лучше иметь пробки на улицах, чем не иметь улиц как таковых.

Е. ЧЕРНЫХ: – И дорог как таковых.

М. ДЕЛЯГИН: – Так что с деньгами у нас все в порядке, у государства с головой

проблемы.

Насчет того, чтобы просто накупить оборудования, свалить его в кучу, пригнать пэтэушников или гастарбайтеров, которые будут в нем колупаться, и ничего из этого не получится – да, правда, так делать нельзя.

Но что мешает делать «по уму»?

Напомню, что главной проблемой АЗЛК был двигатель. «Москвич-2141» был лучшей советской машиной с точки зрения пассивной безопасности – по-моему, «ситроена» корпус копировали, – но двигатель не годился никуда. А вот когда эти же самые «Москвичи» стали оборудовать слабенькими для них, но доведенными до ума с инженерной точки зрения движками от «шестерок» – машина называлась «Алеко», и она была великолепна. Да, медленно разгонялась, но была надежна и по тем временам очень хороша.

Теперь насчет того, что у нас много импорта.

Да, конечно: все, что мы делаем руками, китайцы делают дешевле, а половину этого – еще и лучше. Если мы хотим иметь какие-нибудь рабочие места в России, нам эти рабочие места придется защищать умеренным протекционизмом, хотя бы по европейским нормам и стандартам.

Е. ЧЕРНЫХ: – Виктор говорит, что мы обеднели, поэтому не стоит сейчас проводить модернизацию.

М. ДЕЛЯГИН: – А я отвечаю, что обеднели мы с вами и Виктором, у страны с деньгами у нас все в порядке, и ближайший год все будет оставаться в порядке.

Как только мы начнем тратить свои деньги на развитие собственной страны, а не на поддержку наших конкурентов, которые нас топят – мы повысим экономическую активность. Это принесет налоги и запустит самоподдерживающий процесс развития экономики и нормализации всего общества.

Е. ЧЕРНЫХ: – Поэтому модернизацию проводить надо, несмотря на кризис.

М. ДЕЛЯГИН: – Ее необходимо проводить не «несмотря», а именно «благодаря» глобальному кризису! Потому что он позволяет скупать оборудование и специалистов «по дешевке», а главное – позволяет покупать технологии, на которые нас без кризиса и посмотреть не допускали!

Мы это все проходили в 20–30-е годы, когда Великая депрессия отняла деньги у Советского Союза, потому что зерно стало дешевое, и мы вынуждены были начать продавать лес, но, с другой стороны, в технологическом плане стало можно купить почти все, что угодно.

Лучший советский танк до самой финской войны, когда появилась новая техника и под нее новая тактика – БТ-6. Это американская разработка конструктора Кристи – без кризиса ее не удалось бы купить.

Е. ЧЕРНЫХ: – В то время оттуда везли целые заводы.

М. ДЕЛЯГИН: – И оружие, и заводы. В кризис Западу были нужны деньги любой ценой, и они соглашались продавать то, чего в других условиях не продали бы.

Точно так же и сейчас: мы многое можем купить – если, конечно, будем по-умному себя вести. Но можем мы, а покупают почему-то китайцы, которые проводят модернизацию на деле, а не на словах и в итоге имеют очень хорошие возможности.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: – Меня зовут Сергей. И я с Вами в корне не согласен по поводу того, что в стране есть деньги.

Государство у нас бюрократическое, и любые выделенные средства будут разворованы. Мы видим, сколько было национальных проектов и чем это все кончилось.

М. ДЕЛЯГИН: – Согласен, но деньги-то есть. Можно зайти на сайт Минфина, можно посмотреть на сайт Банка России – эта статистика правдива…

Е. ЧЕРНЫХ: – И число миллиардеров в России увеличилось.

М. ДЕЛЯГИН: – Это, скорее, признак того, о чем говорил Сергей, признак того, что клептократия все разворовывает. Мы же не можем себе представить, что все эти люди по-честному, с нуля подняли свой бизнес и сегодня поднимают его самостоятельно, вне связи с

государством.

Но вот насчет того, что «нельзя ничего, потому что все украдут» – это мантра российской бюрократии, это формула, которой она оправдывает свою агрессивную бездеятельность и коррупцию.

Когда вам говорят: «Нельзя ничего сделать, потому что все украдут» – под этим подразумевают…

Е. ЧЕРНЫХ: —…Лучше деньги отправим в Америку.

М. ДЕЛЯГИН: – Совершенно верно, Вы все понимаете. И пусть их украдут в Америке.

Е. ЧЕРНЫХ: – И мы туда уедем.

М. ДЕЛЯГИН: – Так вот, некоторая часть денег – небольшая – будет вороваться всегда. Это не лечится. Воруется везде, даже в Германии, в Исландии, в Дании – это свойство человеческой природы.

Но за пределами этой небольшой части все определяется желанием. Я терпеть не могу господина Саакашвили, у него большие проблемы с головой и другими частями тела, и последние его эскапады подтверждают это еще раз. Это кровавое чмо, но у всех нужно учиться хорошему, а не плохому.

Есть хорошая вещь, которую он сделал: он в Грузии – в Грузии! Вдумайтесь в это слово! – кардинально ограничил коррупцию.

В России уровень терпимости к коррупции на два порядка ниже, чем в Грузии, нам проще бороться с коррупцией, чем грузинам.

Чем же наш нынешний президент хуже нынешнего грузинского президента? Думаю, лучше, а раз так, он может это сделать, он тоже может резко снизить коррупцию.

Просто нужно его мотивировать и стимулировать.

Другой пример – Сингапур. В китайской культуре исторически к взятке относились даже не как в Грузии, а как у нас в Средней Азии.

Так вот: континентальный Китай воюет с коррупцией и добился фантастических успехов, но он коммунистический, и потому Запад его успехи не признает. И бог с ним: Сингапур – тоже китайская страна, но некоммунистическая, и потому Запад признает ее успехи.

Если могут ограничить коррупцию китайцы, если могут ограничить коррупцию грузины, – значит, мы тоже можем ее ограничить!

И, когда уважаемые коррумпированные бюрократы в этих условиях говорят, что ничего нельзя сделать, что это неизбежно, что «в России это не лечится», а мы должны накрыться белой простыней и, не рыпаясь, ползти на кладбище истории – они просто защищают свои доходы, и ничего больше.

Ведь у воров нет других денег, кроме тех, которые они украли, причем украли у нас с вами.

Я бы очень хотел, чтобы наши коррупционеры «пилили» деньги американских налогоплательщиков, но они почему-то предпочитают наши.

Если в недемократичной Грузии, возглавляемой полоумным… непонятно чем, удается кардинально ограничить коррупцию – коллеги, а чем мы хуже?

Ведь по дорогам Грузии стало по-настоящему можно ездить! Еще несколько лет назад там под каждым кустом сидел гаишник, который просил всего лишь 1 доллар, но это было под каждым кустом, и в результате передвижение между этими кустами обходилось в безумные деньги, не говоря уже об итоговой скорости чуть не в 20 км/ч.

Эта проблема решена – она забыта. Да, у грузинского общества есть масса других проблем, но вот конкретно этой больше нет.

А у нас ситуация на два порядка лучше: по нашим дорогам все же можно ездить.

Значит, мы можем побороть коррупцию – нам на порядок легче это сделать, чем бесноватому Саакашвили.

А тот недобросовестный чиновник, который рассказывает, что мы на коррупцию «обречены», как правило, просто хочет увековечить свою эксплуатацию нас с вами.

У них нет для этого никакого ресурса, кроме заскорузлой усталости большой части общества и кроме личного влияния коррупционеров.

Черт возьми, даже президент против них, даже его они утомили!

Е. ЧЕРНЫХ: – Таким образом, модернизацию проводить надо, несмотря на мантру о том, что не надо, а то деньги украдут.

М. ДЕЛЯГИН: – Модернизацию надо начинать с ликвидации этой мантры. С простого вопроса, которым прославился один не любимый никем персонаж: «А уголовные дела возбудили?»

Бороться с коррупцией можно.

Любой коррупционер, любой вор, начиная с заведующего ларьком, начинает разговор с вами с рассказа о том, что по-другому же нельзя.

Это специфика бизнеса: если вы воруете, вам приходится врать, причем врать нагло.

Е. ЧЕРНЫХ: – Лечится только уголовными делами.

М. ДЕЛЯГИН: – Уголовное дело против воров – это необходимая самозащита общества.

Но коррупция лечится не уголовными делами самими по себе, она лечится изменением правил жизни. Например, взяткодатель при сотрудничестве со следствием должен освобождаться от ответственности.

Е. ЧЕРНЫХ: – А у нас наоборот.

М. ДЕЛЯГИН: – Многие в России считают бизнесменов плохими людьми, а само это слово – синонимом слова «вор». Но, как только мы снимаем ответственность с взяткодателя при условии, что он сотрудничает со следствием, бизнесмен получает возможность и, главное, стимул стать честным!

Он знает, что, если у него вымогают взятку, он может рассказать об этом без страха. И знает, что его защитят, и он сохранит свое доброе имя.

Введем это правило – и буквально через год по уровню коррупции будем на уровне Италии.

Да, это будет тяжелый год, его нужно будет пережить. В Грузии закрывали школы, чтобы переоборудовать их в СИЗО, но грузины как-то пережили. Со всей фанаберией своего безумного руководства. Переживем и мы.

Е. ЧЕРНЫХ: – Какие семь шагов должны быть по модернизации, чтобы вывести Россию вперед?

М. ДЕЛЯГИН: – Первый шаг – качественное ограничение коррупции. Если просто выбрасывать деньги на ветер, их украдут. Даже с неэффективной судебной системой, с коррумпированной правоохранительной системой, с низким качеством госуправления в целом – трех мер в этом направлении достаточно.

Первая мера: освобождение взяткодателя, если он сотрудничает со следствием, от ответственности и сохранение его доброго имени. Это опыт Италии.

Вторая мера: опыт Соединенных Штатов Америки и других стран. У членов организованных преступных сообществ, не сотрудничающих со следствием (а коррупция по определению – это организованная преступная деятельность, если, конечно, не брать всякую мелочевку), конфискуются активы. Под активами понимается не то, что на человеке надето, а то имущество, те счета, пусть даже легально приобретенные, пусть даже «отмытые», которые позволяют влиять на общество.

Грубо говоря, сарайчик на участке в 6 соток оставляется, а вот рублевский особнячок конфискуется к чертовой матери. Квартирка в хрущобе оставляется, а в элитном клубном доме в центре Москвы конфискуется. Небольшие накопления «на черный день» оставляются, а состояние конфискуется.

В результате мафиози и коррупционеры либо лишаются имущества, либо вынуждаются сотрудничать со следствием, и организованная преступная деятельность, в частности, коррупция автоматически лишается экономической базы.

Для этого не нужно быть гением: достаточно быть минимально организованным. Даже

нечестные структуры вынуждены играть по этим правилам, если правила задаются сверху, и в целом действуют нормально. Остается низовая преступность, которую мы видели в фильме «Откройте, полиция!» – нам об этом можно только мечтать в наших условиях.

Наконец, третья мера кардинального ограничения коррупции – «электронное правительство». Это не способ взаимодействия граждан с государством, при котором вы прошение пишете в интернете, а не на бумаге, это намного большее: это способ электронного принятия всех решений.

При этом решения принимаются мгновенно, но главное – их мотивы прозрачны. И проверяющий может, не тревожа чиновника, оставаясь для него невидимым и неощутимым, видеть, на основании каких документов тот принимает то или иное решение.

Что происходит сегодня, когда приходит проверка на предприятия или в орган власти? Сразу же горит архив. В «электронном правительстве» это невозможно.

Плюс принятие решения максимум в течение трех дней, даже при наличии острых конфликтов: кардинальное ускорение процесса принятия решений при прочих равных условиях означает качественный рост эффективности управления.

Мы видим это даже в сегодняшнем российском бизнесе.

И мы это видим в других странах. Эстония – полностью интернетизированная страна. Да, она ведет нехорошую национальную политику, но учитесь тому, что у них хорошо, а не тому, что у них плохо.

Итак, первый удар, первый шаг к модернизации – это кардинальное ограничение коррупции.

Е. ЧЕРНЫХ: – Второй шаг?

М. ДЕЛЯГИН: – То, о чем мы говорили – разумный протекционизм, хотя бы на уровне Евросоюза. Чтобы что-то модернизировать, создать производства, нужно сначала их защитить от чрезмерной, разрушительной конкуренции.

Чтобы что-то есть, вы должны где-то работать – поразительно, какому количеству либералов это до сих пор непонятно.

Лишь потом, укрепившись финансово и технологически, они могут выходить на свободный рынок. Не забывайте: клеймо «Made in Germany» первоначально появилось в Великобритании для того, чтобы маркировать низкокачественные дешевые немецкие товары. Немцы свой рынок защитили от внешней конкуренции и за счет этого в считанные десятилетия – а сейчас это можно сделать быстрее, потому что прогресс ускоряется – стали производителями высочайших по уровню и качеству товаров.

Но здесь есть подводные камни.

Как только вы начинаете делать что-то своими руками, вы отнимаете прибыль у тех, кто поставляет продукцию на ваш рынок. Если Россия начнет массово производить приличные автобусы – наши друзья китайцы ощутят волшебную легкость в карманах. И здесь нужно государство, которое скажет им: «Да, извините, так вышло, но это наши производители, мы будем их защищать, а вам придется потерпеть».

А если мы вдруг начнем производить нормальные телефоны? Фирма «Сименс» потеряет прибыли, и «Алкатель», и многие другие. И политики, защищающие интересы тех, кто работает на их предприятиях, будут обижаться, рвать на себе рубашки и кричать про ущемления прав человека в России.

Но кто-то должен защищать российских производителей: именно для этого нужно российское государство. Даже самый коррумпированный и тупой чиновник годится на эту роль, если ему поставят такую задачу.

Но и здесь не все просто. Есть гипотеза, что достаточно защитить внутренний рынок, и рыночные отношения, спрос сами все сделают.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это мы знаем по гайдаровским реформам.

М. ДЕЛЯГИН: – Мне говорили в свое время директора по стратегическому развитию: «Спрос на автомобили «Волга» не зависит от цены и качества этого изделия. Он будет всегда». И где сейчас «Волга»? А эти люди продолжают успешные карьеры, они, если за

ними не присматривать, угробят еще много заводов.

Слепое упование на рынок, который якобы все сделает за нас с вами – это путь в могилу.

В условиях незащищенности собственности и тотального злоупотребления монопольным положением, ослабляющих рыночные стимулы, в условиях системы образования, которая готовит иногда экзотов вместо управленцев – в этих условиях мало просто создать условия для развития предприятия.

Мало защитить рынок – нужно еще и принудить защищенные предприятия к технологическому прогрессу.

Конечно, есть цивилизованная форма подобного принуждения – система стандартов. Однако у нас настолько упала культура управления, что на многих деятелей намерения государства вводить новые, принуждающие к прогрессу стандарты, не влияют. Они думают, что дадут взятку, или уговорят, или спровоцируют рабочих на пугающие государство волнении, – и не мытьем, так катаньем отложат введение новых стандартов. И они правы: мы видим, что в ряде случаев так и происходит.

Поэтому одного введения новых стандартов недостаточно: должен быть институт личной ответственности. Предприятие может получать государственную помощь, хотя бы в форме ограничения внешней конкуренции, только под личную ответственность директора, если это государственное предприятие, или под долю акций собственника, если оно частное.

Если директор госпредприятия не выполнит требований по переходу на новые стандарты – он будет уволен. Если с этим не справится частное предприятие – его собственник отдаст пакет акций, равный по стоимости полученной им, пусть даже в виде ограничения конкуренции, помощи.

Далее. Руководители и собственники компании, получающей государственную помощь, должны автоматически класть загранпаспорт на полку. И, чтобы съездить позагорать, полечиться или попить пива, директор или собственник может получить этот загранпаспорт лишь под личную ответственность того чиновника, который принимал решение об оказании государственной поддержки.

Да, принуждение к прогрессу не всегда будет цивилизованным. Но нужную задачу лучше решать неправильными методами, чем не решать вообще.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это два удара.

М. ДЕЛЯГИН: – Третье – антимонопольная политика. Если мы будем стимулировать спрос и заниматься модернизацией без ограничения коррупции, все деньги уйдут за границу.

Если мы ограничим коррупцию, но оставим нынешний произвол монополий – все уйдет в рост цен. Мы видели это на примере нацпроекта «Доступное жилье»: ипотека стимулировала спрос на жилье, и из-за произвола монополий это привело к безумному удорожанию жилья, которое стало окончательно недоступным.

Надо ограничить произвол монополий.

Как только вы это говорите, вам в ответ раздается дикий вопль: это невозможно, это нерыночно! Но рынок – не религия, а всего лишь инструмент достижения общего благосостояния.

Кроме того, этот инструмент не существует без регулирования, как без него не существует дорожное движение. Поэтому в любом рынке есть антимонопольное регулирование: именно этим рынок отличается от базара.

Рыночное антимонопольное регулирование основано на контроле за структурой цены предприятий, которые подозреваются в злоупотреблении монопольным положением. Государство просто нижайше просит объяснить, откуда взялась такая цена, и какая у уважаемого бизнесмена норма прибыли. И если у торговца луком норма рентабельности составляет 300 %, у него должны возникнуть конкретные проблемы в рамках законодательства.

Я привык ругать наши антимонопольные органы, но даже в нашей сегодняшней системе кое-где пробиваются и даже работают ростки здравого смысла: было бы желание. И

даже бензин порой дешевеет. Таким образом, третий удар – это ограничение произвола монополий.

Дальше идет очень важная вещь: предоставление свободы.

Мы говорили уже, что кризис продолжается, как бы ни кликушествовала официальная пропаганда.

А как смягчались последствия кризиса в 1992-м году?

Да, тогда все было очень неправильно, но людям дали свободу заниматься бизнесом. Так дайте эту свободу сегодня!

Если я малый бизнесмен, у меня до 10 человек занятых, а в сельском хозяйстве – до 50 человек, и я не занимаюсь крупнооптовой торговлей, не занимаюсь финансовыми операциями, консультированием, внешней торговлей и другими потенциально спекулятивными видами деятельности, в этом случае я должен на 5 лет полностью освобождаться от всех налогов. И мои отношения с налоговой инспекцией должны свестись к заказному письму о том, что я сообщил ей о своем существовании, после чего она на пять лет теряет право про меня даже думать.

Это свобода малого бизнеса.

Да, останутся пожарные, милиционеры, санэпидемнадзор, многие другие. Но, в конце концов, свобода, пусть даже и бизнеса – не повод, чтобы травить людей всякой дрянью. Так что санэпидемнадзор пусть остается: будет превышать полномочия – попадет в жернова борьбы с коррупцией.

Поэтому в целом все будет относительно нормально.

Е. ЧЕРНЫХ: – Одного посадят, второй испугается.

М. ДЕЛЯГИН: – Нет, не так, ничуть не бывало! Одного посадят, а пятьдесят испугается.

Люди ведь у нас все нормальные. Это большая глупость думать, что россияне – это какие-то звери, выведенные из пробирки. Вспомните, какое озверение было после гражданской войны – и как быстро его ввели в норму.

Так что – свободу малому бизнесу! Это четвертый удар.

Пятый удар связан с тем, что у нас в стране огромное количество брошенных земель сельхозназначения. Львиную долю продукции возят из Китая и даже из Европы, экспорт из которой де-факто субсидируется. Из Израиля картошку возят, можете представить? Есть даже поговорка, что дешевый магазин в Москве – это тот, где картошка не французская, а египетская.

Так вот: будет разумный протекционизм, будет свобода малого бизнеса – будет возможность развивать сельхозпроизводство. По птицеводству успехи уже налицо, даже в нашей нынешней системе, при всех ее недостатках.

У нас есть заливные луга, которые поросли пятнадцатилетними березками – в Московской области. Никакое государство с этим не справится, а человек справится, если вы ему этот заливной лужок отдадите.

Надо сделать так, как в США после гражданской войны 1861–1865 годов, не только для расширения, но и для снятия социальной напряженности. Только у нас не Дикий Запад, а Дикая Россия: брошенная земля сельхозназначения.

Так вот, надо ввести правило: если я пришел и начал обрабатывать брошенную землю, меня никто не смеет тронуть пальцем.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но обрабатывать, а не дачу строить.

М. ДЕЛЯГИН: – Если я построил на ней особняк и начал закатывать фейерверки – что ж, будет одним детским садом больше. Многие люди уже ездят на Рублевку не абы как, а любоваться будущими детскими садами. И это правильно.

Так вот: засеял человек пустующую землю – она становится его на правах долгосрочной аренды, по факту. А если он ее 10 лет подряд возделывал – она переходит в его собственность. Ну, а если хоть один из этих десяти лет на земле не поработал – извиняйте: земля возвращается в общий фонд. Конечно, будут драки на меже, будут всякие

злоупотребления – это жизнь.

Но еда будет российского производства, а не израильского. А Израиль пусть занимается высокими технологиями и производством кошерной водки.

Так что свобода сельхоздеятельности в дополнение к свободе малого бизнеса – это пятый удар. А дальше можно наращивать спрос.

Шестой удар – гарантирование прожиточного минимума. Ведь человек имеет право на жизнь, а экономическое выражение этого права – гарантирование прожиточного минимума. Не икры, а минимума.

Даже если человек плохой и неумный – он человек, и имеет минимальные права. Значит, он должен иметь прожиточный минимум – вынь и положь.

Цена вопроса? Сейчас у нас прожиточный минимум сильно занижен. Официально для его гарантирования не хватает примерно 380 млрд рублей в год, реально – примерно 500 млрд рублей в год. Деньги для этого есть, социальная система распределения для этого тоже есть.

Бедные люди, получив дотации до обеспечения прожиточного минимума, начнут покупать товары. Товары в условиях ограниченного протекционизма будут российскими – вот вам и оживление экономики, которое значительную часть денег вернет в бюджет.

Все заработает, закрутится, люди станут меньше пить и больше работать.

К этому нужно добавить, что у нас сейчас, насколько можно понять, реализуется абсолютно безумная политика поддержки регионов, которая под прикрытием красивых формул базируется на принципе «пол – палец – потолок».

Гарантирование прожиточного минимума – естественная основа межбюджетной политики: регион получает столько денег, чтобы все в нем имели этот минимум. Если в результате регион будет получать более половины своих расходов в виде дотаций федерального бюджета – у него не должно быть своего финансового управления. С какой стати они должны управлять чужими деньгами? И у них не должен ни при каких обстоятельствах избираться губернатор: должно быть прямое назначение, как сейчас.

Далее: семья должна тратить на ЖКХ до 10 % своих доходов, остальное должен дотировать бюджет. Не хватает денег в городе – регион, не хватает денег в регионе – пусть федеральный бюджет помогает. Это значит, что Минфин будет вынужден для экономии денег обуздывать коммунальных монополистов. И всем от этого будет лучше, включая самих коммунальных монополистов, которые станут честными.

А ведь честным быть лучше.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это шестой удар.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, гарантирование прожиточного минимума – это шестой удар. И седьмой удар – это собственно модернизация. У нас инфраструктура в основном 60-х годов, ей полвека скоро.

И в то же время есть до сих пор прорывные технологии еще советского ВПК, которые позволяют в разы снизить издержки. Но даже если мы технологии 60-х годов в инфраструктуре заменим технологиями 2000-х или хотя бы 90-х, мы получим такую экономию, что все работники смогут, как в «Ширли-Мырли», половину рабочего времени отдыхать на Канарах.

Чем хороша инфраструктура? Это огромные издержки и затраты, и потому бизнесу она, за исключением мобильной связи, непосильна. А значит – государство может заниматься этим абсолютно с чистой совестью. Оно не вступит в недобросовестную конкуренцию с частным бизнесом. Железные дороги, электроэнергетика, коммунальное хозяйство, включая водопровод, канализацию и остальное, автомобильные дороги, аэропортовое хозяйство, порты, кроме экспортных, почтовая связь…

Е. ЧЕРНЫХ: – Нефть и газ?

М. ДЕЛЯГИН: – Магистральные трубопроводы, верно!

Модернизация всего этого даст такой объем внутреннего спроса, причем на инновации, на современные технологии или хотя бы технологии этого века, а не прошлого тысячелетия,

что объем этого спроса перевернет всю экономику, поставит с головы на ноги всю деловую культуру нашего общества – разумеется, в условиях ограничения коррупции и произвола монополий.

И мы получим через пять лет нормальную страну со значительно большими демократическими свободами, чем у нас сейчас или чем в той же Белоруссии, и с тем же минимальным уровнем коррупции, и с тем же высоким качеством государственного управления, которые мы там наблюдаем.

Это можно сделать сегодня, и для этого не нужно иметь честных милиционеров, гениального министра экономики, выдающихся преподавателей вузов и высококвалифицированных экспертов в области ядерной физики.

Для этого достаточно иметь одно – желание.

Я верю, что уже скоро это желание появится везде – просто потому, что всем, начиная с президента (не этого, так какого-нибудь иного), хочется соответствовать занимаемой должности.

15.03.2010

Изборский клуб

Изборский клуб экспертов – создан в сентябре 2012 года в городе Изборск Псковской области. Инициаторами клуба выступили известные политики, мыслители и общественные деятели государственно-патриотической направленности Председателем клуба был избран А. А. Проханов, а исполнительными секретарями – В. В. Аверьянов и А. А. Нагорный.

Идеологическое направление Изборского клуба можно обозначить как социальный консерватизм, синтез в единую идейную платформу различных взглядов русских государственников (от социалистов и советских патриотов до монархистов и православных консерваторов). Изборский клуб нередко рассматривается как альтернатива многочисленным клубам и площадкам либеральной направленности, долгое время претендовавшим на выражение и интеллектуальное обслуживание официальной политики РФ. В то же время необходимо видеть, что Изборский клуб отражает не новоявленный, а зрелый и давно сложившийся политико-идеологический полюс, который долгое время не удавалось институционализировать в силу различных субъективных факторов и целенаправленного регулирования экспертного поля со стороны властей, курирующих внутреннюю политику. О зрелости и укорененности в российской почве данного направления свидетельствуют дела, труды и биографии основных участников Изборского клуба.

www.dynacon.ru
club@izborsk-club.ru
redaction@izborsk-club.ru